АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А.П. КОРЕЛИН

ДВОРЯНСТВО В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

1861–1904 гг.

Состав, численность, корпоративная организация

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА, 1979

Монография посвящена истории российского дворянства в пореформенное сорокалетие. На основе обширного круга нормативного, статистического и разнообразного архивного материала исследуются состав, численность высшего сословия, его корпоративная организация; воссоздается социально-политический облик сословия, его политический статус; прослеживаются роль и место дворянства в системе российского абсолютизма.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

К. Ф. ШАЦИЛЛО

Авенир Павлович Корелин

Дворянство в пореформенной России. 1861 — 1904

Утверждено к печати
Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. В. Рубцова*. Художник *Л. А. Грибов*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*. Технический редактор *З. Б. Павлюк*
Корректоры *Г. Н. Джиоева, К. П. Лосева*

ИБ № 15223

Сдано в набор 26.06.79. Подписано к печати 21.09.79. Т-17803. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 20,7. Тираж 3650 экз. Тип. зак. 2052. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

К $\frac{10604-317}{042(02)-79}$ 26—79. 0505020000

© Издательство «Наука», 1979 г.

ВВЕДЕНИЕ

История российского дворянства в пореформенное сорокалетие, в период, лежавший, по определению В. И. Ленина, между двумя поворотными пунктами истории страны [1], представляет особый интерес. Комплексное изучение этой темы дает ключ к решению целого ряда проблем социально-экономической и политической истории пореформенной России, в том числе такой важной, как проблема предпосылок буржуазно-демократической и социалистической революций. Значимость ее обусловливается тем обстоятельством, что дворянство — правящий класс феодального общества — удержалось у власти и в новую, капиталистическую эпоху. Оказавшись к середине XIX в. перед выбором — либо приспособиться к неумолимо развивавшимся капиталистическим отношениям, либо утратить свои господствующие позиции — оно вынуждено было пойти на необходимые буржуазные преобразования, делая, однако, при этом все возможное, чтобы направить эволюцию страны в выгодное для себя русло. Все это не могло не наложить неизгладимого отпечатка как на само сословие, так и на весь ход социально-экономического и политического развития России в этот переходный период. С одной стороны, бурное развитие проимышленности, торговли, путей сообщения, более медленная, но все же очевидная капиталистическая перестройка сельского хозяйства и как следствие «размывание» феодальных сословий и формирование классов буржуазного общества. «И после 61-го года,— отмечал В. И. Ленин,— развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века» [2]. Уже к концу XIX в. российский капитализм вступил в свою высшую стадию — империализм.

С другой стороны, сохранение власти в руках старого господствующего класса обусловило длительное существование в экономике, социальной и политической структуре общества массы полукрепостнических пережитков, тормозивших развитие капитализма, придававших ему зачастую уродливые формы. «В течение

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 38.
[2] Там же, с. 174.

этого периода,— писал В. И. Ленин, характеризуя эту другую сторону эпохи 1861—1904 гг.,— следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны» [3]. Нараставшие противоречия между капитализмом, достигшим в отдельных отраслях своих высших форм, и сковывавшими его развитие пережитками, усугубленные конфликтами, свойственными уже империалистической эпохе, вылились в грандиозные классовые битвы первой русской революции.

Из широкого круга проблем, составлявших в пореформенные годы так называемый дворянский вопрос, в работе исследуются состав, численность высшего российского сословия, его корпоративная организация. Через призму этих аспектов истории дворянства освещаются эволюция его социально-экономического и политического статуса, разложение сословия на классы капиталистического общества, его роль и место в системе российского абсолютизма, взаимоотношения царизма и господствующего класса. Без решения этих вопросов невозможно ни дать сколько-нибудь полную характеристику старого господствующего класса, ни выяснить предел его приспособляемости к новым условиям и соответственно его роль в развивающемся капиталистическом обществе, ни объяснить структуру власти, природу и эволюцию самого российского абсолютизма, необходимость чего так остро была осознана в ходе сравнительно недавней дискуссии по этой проблеме [4]. В связи с необходимостью ограничения темы и в связи с тем, что ряд проблем в той или иной степени уже нашел отражение в историографии, за пределами исследования остаются вопросы помещичьего землевладения и хозяйства, участия дворянства в земстве и общественно-политическом движении, которые рассматриваются в работе в самой общей форме, а также прибалтийское, финское и польское дворянство — в силу их особого положения, требующего специального изучения.

*

В дореволюционной историографии история высшего сословия более или менее полно освещена лишь до 1861 г. Пореформенный же период отражен отрывочно и крайне тенденциозно. Дворянский вопрос в эти годы был предметом самой ожесточенной полемики между различными общественно-политическими лагерями и течениями, предметом дискуссий, породивших обширную литературу [5]. В своей подавляющей части — это публицистические работы, скорее являющиеся источником по теме. Лишь незначительное число их носит исследовательский характер. Анализ дворянской и буржуазной историографии по данному вопросу показывает, что все направления ее исходили из общих поло-

жений официальной государственной школы о надклассовости российского самодержавия, создании им сословий и закрепощении их в целях отбывания государственной повинности. В соответствии с этим и высшее сословие, на которое была возложена государственная служебная повинность, в отличие от дворянства западных стран было якобы не феодального, а искусственного, чисто служебного происхождения. Согласно такой трактовке природы сословия в дореформенную эпоху дворянство почти полностью сливалось с бюрократией. Этим объяснялась и недостаточная активность дворянского корпоративного самоуправления, которое было подчинено главному назначению сословия. Авторы всех направлений были единодушны и в том, что преобразования 60-х годов самым серьезным образом повлияли на положение дворянства, пошатнув его экономические и политические позиции. Последние якобы были подорваны бюрократией, все более приобретавшей бессословный характер и становившейся «вредным средостением» между монархом и «народом», который и представляло дворянство. Суть же всех споров сводилась фактически к двум вопросам — о роли и месте высшего сословия в политической и экономической жизни пореформенной России и его будущем.

Реакционная дворянская историография, представленная в основном статьями и брошюрами публицистического характера[6], преследовала цель доказать ошибочность проведенных реформ и необходимость принятия мер по поддержанию дворянства как главной опоры самодержавия вплоть до возрождения его на основе укрепления поместного землевладения и возложения на него обязательной государственной службы. Следует отметить, что, несмотря на апологетический характер и явную тенденциозность, некоторые из работ этого направления содержат ценные наблюдения и факты о структуре сословия, об усилившейся неоднородности его состава, о деятельности дворянских собраний и т. д.

Концепция дворянской либеральной историографии строилась на признании неизбежности и необратимости процессов, вызванных буржуазными преобразованиями и приведших к постепенной утрате дворянством своих позиций. На характеристике работ это-

---

[3] Там же, с. 38.

[4] История СССР, 1968, № 2, 4, 5; 1969, № 1, 3, 6; 1970, № 1, 4; 1971, № 1, 2, 3, 4; Вопросы истории, 1968, № 5; 1971, № 7.

[5] *Савелов Л. М.* Библиографический указатель по истории, генеалогии и родословию российского дворянства. М., 1904.

[6] *Кашкаров И. Д.* Дворянское дело. СПб., 1888; *Елишев А. И.* Дворянское дело. М., 1898; Современные дворянские вопросы. СПб., 1897; *Пазухин А. Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886; *Семенов Н. П.* Наше дворянство. СПб., 1899; *Фадеев Р. А.* Чем нам быть. Русское общество в настоящем и будущем. М., 1874; и др.

го направления следует, видимо, остановиться несколько детальнее, так как ряд их положений перешли в дореволюционную, а затем и современную буржуазную историографию.

Первой работой такого рода, получившей широкую известность, были очерки С. Н. Терпигорева «Оскудение», печатавшиеся с 1880 г. в «Отечественных записках». Автор, выходец из среды поместного дворянства, не только дал фотографически точные зарисовки помещичьего быта первых пореформенных десятилетий, но и высказал суждения об исторической обусловленности дворянского оскудения и судьбе сословия. Главной причиной разорения помещиков, их неприспособленности к новым условиям он считал господский паразитизм, воспитанный многовековым крепостничеством. Отмечая сохранение за дворянством определенных прав и привилегий и в новое время, Терпигорев все же пессимистически смотрел на его будущее, отрицая целесообразность искусственных мер по его поддержке. В качестве выхода он предлагал меры сугубо идеалистического порядка — нравственное, культурное и деловое самоусовершенствование. Впрочем, сам он не был убежден в их действенности. Силу в деревне, по его наблюдениям, набирали землевладельцы из помещиков предпринимательского типа и сельской буржуазии. Понимая, что будущее за ними, Терпигорев тем не менее не питал к ним расположения. «Это как черви на трупе,— образно объяснял он свое отношение к новым явлениям.— Черви олицетворяют новую жизнь, но все равно они неприятны» [7]. Это заявление — типичный образец психологии дворянского либерализма.

К очеркам Терпигорева и по основным выводам, и по авторской концепции близка весьма солидная статья о дворянстве, публиковавшаяся в ряде книг «Вестника Европы» за 1887 г.[8] Написанная в связи с широко обсуждавшимся в то время вопросом о реорганизации местного управления и усиления в нем дворянского представительства, статья посвящена выяснению возможностей сословия в этом плане. Автор, пожелавший остаться неизвестным, не скрывал своего сочувствия к поместному дворянству «как силы наиболее культурной по умственным и нравственным качествам...». Более того, он считал, что сохранение за помещиками их прав и их роли в местном управлении особенно «могло бы обеспечить существование в России аграрно-консервативного слоя, служащего краеугольным камнем государственного и общественного строя». Но по плечу ли сословию такая задача? Проанализировав на основе данных земельной переписи 1877 г. состояние дворянского землевладения, вопросы состава, численности и размещения поместного дворянства, автор пришел к выводу, что оно не может удержать за собой прежнее значение [9]. Главная причина этого — дробление имений, усиливающийся абсентеизм помещиков, вызывавшийся и потерей земли,

и занятиями другими профессиями, и снижением уровня комфорта деревенской жизни. Дворянству ничем помочь нельзя. Оно должно отказаться от своих привилегий, которые все равно рушатся под напором жизни, и слиться с новыми землевладельцами. Роль его должна состоять лишь в том, чтобы оказывать «нравственное воздействие на жизнь, на придание новым социальным явлениям более этического характера»[10]. Сделать это тем более легко, что сословная организация в России вообще слаба. «У нас имеются сословные рамки, но нет сословного духа»,— утверждал автор[11].

Этот тезис, ставший общим местом дворянско-либеральных и народнических взглядов на общественный строй России, был затем подхвачен уже в своих целях буржуазной историографией. В частности, он стал весьма распространенным в курсах юристов-государствоведов. Так, Н. М. Коркунов считал, что сословия в России — следствие попыток правительства «привить к русской жизни начала западно-европейские, чуждые русской истории», что преобразования 60—70-х годов «окончательно лишили сословный строй его последней опоры». Это положение, преувеличивавшее последствия реформы в преобразовании общественного строя России, было распространено и на дворянство, которое, по мнению авторов, совершенно утратило прежнее значение[12].

Эта точка зрения обосновывалась и известным буржуазно-либеральным историком П. Н. Милюковым, утверждавшим, что в силу искусственности происхождения российское дворянство всегда было слабо и что в нем отсутствовала корпоративная сплоченность. «При отсутствии этого корпоративного духа,— писал он,— никогда и нигде привилегии дворянского сословия не возникали так быстро, не существовали так недолго и не разрушались так полно, как у нас»[13]. По его мнению, в силу тех же причин и само крепостное право в России оказалось хрупким, недолговечным, как и привилегии дворян-помещиков.

Не избежал этой ошибки и Н. А. Рубакин, посвятивший ана-

---

[7] *Терпигорев С. Н.* Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881, с. 2—4, 71.

[8] *Ш.* Дворянство в России. Исторический и общественный очерк.— Вестник Европы, 1887, кн. 3—6.

[9] Там же, кн. 3, с. 244—245, 264.

[10] Там же, с. 283.

[11] Там же, кн. 6, с. 477.

[12] *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. 4-е изд. СПб., 1901, т. 1, с. 260—261, 276—286; см. также: *Алексеев А. С.* Русское государственное право. 4-е изд. М., 1897, с. 534—544; и др.

[13] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 6-е изд. СПб., 1909, ч. 1, с. 238.

лизу положения высшего сословия ряд трудов [14]. Написанные живо и ярко, в острой полемике с официальным взглядом на место и роль дворянства, они и сейчас читаются с большим интересом. Однако исходный тезис, определивший направление исследований, и трактовка ряда цифровых данных вызывают возражения. По мнению автора, придерживавшегося либерально-народнических взглядов по этому вопросу, дворянство — не один из элементов, органически присущих феодальной структуре, а результат искусственного насаждения государством западных начал, «чуждых русской истории», «не свойственных такому демократическому народу, как русский» [15]. Это заключение послужило обоснованием его главного вывода о якобы изначальной слабости, беспочвенности российского дворянства.

Особо следует выделить четырехтомный труд по истории земства Б. Б. Веселовского, который и до настоящего времени не утратил своего значения по исключительному богатству использованного в нем фактического материала [16]. Для данной темы эта работа важна в том отношении, что в ней исследуется еще одна организация, помимо дворянских обществ, в деятельности которой нашли отражение важнейшие социально-экономические процессы, непосредственно касавшиеся высшего сословия. Концепция автора, примыкавшего в 1905 г. к социал-демократам, отличается от буржуазно-либеральной трактовки земства как учреждения, якобы «народного» по своему характеру. Веселовский убедительно доказал преобладающее влияние в нем помещиков и их классовых интересов, что наложило отпечаток на всю земскую деятельность. Автор показал, что, несмотря на засилье в ряде земств реакционного дворянства, в значительной их части все же доминировали помещики, интересы которых все более оказывались тесно связанными с буржуазным развитием. Несмотря на то, что на авторской концепции все же сказалось влияние либеральной идеи об особой прогрессивности земства, с которым либералы связывали свои надежды на культурное, хозяйственное и политическое переустройство общества, работа Веселовского дает богатый материал, свидетельствующий о буржуазной эволюции помещичьих интересов.

В целом и дворянская и буржуазная историография, отмечая изменения в положении дворянства после 1861 г., склонна была к преувеличению последствий буржуазных преобразований в отношении социально-экономических и особенно политических позиций высшего сословия. Если дворянская реакция рассчитывала таким путем обратить внимание правительства на «нужды» сословия и на необходимость сохранения его в качестве надежной опоры самодержавия, то для либералов это было естественным следствием их представлений о возможности мирным, эволюционным путем добиться приспособления существовавшего режима к

новым условиям, заключив союз со старым господствующим классом.

С беспощадной критикой крепостников и либералов выступали революционные демократы, разоблачавшие и подлинную суть крестьянской реформы, рассчитанной на удовлетворение прежде всего помещичьих интересов, и предательскую роль либералов, их боязнь революции, бесхарактерность и соглашательство, их стремление «отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее»[17]. Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев называли освобождение крестьян обманом, вскрывали дворянский характер царской монархии, всех государственных учреждений, особенно ведавших крестьянскими делами. Так, Огарев, анализируя в ряде статей состояние России после 1861 г., отмечал, что вскоре после некоторого оппозиционного возбуждения, вызванного «полуустранением» крепостного права, дворянство в массе своей поняло, что для него «лучше во что бы то ни стало поддерживать самодержавие», что лучше поступиться своим стремлением к представительному правлению, лучше даже «быть рабом кого-нибудь, лишь бы оставаться барином над множеством». Он отмечал, что правительство сделало для дворянства все, что могло, и это вполне понятно, так как все высшее чиновничество принадлежит к дворянству[18]. Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин в своих произведениях вскрывали паразитизм помещичьего класса, стремление вчерашних крепостников закабалить крестьян и в новых условиях, указывали на медленное изживание крепостнической психологии. «Хотя крепостное право, в своих прежних, осязательных формах, не существует с 19 февраля 1861 г.,— писал Салтыков-Щедрин,— тем не менее оно до сих пор остается единственным живым местом в нашем организме. Оно живет в нашем темпераменте, в нашем образе мыслей, в наших обычаях, в наших поступках»[19]. И В. И. Ленин, отмечая лучшие традиции революционно-демократической публицистики, указывал на ее важную роль в разоблачении мифов официальной и дворянской историографии об особых, патриархальных отношениях между барином и мужиком, якобы характерных для пореформенной деревни. «Еще Некрасов и Салты-

---

[14] *Рубакин Н. А.* Правящая бюрократия в цифрах.— Сын отечества, 1905, 30 апр.; *Он же.* Российское дворянство в цифрах.— Трудовой путь, 1907, № 11, 12; *Он же.* Россия в цифрах. СПб., 1912.

[15] *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах, с. 52, 58.

[16] *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет: В 4-х т. СПб., 1909—1911.

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 113.

[18] *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, т. 1, с. 659, 680, 681.

[19] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1933—1941, т. 7, с. 150.

ков,— писал он,— учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованного крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов...» [20]

*

Марксистский этап в изучении истории пореформенного российского дворянства связан с появлением ленинских трудов. В конце XIX — начале XX в. дворянский вопрос приобрел еще бо́льшую политическую значимость и остроту в связи с тем, что отдельные его аспекты — аграрный, политический — получили то или иное отражение в программах партий и организаций [21]. Именно в этой связи большое внимание ему уделял В. И. Ленин, работы которого в этой области не только имеют непреходящее методологическое значение, но и являют образец первоклассных марксистских исследований. В. И. Лениным дана общая социально-экономическая и политическая характеристика эпохи 1861—1904 гг. в России, состояния и основного направления экономического развития страны, характеристика самодержавия, основных политических институтов и взаимосвязи их с господствующими классами.

Разоблачая домыслы либералов о слабости российского дворянства, В. И. Ленин писал, что «с точки зрения социал-демократа, смешно даже брать всерьез эти народнические фразы, в которых нет ни слова правды». И он указывал, что «политические привилегии дворянства в России общеизвестны», что «его материальное значение „подрывается“ лишь буржуазией, с которой дворянство сливается, причем весь этот подрыв нисколько не мешает тому, что в руках дворянства сосредоточены гигантские средства, позволяющие грабить десятки миллионов трудящихся» [22]. Цель заявлений о его слабости объяснялась стремлением либералов представить ничтожными отступления от демократизма в пользу привилегий господствующего класса. А о том, что дворянство и после 1861 г. в значительной мере сохранило свои прежние позиции, В. И. Ленин писал неоднократно.

Основой экономического и политического могущества высшего сословия и в пореформенный период оставалось землевладение, хотя дворянство все шире приобщалось и к новым источникам доходов. Отличительной чертой его было засилье помещичьих латифундий, являвшихся в большинстве своем, несмотря на несомненную капиталистическую эволюцию, средоточием пережиточных форм эксплуатации — отработок и кабалы. В этом отношении развитие дворянских хозяйств олицетворяло собой прусский путь аграрного капитализма. Основным содержанием их эволюции являлось медленное «перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях фео-

далов — помещиков — юнкеров» [23]. Весь аграрный строй страны становился капиталистическим, надолго, однако, сохраняя черты крепостничества. Крестьянство в этом случае осуждено на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы.

Вместе с тем, указывал В. И. Ленин, возможен и иной, так называемый американский путь, когда во главе развития, значительно ускоряющего в этом случае свои темпы, становится крестьянское хозяйство. В России налицо были оба типа эволюции, наметившиеся еще в эпоху падения крепостного права. За эти пути развития — реформистский и революционный — шла борьба классовых и общественно-политических сил. Соотношение их в этой борьбе было таково, что итогом явилось преобладание в аграрном развитии России прусского пути, поддержанного всей мощью самодержавно-помещичьего лагеря. Однако в силу целого ряда обстоятельств ход процесса был таков, что ни один из этих путей не победил окончательно [24].

Отмечая капиталистическую эволюцию старого господствующего класса-сословия, его обуржуазивание и слияние с классами нового общества, В. И. Ленин в то же время указывал на неравномерность и незавершенность этого процесса, на его крайне медленные темпы. Уже после революции 1905—1907 гг., разоблачая утверждения П. Н. Милюкова о якобы беспочвенности крепостного права в России, он писал: «Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире»». Лидер кадетов, указывал В. И. Ленин, «искажает историю, свидетельствующую о полувековой «живучести» крепостнических привилегий, всевластия и всемогущества» помещиков после 1861 г.[25]

Воюя с ликвидаторами, тщившимися доказать, что задачи буржуазно-демократической революции в России решены и с этой целью писавшими о перерождении большинства крупных землевладельцев в буржуазию, о политическом бессилии кучки крепостников, В. И. Ленин писал, что высказывавший эти взгляды Н. Рожков «до смешного преувеличил «перерождение» крепостнического хозяйства в буржуазное», и что фактически помещичья «кучка» не бессильна, а всесильна. «Именно ее власть и ее доходы

---

[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 43.

[21] Историографию помещичьего землевладения и хозяйства см.: *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969, с. 5—14.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 199—200.

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 216.

[24] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 151; т. 47, с. 231.

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 16—17.

обеспечиваются современными общественными и политическими учреждениями России,—отмечал В. И. Ленин,— именно ее воля решает в последнем счете, именно она составляет элемент, определяющий все направление деятельности и весь характер так называемой бюрократии снизу доверху» [26]. В вопросе о соответствии базиса и надстройки, согласно ленинскому учению, важно иметь в виду сложность и скачкообразность развития последней, ее определенное отставание от процесса перерождения хозяйства.

Влияние крупного помещичьего землевладения пронизывало весь социальный и политический строй пореформенной России. Как указывал В. И. Ленин, «крепостнические латифундии и господство кабалы в земледелии означают и соответственную политическую надстройку, господство черносотенного помещика в государстве, бесправие населения...» [27]. Высшим политическим органом господствующего класса, обеспечивавшим сохранение в руках помещиков их власти и их доходов и в пореформенную эпоху, было российское самодержавие. В трудах В. И. Ленина неотразимо разоблачались попытки официальной идеологии представить абсолютизм в качестве какой-то надклассовой силы. Но вместе с тем в них неоднократно указывалось и на то, что самодержавие до известной степени сохраняло и относительную политическую самостоятельность. «Самодержавие,— писал В. И. Ленин,— удовлетворяет *известные* интересы господствующих классов, держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу» [28].

Это положение, имевшее особенно важное значение в связи с борьбой против бытовавшего тогда среди части социал-демократов отождествления самодержавия с господством буржуазии, В. И. Ленин распространял и на взаимоотношения царизма с господствующим классом помещиков. Так, отмечая ошибку отзовистов и ликвидаторов и некоторых подпавших под их влияние авторов, сводивших всю проблему непосредственно к «чистому господству верхних классов», он указывал, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии"...» [29]. Такое положение обусловливалось как неоднородностью самого господствующего класса, наличием в нем слоев и групп с различными, иногда противоположными интересами, так и особенностями самого государственного строя, объясняемыми военной историей России и т. д., которые, как отмечал В. И. Ленин, способны «иногда вызывать недовольство и помещичьего класса» [30].

Ленинские положения — и общие, приведенные выше, и по конкретным вопросам, использованные в соответствующих главах,— явились основополагающими при работе над монографией.

*

В советской историографии пока нет обобщающих трудов по истории дворянства в рассматриваемый период. Внимание исследователей, так или иначе касавшихся этой темы, привлекала главным образом аграрная проблематика. В последние годы вышел ряд работ, как освещающих общие тенденции и характер развития аграрных отношений в пореформенной деревне, складывание всероссийского аграрного рынка, так и посвященных непосредственно изучению дворянского землевладения и крупного помещичьего хозяйства [31]. Появление их знаменательно в том отношении, что, во-первых, бóльшая часть их носит обобщающий характер, во-вторых, они являются как бы ответом, а в какой-то мере и продолжением известной дискуссии 1960 г. о характере аграрного строя России конца XIX — начала XX в.[32] Рассмотрены структура, размещение дворянского землевладения, удельный вес его в системе частного и общегосударственного земельного фонда, выявлено его тормозящее влияние как на складывание капиталистического аграрного рынка, так и вообще на развитие товарно-капиталистических закономерностей, определявших ход и характер аграрной эволюции страны. Сделан также определенный шаг вперед в изучении землепользования, систем ведения крупных помещичьих хозяйств, их материально-производственной базы, деятельности помещиков в сфере промышленности, торговли, их связи с кредитно-финансовой системой — главным образом на материалах конца XIX — начала XX в.

Будучи единодушными в том, что аграрный капитализм в России не достиг своих высших форм, что основным препятствием на пути его развития было дворянское землевладение и что помещичьи латифундии при бесспорной капиталистической эво-

---

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 401.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 227.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 363.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 31—32.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 139.
[31] *Анфимов А. М.* Указ. соч.; *Дружинин Н. М.* Помещичье хозяйство после реформы 1861 г.— Исторические записки, т. 89; *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. М., 1974; *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. М., 1972; *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971; *Проскурякова Н. А.* Размещение и структура дворянского землевладения в Европейской России в конце XIX — начале XX в.— История СССР, 1971, №1; и др.
[32] Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

люции были одновременно средоточием полукрепостнических форм эксплуатации и рутинных форм земледелия, исследователи расходятся в оценке степени распространенности капиталистических отношений в помещичьих хозяйствах. Эти разногласия проистекают в основном из различного понимания сущности переходной, так называемой отработочной системы, когда помещичьи земли обрабатывались крестьянами за плату (землей, натурой или деньгами), но своим инвентарем. Так, если А. М. Анфимов, Л. П. Минарик считают природу отработок, являвшихся действительно прямым пережитком барщины, докапиталистической, то И. Д. Ковальченко, П. Г. Рындзюнский видят в ней, как и во всех других пережиточных формах эксплуатации, низшую, неразвитую форму капитализма, своеобразную модификацию капиталистических отношений, наполнявших новым содержанием старую феодальную оболочку [33]. Последняя точка зрения представляется, может быть, более логичной, но в целом проблема нуждается в дальнейшей разработке как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане. Тем не менее, имеющиеся работы советских аграрников позволяют дать общую характеристику помещичьего класса и его эволюцию, показать экономическую основу его политического господства, предпосылки его социально-политической дифференциации.

Другую группу работ, также в определенной мере касающихся данной темы, составляют исследования по истории внутренней политики самодержавия [34]. Продворянская направленность этой политики в крестьянском вопросе, в организации местного управления и земского самоуправления, всемерная поддержка правительством дворянского предпринимательства, прослеженные в ряде книг и статей, свидетельствуют о настойчивых попытках царизма укрепить экономические и политические позиции высшего сословия.

Особый интерес в этом плане представляет монография Ю. Б. Соловьева, специально посвященная политике самодержавия по отношению к дворянству 80—90-х годов XIX в. Политика эта рассматривается на фоне общего кризиса российского абсолютизма как одно из наиболее значительных его проявлений. Исследуя внутреннее состояние правящего лагеря, автор дает характеристику верховной власти, бюрократии, всего господствующего класса, их взаимоотношений, в значительной мере обогащая наши представления по этим вопросам. Одним из свидетельств нараставшего кризиса царского режима были, в частности, обострявшиеся разногласия в среде самого господствующего класса и правящих верхов по вопросу о мерах помощи сословию и его будущем. Дворянство как таковое не исследуется в монографии, но протекавшие внутри него процессы явственно обнаруживаются и в ходатайствах дворянских собраний, и в реакции на

них правящих верхов. Приводя материал, характеризующий взгляды либералов, умеренных консерваторов и реакционеров, автор основное внимание уделяет последним. И это, казалось бы, естественно, так как именно их ходатайства являлись прежде всего предметом обсуждения правительственных органов. Однако при этом невольно получается некоторое преувеличение «представительности» требований реакционного дворянства, которые приобретают характер общедворянской платформы, тогда как таковой они были далеко не всегда. Это, в свою очередь, требует некоторых корректив в оценке направленности требований дворянских обществ и курса правительственной политики.

Анализируя характер взаимоотношений самодержавия и дворянства, автор справедливо отмечает, что всячески охраняя интересы своего класса, верховная власть в то же время и его держала на положении опекаемого, не давая ему возможности объединиться во всероссийском масштабе [35]. Однако одна констатация этого положения не объясняет всей сложности проблемы, ведет к некоторому преувеличению самостоятельности власти. Дело в том, что дворянство в своей массе вплоть до конца XIX в. и не проявляло особой настойчивости в этом плане, полагаясь на защиту своих интересов самодержавием. Когда же оно считало себя ущемленным, дворянские общества, как мы увидим, постоянно выходили за пределы формально отведенной им компетенции.

Проблема взаимоотношения самодержавия и дворянства затрагивалась и в ходе дискуссии о русском абсолютизме. Однако лишь А. Я. Аврех в постановке ее вышел за хронологические рамки феодализма. Характеризуя дворянство как источник и орудие воспроизводства абсолютизма, он указывает на роль его и как поставщика командных кадров для государственного аппарата, и как политической силы, оказывавшей огромное воздействие на политику правительства, и как идеолога самодержавия, а также на его роль в поддержании соответствующей социально-эконо-

---

[33] *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Указ. соч., с. 369; *Рындзюнский П. Г.* Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм.— В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972, с. 66.

[34] *Брусникин Е. М.* Крестьянский вопрос в России в период политической реакции.— Вопросы истории, 1970, № 2; *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1964; *Дружинин Н. М.* Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862—1882 гг.) — Вопросы истории, 1968, № 2; *Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958; *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; *Симонова М. С.* Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905—1907 гг.— Исторические записки, т. 75; *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; *Чернуха В. Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.). Л., 1972; и др.

[35] *Соловьев Ю. Б.* Указ. соч., с. 193.

мической среды, обусловливающей возможность сохранения самодержавного режима. Однако, считая главным компонентом этой среды патриархальное крестьянство, автор при определении роли последнего смещает акценты, приводящие к тому, что отсталость, темнота крестьянских масс, являвшиеся следствием неразвитости социально-экономических отношений в деревне и причиной царистских иллюзий, искусственно к тому же культивировавшихся властями, отступают на задний план, а крестьянство — по своей природе антагонист господствующих классов — выступает в качестве массовой опоры самодержавия. В отношениях же самодержавия и дворянства над классовой характеристикой первого преобладает мотив «самосохранения верховной власти и ее самостоятельности» [36].

Определенное представление о характере взаимоотношений самодержавия и дворянства, о требованиях различных групп и слоев последнего дают работы, посвященные проблеме дворянской оппозиционности [37]. Здесь внимание исследователей привлекало главным образом земско-либеральное движение и в меньшей степени — дворянская оппозиция справа. Распространенным недостатком работ этого плана является стремление части авторов, особенно занимающихся историей либерального движения первых пореформенных десятилетий, полностью разграничить программы либералов и крепостников, не замечая совпадения их важнейших пунктов, что в конечном счете ведет к преувеличению степени расслоения помещиков.

Характеристика отдельных важных черт социального портрета высшего сословия содержится в некоторых монографиях, посвященных изучению смежных или более общих проблем [38]. Наконец, в ряде обобщающих работ, посвященных анализу социально-политической структуры капиталистической России, предприняты попытки дать более всестороннюю характеристику старого господствующего класса [39]. Однако выполненные, как правило, в форме обзорных статей, они не дают сколько-нибудь полного представления об интересующей нас теме. Ограниченные объемом и кругом использованных источников, авторы, естественно, не могли ни осветить ряд важных аспектов темы, ни подтвердить некоторые свои общие выводы конкретным материалом.

В современной буржуазной историографии почти нет работ, специально посвященных рассматриваемой теме. В связи с этим можно было бы и не останавливаться на ней, если бы не попытки некоторых авторов использовать отдельные аспекты истории дворянства для того, чтобы представить в искаженном свете предреволюционное социально-экономическое и политическое развитие России, доказать беспочвенность, «нетипичность» трех русских революций. С этой целью часть историков пытается доказать, что развитие пореформенной России успешно шло по пути «мо-

дернизации» и «вестернизации», т. е. по западноевропейским образцам, и что лишь случайные факторы — несоответствие личности монарха и его окружения этим задачам, непонимание ими неизбежности перемен, спекуляция политических партий на трудностях развития и т. п.— привели к революционным взрывам. С этой целью они повторяют зады русской либеральной историографии о надклассовости царизма и бюрократии, об утрате дворянством экономических и политических позиций, о полном превращении помещика в буржуа, об особой культурнической миссии помещичьих имений и т. д. Так, американский историк Дж. Уолкин совсем в духе П. Н. Милюкова уверяет, что «наследственные сословные различия не могли найти прочных корней в русской общественной традиции». И, подгоняя ход событий, смещая акценты, он пишет, что Россия «неуклонно двигалась к гражданскому равенству и к фактическому полному угасанию дворянства». Более того, считая, что самодержавие и дворянство ничто не связывало, он видит в последнем как наиболее образованном слое общества «естественный источник руководства оппозиции». Прогресс, по его мнению, осуществляется только путем распространения культуры и просвещения, а в этом плане дворянство, особенно земское, сделало больше, чем это сделали большевики[40]. Другой

[36] *Аврех А. Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России.— История СССР, 1968, № 2, с. 99—101.

[37] *Львова Т. Н.* К вопросу о земстве и земском либерализме 60—70-х годов XIX в.— Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1970, № 370; *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. М., 1977; *Симонова М. С.* Земско-либеральная фронда (1902—1903 гг.).— Исторические записки, т. 91; *Сладкевич Н. Г.* Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1961 гг. М., 1962; *Шацилло К. Ф.* Тактика и организация земского либерализма накануне первой русской революции.— Исторические записки, т. 101; *Черменский Е. Д.* Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг.— История СССР, 1965, № 5; и др.

[38] *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; *Он же.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973; *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; и др.

[39] *Гиндин И. Ф.* Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране.— В кн.: Свержение самодержавия. М., 1970; *Он же.* В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России.— В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970; *Ковальченко И. Д.* В. И. Ленин о формировании классов и идейно-политической борьбе в пореформенной России.— В кн.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; *Бовыкин В. И.* В. И. Ленин о классовой структуре и политических партиях в России накануне и в годы первой русской революции.— Там же.

[40] *Walkin J.* The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia. Political and Social Institutions under the Last Three Czars. New-York, 1962, p. 29, 80, 103, 180.

американский историк С. Блэк считает, что пореформенное дворянство, за исключением немногих фамилий с огромными состояниями, вообще не получало никаких выгод от своих привилегий. И даже анализируя систему крестьянского управления, он не обнаруживает ни продворянской направленности правительственной политики в крестьянском вопросе, ни помещичьего характера «крестьянского» управления [41]. Совершенно игнорирует роль дворянских обществ в этой области управления и Дж. Ейни, считая введение института земских начальников «триумфом министерства над дворянскими автономными институтами» [42].

Другая часть авторов стремится доказать, что в силу особой отсталости России развитие ее в пореформенные годы якобы шло в совсем ином русле, чем на Западе. Так, А. Гершенкрон утверждает, что лишь через полвека после отмены крепостного права развитие России приблизилось к западноевропейским «историческим моделям» [43]. Французский историк Ш. Карбонель вообще считает, что даже к 1917 г. Россия представляла собой в гораздо большей степени картину феодального общества, чем общества буржуазного [44].

Таким образом, в то время как одни из авторов не видят существенной силы и влияния российского дворянства, его реакционной роли в социально-экономическом и политическом развитии страны, другие склонны придавать ему исключительно феодальный характер, не видя его капиталистической эволюции. Обе эти крайности являются, как правило, производными от того или иного взгляда на общий ход социально-экономической истории пореформенной России.

В целом же имеющаяся литература не дает полного представления о высшем сословии в пореформенную эпоху, как правило, отождествляя его с помещичьим классом. Нет достаточно четкого представления о месте и роли дворянства и отдельных его слоев в системе российского самодержавия, о формах его организации, компетенции и деятельности дворянских корпоративных органов.

*

Выбор круга источников по теме обусловливался стремлением автора представить российское дворянство именно как сословие в целом, со всеми его юридическими атрибутами, проследить его эволюцию в широком социологическом плане, возможно более полно используя статистическую характеристику для выявления динамических процессов. Характеристика и анализ отдельных документов даются по ходу изложения, поэтому здесь мы ограничимся лишь необходимыми общими замечаниями.

Прежде всего следует указать на особое значение для разработки темы нормативных актов — именно они юридически закреп-

ляли сословное деление российского общества вообще и определяли правовой статус дворянства в частности. Наиболее полно они представлены в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ, собрания I—III), затем в «Сводах законов Российской империи», сводах военных и морских постановлений./Если своды и их периодические дополнения и переиздания, представляющие собой тематические собрания законодательных актов, являются как бы исходным материалом для характеристики объекта исследования на каждый определенный отрезок времени, то ПСЗ дает возможность точнее и полнее проследить эволюцию юридических норм за счет включения более широкого круга документов — рескриптов, инструкций, преамбул к отдельным законодательным актам и т. д. Но следует иметь в виду, что этот вид источников, особенно своды законов, неточно отражает фактическое положение, что в значительной мере объясняется как вообще отставанием законодательства от жизни, так и особым архаизмом сословной структуры пореформенной России, удерживавшейся самодержавием вопреки требованиям времени. В связи с этим необходимы проверка и дополнение его другими материалами.

В этом отношении большое значение имеют материалы высших правительственных органов — Государственного совета, Сената, Комитета и Совета министров, отдельных министерств и ведомств, фонды которых хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИА СССР). Среди них особый интерес представляет делопроизводство различных совещаний и комиссий, так или иначе занимавшихся дворянским вопросом или соприкасавшихся с ним при разработке связанных с этим проблем: Особого совещания по вопросу об изменении действующих законоположений о порядке чинопроизводства в гражданских ведомствах (1884—1885 гг.), учрежденного при императорской канцелярии (ф. 1409); Особой комиссии для выработки мер по укреплению дворянского землевладения (1891—1892 гг., ф. 1151) и Комиссии для пересмотра устава о службе гражданской (1895—1901 гг., ф. 1200), созданных при Государственном совете; межведомственного Особого совещания по делам дворянского сословия (1897—1901 гг., ф. 1283). Их материалы — журналы заседаний, переписка, отзывы министерств и ведомств на

[41] Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution? Boston, 1965, p. 91—93.

[42] *Janey J. L.* Some Aspects of the Imperial Russian Government on the Eve of the First World War.— The Slavonic and East European Review, vol. XLII, N 100, December, 1964, p. 70—71.

[43] *Gerschenkron A.* Continuity in History and Other Essays. Cambridge, Massachusetts, 1968, p. 248.

[44] *Carbonell Ch.-O.* Le Grand October russe 1917 — la revolution immitable. Paris, 1967, p. 204.

законопроекты и т. п.— не только дают возможность проследить политику правительства в отношении дворянства, ход выработки законов, обоснование необходимости их пересмотра или дополнения, позицию отдельных ведомств и деятелей, но и часто содержат важные фактические данные о положении высшего сословия.

Особенно много таких материалов отложилось в фондах Министерства внутренних дел (МВД), в чьем ведении официально находилось дворянство. Наибольший интерес в этом плане представляют весьма значительные по объему фонды канцелярии министра (ф. 1282) и канцелярии по делам дворянства (ф. 1283). В составе последнего, в частности, отложились материалы Особого совещания по делам дворянства. Учрежденное специально с целью ознакомления с нуждами высшего сословия и выработки мер для его поддержания, оно получало необходимые справки от многих ведомств. Эти справки, помещенные в качестве рабочих материалов и приложений к журналам заседаний совещания и его подготовительных комиссий, как и сами журналы, содержат важные данные по интересующей нас теме. Особенно ценны в этом плане обобщающие записки и таблицы, представляющие зачастую уникальный материал по целому ряду аспектов истории дворянства.

В фонде канцелярии министра находятся всеподданнейшие доклады о дворянских ходатайствах, материалы по рассмотрению последних в различных правительственных инстанциях, что также представляет большую ценность в силу комплексного характера источников, циркуляры МВД, отчеты и донесения губернаторов, копии постановлений и отчасти журналов дворянских собраний. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания.

Наличие почти полной коллекции постановлений собраний весьма важно, во-первых, в связи с утратой или плохой сохранностью материалов многих дворянских обществ и, во-вторых, с точки зрения преимуществ централизованного хранения, дающего возможность сравнительно быстрого ознакомления с материалами более трех десятков губернских собраний за сорок с лишним лет. К сожалению, в этой коллекции неполно отражены протоколы и журналы собраний, что затрудняет или делает совершенно невозможным восстановление хода прений (при обсуждении постановлений), аргументов сторон и численного соотношения последних. Правда, постановления собраний, поднявших важные вопросы или сопровождавшихся какими-либо экстраординарными событиями, как, правило, комментировались губернаторами в сопроводительных донесениях, в которых нередко вскрывалась подоплека происшедшего. Но это лишь отчасти восполняет пробел. Для идентификации документов с материалами дворянских обществ были изучены фонды дворянских и депутатских собраний, канцелярий губернских и уездных предводителей Московской, Петербургской и Симбирской

губерний, хранящиеся соответственно в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГАМ), Ленинградском государственном историческом архиве (ЛГИА) и Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО). Сравнение показало, что копии, находящиеся в фондах МВД, и оригиналы постановлений собраний в подавляющем большинстве случаев почти идентичны (за отдельными исключениями, касающимися второстепенных пунктов). Протоколы и журналы заседаний и в фондах дворянских обществ представлены неполно вследствие плохой сохранности или невысокого уровня организации дворянского делопроизводства. Естественно, сохранившиеся местные фонды дают по теме значительно более богатый материал, но и коллекция МВД в этом плане является незаменимым источником.

В целом же материалы государственных органов, дополненные данными дворянских обществ, различного рода статистических и справочных изданий (переписей населения, земельных переписей, справочников и т. п.), вносят коррективы в оценку нормативных актов и в совокупности дают общую картину фактического положения высшего сословия. Эту картину дополняют и конкретизируют материалы личных фондов российских монархов и более 60 видных государственных и дворянских деятелей, хранящиеся главным образом в ЦГИА СССР и Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), а также публицистика различных направлений («Северная почта», «Весть», «Московские ведомости», «Гражданин», «С.-Петербургские ведомости», «Вестник Европы»).

Работа состоит из пяти глав. В первых двух — рассмотрен комплекс вопросов, связанных с характеристикой состава, численности дворянства, его общего юридического, социально-экономического и политического статуса в основном в плане личных прав и преимуществ; в трех последних — вопросы, характеризующие положение высшего сословия и его эволюцию через призму корпоративной организации.

Глава первая

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВЫСШЕГО РОССИЙСКОГО СОСЛОВИЯ

«Что такое дворянин? — как ни просто это слово, как ни обычно, и как ни ясно кажется каждому из нас понятие о том, что такое дворянин,— но я уверен, что каждый из нас крайне затруднился бы пред определением своего представления о том, что такое дворянин. Общее понятие, скорее чувствуемое, чем осознаваемое, слова „дворянин" является в виде неясного представления чего-то избранного, привилегированного, неодинакового со всеми остальными людьми, окружающими нас»,— так писал в конце прошлого столетия дворянский публицист о своем сословии [1]. Приведя ряд определений — с точек зрения юридической, экономической, социальной — и признав их неточными, автор остановился, наконец, на следующем: «Не тот дворянин, который носит это слово как кличку, а который по существу дворянин, в душе дворянин, т. е. благороднейший и образованнейший человек» [2]. Сформулированный скорее в плане этическом, вывод — несколько неожиданный. Но это не только стремление к изысканности выражения. Затруднения автора можно понять, если учесть, что высшее российское сословие уже давно не представляло собой однородного целого.

Как известно, дворянство — типичный феодальный институт. Будучи частью господствующего класса феодалов, оно рядом юридически закрепленных норм выделялось в особое, высшее сословие феодального общества, в котором сословные градации представляли собой разновидность классовых делений. В России дворянство известно с XII—XIII вв. Тогда оно составляло низший слой феодального военно-служилого сословия. В процессе развития русского централизованного государства и складывания абсолютной монархии оно постепенно включало в себя как представителей бывшей родовой знати (князей, бояр), так и другие категории «служилых людей» (детей боярских, послужильцев и т. д.), и к началу XVIII в. при содействии верховной власти формально консолидировалось в единое высшее сословие. К этому же времени относится и расширение его на многонациональной основе, принявшее особенно широкие масштабы в XVIII — первой половине XIX в. в связи с включением в его состав знати присоединяемых и осваиваемых территорий. Юридический, социальный и политический статус сословия впервые в наиболее полном виде был ко-

дифицирован екатерининской «Жалованной грамотой дворянству» [1785]. Из нее исходило все позднейшее законодательство по этому вопросу, внося лишь отдельные поправки и дополнения, вызывавшиеся потребностями времени.

Провозгласив дворянство первенствующим российским сословием, подтвердив его права и привилегии, кодификаторы лишь юридически закрепили его господствующие позиции в системе феодально-абсолютистского государства. Основой политического и экономического могущества дворянства являлись владение землей, крепостными и то особое положение, которое оно как «служилый» класс занимало в механизме государственной власти.

Несмотря на, казалось бы, уже завершившийся процесс консолидации и закрепление его юридическими актами, дворянство так и не стало единым. Самим законодательством оно подразделялось на различные слои и группы. Наряду с этим уже в дореформенную эпоху все явственнее выступали признаки его социального и экономического расслоения. Имея в виду именно это обстоятельство, еще николаевский министр просвещения князь К. А. Ливен писал: «Линия дворянского сословия столь необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется» [3]. К этому же выводу пришли и исследователи дореформенного дворянства. Тем не менее до 1861 г. последнее в силу ряда исключительных прав и привилегий все же довольно четко отделялось от остальной массы населения. Отмена крепостного права, давшая толчок развитию капитализма, проведение других, буржуазных по своей сущности реформ, весь новый строй общественных отношений не могли не затронуть старый класс-сословие. Что же представлял он собой в пореформенную эпоху? Рассмотрим сначала этот вопрос с точки зрения действовавшего законодательства.

1. ДВОРЯНСТВО: ЕГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ, РАЗРЯДЫ, ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ

Статья 15 «Свода законов Российской империи» [т. 9], которым узаконивалась сословная структура общества, дает следующее определение дворянства и признаков принадлежности к нему: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобре-

[1] *Ярмошкин В.* Задачи дворянства. СПб., 1895, с. 1.
[2] Там же, с. 8.
[3] ЦГИА СССР, ф. 1200, оп. 1 (XVI), д. 1, ч. 2, л. 8 об. Представление в Государственный совет комиссии для пересмотра «Устава о службе гражданской» (8 июня 1901 г.).

ли потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы». Формулировки весьма пышные, но столь же неопределенные и противоречивые. Это в свое время заметили и либерал Н. А. Рубакин, и благонамереннейший профессор-юрист А. С. Алексеев. Последний в своем лекционном курсе отмечал, что первая часть определения целиком взята из пункта 1 «Жалованной грамоты» (1785). Но эта часть, говорящая о том, что дворянское достоинство есть наследственное качество потомков древних служилых родов, противоречит второй части определения, заимствованной из пункта 91 той же грамоты, в котором указывалось, что дворянское достоинство может быть не только унаследовано, но и пожаловано монархом [4]. «В последнем случае,— язвительно замечает Рубакин,— благородство предков, очевидно, ни при чем». Да и вообще, по его мнению, если самая суть дворянского звания заключается в высоких качествах и добродетели, то как можно считать эти качества наследственными, независимыми от личных достоинств преемников этого звания [5]. Но это уже критика нравственного порядка и в основном в адрес потомков «начальствовавших в древности мужей». А по юридическому смыслу этой статьи, механически соединившей два различных пункта из «Жалованной грамоты», вытекает, что наряду с ними в высшее сословие могли входить и лица недворянского происхождения. Причем пожалование дворянства непосредственно верховной властью было, оказывается, не единственным и, как мы увидим, далеко не самым массовым путем получения «благородства». И в этом — еще одна неточность и противоречивость цитированной выше статьи. Законодательство указывало следующие пути получения недворянами прав высшего состояния: 1) монаршая милость, 2) достижение определенного чина на военной или гражданской службе и 3) пожалование российского ордена. В зависимости от происхождения и степени заслуг все дворянство еще со времен Петра I подразделялось на потомственное (передававшееся по наследству) и личное (пожизненное). Момент весьма важный. Остановимся на этом несколько подробнее.

Юридически лишь потомственное дворянство являлось той частью старого господствующего класса, на которую в полной мере распространялись привилегии, выделявшие дворянство в особое сословие. И после падения крепостного права оно, как мы увидим, располагало целым рядом привилегий и льгот личного и корпоративного порядка, сохранявших за ним особое место и роль во многих важнейших областях жизни страны. Но и оно, согласно законодательству, не было единым. В свою очередь, в зависимости от способа приобретения «благородства» потомственное дворянство подразделялось на шесть разрядов: 1) дворянство жалованное

или действительное, 2) дворянство военное, 3) дворянство, полученное путем выслуги определенного чина на гражданской службе или в результате награждения российским орденом, 4) иностранные дворянские роды, 5) титулованное дворянство, 6) древние благородные роды [Свод законов..., т. 9, ст. 17]. Сделано это было еще при Екатерине II и являлось уступкой стремлению знатных фамилий отделить себя от простого, «служилого» дворянства, которое, по выражению известного дворянского публициста кн. М. М. Щербатова, «оподляло» высшее сословие.

Итак, первые три разряда составляли дворянские фамилии, получившие права высшего состояния не по праву происхождения, а в результате каких-либо заслуг. Возведение в дворянство всегда было прерогативой российских самодержцев, и первоначально это было едва ли не единственным путем пополнения сословия извне. Но со временем число таких случаев неуклонно сокращалось — и абсолютно, и относительно общей массы вновь приобретших дворянское достоинство. За время с 1872 по 1904 г. департамент герольдии Сената зарегистрировал всего 79 случаев «пожалования» в дворянство непосредственно монархом [6]. За исключением единичных случаев личной царской «милости» (как это было, например, с Карауловым, спасшим Александра II от выстрела Д. В. Каракозова), бо́льшую часть первого разряда составляли потомки знати присоединенных к России территорий. Все они должны были представить документы, удостоверявшие принадлежность их к знатным родам, которые рассматривались Государственным советом, Комитетом министров или Сенатом, и «мнения» которых затем утверждались царем. Отсюда, видимо, и сам термин «действительное дворянство».

Среднее и высшее офицерство и чиновничество с их потомством составляли подавляющую часть дворянских фамилий, относившихся ко 2-му и 3-му разрядам. Впервые порядок приобретения прав высшего состояния лицами недворянского происхождения путем выслуги был юридически закреплен Петром I. На основе указа Правительствующему сенату от 16 января 1721 г. и Табели о рангах 1722 г. все лица, достигшие на военной службе первого офицерского чина, а на гражданской — чина VIII класса, становились потомственными дворянами [7]. Екатерина II,

---

[4] *Алексеев А. С.* Русское государственное право. 5-е изд. М., 1905, с. 242.

[5] *Рубакин Н. А.* Российское дворянство в цифрах.— Трудовой путь, 1907, № 11, с. 49.

[6] ЦГИА СССР, ф. 536, оп. 21, д. 489, л. 74. Число лиц, получивших права потомственного дворянства путем пожалования по высочайшему усмотрению. 1911 г.

[7] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), I, т. 6, № 3705, 3890; см. также: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974, с. 47—118.

закрепив это положение, добавила к нему пожалование российского ордена [8]. Численность дворянства начала быстро расти, и уже с конца XVIII в. правительство взяло курс на затруднение доступа в высшее сословие. Однако предпринятые первоначально меры, хотя и сужали круг претендентов на дворянское достоинство, все же носили характер частных ограничений и не могли сколько-нибудь существенно изменить положение. Только с 1836 по 1843 г. в чин VIII класса было произведено дворян — 2558, лиц других сословий, главным образом из духовенства, почетных граждан и отчасти из купечества и мещанства — 4685, т. е. 64,7%. Всего же, по подсчетам председателя Государственного совета кн. И. В. Васильчикова, с 1825 по 1845 г. высшее сословие пополнилось примерно 20 тыс. «недостойных сочленов», получивших права высшего состояния по чинам и орденам [9]. Николай I, уделявший дворянству очень много внимания, решил действовать более радикально. Манифест от 11 июня 1845 г. повысил класс чинов, давших право на дворянское достоинство, до штаб-офицерского на военной службе (VIII класс) и до V класса — на гражданской [10]. И наконец, указом от 9 декабря 1856 г., данным Александром II, был установлен порядок, в основных чертах сохранившийся вплоть до 1917 г. Потомственное дворянство теперь давал на действительной военной службе чин полковника или капитана первого ранга (VI класс), на гражданской службе — чин действительного статского советника (IV класс). Кроме того, это право получали кавалеры первых степеней всех российских орденов, за исключением св. Георгия и св. Владимира, все степени которых давали право на потомственное дворянство [11]. Однако два последних ордена (по своему статуту и согласно высочайше утвержденному 31 июля 1859 г. положению о наградах) были изъяты из общей постепенности орденов и жаловались только по усмотрению верховной власти, которой на какое-то время удалось взять под свой контроль доступ в дворянство. Как отмечал А. С. Алексеев, приобретение дворянства на гражданской службе стало иметь много общего с приобретением его в силу высочайшего пожалования. Дело в том, что и чин действительного статского советника давался не просто за выслугу лет, а по утверждению императором представлений министров и главноуправляющих ведомствами [12].

Однако такое положение не могло сохраниться сколько-нибудь продолжительно. С расширением и усложнением государственного аппарата число претендентов на дворянское достоинство вновь стало резко возрастать. Так, чиновников IV класса в 1858 г. насчитывалось 674, а к концу девяностых годов — 2687 человек. Еще более значительный приток кандидатов в дворяне давало награждение орденами, особенно орденом Владимира III и IV степени. Всего за 1875—1896 гг. было награждено орденом третьей степе-

ни 10 675, четвертой — 30 588 человек[13]. Постепенно пришлось отказаться от установившегося порядка личного утверждения представлений самим монархом. Указом от 16 августа 1887 г. было установлено, что для получения ордена Владимира IV степени необходимо прослужить в классных или офицерских чинах не менее 20 лет. В 1892 г. орден был введен в общую постепенность наград. Для получения IV степени его требовалось 35 лет «беспорочной службы»[14].

Наплыв в дворянство выходцев из других сословий вновь стал предметом серьезного беспокойства правительства. С середины 80-х годов эта проблема обсуждалась рядом специально учрежденных совещаний и комиссий. В качестве спасительного выхода предлагалось новое повышение требований к соискателям прав высшего состояния. Комиссия под председательством С. А. Танеева, работавшая в 1883—1884 гг., предложила повысить класс чинов, дававших право на потомственное дворянство, до генерал-лейтенанта на военной и до чина тайного советника на гражданской службе (III класс), а также ограничить получение дворянства по орденам только их первыми степенями и орденом Владимира со второй и Георгия — с третьей степени[15]. Однако вплоть до конца XIX в. никаких практических шагов в этом направлении предпринято не было. Проблема оказалась весьма сложной, касавшейся ряда важных политических вопросов. Предложения комиссии, стремившейся поддержать «чистоту» высшего сословия, вошли в неожиданное противоречие как с интересами самого дворянства, так и самодержавия. Реализация предложенной меры привела бы практически к закрытию доступа в сословие со стороны, так как ежегодное пополнение его извне составило бы около 7 семей. Но в условиях стремительного увеличения численности государственных служащих это привело бы к еще большему уменьшению дворянской прослойки в составе чиновничества и офицерства, потере дворянством контроля над рядом важнейших звеньев государственного аппарата (особенно в армии), умножило бы случаи подчине-

[8] ПСЗ, I, т. 22, № 16187.

[9] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 218, л. 32—33. Исторические сведения о высшем государственном сословии в России» — записка В. Евреинова, представленная в Особое совещание по делам дворянского сословия. 1897 г.

[10] ПСЗ, II, т. 20, отд. 1, № 19086.

[11] ПСЗ, II, т. 31, № 31236.

[12] *Алексеев А. С.* Указ. соч., с. 242.

[13] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 25. Статистические сведения о лицах не из дворян, приобретших права потомственного дворянства по чинам и орденам.

[14] Там же, л. 62.

[15] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 9. Доклад управляющего делами Особого совещания по делам дворянского сословия А. Стишинского от 23 ноября 1897 г.

ния дворян недворянам в сложной системе служебной иерархии. Все это в конечном итоге способствовало бы умалению политической роли высшего сословия, что, помимо всего прочего, могло бы привести к обострению конфликта между ним и властями. К тому же приобретение дворянства службой отчасти было и в интересах самодержавия, так как увеличивало в составе высшего сословия бюрократическую прослойку, целиком находившуюся в зависимости от верховной власти. Все это породило сомнения и колебания в правящих верхах, что нашло отражение в их отношении к неоднократно возбуждавшемуся на протяжении всего XIX в. вопросу об отмене «Табели о рангах». Несмотря на то что сложившаяся система чинопроизводства все более изживала себя, самодержавие, учитывая вышеприведенные факторы, не рискнуло пойти на ее модернизацию [16]. Александр III, вообще склонявшийся вначале к самым крайним мерам — вплоть до признания монаршего пожалования в качестве единственного пути получения дворянства, заколебался. Дело было передано для доработки в Министерство внутренних дел, и оно на 10 лет исчезло в бюрократической машине. Правительство ограничилось принятием ряда частных мер по ограничению доступа недворян на государственную службу, в учебные заведения, частичным пересмотром правил чинопроизводства и т. д.[17]

Вновь вопрос о принятии каких-то общих мер по сокращению доступа в высшее сословие возник при обсуждении дворянского вопроса Особым совещанием по делам дворянства, учрежденным Николаем II в 1897 г. Затребованные совещанием от департамента герольдии данные показали, что в 1875—1896 гг. были утверждены в правах потомственного дворянства 39 535 человек, в том числе 12 741 — по чинам и 26 794 — по орденам [18]. «В действительности, — докладывал управляющий делами А. Стишинский, — число приобретших этим путем упомянутые права еще больше, т. к. далеко не все такие лица ходатайствуют об утверждении их в дворянстве». Такой значительный прирост обусловлен был как увеличением численности классных чиновников и офицеров, так и тем обстоятельством, что согласно мнению Государственного совета от 4 апреля 1874 г. в потомственное дворянство возводились все члены семьи лица, получившего на это право. Ранее же права высшего состояния распространялись лишь на детей, рожденных после получения их родителями «благородства» [19].

К сожалению, состояние источников пока не позволяет дать сколько-нибудь полное представление о социальном происхождении этих новых дворян. Более или менее определенно можно сказать лишь, что заметную часть их составляли выходцы из духовенства: из общего числа утвержденных в дворянстве за 1882—1896 гг. лица из духовного звания составляли около 16% [20]. По весьма неполным данным департамента герольдии, составленным

на 1893 г., можно сделать общее заключение, что среди выслуживших дворянское достоинство, как и ранее, преобладали выходцы из городских сословий — потомственных и личных почетных граждан, купцов, мещан; выходцы из казачества и крестьянства среди них исчислялись долями процента [21].

Само по себе пополнение сословия за счет выслужившихся чиновников и офицеров не смущало совещание. «Служебные отличия всегда были главным способом приобретения дворянства,— единодушно заявили его члены.— Лишение доступа в дворянство привело бы к его кастовости. Но и широкий доступ нежелателен. Требования должны быть повышены, но не настолько, как это предлагала комиссия Танеева» [22]. Ссылаясь на приведенные выше цифровые данные, совещание отметило, что возведение в дворянство по чинам сравнительно невелико. В большинстве случаев получению чина действительного статского советника предшествует награждение орденом Владимира IV степени, а следовательно, и получение прав высшего состояния. Предлагалось или пересмотреть устав ордена, или исключить право его IV степени на соискание дворянского звания.

Столь длительное решение этого вопроса закончилось изданием именного указа Сенату от 28 мая 1900 г., который подтвердил основные положения закона от 9 декабря 1856 г., определявшие порядок возведения в дворянское достоинство за служебные отличия, отменив лишь это право для награжденных орденом Владимира IV степени. Третья степень ордена по-прежнему давала

---

[16] *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие..., с. 112—114; *Ерошкин Н. П.* Внутренняя политика России в 80—90-х годах XIX в.— История СССР, 1971, № 3, с. 176.

[17] Так, в 1887 г. появился известный циркуляр Министерства народного просвещения о «кухаркиных детях», затруднивший доступ в гимназии детям из «низших» сословий; дополнительными правилами о наградах от 9 июля 1892 г. было запрещено награждать чинами за неслужебные заслуги лиц торгового сословия и вообще всех, не имеющих прав государственной службы и т. д.

[18] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 13. Доклад А. Стишинского от 23 ноября 1897 г.; ф. 1343, оп. 57, д. 585, л. 3. Ведомость о числе лиц, утвержденных Сенатом в потомственном дворянстве (1897 г.).

[19] *Градовский А. Д.* Соч. СПб., 1907, т. 7, с. 259.

[20] Это объяснялось, видимо, тем, что в 60-х годах духовенству была предоставлена возможность шире использовать право на получение университетского образования и поступления на службу (см.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч., с. 101—106).

[21] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 32. Статистические сведения о лицах не из дворян, приобретших права потомственного дворянства по чинам и орденам.

[22] ЦГИА, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 519—521. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия, № 2, декабрь 1897 г.— январь 1898 г.

право на получение потомственного дворянства. Однако орден этой степени не мог быть «испрашиваем лицами, занимающими должности ниже V класса и состоящими в чине ниже действительного статского советника, а военнослужащими — в чинах ниже полковника или капитана I ранга» [23]. Таким образом, его могли получить лишь те, кто имел уже право на дворянское звание. Было упорядочено и производство в действительные статские советники. Сначала указом от 1 августа 1898 г. было установлено, что в этот чин могут производиться лица, прослужившие в чине статского советника не менее 5 лет и занимавшие должности не ниже V класса [24]. Затем сроки выслуги чина были установлены более продолжительные. Окончательный порядок был определен указом от 2 августа 1900 г., гласившим, что «для получения чина действительного статского советника требуется прослужить в классных чинах не менее 20 лет» [25].

Приток в потомственное дворянство несколько сократился, но все же оставался довольно высоким. И это продолжало беспокоить и правительство, и так называемых коренных или столбовых дворян, которые в основном и были представлены следующими тремя разрядами.

Относительно четвертого разряда, к которому принадлежали «иностранные благородные роды», трудно сказать что-либо определенное. Законодательством предусматривалось, что знатные иностранные фамилии могли просить о признании их русскими дворянами в случае «оказания ими каких-либо услуг на русской службе» и при непременном условии принятия ими русского подданства. Многие из них уже несколько поколений жили в России и давно и прочно слились с русскими фамилиями [26]. Однако знакомясь с их родословными, следует иметь в виду, что некоторые представители старинных русских дворянских фамилий считали себя потомками выходцев из других государств (например, Загоскины, Чичерины, Бестужевы-Рюмины, Колычевы и др.), что фактически, как это показал С. Б. Веселовский, было неверным и в значительной мере объяснялось стремлением придать своему роду и фамилии большей значимости и независимости [27]. Поступали иностранцы на русскую службу и в пореформенный период. К концу XIX в. по всей империи было зарегистрировано среди потомственных дворян 9611 уроженцев других государств [28]. Но сколько из них принадлежало к «иностранным благородным родам» и сколько получило дворянство в результате службы российским императорам — сказать весьма и весьма сложно. Многие иностранные фамилии, наиболее знатные и, как правило, давно осевшие в России, смыкались с русской знатью, составляя вместе с ней пятый разряд — титулованное дворянство.

Российское законодательство предусматривало право пользования почетными титулами: «...1) потомкам древних русских и

литовских князей, 2) происходящим от предков, возведенных с потомством в почетное дворянство российскими императорами, а также потомству некоторых из бывших владетельных родов на Кавказе, 3) особам, лично удостоенным титулом государем императором, 4) тем, кому высочайшей властью предоставлено право пользования почетным достоинством по пожалованию иностранным государством»[29]. Все титулы подразделялись по степеням на княжеские, графские и баронские.

К началу XX в. в списках департамента герольдии числилось свыше 830 титулованных родов — около 250 российско-княжеских, 310 графских, 240 баронских, 30 фамилий калмыцких и татарских князей, 1 герцогский род и 3 фамилии маркизов[30]. Наряду с фамилиями, ведшими свое происхождение от старинных знатных родов (удельных князей, грузинских тавадов, баронов-рыцарей и т. д.), чьи титулы в свое время действительно отражали сложную систему феодальной иерархии, в герольдийских списках были учтены и фамилии так называемой жалованной знати, созданной усилиями верховной власти уже позднее, в основном в период расцвета абсолютизма. Время борьбы с олигархическими тенденциями аристократии прошло, и уже с начала XIX в. монархи, наоборот, все больше внимания уделяли изысканию мер по спасению, поддержанию и воссозданию наиболее близкой им в социальном отношении прослойки. Тем не менее, несмотря на все усилия в этом плане, как верховной власти (земельные пожалования, денежные ссуды, льготы, передача фамилий и титулов пресекшихся в мужском поколении родов родственникам по женской линии и т. д.), так и самих глав знатных семей (учреждение майоратов, фамильных и родовых касс взаимопомощи), к началу XX в. не менее 100 из учтенных фамилий считались уже угасшими, многие разорились и даже растворились в других сословиях. Процесс этот несколько компенсировался возведением в почетное достоинство новых и старых дворянских родов, что довольно широко практиковалось и в пореформенный период. Так, за 1856—1908 гг.

[23] ПСЗ, III, т. 20, отд. 1, № 18681.
[24] ПСЗ, III, т. 18, отд. 1, № 15871.
[25] ПСЗ, III, т. 20, отд. 1, № 19131.
[26] *Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иностранцев с русскими. СПб., 1886.
[27] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 40—41.
[28] Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905, т. 1, с. 86—87.
[29] Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892, с. 1.
[30] *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг.— Исторические записки, т. 87, с. 101—104.

Таблица 1. Соотношение дворянских разрядов

Губерния	Год	1-я часть	%	2-я часть	%	3-я часть	%
Владимирская	1905	48	3,1	526	34,4	579	37,9
Калужская	1908	33	2,1	578	36,9	549	35,1
Костромская	1899	64	3,8	342	20,4	483	28,7
Нижегородская	1902	30	2,7	383	34,5	469	42,2
Новгородская	1910	55	3,2	845	49,5	487	28,3
Пензенская	1901	69	5,5	438	34,6	447	35,3
Рязанская	1893	70	3,2	592	27,2	554	25,5
Смоленская	1897	65	4,3	628	42	312	20,8
Симбирская	1900	321	33,2	171	17,7	169	17,6
Итого по великорусским губ.	—	755	5,6	4403	32,8	4049	30,2
Астраханская	1910	7	1,7	159	38,4	241	58,2
Бессарабская	1901	113	28,5	107	27	107	27
Могилевская	1909	273	19,9	170	12,4	270	19,7
Подольская	1897	822	35,7	197	8,5	198	8,6
Полтавская	1898	156	5,2	1736	57,8	874	29
Черниговская	1901	131	6,7	933	47,8	699	35,8
Всего		2257	9,8	7705	33,7	6438	28,2

было выдано 32 свидетельства на княжеский, 88 — на графский и более 60 — на баронский титулы. Важно, однако, отметить, что присвоение их со временем приобрело характер обычной награды и все чаще не сопровождалось земельными пожалованиями, совершенно прекратившимися к 80-м годам XIX в. Таким образом, титулы постепенно утрачивали свою феодальную природу и становились просто знаками почетного отличия.

Олицетворением живой связи с минувшей феодальной эпохой являлись старые дворянские фамилии, относившиеся к шестому разряду. Часть их входила также в четвертый и пятый разряды. Древнейшими признавались дворянские роды, учтенные в Бархатной книге, или те, кто мог доказать свою принадлежность к дворянству за 100 лет до издания «Жалованной грамоты», т. е. до 1685 г.

Еще и во второй половине XIX в. в глазах определенной части светского общества древность дворянского рода считалась почетнее самых пышных титулов. «Это проистекает из той мысли,— писал по этому поводу Е. П. Карнович, известный исследователь дворянской генеалогии,— что титул может получить каждый простолюдин (и это весьма важное признание.— *А. К.*), тогда

Губерния	4-я часть	%	5-я часть	%	6-я часть	%	Всего	%
Владимирская	4	0,3	35	2,3	337	22	1 529	100
Калужская	15	1,2	39	2,4	349	22,3	1 563	100
Костромская	26	1,5	18	1,2	747	44,4	1 680	100
Нижегородская	16	1,6	34	3	178	16	1 110	100
Новгородская	2	1	30	1,7	300	17,3	1 719	100
Пензенская	11	0,9	42	3,3	258	20,4	1 265	100
Рязанская	31	1,5	48	2,2	877	40,4	2 172	100
Смоленская	1	0,1	29	2	461	30,8	1 496	100
Симбирская	1	—	19	1,9	287	29,6	968	100
Итого по великорусским губ.	107	0,8	294	2,3	3794	28,3	13 402	100
Астраханская	1	0,2	—	—	6	1,5	414	100
Бессарабская	4	1,1	6	1,5	59	14,9	396	100
Могилевская	3	0,2	14	1	641	46,8	1 371	100
Подольская	—	—	12	0,5	1075	46,7	2 304	100
Полтавская	2	0,2	29	0,9	207	6,9	3 004	100
Черниговская	5	0,4	24	1,2	158	8,1	1 950	100
Всего	122	0,6	379	1,7	5939	26,8	22 840	

как дать «благородных» предков лицу, не имеющему их по рождению, не в состоянии никакая власть, как бы могущественна она ни была» [31]. Лестным было и то, что сама императорская фамилия Романовых вела свою родословную от древнего боярского рода и что сами императоры, таким образом, были дворянами по происхождению. Это мнение подтверждалось неоднократно и самими монархами, заявлявшими, что они являются «первыми дворянами» империи. Именно из среды этого дворянства и появлялись проекты об обособлении древних дворянских фамилий и предоставлении им особых привилегий. Так, дворянский историк-генеалог Л. М. Савельев предлагал вместо существовавших 6 разрядов учредить только 2, которые разделили бы все сословие на старое и новое дворянство. К первому должны быть отнесены все дворянские роды, служившие на основе поместного права, т. е. до 1714 г. «Все же роды, возникшие после этого, т. е. уже на почве пресловутой Табели о рангах...— заключал автор,— должны считаться принадлежащими к новому — выслуженному дворянст-

[31] *Карнович Е. П.* Указ. соч., с. 183.

ву»[32]. Все они, по замыслу Савельева, должны быть отнесены к разряду личных дворян со всеми вытекающими из этого правовыми ограничениями. Однако такие настроения не получили широкого распространения и были характерны в основном для части высшей знати и определенных слоев поместного дворянства, фрондировавших иногда перед правительством и кичившихся своей генеалогией.

Общую численность древнейшего дворянства, к сожалению, установить не удалось. Некоторое представление об этом, как и вообще о соотношении численности всех шести разрядов дворянства, дают губернские родословные книги, в которые должны были заноситься все дворянские фамилии, и составленные на их основе указатели дворянских родов, часть которых была опубликована. Данные по этому вопросу, приведенные в табл. 1, составленной по опубликованным и архивным материалам 15 губерний[33], свидетельствуют, что в конце XIX — начале XX в. потомки древнейшего дворянства составляли в 8 великорусских губерниях в среднем около 28% всех дворянских фамилий, а так называемое новое дворянство — 65,5%, т. е. почти $^2/_3$ сословия. Удельный вес первых колебался по губерниям от 16 до 45%, при чем наивысший процент падает на те губернии, где в XV—XVI вв. проходили так называемые засечные полосы и где поместное служилое дворянство было наиболее многочисленным. Для Полтавской и Черниговской губерний характерен высокий удельный вес военного дворянства — потомков малороссийской казачьей старшины. В западных губерниях, где преобладала польская шляхта, удельный вес старых дворянских фамилий находился примерно на том же уровне. «служилое» же дворянство составляло явное меньшинство, что было обусловлено особыми служебными ограничениями для поляков. Зато здесь, как и в Бессарабской, а отчасти и в Симбирской губерниях, значительная часть дворянских родов отнесена к разряду «жалованных», что объясняется особым порядком утверждения в дворянстве местной знати.

Принадлежность к любому из перечисленных разрядов в рассматриваемое время сама по себе уже не давала каких-либо особых привилегий. Правда, военные дворяне имели определенные преимущества перед дворянами-чиновниками: офицеры раньше (на 2—3 ранга) получали право на дворянское достоинство, при переходе на гражданскую службу имели право на более высокие чины. Однако это обусловливалось не столько принадлежностью к разряду, сколько шедшим еще от феодальной эпохи традиционным предпочтением военной службы перед гражданской. Более существенные льготы предоставляла принадлежность к пятому и шестому разрядам: еще в середине XIX в. дети титулованной знати и старых дворянских фамилий имели преимущественное право поступления в Императорский Царскосельский (с 1848 г.—

Александровский) лицей, Училище правоведения и Пажеский корпус — закрытые учебные заведения, готовившие кадры для ответственных государственных постов. К концу века сословный характер этих заведений сохранился, но их уставы, уже не содержали упоминаний о разрядах [34]. Во всем остальном положение потомственного дворянина определялось более существенными факторами — его благосостоянием, нахождением на определенной ступени служебной иерархии, связями и т. п. И лишь с учетом этих обстоятельств принадлежность к высшим разрядам могла давать определенные, чаще всего незафиксированные в законодательстве преимущества — служебные и материальные льготы, более легкий доступ в высшие сферы, возможность быстрой карьеры и т. д. Тем не менее, подразделение дворянства на разряды, хотя в значительной мере и ставшее уже анахронизмом, заслуживает внимания, так как дает представление о происхождении высшего сословия, его связях с феодальной эпохой, путях его пополнения, политике правительства по регулированию его численности и состава.

*

Институт личного дворянства фактически был учрежден еще Петром I. Пункт 15 «Табели о рангах» указывал, что «чины как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян (т. е. ниже VIII класса.— *А. К.*), оных дети не суть дворяне» [35]. «Жалованная грамота» уже прямо именует личными дворянами чиновников IX—XIV классов. Личные дворяне, как и потомствен-

[32] *Савельев Л. М.* Родословная книга дворянства Московской губернии. М., 1914, т. 1, с. VIII.

[33] Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905; Алфавитный указатель дворянских родов Костромской губернии... Кострома, 1900; Алфавитный список дворянских родов Бессарабской губернии... Кишинев, 1901; Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии... Рязань, 1893; Список дворянских родов Новгородской губернии... Новгород, 1910; Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии... Нижний Новгород, 1902; Список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Смоленской губернии. Смоленск, 1897; Список дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии к 1902 г. Пенза, 1902; Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. Калуга, 1908; Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольск, 1897; Список потомственным дворянам Астраханской губернии... Астрахань, 1910; Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898; *Милорадович Г. А.* Родословная книга черниговского дворянства: В 2-х т. СПб., 1901; ГАУО, ф. 477, оп. 1, д. 367, л. 33.

[34] *Блосфельдт Г. Э.* Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901, с. 324.

[35] ПСЗ, I, т. 6, № 3890.

ные, были свободны от телесных наказаний, от личных податей и рекрутчины, пользовались определенными преимуществами при замещении должностей на государственной службе. Однако, входя в состав дворянской корпорации, они лишены были возможности сколько-нибудь активно участвовать в ее жизни, не вносились в дворянские родословные книги и не имели права, за немногими исключениями, владеть крепостными. Передаваться личное дворянство могло только браком — от мужа жене. Дети личных дворян уже не считались дворянами. Манифестом от 10 апреля 1832 г. они включались в сословие потомственных почетных граждан [36]. С 1854 г. личные дворяне наравне с почетными гражданами записывались в 5-ю часть городской обывательской книги [37].

До отмены крепостного права возможность занимать некоторые должности по выборам дворянства еще каким-то образом связывала личных дворян с потомственными в рамках одной сословной организации, хотя последние с нескрываемым пренебрежением относились к первым. После буржуазных реформ 60—70-х годов эта возможность была утрачена и связь личных дворян с дворянской сословной корпорацией стала в значительной мере чисто формальной.

Пореформенная законодательная практика в этом вопросе была весьма противоречива. С одной стороны, правительство неоднократно подчеркивало и подтверждало принадлежность личных дворян к высшему сословию. Как и потомственные дворяне, они находились в определенной степени под юрисдикцией местных сословных корпораций, их имущество могло облагаться обязательными сборами на нужды дворянских обществ. Земская контрреформа 1890 г. объединила их вместе с потомственными дворянами в одной сословной избирательной курии. Значимость этого сословного подразделения возросла в связи с тем, что оно начало пополняться за счет классных чиновников и офицеров, которые раньше могли претендовать на получение потомственного дворянства. Так, манифест от 11 июня 1845 г. предоставлял личное дворянство чиновникам VI—IX классов и обер-офицерским чинам армии. И если затем первые ступени, дававшие доступ в высшее сословие, оставались неизменными, то верхние, как уже отмечалось, повысились до IV класса на гражданской и до VI — на военной службе. Причем и эти чины, полученные не на действительной службе, а при отставке, давали лишь личное дворянство. В том же направлении шел пересмотр статутов орденов. Уже при Николае I ордена Анны и Станислава II и III степеней давали их кавалерам право только на личное дворянство. Указ от 28 мая 1900 г. распространил это положение и на орден Владимира IV степени. С другой стороны, также неоднократно подтверждались положения об ограниченности сословных прав личных дворян: о невнесении их в губернские родословные

книги, о запрещении им участвовать в дворянских собраниях и т. д. Рядом мер правительство даже увеличило разрыв между этими сословными подразделениями. Так, сначала личные дворяне, помимо обычных путей получения потомственного дворянства, могли ходатайствовать о возведении их в это достоинство в том случае, если отец и дед просителя прослужили по 20 лет в чинах, приносящих личное дворянство. Указ от 28 мая 1900 г. отменил эту статью закона. Но в то же время, когда некоторые члены Особого совещания по делам дворянства предложили, уступая требованиям ряда дворянских собраний, выделить личных дворян в особое сословие, правительство отклонило эту идею.

Смысл создания этого института заключался, видимо, в том, что в условиях бюрократизации государственного аппарата и роста среди государственных служащих удельного веса разночинного элемента самодержавие, стремясь «одворянить» это пополнение, прибегло к созданию привилегированной прослойки среди среднего чиновничества и офицерства, сблизив, но не слив ее полностью с потомственным дворянством, сделав ее одним из источников пополнения последнего. Личное дворянство стало для администрации как бы свидетельством благонадежности, исполнительности, наличия деловых качеств, определенного уровня образования и благосостояния, необходимых для получения «благородства». Для самих личных дворян, помимо определенных преимуществ, это давало чувство сопричастности к господствующему классу, формировало определенный психологический настрой, стимулировало к дальнейшей служебной карьере.

2. ЧИСЛЕННОСТЬ ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ

Для ответа на этот вопрос мы располагаем таким довольно надежным источником, как Первая всеобщая перепись населения Российской империи, проведенная 28 января 1897 г. Однако она не дает представления о динамике изменения численности сословия за предыдущие годы. Интересующие нас сведения содержатся в изданиях Центрального статистического комитета (ЦСК) Министерства внутренних дел, в которых приводятся общие и погубернские данные за ряд лет (1858, 1863, 1867 и 1870 гг.) о сословном составе населения Европейской России и отчасти по другим районам (Кавказ, Сибирь, Средняя Азия) [38]; в материа-

[36] Там же, № 5284.
[37] ПСЗ, II, т. 29, № 27930.
[38] Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863, вып. 2; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866, сер. 1, вып. 1; 1871, сер. 2, вып. 1; 1875, сер. 2, вып. 10.

лах местных статистических комитетов и отчетах губернаторов. При использовании этих источников предпочтение, видимо, следует отдать статистическим изданиям ЦСК, в которых использован более широкий круг первичных материалов. Прежде чем перейти к анализу источников, необходимо оговориться, что ответ на поставленный вопрос целесообразно дать отдельно для потомственных и личных дворян, так как степень точности определения их численного состава будет неодинакова в связи с различной методикой подсчета и разными первичными материалами, послужившими основой для составления таблиц.

Основными источниками для таблиц ЦСК о численности потомственных дворян являлись губернские родословные книги, дополненные списками департамента герольдии, полицейскими списками и материалами однодневных переписей населения отдельных городов, проводившимися время от времени городскими управами. Используя эти данные, следует иметь в виду, что сами составители указывали на известную неполноту полученных ими первичных материалов [39]. Дело в том, что родословные книги, составлявшиеся на основе сведений, лично сообщавшихся дворянами своим уездным предводителям, далеко не всегда своевременно отмечали изменения, происходившие в дворянских семьях (рождение, смерть и т. д.). Кроме того, выпадали из подсчета дворяне, не внесенные по тем или иным причинам в эти книги. Правда, эта неполнота отчасти восполнялась за счет тех дворян, которые имели по нескольку имений в разных губерниях и могли фигурировать в нескольких книгах одновременно, отчасти — полицейскими списками, учитывавшими дворян—владельцев домов в городах [40]. Городские переписи, как уже отмечалось, носили случайный характер и не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на полноту картины. Из списков департамента герольдии, составлявшихся, как правило, на основе тех же сведений, что и родословные книги, имели какое-то значение лишь списки некоторых групп дворян-инородцев (например, мурз татарского происхождения), не входивших в губернские дворянские общества. Таким образом, данные таблиц ЦСК следует считать несколько заниженными. Тем не менее, будучи вполне сопоставимы в связи с однородностью первичных материалов, они дают представление о динамике изменения численности потомственного дворянства, по крайней мере для губерний Европейской России, за 1858—1870 гг. (см. приложение № 1. В нем в качестве итоговых приводятся данные переписи 1897 г.).

Приведенные материалы свидетельствуют о росте численности потомственного дворянства в губерниях Европейской России (без Прибалтики, Польши и Финляндии) в 1858—1863 гг. с 596 852 до 664 396, т. е. на 67 544 человек (11,8%). Следующие четыре года дают резкое сокращение числа дворян — до

519 572 к 1867 г., т. е. на 144 824 человека (21,8%). А к 1870 г. вновь наблюдается некоторый рост, примерно на 2%.

Попытки объяснить это явление предпринимались еще в дореволюционной историографии. Одни авторы считали, что в действительности никакого сокращения численности потомственного дворянства не было и что колебания цифровых данных вызваны просто техническими ошибками при группировке первичных материалов по сословному признаку. Эта точка зрения легко опровергается совокупным анализом изданных статистических таблиц. Другие авторы, не отрицавшие достоверности данных ЦСК, причину колебаний численности дворянства склонны были усматривать во влиянии буржуазных реформ, сказавшихся на положении сословия и его общественном престиже[41]. Последние замечания, видимо, справедливы, но все же и они не могут объяснить столь резкое сокращение численности дворянства к 1867 г. и столь медленный рост за следующее трехлетие, составивший чуть больше среднего ежегодного процента прироста населения[42].

Действительно, освобождение крестьян, подготовка и проведение ряда буржуазных реформ не могли не оказать влияния на положение дворянства в 60-е годы XIX в. Приведенные в приложении 1 данные, показывают, что к 1863 г. при общем росте числа дворян в ряде районов уже наблюдалась убыль их численности — в Центральном промышленном районе (Костромская, Нижегородская и Новгородская губернии), в Юго-западном районе (Волынская губ.), на Урале (Вятская и Пермская губернии). Следующее трехлетие дало сокращение численности дворянства почти во всех губерниях Центрального промышленного района, большей части губерний Центрального земледельческого района, в средневолжских, уральских, северных и особенно в 9 западных губерниях (Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Волынской, Киевской, Подольской). За исключением последних губерний, количественный спад был незначителен и вполне может быть объяснен усилившейся миграцией дворянства, обусловленной изменениями в его положении. К 1870 г. при общем, правда очень незначительном, увеличении численности высшего сословия, этот спад отмечался по-прежнему в губерниях Центрального промышленного района, северо- и юго-западных, северных губерниях, а из новых — в Херсонской гу-

---

[39] Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863, вып. 2, с. 153.

[40] Списки эти составлялись на основе городовых обывательских книг, в первую часть которых вносились дворяне — владельцы городской недвижимости (ПСЗ, I, т. 22, № 16188).

[41] См. подробнее: *Корелин А. П.* Указ. соч., с. 117, 122, 123.

[42] По подсчетам А. Г. Рашина, средний естественный прирост населения в России за период с 1867 по 1897 г. составлял около 1,4% (*Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956, с. 47).

бернии. Весь этот спад с лихвой компенсировался бурным ростом дворянства в столичных губерниях, численность которого здесь возросла с 1858 г. почти в 2,3 раза. Общая картина несколько проясняется, если не принимать в расчет 9 западных губерний.

	1858 г.	1863 г.	1867 г.	1870 г.	1897 г.
Общая численность потомственных дворян в 50 губерниях Европейской России	611 973	677 417	533 691	544 118	885 754
Численность потомственных дворян в 9 западных губерниях	377 627	402 695	241 401	239 191	407 918
Численность потомственных дворян в Европейской России (без 9 западных губерний)	234 346	274 722	292 290	304 927	477 836

Оказывается, что в остальных губерниях в целом никакого сокращения численности потомственного дворянства и не происходило. А как обстояло дело в западных губерниях?

Следует иметь в виду, что здесь, особенно в последние 15—20 лет до рассматриваемого периода, наблюдался бурный рост численности высшего сословия. К 1858 г. в Виленской губернии, например, он увеличился с 5743 до 51 078 человек, т. е. почти в 10 раз. В других губерниях, особенно в Ковенской и Минской, по сведениям местного генерал-губернаторства, этот рост был еще более внушителен [43]. Накануне 1861 г. местное дворянство, подавляющая часть которого представлена была польской знатью, составляло свыше 60% всей численности сословия. Затем следует резкий спад (к 1867 г.— на 47%), наблюдавшийся и в следующее трехлетие, причиной которого, несомненно, являются события, связанные с восстанием 1863 г. и последовавшими за ним репрессиями. Тысячи и тысячи участников восстания погибли, были казнены, высланы в центральные и восточные районы России, эмигрировали за границу, значительная часть их была лишена всех прав состояния [44]. Но уже к 1870 г. в связи с отменой чрезвычайного положения, амнистией и т. д. сокращение численности дворянства в этих районах замедляется, а перепись 1897 г. вновь показывает довольно значительный рост его — в 1,7 раза, что было несколько выше, чем в остальных губерниях Европейской России, где такое увеличение произошло примерно в 1,5 раза. Удельный вес польских дворян по-прежнему оставался весьма внушительным — свыше 40% от общего числа дворян Европейской России.

Из других европейских губерний численностью потомственного дворянства выделялись — и это вполне естественно — обе столичные губернии, а также Смоленская, Курская, Рязанская,

Полтавская, Харьковская, Черниговская (что объясняется историко-географической особенностью этих территорий, где издавна было многочисленно «служилое» дворянство) и Екатеринославская, Херсонская, Таврическая и Бессарабская губернии, освоение которых произошло уже значительно позднее — во второй половине XVIII — начале XIX в. В особом положении находилась Донская область, где местное дворянство представляли в основном казачьи офицеры.

В целом данные переписи 1897 г. свидетельствуют о довольно значительном приросте потомственного дворянства по всем губерниям Европейской России. За 40 лет он составил около 274 тыс., т. е. примерно 45%. Цифры эти, видимо, следует считать несколько преувеличенными как в связи с заниженностью данных ЦСК за 1858 г., так и с возможной завышенностью данных переписи 1897 г. Дело в том, что перепись проводилась методом личного опроса, и каждый, считавший себя представителем высшего сословия, мог утвердительно ответить на этот вопрос. Это обстоятельство следует иметь в виду при определении численности дворянства в таких районах, как Кавказ, Польша, северо- и юго-западные губернии, где юридическое положение местной знати, претендовавшей на дворянское достоинство, зачастую было весьма неопределенно.

В значительной мере именно в силу этого обстоятельства ЦСК в первых своих выпусках уклонился от попыток дать сведения о дворянстве на Кавказе. По данным ЦСК, к 1858 г. там насчитывалось около 98 тыс. дворян (потомственных и личных) и чиновников. Однако, публикуя эти цифры, составители таблиц оговаривались, что они «вследствие неопределенности существующего законоположения касательно дворян кавказских» весьма приблизительны и скорее всего преувеличены [45]. Попытка дать более детальные сведения, в том числе и о потомственных дворянах, была предпринята в таблицах ЦСК лишь за 1867 г. Однако, видимо, в связи с продолжавшимся освоением и административным переустройством края сведения эти приведены только по 5 из 10 административных делений — без Бакинской и Кутаисской губерний, Дагестанской и Терской областей и Черноморского округа. Всего было учтено 26 839 потомственных дворян [46]. Судя по другим, правда несколько более поздним данным, чис-

---

[43] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 276, л. 11. Справка в деле о проверке дворянских документов по Ковенской губернии.

[44] *Миско М. В.* Польское восстание 1863 г. М., 1962; *Марахов Г. И.* Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967.

[45] Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863, вып. 2, с. 297.

[46] Статистический временник Российской империи. СПб., 1871, сер. 2, вып. 1.

1 [illegible]

ленность дворян в пропущенных губерниях и областях, за исключением Кутаисской губернии, была незначительной: в Бакинской губернии и Дагестанской области, например, было зарегистрировано всего около 3 тыс. дворян и чиновников [47]. В Кутаисской же губернии в 1865 г. было 27 037 потомственных дворян [48]. Таким образом, численность потомственных дворян на Кавказе в 1867 г. можно определить примерно в 55 тыс. человек. А спустя 30 лет их было там уже 170 967, т. е. втрое больше.

В остальных районах Российской империи численность потомственного дворянства была сравнительно невелика. По данным ЦСК, в Сибири в 1867 г. она равнялась 3977, в Средней Азии (за исключением Сыр-Дарьинской и Тургайской областей) — 726 человекам. К 1897 г. там было уже соответственно 16 426 и 11 967 человек.

В целом же по империи, по данным переписи, к концу XIX в. насчитывалось 1 221 939 потомственных дворян (без Польши, Финляндии и Прибалтики — 1 060 815), что было больше по сравнению с 1867 г. на 570 тыс. человек (примерно на 87%) и составляло 0,98% населения.

Значительно сложнее обстоит дело с определением численности личного дворянства. Основным источником для ЦСК в этом отношении послужили ежегодные полицейские ведомости. Трудность заключалась в том, что, во-первых, сведения в них приводились, как правило, о личных дворянах с семьями (а, как известно, дети личных дворян не принадлежали к дворянскому сословию) и, во-вторых, в эту графу включались все классные чиновники (также с семьями). Вычленить из этих данных сведения о собственно личных дворянах — дело настолько сложное, что составители статистических таблиц в первом же их выпуске писали: «Вообще должно сознаться, что приведение в известность личного дворянства так трудно, что невозможно даже и требовать от собирателя большей точности» [49]. Этой же группировки придерживался ЦСК и при обработке и издании материалов переписи 1897 г. Но если до проведения буржуазных реформ 60—70-х годов слияние в одной графе данных о различных сословных группах было вынужденным и потребовало от составителей объяснений, то к концу XIX в. оно, видимо, было уже более правомерным в связи с юридическим и фактическим сближением этих подразделений. И действительно, и в отношении личных прав, и в отношении привилегий при поступлении на государственную службу дети личных дворян и классных чиновников находились примерно в равном положении, собственно, так же как и их родители [50]. Поэтому в дальнейшем и мы будем придерживаться тех подразделений, которые были введены ЦСК в статистических таблицах и при издании материалов переписи 1897 г. Приведенные в этих изданиях цифры о численности личных дворян и

чиновников (с семьями) сведены в приложении 2. Данные эти свидетельствуют о том, что личные дворяне и чиновники размещались по губерниям более равномерно, чем дворяне потомственные.

В Европейской России к 1858 г. наиболее многочисленны они были в столичных губерниях, что вполне естественно, а также в юго-западных и левобережных украинских губерниях. Причем, если в последних, где основную массу личных дворян составляло казачье офицерство, численность этого сословного подразделения быстро и непрерывно росла, то в юго-западном крае, наоборот, вплоть до 1870 г. наблюдалось резкое ее сокращение, что вызвано было, видимо, событиями 1863 г. Впрочем, следует иметь в виду, что колебания цифровых данных по ряду губерний, особенно в первых выпусках таблиц, вызывались, по признанию ЦСК, различной методикой подсчета при составлении первичных материалов, в которые включались то только личные дворяне, то личные дворяне и чиновники, то с семьями, то без них. В целом же в губерниях Европейской России численность личных дворян и чиновников с 276 809 в 1858 г. увеличилась до 486 963 в 1897 г., т. е. примерно на 76%. Прирост этот, видимо, был несколько меньше, так как данные за предшествующие годы занижены: при подготовке материалов составители стремились дать сведения только о личных дворянах (без чиновников), и хотя это полностью не удалось, но тенденция неминуемо должна была сказаться.

По всем остальным районам сведения имеются лишь с 1867 г. На Кавказе к этому времени, по неполным данным «Статистических таблиц» и «Военно-статистического сборника», эта прослойка насчитывала свыше 17 тыс. человек. По мере освоения края и подчинения княжеств и ханств она выросла к 1897 г. второе — до 53 878 человек. Значительную часть личных дворян здесь составляло офицерство кубанского и терского казачеств и постоянно находившихся там регулярных частей армии. В Сибири и Средней Азии число личных дворян и чиновников за 30 лет возросло соответственно с 11 115 и 2019 до 29 339 (в 2,6 раза) и 15 357 (в 7,6 раза) человек.

Всего к 1897 г. в империи было зарегистрировано 631 245 личных дворян и чиновников вместе с членами их семей (без Польши, Финляндии и Прибалтики — 574 369), что составляло 0,52% всего населения. С 1867 по 1897 г. их численность возросла при-

---

[47] Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
[48] Военно-статистический сборник. СПб., 1871, вып. 4, с. 126.
[49] Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863, вып. 2, с. 297.
[50] Свод законов Российской империи, 1876, т. 3, ст. 3, 32—33.

мерно на 75%. Прирост этот, видимо, также следует считать несколько завышенным. В целом же он отражает тот рост чиновничества и офицерства, который был вызван значительным расширением государственного аппарата России в пореформенный период.

Общую численность высшего сословия и классного чиновничества (с семьями) на 1858 г. ЦСК определил приблизительно в 1 002 000 человек (без Польши, Средней Азии и Финляндии) [51]. Приведенные сведения относительно точны для 49 губерний Европейской России — 886 752 человек (445 411 мужчин и 441 371 женщин) [52]. Более приблизительны данные по Сибири (без Амурской области и Области оренбургских киргизов) — 17 484 человек (9175 мужчин и 8039 женщин) и по Кавказу — около 98 тыс. человек (57 тыс. мужчин и 41 тыс. женщин). Через 40 лет перепись зарегистрировала на той же территории уже 1 643 327 человек, принадлежавших к рассматриваемым сословным подразделениям, т. е. приблизительно на 64% больше. Всего же к 1 января 1897 г. в Российской империи насчитывалось 1 853 184 потомственных, личных дворян и классных чиновников (с семьями) (без Польши, Финляндии и Прибалтики — 1 635 211), что составляло около 1,5% численности населения.

3. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

По мере территориального расширения империи и освоения новых районов в состав российского дворянства включалась местная знать: остзейское рыцарство, польские магнаты и шляхта, украинская казачья старшина, бессарабские бояре, грузинские тавады и азнауры, мусульманские князья, ханы, мурзы, беки, агалары и т. д. Включение «инородцев» в высшее сословие происходило разными путями и на различных основаниях, что не могло не отразиться на их положении. В ряде случаев, как это было с бессарабскими боярами и казачьей старшиной, местная знать постепенно полностью была уравнена в правах — личных и корпоративных — с дворянством великорусских губерний [53]. В других случаях — на Кавказе, в Польше и 9 западных губерниях — местный нобилитет также формально пользовался правами высшего российского сословия, но с определенными ограничениями личного и корпоративного порядка. И наконец, немногочисленные группы местной знати, к которым относилось остзейское и финское рыцарство, наоборот, было в особо привилегированном положении даже по сравнению с великорусским дворянством, что находило выражение в сохранении их традиционных институтов и особой автономии в области сословного и местного управления [54].

Местная знать 9 западных губерний, представленная в основном поляками, подразделялась на высший слой, который составляли магнаты, и многочисленную шляхту, бывшую на государственной службе или в услужении у магнатов. После присоединения этих районов к России всем им была дана возможность, представив документы, удостоверяющие их «благородное» происхождение, получить права высшего состояния. Хлынувший поток шляхетских ходатайств о причислении к дворянству, обусловленный главным образом стремлением просителей избежать приписки к «тяглу», вскоре же вынудил правительство ограничить доступ в высшее сословие и заняться тщательной проверкой документов, среди которых оказалось много поддельных. С этой целью были учреждены специальные правительственные комиссии. Утверждением в дворянстве шляхты занимался Комитет министров. Наиболее существенные меры в этом плане были приняты в связи с участием шляхты в восстаниях 1830 и особенно 1863 г. После подавления последнего восстания начались репрессии, серьезно изменившие положение польских дворян. Часть имений поляков-помещиков была конфискована, на другие — наложена контрибуция (шестипроцентный сбор с доходов). Был принят ряд мер вообще по вытеснению польского землевладения и насаждению русских помещиков: полякам запрещалось покупать и арендовать земельные участки, их лишали кредита и т. д. В результате этих мер, предусмотренных законом от 10 декабря 1865 г., правительство отчасти достигло поставленной цели: если до 1863 г. землевладение в Западном крае было в основном польское (в Виленской губ. на 95%, в Минской — на 94, в Киевской — на 82%), то к концу века лишь в Виленской и Ковенской губерниях оно составляло соответственно 73 и 75% всех частных владений. В других губерниях польское и русское землевладение составляло: в Гродненской — соответственно 53,8 и 40,8%, в Минской — 49,7 и 41, в Витебской — 46,8 и 42,3, в Волынской — 47,9 и 45,4, в Могилевской — 33 и 63, в Подольской — 48,3 и 49,8%. В Киевской губернии русское землевладение составляло 59,3% [55]. И наконец, Положением Западного комитета от

[51] Статистические таблицы..., с. 294.

[52] Эти данные почти идентичны с итоговыми цифрами 10-й ревизии (см.: Журнал министерства внутренних дел, 1860, кн. 5, отд. III, с. 12; Статистические таблицы..., с. 292).

[53] Свод законов..., 1876, т. 9, ст. 18; История Молдавской ССР. Кишинев, 1965, т. 1, с. 403; *Миллер Д.* Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии (превращение казацкой старшины в дворянство). Киев, 1897.

[54] О дворянстве Царства Польского, Финляндии и прибалтийских губерний см.: *Корелин А. П.* Указ. соч., с. 105—108, 136—139.

[55] Справка по вопросу о восстановлении собраний и выборов дворянства в девяти западных губерниях. Б. м., б. г., ч. 3, с. 6—7; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. 5, с. 71.

27 мая 1864 г. поляки устранялись от занятия всех государственных и общественных должностей, «имеющих непосредственное соприкосновение с народом» [56].

Дворянство этих губерний фактически лишалось и корпоративных прав. Все выборные дворянские должности замещались по распоряжению МВД и предпочтительно лицами непольского происхождения. Были установлены и более жесткие требования к шляхте, «отыскивающей» дворянство. Указом от 4 июля 1863 г. разбор таких дел прекращался впредь до подавления восстания. Западный комитет, занимавшийся этим вопросом, вынужден был отметить, что все принимавшиеся ранее меры к ограничению доступа шляхты в высшее сословие в значительной степени оказались безуспешными и привели лишь к огромному количеству подделок документов. Его предложения сводились к следующему: «...а) всех лиц, принадлежащих к бывшей шляхте, если они не утверждены в дворянстве, записать к 1 января 1865 г. без исключения в податные сословия; б) дела о дворянстве, оставшиеся неразрешенными, зачислить конченными, давая им дальнейший ход... только в том случае, если о признании в дворянстве состоялись хотя бы не окончательные постановления депутатских собраний или департамента герольдии Сената; в противном случае возобновление таких дел допускается не иначе, как после трехлетнего пребывания, доказывающих дворянство лиц в податном состоянии и исправном отбывании ими в течение этого времени всех повинностей при благонадежном поведении» [57]. Мнение комитета было одобрено Сенатом, но затем исполнение его отсрочили на три года и в конечном итоге в полной мере так и не осуществили. Уже в 1868 г. было разрешено назначать на выборные дворянские должности в случае отсутствия кандидатов из русских помещиков польских дворян. В результате к 1883 г. последние составляли половину всех уездных предводителей дворянства в северо-западных губерниях [58]. В 1895 г. была отменена обязательная продажа еще не проданных имений участников восстания 1863 г., а в 1897 г. был отменен шестипроцентный сбор. Переизданный в 1876 г. 9-й том «Свода законов...» подтверждал, что польские дворяне при определении на государственную службу признаются наравне с дворянами российскими.

И все же польские дворяне продолжали находиться в особом положении. Довольно большая часть их, даже записанных в родословные книги, не была утверждена Сенатом. Согласно «Уставу о гражданской службе», при оформлении поляков в качестве чиновников требовалось представить не только документы о признании их в дворянском достоинстве, но и свидетельство начальника губернии о том, что препятствий к определению их на службу в империи нет, т. е. фактически требовалось поручительство о благонадежности [Свод законов.., т. 3, ст. 24]. Комитет минист-

ров, обсуждая в марте 1905 г. вопрос об отмене ограничений в западных губерниях, отмечал, что бóльшая часть их осталась. «Между дворянским сословием этих губерний нет единения,— констатировал он,— поляки держáтся особняком и не сходятся с русскими дворянами. Причиною сего является, с одной стороны, отсутствие дворянских собраний... а с другой стороны, рознь увеличивается ограничением прав поляков, которым возбранен доступ на службу» [59].

Высшее сословие на Кавказе составляли: грузинские тавады; азнауры, находившиеся в вассальной зависимости от царской фамилии или тавадов; армянские мелики и мусульманская знать — ханы, беки, агалары. Указом от 24 марта 1827 г. грузинская знать при поступлении на службу была уравнена в правах с российским дворянством [60]. Однако это был лишь первый шаг в конституировании местного дворянства. Все тавады после соответствующей проверки документов подлежали утверждению в российско-княжеском достоинстве. Что касается азнауров, то высочайше утвержденным 11 июля 1833 г. мнением Государственного совета все они, находившиеся в зависимости и от царей и от тавадов, освобождались от этой зависимости, уравнивались в правах, и всем им предоставлялось право «отыскивать» дворянство [61]. Проверкой документов и составлением списков князей и дворян, занималась специально учрежденная в связи с этим комиссия.

Составление списков и их утверждение шло весьма медленно. Во-первых, это в значительной мере было связано с ликвидацией автономии княжеств. Раньше было упорядочено положение знати в Гурии, Имеретии и Кахетии. В Мегрелии же комиссия для выявления лиц, претендовавших на дворянство, была учреждена только в 1865 г. Лишь в 1890 г. подготовленные ею списки были переданы для проверки Кутаисскому депутатскому собранию. Но уже в 1901 г. под предлогом реорганизации последнего рассмотрение дел было вообще приостановлено [62]. Во-вторых, положением Кавказского комитета от 21 мая 1864 г. было установлено, что для окончательного признания бывших тавадских азнауров в дворянском достоинстве необходимо размежева-

---

[56] Справка по вопросу о восстановлении собраний и выборов дворянства..., ч. 3, с. 4—5.
[57] Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902, т. 1, с. 200—201.
[58] Там же, т. 4, с. 222.
[59] Справка по вопросу о восстановлении собраний и выборов дворянства..., ч. 3, с. 9.
[60] История СССР с древнейших времен..., М., 1976, т. 4, с. 382.
[61] ПСЗ, II, т. 8, отд. 1, № 6311.
[62] ПСЗ, III, т. 10, отд. 1, № 6716; *Блосфельд Г. Э.* Указ. соч., с. 231—235.

ние их имений с землями их прежних сеньоров [63]. Этим делом до 1867 г. занимались специальные межевые комиссии, а затем — окружные суды. Так или иначе вплоть до начала XX в. юридически положение значительной части грузинской знати оставалось неопределенным, что являлось одной из причин личной и корпоративной неполноправности грузинских дворян. Так, не утвержденные в дворянстве тавады и азнауры Мегрелии в отношении личных прав фактически приравнивались к личным дворянам.

Что касается кавказской мусульманской знати, то вплоть до 1917 г. она так и не была полностью уравнена в правах с потомственными дворянами, хотя вопрос об этом ставился неоднократно. Такими правами она пользовалась лишь при поступлении на государственную службу [64].

Да и среди дворян-«инородцев», формально уравненных в правах с российскими дворянами, много было таких, которые по ряду причин — в силу экономической несостоятельности, неграмотности, незнания русского языка или общего низкого культурного уровня — не могли воспользоваться всеми предоставленными им правами. Так, бóльшая часть башкирской знати, формально уравненной в правах с российскими дворянами, жила в деревнях Уфимской губернии и составляла, по свидетельству местного губернатора, нечто вроде сельских обществ. Некоторые из них имели собственное самоуправление, другие даже подчинялись органам волостного крестьянского управления. В Белебейском уезде, например, жили 259 таких дворянских семей, «нисколько не отличавшихся ни по воспитанию, ни по своим занятиям от крестьян-хлебопашцев». Никто из них не был занесен в губернскую родословную книгу, да и не возбуждал о том ходатайства. Почти все они не имели и документов, удостоверявших их «благородное» происхождение [65]. Та же картина наблюдалась и среди татарских мурз Таврической губернии с той лишь разницей, что среди них были вполне зажиточные семьи.

Общее представление о национальном составе высшего российского сословия дают материалы переписи 1897 г. Следует, правда, сразу оговориться, что эти данные не совсем прямо и точно отвечают на этот вопрос. Дело в том, что при опросе населения в качестве признака определения национальности был взят родной язык, а это не позволяло учесть процесс ассимиляции народностей многонациональной Российской империи и результат русификаторской политики царизма [65а].

Произведенные на основе материалов переписи подсчеты показывают, что почти 53% потомственных дворян назвали родным языком русский. Из других языковых групп наиболее многочисленными оказались польская (28,6%), грузинская (5,9%), турецко-татарская (5,3%), литовско-латышская (3,4%) и немец-

кая (2,04%). Все остальные национальности представляли незначительное меньшинство — около 3%. Основная масса русских потомственных дворян (88,3%) размещалась в губерниях Европейской России, 4,3% — на Кавказе, остальные — в Польше, Сибири и Средней Азии. Около $^2/_3$ польских дворян также проживали в пределах Европейской России, в основном в западных губерниях, и лишь $^1/_3$ — в Царстве Польском. Большинство дворян, принадлежавших к турецко-татарской языковой группе (73,1%), было зарегистрировано на Кавказе, около четверти (24,4%) — в губерниях Европейской России и около 2% — в Средней Азии. Остальные группы территориально были представлены в основном определенными национальными районами. Так, на Кавказе жили свыше 90% всех потомственных дворян, говоривших на картвельских языках, на языках кавказских горцев, подавляющая часть армянских дворян, составлявших свыше 90% VIII группы (остальные индоевропейские языки). Туземное дворянство составляло здесь около 73% всех потомственных дворян края. Молдавские дворяне, составлявшие свыше 90% романской группы, жили в Бессарабской губернии и т. д.

Таким образом, из приведенных данных видно, что так называемые инородцы составляли около половины всего российского потомственного дворянства.

Несколько иное соотношение языковых групп сложилось в другом подразделении высшего сословия. Свыше 81% личных дворян и классных чиновников (с семьями) считали себя русскими. Остальные более или менее многочисленные языковые группы были в основном те же, что и у потомственных дворян, но в ином процентном отношении и порядке. Второй по численности шла польская группа — 9,8%, затем немецкая — 2,7, грузинская — 2,2 и армянская — 1,3%. Все остальные группы вместе насчитывали менее 3% от общего числа личных дворян и чиновников. Русские личные дворяне и чиновники составляли около 88% всего рассматриваемого сословного подразделения в губерниях Европейской России, 31,4% в Царстве Польском, 49 — на Кавказе, свыше 90% — в Сибири и Средней Азии. Поляки почти поровну распределялись между губерниями Царства Польского и Европейской России, сосредоточившись в последней на 90% в Западном крае. Немцы, издавна составлявшие довольно заметный элемент в российском чиновничестве и офицерстве,

---

[63] Свод законов..., 1876, т. 3, примеч. к ст. 3, ст. 33.

[64] Там же, ст. 3. Такие же права получили калмыцкие нойоны, а также знать осетинских племен — бадилаты, алдары, таубии.

[65] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, 1903 г., д. 60, л. 2—4. Копия донесения уфимского губернатора министру внутренних дел от 9 августа 1902 г.

[65а] Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения... СПб., 1905, т. 2, с. 374—386.

к концу XIX в. в значительной степени уже утратили свои прежние позиции, составляя, однако, по-прежнему подавляющую часть всей администрации в прибалтийских губерниях. На Кавказе грузины, армяне, представители горских и других народностей составляли свыше 46% личных дворян и чиновников.

Решительное преобладание русского элемента в данном сословном подразделении объясняется русификаторской политикой правительства, и в частности соответствующим подбором кадров чиновничества и офицерства. Но вместе с тем следует отметить, что при этом в некоторых национальных районах, например на Кавказе, на государственную службу довольно широко привлекались и представители местного населения.

*

Итак, российское дворянство, провозглашенное законодательством высшим сословием империи, самим законом не признавалось чем-то однородным. Ряд юридических различий в положении его отдельных групп в ходе пореформенной эволюции постепенно утрачивал свою значимость. Так, к концу XIX в. почти утратили какое-либо самостоятельное практическое значение деления на разряды. Другие различия, наоборот, усилились. В частности, личные дворяне по-прежнему располагали значительно меньшими правами, объем которых в какой-то степени даже уменьшился, а связь с потомственным дворянством становилась все более искусственной. Сохранились особенности и в положении отдельных национальных групп дворянства — в отношении личных и особенно корпоративных прав, что обусловливалось спецификой национальных особенностей отдельных районов Российской империи, условиями их присоединения и политикой правительства. Сохранились, как мы увидим, и особенности в положении отдельных слоев потомственного дворянства великорусских губерний, обусловленные уже социально-экономическими факторами.

В целом численность высшего сословия в пореформенную эпоху значительно возросла. Помимо естественного прироста, основными источниками его пополнения по-прежнему оставались лица, выслужившие дворянское достоинство, и местный нобилитет присоединенных национальных районов, составлявший около половины всего сословия. Анализ родословных книг и дворянских списков показывает, что большую часть сословия в губерниях Европейской России составляли так называемые новые дворяне, сословным положением своим целиком обязанные власти. Это обстоятельство имело немаловажные последствия для формирования дворянской психологии.

Дворянство в еще большей степени, чем раньше, стало, по выражению дворянских историков и публицистов, «государственно-

регулируемым» сословием. Политика самодержавия в этом вопросе была довольно противоречива. С одной стороны, оно опасалось чрезмерного наплыва в дворянство выходцев из других сословий. С другой стороны, расширение государственного аппарата требовало новых кадров служащих, определенная часть которых по своему положению сливалась с дворянством, и это требовало во избежание целого ряда конфликтов и соответствующего юридического оформления. К тому же этот контингент, среди которого были и личные дворяне, усиливал относительную самостоятельность абсолютизма. В ходе противоборства этих двух тенденций вторая неизменно брала верх. Борясь против демократизации государственного аппарата и сословия путем одворянивания нового пополнения служащих или сокращения доступа разночинным элементам в эти институты, самодержавие не могло стать на путь полного прекращения пополнения их извне. Этим отчасти, видимо, объяснялась и определенная живучесть старого класса-сословия. «Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов,— писал К. Маркс,— тем прочнее и опаснее его господство» [66]. Также противоречивой и неодинаковой была политика самодержавия в отношении местной знати национальных районов. Но, несмотря на обострение этих противоречий, обусловленное формированием в период капитализма национального вопроса, стремление абсолютизма сохранить туземный нобилитет в этих районах в качестве своей опоры, использовать определенные слои местного населения в аппарате управления прослеживается вполне отчетливо.

[66] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 150.

Глава вторая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА. ИМУЩЕСТВЕННОЕ РАССЛОЕНИЕ И КЛАССОВОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ

1. ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ. ПОМЕСТНОЕ ДВОРЯНСТВО

Из целого ряда прав и привилегий, представлявшихся дворянству дореформенным законодательством, одним из важнейших являлось право владения населенными имениями. Владение поместьями, вотчинами, крепостными крестьянами вначале на условиях несения государственной службы, а затем и безусловное являлось вплоть до 1861 г. почти исключительной привилегией потомственных дворян. С этим были связаны вотчинно-полицейские права помещиков в пределах своих имений и их особая роль в местном управлении. Закон, разрешавший без каких-либо существенных ограничений залог, куплю, продажу непаселенных земель (пустошей), не представлявших без крепостных особой ценности, отчуждение населенных имений допускал только в руки потомственных дворян. В целях большей гарантии сохранности родовых, наследственных земель в руках их собственников еще «Жалованная грамота» 1785 г. запрещала отчуждать родовые имущества из рода посредством завещания или дара и представляла право выкупа в течение 3 лет проданных имений продавцам и их родственникам [1]. С этой же целью закон от 16 июля 1845 г. предоставлял право владельцам крупных поместий учреждать майораты [2]. Принятое уже в условиях острого кризиса феодально-крепостнической системы, «Положение о заповедных наследственных владениях» было направлено главным образом на сохранение крупнейшего землевладения и наиболее знатных фамилий. Майораты должны были составлять не менее 10 тыс. и не более 100 тыс. дес. удобной земли или давать ежегодный доход от 12 тыс. до 200 тыс. руб. Такое имение, хотя и переходило по наследству к старшему в семье или роде, признавалось собственностью не одного владельца, а всей фамилии в лице как настоящих, так и будущих поколений и поэтому не могло ни отчуждаться, ни отдаваться в залог. Владелец не имел права обременять его долгами. Если же таковое все же происходило, то майорат, переходя в казенное управление, и в этом случае не

подлежал продаже. Недоимки погашались за счет доходов имения, а в случае смерти владельца его долг принимала на себя казна, передавая наследнику майорат в первозданном виде. В первой половине XIX в. майоратным правом воспользовался ряд знатных родовитых фамилий — князья Голицыны, Барятинские, графы Воронцовы, Бенкендорфы, Толстые и т. д.

С отменой крепостного права главным показатем благосостояния поместного дворянства стала земля. Помещики сумели сохранить в своих руках огромную земельную площадь, составлявшую, по расчетам А. Е. Лосицкого, только в 45 губерниях Европейской России (без Архангельской, Астраханской и прибалтийских губерний) более 87 млн. дес.[3] Но новые условия, потребовавшие перестройки помещичьего хозяйства, обусловили и необходимость определенного пересмотра аграрного законодательства. В частности, пришлось ликвидировать бо́льшую часть ограничений в отношении частного землевладения. Высочайше утвержденным 19 февраля 1861 г. мнением Государственного совета подтверждалось, что «помещичьи имения в полном их составе, т. е. с крестьянским наделом и с правом на крестьянские за этот надел повинности — могут быть продаваемы и иным образом передаваемы только потомственным дворянам»[4]. Но вместе с тем указывалось, что эти имения могли отдаваться в аренду лицам всех состояний с передачей им права на получение оброка на срок до 12 лет. Продаваться же недворянам они могли только после наделения крестьян землей или перевода их на выкуп. Отошедшие к помещикам земли, за исключением крестьянских наделов, как ненаселенные, могли отчуждаться, отдаваться в залог, в аренду лицам всех сословий. Таким образом, с подписанием уставных грамот и переходом крестьян на выкуп все препятствия в распоряжении помещичьими землями автоматически снимались. Далее, сохранив формально право выкупа родовых имуществ, Государственный совет мнением от 26 сентября 1862 г. постановил, что в отношении помещичьих земель это право касается лишь населенных имений и что таковыми могут считаться лишь те, «в коих сохранились еще обязательные отношения между крестьянами и помещиками»[5]. Впоследствии Сенат несколькими своими разъяснениями в 1869—1870 гг. подтвердил, что «бывшие помещичьи имения, в коих крестьяне получили в собственность усадьбы и полевые земли или приступили к выку-

[1] Свод законов Российской империи, 1857, т. 10, ст. 1346, 1363.
[2] ПСЗ, II, т. 20, отд. 1, № 19202.
[3] Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., 1911. вып. 20, с. XXIV.
[4] ПСЗ, II, т. 36, отд. 1, № 36674.
[5] Свод законов..., 1887, т. 10, ст. 1350, примеч.

пу оных, теряют свойства населенных, а потому в случаях продажи выкупу не подлежат» [6].

Оставался еще ряд сословных ограничений в землевладении в виде майоратного права, войсковых казачьих земель, которыми пользовались помещики из офицеров и казачья старшина, земель башкирской знати, уральских посессионных владений, ленных имений, имений с крестьянскими сервитутами, с арендаторами на чиншевом праве в западных губерниях и т. д. [7] Но главные препятствия в мобилизации дворянских земель были устранены. Формально пережитки дореформенного земельного законодательства, препятствовавшие изживанию сословности в частном землевладении, охватывали к началу XX в., видимо, не более 10% площади дворянских имений. Еще меньший процент владельцев мог пользоваться ими. В результате дворянский земельный фонд начал быстро таять.

Процесс этот вскоре принял такие масштабы, что стал предметом серьезного беспокойства и правительства, и дворянских обществ. Уступая настоятельным ходатайствам последних, самодержавие пошло на учреждение в 1885 г. Государственного Дворянского земельного банка. Действия его распространялись на губернии Европейской России (за исключением прибалтийских). Пользоваться им могли только потомственные дворяне, которые имели теперь возможность получать ссуды под залог имений на самых льготных условиях. Предельный срок ссуд формально был установлен в 66 лет, а процентные ставки по ним — на 1,5—2% ниже, чем в акционерных земельных банках. Фактически же, как мы увидим, сроки ежегодных платежей неоднократно отодвигались, неуплаченные проценты причислялись к капитальному долгу или вообще списывались, т. е. становились скрытой субсидией. Давались и другие льготы, а связанные с этим расходы относились на счет Государственного банка. Однако все эти меры не могли остановить убыль дворянского землевладения.

*

Более или менее полные данные, позволяющие проследить этот процесс в динамике, мы имеем лишь по губерниям Европейской России. Здесь дворянское землевладение (без Архангельской, Астраханской и прибалтийских губерний) с 87 169 тыс. дес. в 1862 г. сократилось до 77 040 тыс. дес. к 1877 г. и до 51 248 тыс. дес.— к 1905 г. За 43 года оно уменьшилось на 41% [8]. И это несмотря на помощь правительства, которое, помимо различного рода финансовых мер по поддержке старого класса-сословия, распродало дворянам и чиновникам в 1857—1887 гг. по чрезвычайно низким ценам и на самых льготных условиях около 1 млн. дес. [9] «Капитализм,— отмечал В. И. Ленин,— впервые порвал с со-

словностью землевладения, превратив землю в товар»[10]. Буржуазные отношения властно вторглись в «святая святых» изжившего себя феодального общества. Особое совещание по делам дворянского сословия с сожалением вынуждено было констатировать: «Частная земельная собственность утратила характер постоянства владения, составлявший отличительную черту дворянских вотчин дореформенной Руси. Ныне имения продаются, покупаются, дробятся с небывалой прежде легкостью; земля стала предметом гражданского оборота на одинаковых со всеми прочими товарами основаниях»[11]. Началось обезземеливание старого поместного дворянства, знаменитое его «оскудение» — термин, вошедший с легкой руки С. Н. Терпигорева в научную и особенно публицистическую литературу по дворянскому вопросу.

Картина сокращения дворянского земельного фонда в пореформенное сорокалетие представлена в табл. 2. Как следует из ее данных, сначала быстрее утрачивали земли дворяне нечерноземных губерний. Особенно быстрыми темпами сокращалось дворянское землевладение в Центральном промышленном и Северном районах, где к 1905 г. оно составляло соответственно 44 и 52% исходных величин. Затем, с конца 70-х годов, очевидно, под влиянием мирового аграрного кризиса, началась широкая распродажа земель и в черноземных губерниях — в Центральном земледельческом и Левобережном украинском районах. Наиболее устойчивым дворянское землевладение оказалось в 9 западных губерниях, где дворяне сумели сохранить к 1905 г. до 80% своих прежних владений.

Однако земельное «оскудение» еще не объясняет и не раскрывает всей сложности процесса эволюции поместного дворянства. Будучи крупнейшим продавцом на земельном рынке, оно в то же время являлось и крупнейшим покупателем, приобретая земли больше, чем все остальные сословия. Процент участия дворян в покупках земли в 1863—1872 гг. составлял 51,6%, в 1873—1882 гг.— 42,9, в 1883—1892 гг.— 34,7 и в 1893—1897 гг.— 33,2%. Хотя доля их постоянно снижалась и с 1898 г. первое место в этих операциях перешло к крестьянам, но до конца XIX в. более

[6] ЦГИА СССР, ф. 1664, оп. 1, д. 126, л. 213 об. Записка по ходатайствам дворянства о восстановлении права выкупа родовых дворянских имений. 1892 г.

[7] *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969, с. 39—47.

[8] Материалы по статистике движения землевладения в России, вып. 20, с. XXIV.

[9] Историческое обозрение 50-летней деятельности министерства государственных имуществ (1837—1887). СПб., 1888, ч. 3, с. 64—69.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 310.

[11] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 6, ч. 1, л. 214. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия, № 8.

Таблица 2. Движение дворянского землевладения по районам, % к 1862 г.

Районы	Годы									
	1862	1867	1872	1877	1882	1887	1892	1897	1902	1905
Центральный промышленный	100	96	88	79	69	63	56	50	45	44
Северный	100	92	88	83	72	65	62	57	52	52
Северо-западный	100	101	102	101	100	98	92	86	81	80
Центральный земледельческий	100	97	93	88	84	80	77	73	66	62
Левобережный украинский	100	98	94	90	85	79	74	68	61	58
Юго-западный	100	101	99	97	95	93	91	87	82	80
Южный степной	100	96	90	88	79	71	65	61	55	52
Восточный степной	100	94	90	89	82	77	74	67	56	52
Итого по нечерноземным губерниям	100	96	92	87	79	74	69	64	59	58
Итого по черноземным губерниям	100	97	93	90	84	79	75	71	63	60
Всего по 45 губерниям	100	96	98	88	82	77	71	67	61	59

Источник. Материалы по статистике движения землевладения в России, вып. 20, с. XXV.

половины продававшейся дворянами земли оставалось в руках сословия [12]. Таким образом, шел интенсивный процесс внутрисословного перераспределения дворянского земельного фонда. Картина покупок и продаж земель дворянами представлена в табл. 3.

Таблица 3. Купля-продажа земель дворянами

Годы	Продано	Куплено	Убыло	Средняя ежегодная убыль, %
	В тыс. дес.			
1863—1872	16 120	9 673	6 447	0,77
1873—1882	23 431	13 940	9 491	1,24
1883—1892	17 996	9 688	8 308	1,24
1893—1902	21 016	10 979	10 037	1,69
1903	1 493	795	698	1,32
1904	1 384	759	625	1,20
Итого за 1863—1904	81 440	45 834	35 606	1,20

Источник. Материалы по статистике движения землевладения в России, вып. 20, с. XXV.

В целом интенсивность товарооборота дворянской земли, подвижность дворянского землевладения, характеризуемая отношением проданных земель к купленным, следует признать сравнительно высокой: составляя за пореформенное сорокалетие 175,5%, она более чем вдвое превышала любую из других групп продавцов и покупателей [13]. Особенно значительный размах распродажа земель приобрела во втором и четвертом десятилетиях. Причем значительная часть земли, очевидно, продавалась и покупалась неоднократно, переходя из рук в руки. Этому способствовало резкое возрастание цен на земельном рынке: к 1902 г. цена десятины в среднем выросла в 3—4 раза по сравнению с ее дореформенной стоимостью [14]. Кроме того, определенное влияние, несомненно, оказывала и перестройка части имений на новые способы хозяйствования, приводившая к интенсификации производства и продаже излишков земли [15].

Сократился и удельный вес дворянских земель как в общем земельном фонде страны, так и в частном землевладении: по дан-

[12] Материалы по статистике движения землевладения в России, вып. 20, с. 16.

[13] *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII—начало XX в. М., 1974, с. 254—256.

[14] Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., вып. 13, 1907, с. X.

[15] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 134.

ным земельных переписей 1877—1878 гг. и 1905 г. в губерниях Европейской России он уменьшился соответственно с 18,7 до 13,7% и с 79,8 до 61,9% [16]. Как показали исследования И. Д. Ковальченко и Н. А. Проскуряковой, за эти 28 лет наиболее заметно уменьшилась доля дворянского землевладения в северных (более чем в 3 раза), центрально-промышленных, северо-западных и юго-восточных губерниях (почти в 2 раза), а также в губерниях средневолжских, центрально-черноземных, украинских левобережных и южных степных. Это, как мы увидим, в значительной мере и обусловило наибольшую активность дворянских обществ именно этих губерний, требовавших принятия мер к упрочению позиций дворянского землевладения. Менее всего в этом плане нарушились пропорции в Приуральском районе, где почти в полном составе сохранились посессионные владения уральских латифундистов, а также в Прибалтике и 9 западных губерниях. В последних особая устойчивость дворянского землевладения объяснялась как спецификой крестьянской реформы в этих районах, большей приспособленностью местных помещиков к капиталистическим способам хозяйствования, так и политикой царизма по отношению к польским помещикам, затруднявшей процесс свободной мобилизации земельной собственности. И тем не менее удельный вес дворянского землевладения, особенно в структуре частной земельной собственности, оставался весьма высоким.

Следует иметь в виду, что общие средние показатели не дают полного представления о засилье помещичьего землевладения. Во-первых, процент его в основных земледельческих районах оказывается более высоким, если не учитывать в значительной мере неиспользовавшиеся земельные площади северных, приуральских и юго-восточных губерний, составлявшие свыше 50% всего земельного фонда Европейской России. Во-вторых, удельный вес дворянских земель в стоимостном выражении был выше, чем в соотношении земельных площадей, составляя в 1877 г. 28,7%, а в 1905 г.— 21,3% от стоимости всей земли. Это обусловливалось как более высокой стоимостью помещичьих имений, так и вообще расположением их в районах с высокими земельными ценами. В связи с ростом последних стоимость дворянского земельного фонда уменьшалась медленнее, чем земельная площадь. Это обстоятельство вносит довольно значительные коррективы в представление об экономической мощи сословия как в целом, так и в отдельных районах страны. Так, дворянское землевладение в центрально-черноземных губерниях, занимая в конце XIX — начале XX в. по размерам земельных площадей третье место, безраздельно доминировало по их стоимости, что определяло его роль как бастиона помещичьего лагеря. В 70-х годах XIX в. господствующие экономические позиции в этом плане принадлежали помещикам Центрально-черноземного, Юго-Западного, Сред-

неволжского и Южного степного районов, на долю которых приходилось 59,8% стоимости всех дворянских земель при 37,7% их площади. К 1905 г. дворянское землевладение в этих районах в основном сохранило свои позиции: оно составляло 58,5% стоимости всех дворянских владений при 35,1% их площади [17] (только место средневолжских губерний заняли губернии левобережные украинские).

Отмечая, что развитие землевладения в России состоит в переходе от сословности к бессословности, что оно явственно идет к созданию буржуазной собственности на землю, В. И. Ленин в то же время указывал, что «к концу XIX в. феодальная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности», что «власть земли» еще чрезвычайно сильна [18].

В целом до конца века поместное дворянство, казалось бы, могло существовать еще вполне безбедно: если к средствам, полученным от продажи земель, прибавить суммы, полученные по выкупным операциям, то окажется, что в течение 35 пореформенных лет оно получало ежегодно от 35,4 млн. до 44,8 млн. руб. [19] К этому следует добавить суммы, полученные от залога земель. Только Дворянский банк за 1886—1900 гг. выдал ссуд на 978,9 млн. руб., приняв в залог 28,2 млн. дес. [20] Всего же к началу XX в. дворянство извлекло из своего «права на землю» колоссальные капиталы — более 2 млрд. руб. Утрату значительной части своих владений помещики с лихвой компенсировали возросшей капитальной стоимостью земли: к концу XIX в. дворянский земельный фонд оценивался вдвое выше, чем в начале 60-х годов (2,5 млрд. против 1,25 млрд. руб.) [21]. Таким образом, чтобы понять суть изменений, происходивших в среде поместного дворянства, необходимо знать, каким образом происходило перераспределение земель, в чьи руки и в какой пропорции попадали полученные помещиками суммы, как они использовались, как происходило изменение социально-экономической природы помещичьих доходов. Не на все эти вопросы можно сейчас дать полный ответ.

---

[16] *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Указ. соч., с. 251; *Проскурякова Н. А.* Размещение и структура дворянского землевладения в Европейской России в конце XIX — начале XX в.— История СССР, 1971, № 1, с. 66; и др.

[17] *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Указ. соч., с. 252—253.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 61.

[19] *Святловский В. В.* Мобилизация земельной собственности в России 1861—1908 гг. СПб., 1911, с. 107.

[20] *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России, с. 318.

[21] Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения. 1897 г.— Исторический архив, 1957, № 4, с. 132.

*

Каким же образом сокращение дворянского земельного фонда отразилось на численности и составе поместного дворянства, на структуре дворянского землевладения? Сведения по этим вопросам содержатся в ряде земельных обследований, проводившихся ЦСК Министерства внутренних дел и департаментов окладных сборов Министерства финансов. В зависимости от целей, преследовавшихся при этом, различными были программы обследований, источники получения сведений, а, следовательно, в какой-то мере и итоговые цифры. Отсюда и известная трудность, встающая перед исследователями при сопоставлении этих материалов. Мы еще вернемся к этим вопросам. Сейчас же оговорим лишь одну условность, допускаемую в использовании данных источников при определении численности дворян-землевладельцев. Дело в том, что почти все земельные обследования завышают эти цифры, так как в них приводятся данные не о числе владельцев, а о числе владений. Принимая, однако, во внимание отсутствие сводных списочных данных о владельцах имений, а также то обстоятельство, что число крупных помещиков, владевших несколькими имениями, было сравнительно невелико, можно с известной оговоркой, как это, в частности, делал и В. И. Ленин при анализе «Статистики землевладения 1905 г.», приравнять число владений к числу владельцев [22].

В нашей историко-экономической литературе нет сколько-нибудь полных данных о численности помещиков в канун отмены крепостного права. Использовать с этой целью материалы 10-й ревизии (1858 г.) не совсем правомерно, так как она учитывала только населенные имения и владельцев «крещеной собственности» [23]. Ряд источников свидетельствует между тем о довольно значительной численности имений ненаселенных, не получавших отражения в переписи [24]. На наш взгляд, более полные сведения по этому вопросу содержит таблица, составленная ЦСК МВД на основе данных губернских предводителей дворянства о дворянском землевладении на 1861 и 1892 гг. [25] Эти данные циркуляром ЦСК от 10 января 1892 г. были затребованы для специальной комиссии под председательством Н. С. Абазы, предметом обсуждения которой был вопрос о мерах по укреплению дворянского землевладения. Материалами для ответов губернских предводителей послужили ведомости мировых посредников, окладные книги, сведения депутатских собраний, канцелярий губернских и уездных предводителей, дворянских опек, т. е. весьма широкий круг источников [26].

Согласно этим данным, к началу 1861 г. в 44 губерниях Европейской России насчитывалось около 123,6 тыс. помещичьих семей. С учетом владельцев имений неучтенных губерний (по

Бессарабской губ. и Донской обл.— 3155, по прибалтийским губерниям — 1826 человек)[27] общая численность поместного дворянства в губерниях Европейской России составляла к этому времени примерно 128,5 тыс. семей (без прибалтийских губерний — 126,7 тыс.). Приняв в среднем численность дворянской семьи в 4—5 человек, получим, что удельный вес поместного дворянства в общей массе потомственных дворян составлял тогда около 88% (128,5 тыс. из 150 тыс. семей), а с учетом завышенности данных о числе помещиков и заниженности сведений об общей численности высшего сословия — примерно 80—85%[28].

Имущественное неравенство среди помещиков к середине XIX в. зашло настолько далеко, что налицо были уже элементы и социальной дифференциации. По числу крепостных, что являлось до 1861 г. основным показателем состоятельности, поместное дворянство накануне реформы подразделялось на следующие группы: мелкопоместные владельцы, т. е. имевшие не более 20 душ мужского пола, составляли 41,6% всех помещиков (им принадлежало всего 3,2% крепостных, т. е. в среднем менее 8 душ каждому); среднепоместные дворяне (21—100 душ), составляя чуть более 35%, владели примерно 16% помещичьих крестьян; крупные и крупнейшие владельцы (свыше 100 душ) — удельный вес которых в общей массе помещиков был не более 23,3% располагали более 80% всех крепостных, т. е. в среднем по 366 душ на каждого)[29].

Однако эти данные, собранные в ходе 10-й ревизии, не дают достаточно полного представления ни о численности помещиков, ни об их имущественной дифференциации. Среди владельцев ненаселенных имений, не учтенных ревизией, были крупные и средние помещики, но все же основная масса их принадлежала к мелкопоместным дворянам. Причем численность их постоянно ро-

[22] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 200—201.

[23] На основе этих данных А. Г. Тройницкий определил численность поместного дворянства в губерниях Европейской России на 1858 г. в 103,2 тыс. (*Тройницкий А. Г.* Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861, с. 45).

[24] В частности, на 1856 г. в кредитных учреждениях были заложены 1155 ненаселенных дворянских имений общей площадью 923 681 дес. (Журнал Министерства внутренних дел, 1860, февраль, с. 217).

[25] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 228, л. 259—260. Сведения о количестве земли у дворян к 1861 и 1892 гг. в 44 губерниях Европейской России. 1892 г.

[26] ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 301, л. 1—3, 5—8, 10, 27, 46, 48. Циркуляр ЦСК МВД предводителям дворянства от 10 января 1892 г. и ответы на него уездных предводителей Московской губернии.

[27] *Тройницкий А. Г.* Указ. соч., с. 45; Военно-статистический сборник. СПб., 1871, вып. 4, с. 225.

[28] Методику подсчета см.: *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.).— Исторические записки, т. 87, с. 140.

[29] *Тройницкий А. Г.* Указ. соч., с. 65.

Таблица 4. Структура и динамика дворянского землевладения по 44 губерниям Европейской России

Группы по размерам владений	1877 г.			1895 г.			1905 г.		
	Число владений	Число дес. тыс.	Средний размер владений, дес.	Число владений	Число дес. тыс.	Средний размер владений, дес.	Число владений	Число дес., тыс.	Средний размер владений, дес.
Мелкопоместные									
до 100 дес.,	56 411	1 916,8	34	66 389	1 851,5	28	59 748	1 600,9	30
%	50,2	2,8		57,8	3,2		58,9	3,4	
Среднепоместные									
от 100 до 500 дес.,	33 361	8 316,1	249	29 230	7 208,0	247	25 557	6 396,5	250
%	29,6	12,1		25,4	13,4		25,3	13,3	
Крупные и крупнейшие									
от 500 до 1000 дес.,	10 636	7 520,4	707	9 589	6 650,1	694	8,006	5 633,8	703
%	9,4	10,9		8,4	12,4		7,9	11,8	
от 1000 до 5000 дес.,	10 401	21 121,2	2 031	8 334	16 435,1	1 972	6 882	13 600,1	1 976
%	9,2	30,7		7,3	30,5		6,8	28,3	
более 5 тыс. дес.,	1 819	29 889,7	16 457	1 239	21 799,3	17 594	1 131	20 699,1	18 301
%	1,6	43,5		1,1	40,5		1,1	43,2	
Всего по 44 губ.,	112 628	68 774,2	613	114 781	53 944,1	470	101 323	47 902,5	473
%	100%	100%		100%	100%		100%	100%	

Источники. Статистический временник Российской империи, СПБ., 1886, сер. III, вып. 10; Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1887; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб, 1907.

сла. Сравнение итогов 8-й (1836 г.) и 10-й (1858 г.) ревизий показывает сокращение числа населенных мелких имений более чем на 17 тыс. Но далеко не все их владельцы расставались с землей. По своему положению многие из них приближались к однодворцам — они сами обрабатывали землю, вели хозяйство. Проведенные в 40—50 годах XIX в. обследования выявили буквально десятки тысяч потомственных дворян, которые, по официальному заключению, «не могли вести образа жизни, приличного лицам первенствующего сословия» [30].

Как эволюционировало поместное дворянство в пореформенную эпоху? Источники, которыми мы располагаем, рисуют на первый взгляд несколько противоречивую картину. Так, данные, представленные в ЦСК МВД губернскими предводителями дворянства, показывают сокращение числа дворянских имений в 44 губерниях Европейской России со 123,6 тыс. в 1861 г. до 101,9 тыс. в 1892 г., т. е. на 17,5%. Проведенное ЦСК в 1877—1878 г. статистическое обследование поземельной собственности зарегистрировало в тех же губерниях 112 624 имения, что в целом не противоречит сведениям предводителей, отмечая ту же тенденцию к сокращению численности помещиков. Но, согласно справке, изданной департаментом окладных сборов Министерства финансов, в тех же 44 губерниях в 1895 г. насчитывалось уже 114 777 владений, что несколько превышает данные ЦСК на 1877—1878 гг. и довольно значительно (на 12,5%) — данные предводителей на 1892 г.[31] И наконец, «Статистика землевладения 1905 г.» зарегистрировала на той же территории 101,3 тыс. владений [32]. В чем же дело?

Прежде всего о данных губернских предводителей. Собранные в связи с обсуждением в 1892 г. в специально созданной под председательством Н. С. Абазы комиссии вопросов о мерах по укреплению дворянского землевладения, эти данные, видимо, должны были касаться землевладения только потомственных дворян. Во всех остальных обследованиях в той или иной мере учитывались и владения дворян личных, а отчасти и чиновников, причем, вероятно, более полно в обследованиях департамента окладных сборов, прямо заинтересованного в учете облагаемых земель. Может возникнуть вопрос: не искажают ли тенденцию эволюции поместного дворянства сведения финансовых органов? Рас-

[30] Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902, т. 2, ч. 1, с. 234, 239, 285.

[31] Статистический временник Российской империи. СПб., 1886, сер. 3, вып. 10. Всего в 1877 г. в 49 губерниях (без Донской обл.) насчитывалось 114 716 владений общей площадью в 73,2 тыс. дес.; Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897.

[32] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. Всего по 50 губерниям насчитывалось 107 247 владений общей площадью в 53,2 тыс. дес.

смотрим составленную на основе данных земельных обследований ЦСК и Министерства финансов картину движения дворянского землевладения по 40 губерниям Европейской России (без Архангельской, Бессарабской губерний, Донской обл. и прибалтийских губерний), дифференцировав его по размерам владений (табл. 4).

Из приведенных данных видно, что некоторый рост числа имений, наблюдавшийся между 1877 и 1895 гг., достигнут исключительно за счет увеличения численности мелкопоместных владений на 17,8%. В последнее десятилетие перед революцией 1905 г. общее сокращение численности поместного дворянства (на 11,7%) захватило и эту категорию владельцев (на 10%), но тем не менее численность мелкопоместных дворян и в 1905 г. оставалась большей, чем в 1877 г. По всем остальным группам владений обследования единодушно отмечают неуклонное сокращение числа имений даже по сравнению с неполными данными 10-й ревизии. И наконец, для всех групп характерным было сокращение земельных площадей. Все это свидетельствует о том, что если даже ввиду различных методов сбора и обработки данных ЦСК и департамента окладных сборов возможны были некоторые расхождения в итогах, то все же общая тенденция движения дворянского землевладения отмечена источниками правильно.

*

Итак, колебания в численности поместного дворянства в значительной степени обусловливались изменением численности мелкопоместных владельцев. Погубернские данные земельных переписей показывают, что к концу XIX в. основная их масса (более 62%) сосредоточивалась в 9 западных и 3 левобережных украинских губерниях. Из великорусских губерний сравнительно высоким процентом мелких владельцев выделялись Новгородская и Смоленская — на северо-западе, Костромская и Ярославская — на востоке, Курская, Рязанская и Тульская — на юге. Такая география в основном совпадает с размещением особых, исторически сложившихся групп в составе высшего сословия. Значительная часть мелкопоместных дворян, очевидно, была потомками польской шляхты, украинской казачьей старшины, дворян бывших сторожевых линий. Эти районы и дали главный прирост их численности, за исключением центральных нечерноземных губерний, в которых к концу XIX в., наоборот, наблюдалось сокращение числа мелких владений. Прирост этот обусловливался рядом факторов: включением в состав сословия потомков польской шляхты, продолжавших «отыскивать» права на дворянское достоинство; дроблением передававшихся по наследству имений; появлением новых владельцев из числа выслужившихся чиновников. Как уже отмечалось, численность мелкопоместных дворян

после 1895 г. заметно сократилась. Однако удельный вес их в общей массе поместного дворянства постоянно увеличивался: 50,2% в 1877 г., 57,8% в 1895 г. и 58,9% в 1905 г. Доля принадлежавших им земель также несколько возросла — с 2,8 до 3,4%, но по-прежнему продолжала оставаться мизерной. В абсолютном же исчислении площадь мелкопоместных владений сократилась к 1905 г. на 16,4%, а средний размер имения — примерно на 12%.

Тип хозяйства и характер землевладения мелкопоместных дворян еще не стали предметом исследования. Принимая во внимание, что в начале XX в. свыше 80% таких владений не превышали 50 дес., едва ли можно отнести их к категории помещичьих. В дореформенный период сословные привилегии еще каким-то образом выделяли таких дворян из массы податного населениях. Теперь же принадлежность к высшему сословию в ряде случаев даже стесняла их. Рассматривая вопрос о положении поместного дворянства, Особое совещание по делам дворянского сословия отмечало, что наряду с западными губерниями, где среди помещиков преобладали владельцы мелких и мельчайших хозяйств, есть и великорусские губернии, например Тульская и Рязанская, в которых «проживают сотни семей безграмотных, превратившихся в простых хлебопашцев, дворян». «Положение их весьма тяжелое,— отмечалось в журнале заседаний комиссии совещания.— Фактически существуя при тех же условиях, что и крестьяне, они, однако, не имеют какого-либо административного устройства и лишены даже тех преимуществ, которыми пользуется сельское население в виде помощи на обсеменение или пособий в трудные годы неурожая. Экономически многие из них беднее крестьян, но тем не менее и земства, и администрация отказывают им в помощи, обращая их к дворянским сословным органам. Дворянские же общества помочь им не могут» [33].

Очень мало нам известно и о среднепоместном дворянстве. Размещалось оно более равномерно, но все же половина его была сосредоточена в центральных районах и 9 западных губерниях. В целом численность этой группы сократилась не менее чем на 8% за 1858—1877 г. и на 23,4% за последующие 28 лет, а удельный вес в общей массе помещиков уменьшился с 29,8% в 1877 г. до 25,3% в 1905 г., задержавшись примерно на одном уровне в предреволюционное десятилетие. За это же время площадь их землевладения уменьшилась на 23,1%, т. е. почти пропорцио-

[33] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 13, л. 16. Журнал Высочайше учрежденной в составе Особого совещания по делам дворянского сословия Комиссии для предварительного рассмотрения вопросов об усовершенствовании дворянских учреждений.

нально числу владений. В результате средний размер имений почти не изменился, несколько даже увеличившись к 1905 г. Незначительно возросла и доля принадлежавших им земель — с 12,1% в 1877 г. до 13,3% в 1905 г., по-прежнему составляя довольно небольшую часть дворянского земельного фонда.

Подавляющая часть земель сосредоточивалась в руках крупных и особенно крупнейших владельцев. Латифундии, как отмечал В. И. Ленин, вообще составляли «отличительную черту русского частного землевладения»[34]. В начале XX в. в руках 27,8 тыс. владельцев (из 752,8 тыс.) сосредоточено было три четверти всего частного землевладения. Подавляющая часть таких владений (18 102, т. е. почти $^2/_3$) и земельной площади (свыше 70%) принадлежали латифундистам из дворян. Главными районами размещения их были Приуралье, прибалтийские, 9 западных и южные степные губернии. На их долю, включая латифундии центрально-черноземных губерний, приходилось более половины всей стоимости земель крупных владельцев[35].

Следует иметь в виду, что численность этой группы помещиков менее всего соответствует числу имений, так как именно среди них было наибольшее число многопоместных дворян. К 1858 г. в рассматриваемых губерниях насчитывалось несколько более 24 тыс. принадлежавших им владений, сосредоточивших свыше 80% всех помещичьих крестьян. Через 20 лет здесь было зарегистрировано 22,8 тыс. крупных и крупнейших имений (более 500 дес.) общей площадью 58 531 тыс. дес., что составляло 20,2% всех дворянских владений и 85,1% всей дворянской земли. В последующие годы наблюдается неуклонное сокращение числа имений этой группы и сосредотачиваемой ими земли: за 1877—1905 гг. число имений уменьшилось на 30,5%, удельный вес их упал с 20,2 до 15,8%, а земельная площадь сократилась с 58 531 тыс. до 39 933 тыс. дес., т. е. на 31,8%.

Менее всего сокращение затронуло группу имений от 500 до 1000 дес.: число владений — на 24,7%, количество принадлежащих им десятин — на 25,1%. Затем следуют имения от 1000 до 5000 дес.: число владений — на 33,8%, земли — на 35,6%. В процентном отношении земельная площадь уменьшилась несколько больше, чем число имений, и как результат — средний размер владения несколько сократился, но весьма незначительно. Сильнее всего оказалась затронутой общим процессом сокращения дворянского землевладения численность крупнейшей группы (свыше 5 тыс. дес. на имение) — число владений сократилось на 37,7%, земли — на 30,7%. Здесь средний размер имений увеличился более чем на 10%. В этой группе, как показала Л. П. Минарик, наиболее устойчивыми оказались огромные латифундии (размером свыше 75 тыс. дес.), сохранившиеся почти полностью[36].

Предпринятые в последние годы исследования крупного зем-

левладения в России в конце XIX — начале XX в. позволяют не только внести определенные коррективы в выводы, сделанные на основе данных земельной статистики, но и познакомиться, так сказать, персонально с крупнейшими российскими латифундистами. Установлено, что 155 крупнейших земельных собственников (102 семьи), владевших свыше 50 тыс. дес. каждый, располагали в совокупности 16,1 млн. дес., т. е. около 30% всего дворянского земельного фонда на 1905 г. Подавляющее большинство их принадлежали к потомственному дворянству, а более половины являлись представителями старинной титулованной знати [37]. Уже одно это наводит на мысль, что по своему характеру крупнейшее землевладение сохранило тесные связи с феодальной эпохой. И действительно, по подсчетам Л. П. Минарик, в дореформенную эпоху сложилось 85% наследственного землевладения крупнейших помещиков [38].

В целом же в 50 губерниях Европейской России, согласно рассмотренным выше данным, численность землевладельцев, принадлежавших к высшему сословию, составляла: в 1877 г.— около 117,6 тыс., в 1895 г.— около 120,7 тыс. и в 1905 г.— 107,2 тыс. Соответственно удельный вес поместного дворянства в общей массе членов сословия составлял примерно 56% в 1877 г. (117,6 тыс. из 210,1 тыс. семей), около 40 в 1895 г. (120,7 тыс. из 305 тыс. семей) и около 30% в 1905 г. (107,2 тыс. из 350 тыс. семей) [39].

В первые пореформенные 16—17 лет число имений сократилось на 10,9 тыс., т. е. на 8,4%. Причем сокращение почти в равной степени коснулось всех групп владельцев. За это время площадь дворянского землевладения уменьшилась примерно на 12%. Таким образом, относительно общей массы помещиков разорившиеся и обезземелившиеся дворяне составляли сравнительно небольшую прослойку, утратившую имения или в силу экономической несостоятельности, обнаружившейся еще в дореформенную эпоху (общая задолженность помещиков казне составляла накануне отмены крепостного права 425 млн. руб.), или из-за неумения и нежелания приспособиться к новым условиям, или в

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 62.

[35] *Проскурякова Н. А.* Указ. соч., с. 71.

[36] *Минарик Л. П.* Статистика землевладения 1905 г. как источник по изучению помещичьего землевладения в России в начале XX в.— В кн.: Малоисследованные источники по истории СССР XIX — начала XX в. М., 1964, с. 72—73.

[37] *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971, с. 13—21.

[38] Там же, с. 75—76.

[39] Данные по Донской области, Бессарабской и прибалтийским губерниям за 1895 г. приведены по кн.: Статистика землевладения 1905 г. Численность дворянства и классных чиновников на 1877 и 1905 гг. определена на основе данных ЦСК с учетом соответственно 1,4 и 1,6% ежегодного прироста (*Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956, с. 47).

результате неудачных попыток заняться предпринимательством, столь колоритно обрисованных С. Н. Терпигоревым. За следующие 18 лет источники отмечают некоторый рост числа имений — на 3,1 тыс. (1,2%). Достигнут он был исключительно за счет мелких владений, численность которых возросла в результате дробления имений, пополнения помещиков землевладельцами из новых дворян, офицеров, чиновников. Число же средних и крупных владений уменьшилось на 13%. На это время приходится и наибольшее сокращение дворянского земельного фонда — более чем на 20%, что явилось следствием и мирового аграрного кризиса, и усилившейся конкуренции капиталистически организованных хозяйств, и возникновения новых хлебных районов. И наконец, заметнее всего (и в абсолютном, и в процентном отношениях) численность имений уменьшилась за десятилетие 1895—1905 гг. — на 13,5 тыс., т. е. примерно на 12% (мелкие владения — на 10%, средние и крупные — на 14%). Это почти соответствовало сокращению дворянского землевладения, составившему также около 12%. Всего за 44 года общая численность владений сократилась на 21,3 тыс., или на 16,5%. В эти подсчеты вошли и данные о землевладельцах из личных дворян, офицеров и классных чиновников.

Что касается только потомственных дворян, составлявших основную массу помещиков, то, как уже отмечалось, численность их в 44 губерниях Европейской России за 30 пореформенных лет сократилась с 123,6 тыс. до 101,9 тыс., т. е. на 17,5%, а удельный вес в общей массе потомственного дворянства уменьшился примерно с 80—85 до 55%.

*

На Кавказе в связи с неопределенностью юридического положения местной знати и продолжавшимся размежеванием земель князей и азнауров данные о землевладении имеются только по Тифлисской и Кутаисской губерниям. Здесь крестьянская реформа 1864—1871 гг. мало затронула дворянское землевладение. В непосредственном распоряжении помещиков осталась бо́льшая часть их земельного фонда. Крестьяне же потеряли около $^1/_8$ земель, бывших ранее в их пользовании. В 1890 г. грузинские дворяне владели 2 млн. дес., а к 1905 г.— 1859 тыс. дес., т. е. сокращение составило около 7% площади, что было меньше, чем в европейских губерниях [40].

В 1858 г. здесь насчитывалось 9366 помещиков, владевших населенными имениями. Особенностью местного дворянского землевладения было преобладание мелкопоместных имений: дворяне, владевшие до 20 душ крепостных, составляли свыше 67% [41]. К 1888—1889 гг., по данным Закавказского статистического комитета, в Тифлисской губернии насчитывалось 3330, в Кутаис-

Таблица 5. Структура дворянского землевладения в Кутаисской и Тифлисской губерниях

Группы по размерам владений	Кутаисская губ.		Тифлисская губ.		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 36 дес. (включит.)	7973	86,4	1620	48,6	9593	76,4
37—380 дес.	997	10,8	1274	38,2	2271	18,2
381—1000 »	168	1,8	245	7,3	413	3,2
1001—5000 »	84	0,9	161	4,8	245	1,9
более 5000	9	0,1	30	0,1	39	0,3
Всего	9231	100	3330	100	12 561	100

Источник. Свод статистических данных о землевладении в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Тифлис, 1898, с. 3,5.

ской — 9231 владение, принадлежавшее высшим сословиям — дворянам, бекам, агаларам (табл. 5).

Более 76% всех имений не превышали 36 дес., а в Кутаисской губернии даже более 86%. Весьма небольшую прослойку представляли среднепоместные владельцы. Наряду с этим источники отмечают наличие громадных латифундий, принадлежавших в основном известным княжеским фамилиям — Дадиани, Гуриели, Мингрельским, Цициановым и др. В целом по рассматриваемым губерниям доля землевладельцев в общей численности членов привилегированных сословий, составлявшей, по данным посемейных списков 1886 г., 83 506 человек, равнялась примерно 70%.

В Сибири накануне реформы насчитывалось всего 36 помещиков, владевших населенными имениями [42]. Здесь дворянское землевладение сложилось в основном в пореформенный период и являлось главным образом итогом правительственной политики по созданию административного и военного аппарата в постепенно осваиваемом крае. Значительную часть дворянского землевладения в этом районе составляли имения, принадлежавшие офицерам уральского, сибирского, забайкальского, амурского казачеств, иркутского и енисейского конных полков, в которых числилось в 1868 г. около 850 человек [43]. К концу XIX в. в Томской, То-

[40] *Антелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хоштария Э. В.* К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси, 1967, с. 36.

[41] *Тройницкий А. Г.* Указ. соч., с. 48.

[42] Там же, с. 45.

[43] Военно-статистический сборник, вып. 4, 1871, с. 20. Для казачьего офицерства полагались следующие размеры участков: генералам — 1600 дес.; штаб-офицерам — 400 дес., обер-офицерам — 200 дес.; офицерам-зауряд — 100 дес.

больской, Иркутской и Енисейской губерниях, Степной, Амурской и Приморской областях насчитывалось 1827 дворянских владений общей площадью в 1111,7 тыс. дес.[44] Однако значительная часть этих земель оставалась необработанной.

*

Размеры и структура дворянского землевладения являются важными, но не единственными чертами, характеризующими социально-экономический облик поместного дворянства. Не менее важными в этом отношении являются характер землепользования, система ведения хозяйства.

Помещичье хозяйство пореформенного периода больше известно нам по материалам и исследованиям, посвященным концу XIX — началу XX в. Значительно скромнее наши представления о нем в первые десятилетия после отмены крепостного права. А между тем именно тогда начал складываться тот тип дворянских имений, который вообще был характерен для рассматриваемого периода и который олицетворял собой прусский путь развития капитализма. Итак, очень коротко о предпосылках и условиях этого процесса. Господствовавшая в феодальную эпоху старая барщинная система помещичьего хозяйства (основными чертами и необходимыми условиями существования которой были натуральное хозяйство, определявшее замкнутость помещичьей вотчины; прикрепление крестьян к земле, их личная зависимость от владельца; низкое, рутинное состояние техники) была подорвана реформой 1861 г.[45] Но переход к капиталистической системе хозяйства не мог произойти сразу в силу ряда объективных и субъективных причин. Во-первых, в сельском хозяйстве еще не сложились необходимые для этого условия: не было класса готовых наемных рабочих; необходима была замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовался вообще новый подход к земледелию как к торгово-промышленному предприятию, а не «господскому делу». Во-вторых, сказались условия самой реформы, проведенной самодержавием с учетом узкокорыстных интересов господствующего класса. Способ ее реализации оставлял за помещиками широкие возможности выбора пути перестройки своих хозяйств. Но значительная часть их или не смогла, или не захотела отрешиться от старых, привычных форм ведения хозяйства. В результате старая барщинная система оказалась подорванной, но далеко не уничтоженной. «Крестьянское хозяйство,— писал В. И. Ленин,— не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести само-

стоятельного хозяйства, и помещики имели, таким образом, возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность „внеэкономического принуждения" тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.»[46] В результате сложился переходный тип хозяйства, соединявший в себе черты как барщинной, так и капиталистической систем, что вполне соответствовало условиям переходной эпохи. При всем разнообразии форм экономическая организация помещичьих имений, как отмечал В. И. Ленин, сводилась к двум основным системам — отработочной и капиталистической. Первая характеризовалась обработкой помещичьей земли крестьянским инвентарем, что являлось — независимо от форм оплаты труда (денежной, натуральной, землей или угодьями) — прямым пережитком барщины. Вторая состояла в найме рабочих, обрабатывавших землю инвентарем помещика. Обе эти системы переплетались самым разнообразным образом, переходя в ряде случаев совершенно неуловимо одна в другую. Так, отработка за землю (отработочная и натуральная аренды) переходила незаметно в капиталистическую систему обеспечения имения батраками путем наделения их участками земли. Отработки крестьянами без использования своего инвентаря также составляли прямой переход к капитализму[47].

Н. М. Дружинин, проследивший по материалам известной Валуевской комиссии состояние помещичьих имений в 60-х — начале 70-х годов, показал, что развитие их шло неравномерно как во времени, так и в зависимости от историко-географических и экономических особенностей отдельных районов, что сочетание различных систем хозяйств зависело от целого ряда факторов субъективного и объективного порядка[48]. В целом же перестройка помещичьих имений на новые способы хозяйствования началась, но происходила крайне медленно. Здесь играли роль и неподготовленность к этому — организационная и агротехническая — владельцев и их управляющих, и привычный паразитизм «благородного» сословия, умевшего тратить, не считаясь с доходами, и отсутствие контингента достаточно подготовленных наемных

---

[44] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 12, л. 71 об. «О насаждении частного землевладения в Сибири». Представление министерства земледелия и государственных имуществ от 19 марта 1901 г.

[45] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 183—184.

[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 186.

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 193—194, 199—200.

[48] *Дружинин Н. М.* Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (по данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.).— Исторические записки, т. 89, с. 187—230.

рабочих, и острота классового антагонизма в деревне, и финансовые затруднения в связи с ликвидацией привычного дореформенного кредита и т. д. Тяжелым грузом оказалось и другое наследие крепостной эпохи — плохое состояние путей сообщения, особенно дорог местного значения, отсталость техники и системы земледелия, недостаток агрономических кадров. А затем все больше начало сказываться тормозящее влияние самих условий реформы 1861 г.: сохранение общины со всеми вытекавшими из этого последствиями (прикрепление крестьян к наделам, круговая порука и т. д.), дореформенной паспортной системы; засилье помещичьего землевладения, оборотной стороной которого было крестьянское малоземелье; дворянский характер органов крестьянского управления. В этих условиях земледельческий капитализм в чистом его виде с трудом пробивал себе дорогу.

Анализ материалов, собранных комиссией, дал возможность сделать вывод, что по преобладающим методам ведения помещичьих хозяйств в губерниях Европейской России в то время выделялись 4 основные аграрные зоны. Одну из них составляли русские губернии нечерноземной полосы с их явной тенденцией упадка и даже свертывания помещичьих хозяйств, с очень слабыми ростками капиталистических отношений. Как отмечает Н. М. Дружинин, здесь преобладали феодальные (не отмененные юридически до 1883 г. барщина и оброк временнообязанных крестьян) и полуфеодальные способы хозяйствования (испольщина, отработки за снятые угодья, кабальная аренда и т. п.), принимавшие часто при участии местных властей форму принудительного труда [49]. Другую зону составляли Центрально-черноземный район с прилегающими украинскими и поволжскими губерниями, где помещичьи хозяйства, несмотря на сильное влияние переходных форм (здесь к 1874 г. от 17 до 50% крестьян крупных имений еще оставались на положении временнообязанных, весьма широкое распространение получили кабальная аренда и другие кабально-ростовщические методы эксплуатации), быстрее шли по пути аграрного капитализма. В южной степной зоне это развитие достигло более высокой ступени в связи с более широким применением в качестве наемной силы местного и пришлого населения, более быстрым внедрением сельскохозяйственной техники. Но и здесь сохранялись пережиточные формы эксплуатации, отсталая переложная система земледелия, характерная для капитализма эпохи первоначального накопления. И наконец, западные губернии составляли зону, где по ряду социально-экономических и политических причин феодальная система оказалась подорванной более всего. Большую роль в этом сыграли как традиционные методы хозяйствования и сами условия проведения крестьянской реформы, так и политика самодержавия, направленная на подрыв привилегий местных помещиков-

поляков. Изобиловавшие, однако, и здесь элементы полуфеодальной системы хозяйства свидетельствовали о том, что наличие их вообще характерно для развития аграрного капитализма по прусскому пути.

Важно отметить большое разнообразие форм организации помещичьих хозяйств в пределах не только этих зон, но и отдельных губерний, уездов и даже имений, где сочетались обе основные системы по отношению к некоторым видам сельскохозяйственных работ. Эта их особенность сохранялась на всем протяжении рассматриваемого периода.

В Закавказье крестьянская реформа была проведена позднее, чем в европейских губерниях, и в целом ей в еще большей степени были присущи крепостнические черты. Здесь еще значительнее сократилось крестьянское землевладение. В большей части имений обязательный выкуп не состоялся и крестьяне долгое время оставались во временнообязанном состоянии. Так, в грузинской деревне даже к 1904 г. временнообязанные составляли около 48% всех крестьян. К этому времени было выкуплено лишь около 60% надельного фонда [50].

Несмотря на огромное распространение и влияние переходной системы, поддерживавшейся и консервировавшейся самодержавием в интересах самых отсталых и реакционных слоев поместного дворянства, эволюция и помещичьих и крестьянских хозяйств шла в одном направлении — в сторону развития и упрочения позиций земледельческого капитализма, определявшего пореформенный аграрный строй России. К середине 80-х годов капиталистические формы хозяйствования достигли такой распространенности, что В. И. Ленин счел возможным отметить их преобладание в 19 из 43 губерний Европейской России. К ним относились 3 прибалтийские губернии, 4 западные (Виленская, Гродненская, Ковенская, Минская), 3 юго-западные (Волынская, Киевская, Подольская), 5 южных (Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая), 1 юго-восточная (Саратовская), а также С.-Петербургская, Московская и Ярославская, т. е. 9 черноземных и 10 нечерноземных губерний. К группе со смешанной системой хозяйств относились 3 черноземных (Воронежская, Полтавская, Харьковская) и 4 нечерноземных (Витебская, Могилевская, Смоленская, Калужская) губернии. Отработочная система преобладала в 12 черноземных и 5 нечерноземных губерниях — Владимирской, Нижегородской, Тверской, Костромской, Псков-

[49] Там же, с. 196, 197, 223.

[50] *Анжелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хоштария Э. В.* Указ. соч., с. 64; *Бендиашвили А. С.* Развитие капиталистических отношений в грузинской деревне в 1865—1917 гг. Тбилиси, 1965, с. 46—48; Генезис капитализма в Закавказье: Тезисы докладов и научных сообщений. Баку, 1969.

ской, Новгородской, Пензенской, Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской, Курской, Орловской, Рязанской, Тульской, Тамбовской, Черниговской [51].

С 80-х годов темпы перестройки помещичьих хозяйств несколько замедлились в связи с влиянием мирового аграрного кризиса. Трудности этого времени помещики почти целиком переложили на крестьянство, расширив сдачу земли в кабальную аренду и сократив до минимума площадь собственной запашки. По данным Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в конце XIX в. примерно $^2/_3$ частновладельческих земель обрабатывалось крестьянами на арендных началах [52]. Лишь в конце 90-х — начале 900-х годов в связи с улучшением хлебной конъюнктуры начался новый этап в буржуазной перестройке помещичьих имений, шедшей особенно интенсивно в районах, где и ранее преобладала капиталистическая организация хозяйств. Но тем не менее и в эти годы переходные системы хозяйствования в земледелии имели настолько широкое распространение, что В. И. Ленин в 1906 г. писал: «В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства» [53]. И в начале XX в. по-прежнему во внутренних «собственно русских губерниях», бывших оплотом реакционного дворянства, преобладало отработочное хозяйство. А это значило, отмечал В. И. Ленин, что «в массе имений *никакого* помещичьего хозяйства нет», что «помещичья земля обрабатывается тем же крестьянским инвентарем, трудом разоренного, обнищалого, закабаленного крестьянина» и что в связи с этим « о „культурности" хозяйства русских помещиков можно говорить только в насмешку» [54].

Объективно это обусловливалось уже самими размерами имений. Отмечая, что в среднем на каждого крупного помещика в начале XX в. приходилось свыше 2300 дес., В. И. Ленин указывал, что на таких площадях «помещики большей частью не могут и вести иного хозяйства, кроме кабального, отработочного, т. е. барщинного», что «наемными рабочими они обрабатывают лишь часть этих громадных имений» [55]. Устойчивость латифундий, сосредоточивших к тому же подавляющую часть выкупных платежей и банковских ссуд, в значительной мере и объяснялась тем фактом, что они могли в различные периоды лучше других использовать конъюнктуру, прибегая то к капиталистической организации части хозяйства (в период роста хлебных цен), то к сдаче земли в аренду, почти полностью прекращая ведение собственного хозяйства.

Если исходить из объективных возможностей, заложенных в самом типе хозяйства, то все показатели, казалось бы, говорили за то, что среднепоместные владельцы имели наилучшие шансы в

деле перестройки своих имений на буржуазных началах. В частности, В. И. Ленин отмечал, что на участках земли свыше 500 дес. «почти невозможно или, по крайней мере, крайне трудно в большинстве местностей России ведение *крупного хозяйства*, обработка всей земли инвентарем владельца и вольнонаемным трудом» [56]. Но общие социально-экономические условия российской деревни, субъективные качества русских помещиков, воспитанных на крепостнических традициях, являлись существенным препятствием для такого прогресса. По наблюдениям ряда как дореволюционных исследователей и публицистов [57], так и советских историков [58], значительная часть среднепоместных и даже мелкопоместных дворян широко практиковала отработки и другие кабально-ростовщические приемы эксплуатации окрестных крестьян.

Это не значит, что все помещичьи имения являли собой однородную массу. Были среди них и передовые хозяйства, правда сравнительно немногочисленные, почти полностью перешедшие к капиталистическим способам хозяйствования. Как показали исследования, многие дворянские латуфундии в начале XX в. были не только средоточием полуфеодальных форм эксплуатации, но в части имений и образцовыми капиталистическими хозяйствами. Часть помещиков все шире вовлекалась в торгово-промышленное предпринимательство, как прямо связанное с сельским хозяйством, так и вне его. На характеристике этой важной сферы помещичьей деятельности мы остановимся в соответствующем разделе главы. Но в целом все же роль помещичьих имений, всего дворянского землевладения в социально-экономической и политической жизни страны следует оценивать, учитывая в первую очередь преобладающие реакционные, консервативные черты, наиболее полно проявившиеся именно в сельскохозяйственной сфере. Отмечая это обстоятельство, составлявшее экономическую сущность аграрного кризиса в России в начале XX в., В. И. Ленин писал: «Миллионы мелких, разоренных, обедневших крестьян, угнетаемых нуждою, невежеством и остатками крепостничества, *не могут* жить иначе, как в полукрепостной зависимости от помещика, обрабатывая его землю своим сельскохозяйственным ин-

---

[51] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 188.
[52] *Анфимов А. М.* Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961, с. 15.
[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 249.
[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 132—133.
[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 279.
[56] Там же, с. 309.
[57] *Бодиско Д.* Впечатление современной деревни.— Гражданин, 1897, № 81, 87; *Лященко П. И.* Мобилизация землевладения в России и его статистика.— Русская мысль, 1905, январь, с. 59; *Краинский В. Е.* Экономические и технические основы для организации средних и мелких хозяйств. Чернигов, 1903, т. 1, с. 17—18.
[58] *Анфимов А. М.* Земельная аренда в России..., с. 149—150.

вентарем за выпасы, выгоны, водопои, вообще за «землю», за зимние ссуды и т. д. и т. д. С другой стороны, владельцы огромных латифундий *не могут* при таких условиях хозяйничать иначе, как при помощи труда соседних разоренных крестьян, так как этого рода хозяйничание не требует затрат капитала и перехода к новым системам обработки земли» [59].

Используя перепись 1897 г. для характеристики социальной структуры Российской империи, В. И. Ленин относил помещиков в одну группу с крупной буржуазией [60]. Такая классификация вполне отражала тенденцию социально-экономического развития страны и направление эволюции помещичьего класса. В то же время следует учитывать незавершенность этого процесса: помещики превращались, но в значительной своей части так и не превратились, в чисто капиталистических предпринимателей, оставшись где-то на уровне дельцов эпохи первоначального накопления. И не случайно, отмечая определенную буржуазную эволюцию таких слоев русских помещиков, В. И. Ленин указывал, что в этом отношении они еще и в начале XX в. были далеки даже от прусских юнкеров [61].

2. ВЫСШЕЕ СОСЛОВИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА. «СЛУЖИЛОЕ» ДВОРЯНСТВО

Служебным привилегиям дворян в российском законодательстве всегда уделялось особое внимание. В этом отношении основные статьи пореформенных «Законов о состояниях», определявших общий юридический статус сословий, в разделе о личных правах дворян почти полностью повторяли дореформенные законодательные акты. Торжественно подтвердив свободу первенствующего сословия от государственной службы, еще в прошлом веке превратившейся из повинности в привилегию (но уже с учетом закона 1874 г. о всеобщей воинской повинности), кодификаторы, провозгласив в общем плане особые права дворян в этой области, отсылали затем читателя к конкретным статьям «Сводов военных и морских постановлений» и «Уставу о службе гражданской», где подробно должны были быть «исчислены» их преимущества [62]. Особое положение сословия в государственном строе России в общем плане оговаривалось и в «Уставе о службе гражданской», и в «Общем учреждении губернском», ряд статей которых настоятельно предписывал всем правительственным органам поощрять молодых дворян к вступлению на государственную службу [63]. Более того, определяя сферу деятельности губернских властей, законодательство указывало, что губернаторы должны с особым вниманием относиться к местным членам высшего сосло-

вия, которые и вне службы сохраняют свое государственное значение. «Дворяне, первая опора престола, принадлежат к высшему и большей частью просвещеннейшему классу жителей и, посвящая почти всю жизнь свою государственной службе, составляют и вне оной одно из надежнейших орудий правительства»,— гласил закон [64].

Итак, каковы были права дворян в конкретных сферах государственной службы? Каким образом и насколько они реализовывались в пореформенной российской действительности?

ДВОРЯНСТВО И ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Военная служба в дворянском имении и в пореформенные годы по традиции продолжала считаться наиболее почетной. Этого взгляда в целом придерживалось и правительство. «Исторически сложившимся призванием нашего дворянства всегда было служение государству,— отмечало Особое совещание по делам дворянского сословия,— причем главным поприщем сего служения искони была служба военная. В старину почти весь корпус офицеров состоял из дворян» [65]. Это действительно было так, хотя последняя фраза не совсем точна: и «в старину», и позднее почти все офицеры уже по самому своему чину имели право на дворянское — потомственное или личное — достоинство. Еще в первой половине XIX в. основная масса помещиков, по крайней мере среднепоместных, служила в армии. «Никогда не следует забывать,— отмечал С. Н. Терпигорев, сам выходец из этой среды,— что не только деды, но и отцы и дяди наши — все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штабротмистры» [66]. Однако социальный состав офицерского корпуса уже в те времена был довольно пестрым, что в значительной мере объяснялось системой подготовки командных кадров.

Дореформенное законодательство тщательно оберегало дворянские привилегии в этой области. Военное образование в первой половине XIX в. давали весьма немногочисленные военно-учебные заведения, а также кадетские корпуса с их в основном общеобразовательной программой. Выпускник кадетского корпуса мог затем получить необходимую офицерскую подготовку в Дво-

---

[59] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 149.
[60] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 505.
[61] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 58.
[62] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 71—73.
[63] Там же, 1876, т. 3, ст. 19; 1876, т. 2, ч. 1, ст. 419 (ст. 212 в изд. 1892 г.).
[64] Там же, 1876, т. 2, ч. 1, ст. 653 (ст. 416 в изд. 1898 г.).
[65] ЦГИА, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 170, л. 17 об. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия.Заседания 16, 23, 30 мая и 6 июня 1898 г.
[66] *Терпигорев С. Н.* Указ. соч., с. 68.

рянском полку, реорганизованном впоследствии в специальное Константиновское военное училище [67]. Состав учащихся этих заведений был в своем подавляющем большинстве дворянским, что предусматривалось и их уставами. «Военно-учебные заведения учреждены с тою целию, чтобы юному Российскому дворянству дать приличное званию сему воспитание»,— так определял законодатель главное их назначение. В «Положении о военных училищах» этот пункт формулировался еще более категорично: «В училища принимаются единственно дети потомственных дворян» [68].

Однако выпускники военно-учебных заведений накануне 1861 г. ежегодно занимали всего лишь около $^1/_4$ всех офицерских вакансий, пополняя главным образом гвардию и совершенно теряясь в армии среди офицеров, произведенных из унтер-офицеров и юнкеров [69]. Оказавшись перед лицом хронического некомплекта командных кадров, самодержавие вынуждено было не только предоставить возможность офицерской выслуги добровольно поступавшим на военную службу лицам всех «свободных состояний», но и допустить производство в офицеры лиц рекрутской службы, т. е. из податных сословий [70]. Имевшие высшее и среднее образование прямо зачислялись унтер-офицерами, не имевшие же свидетельства об окончании учебного заведения получали это звание после специального экзамена. Не выдержавшие испытаний могли поступать на службу рядовыми, с правом спустя некоторое время вновь держать экзамены. Прослужившие определенный срок в унтер-офицерском звании затем производились в офицеры. При этом срок выслуги зависел от происхождения и образования претендентов. Поступившие в армию «на правах дворян» имели особые льготы и преимущества, главными из которых были сокращенные сроки обязательной выслуги: для недорослей из потомственных дворян — 2 года, для сыновей личных дворян — 4 года, для остальных — от 6 до 12 лет [71]. Преимущественное право предоставлялось дворянам и при поступлении в гвардию, куда выходцы из других сословий допускались в исключительных случаях [72].

Стремясь привлечь в армию образованных людей, правительство предоставляло им довольно значительные на первый взгляд льготы: срок выслуги до получения первого офицерского чина для поступавших в армию «на правах студентов» составлял 3—6 месяцев, для выпускников гимназий, дворянских институтов, семинарий — до 1 года [73]. Фактически же преимущества всегда оставались за дворянскими недорослями, получившими в большинстве случаев элементарное домашнее образование. Поступив в армию в 17—18 лет и пройдя несложные унтер-офицерские экзамены, объем программы которых едва превышал курс уездных училищ, они к 19—20 годам уже получали первый офицерский чин и имели преимущество в старшинстве перед своими

сверстниками, кончившими к тому времени гимназии и даже университеты. Более того, существовавшая система подготовки командных кадров не закрывала путь к офицерскому чину и полным «митрофанушкам». Не одолевшие унтер-офицерских экзаменов могли производиться в это звание «за приобретение твердых знаний фронтовой службы»: дворяне — не ранее 6 месяцев, вольноопределяющиеся — не ранее 1—3 лет [74]. Пополнялось офицерство также за счет сыновей так называемых недостаточных дворян. По особому распоряжению Николая I от 12 июня 1841 г. дети обедневших «благородных» фамилий после удостоверения их имущественного положения местными предводителями подлежали зачислению в армию сверх комплекта. Начиная службу в нижних чинах, они не утрачивали «благородства». А через какое-то время, получив унтер-офицерское звание и пройдя сокращенные сроки выслуги, становились офицерами. В результате общий образовательный уровень большинства офицеров отличался крайней примитивностью: к 1861 г. около 54% их имели образование в объеме низших учебных заведений [75].

Военные преобразования в пореформенной России, и в частности реорганизация подготовки офицерского корпуса, уже получили отражение в исторической литературе. Мы коснемся этого вопроса лишь с точки зрения правовых и социальных последствий реформ в этой области для высшего российского сословия. Один из современников, оценивая значение военных преобразований, назвал 1862 год, положивший начало реформам, «19 февраля русской армии» [76]. Автор, видимо, сам не подозревал, насколько точно такое сравнение: реформы в этой области отмечены не только буржуазной направленностью, но и непоследовательностью и ограниченностью, столь характерными для преобразований 60—70-х годов. Действительно, с одной стороны, реорганизация старых и учреждение новых военно-учебных заведений (академий, военных и юнкерских училищ, военных гимназий и прогимназий), некоторое изменение правил производства в первый офицерский чин не только улучшили общеобразовательную и специальную под-

---

[67] *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880, ч. 2, с. 90—91.
[68] Свод военных постановлений 1859 г., ч. 1, кн. 3, ст. 452, 548, 629.
[69] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, с. 82; *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952, с. 29.
[70] Свод военных постановлений 1859 г., ч. 2, кн. 1, ст. 610.
[71] Там же, ст. 593.
[72] Там же, ст. 80.
[73] Там же, ст. 593.
[74] Там же, ст. 66.
[75] Военный сборник, 1875, № 5, отд. 1, с. 138.
[76] Русский вестник, т. 67, с. 753—754.

готовку офицеров, но и несколько демократизировали состав офицерского корпуса, особенно младшего командного состава. Так, юнкерские училища, программа которых стала обязательным минимумом для производства в офицеры, по положению 1864 г. учреждались для подготовки к офицерскому званию войсковых юнкеров и вольноопределяющихся не только из дворян, но и других, главным образом также привилегированных сословий, а с 1869 г.— и для унтер-офицеров общих сроков службы, т. е. из рекрутов [77]. Учрежденные в 1868 г. военные прогимназии давали возможность детям офицеров и чиновников, в том числе и не из дворян, подготовиться для поступления в юнкерские училища [78]. И наконец, возникшие в середине 60-х годов новые военные и морские училища, согласно положению 1867 г., принимали, помимо потомственных дворян, и лиц из «сословий, необязанных рекрутской повинностью» [79]. Кроме того, в 1861 г. были отменены правила об обязательном поступлении на военную службу детей бедных дворян и обер-офицеров, правила приема в армию дворян и вольноопределяющихся сверх комплекта [80]. В 1869 г. право добровольного поступления на службу было распространено на все сословия — в том числе и на лиц податного состояния при условии увольнения их из обществ — с присвоением всем единого звания вольноопределяющихся [81].

Вместе с тем в законодательстве сохранился ряд статей и положений, поддерживавших привилегии высшего сословия. Учрежденные в 1864 г. военные гимназии имели преимущественно сословно-дворянский характер. Согласно положению 1866 г., цель их состояла в том, чтобы «доставить детям дворян, предназначаемым к военной службе, приготовительное общее образование и воспитание» и подготовить их к поступлению в училища [82]. Лишь немногие из них — Оренбургская, Симбирская, а затем Тифлисская гимназии — принимали интернами детей офицеров и чиновников, служивших в отдаленных местностях, а приходящими — детей лиц всех сословий. Выпускники военных гимназий в первую очередь и без экзаменов принимались в военные училища. Дворянам отдавалось предпочтение и при поступлении в другие военно-учебные заведения. При этом дворянские общества продолжали удерживать за собой определенное еще до 1861 г. число вакантных мест для дворянских стипендиатов. Вплоть до 1874 г. фактически продолжали действовать старые «правила для поступающих в военную службу по добровольному желанию». Внеся в них некоторые изменения, вызванные реорганизацией военно-учебных заведений и некоторым повышением требований к образовательному уровню претендентов на офицерское звание, положения от 16 мая 1866 г. и 8 марта 1869 г. по-прежнему подразделяли вольноопределяющихся на поступающих в армию по праву происхождения и по праву образования. Вновь были под-

верждены привилегии дворян по обязательной выслуге, необходимой для производства в офицеры, сроки которой для них были в 2—3 раза короче, чем для лиц иных сословий [83]. Отмененные 14 февраля 1861 г. правила приема в войска дворян и вольноопределяющихся сверх комплекта были через 2 года восстановлены в качестве временной меры и затем ежегодно продлевались до начала 70-х годов.

Более решительные шаги в ломке сословных ограничений в армии были предприняты с введением всеобщей воинской повинности. Согласно закону 1874 г., все добровольно вступившие на военную службу независимо от происхождения именовались вольноопределяющимися и делились на разряды только в соответствии с полученным образованием, которое отныне одно лишь должно было давать льготы при производстве в унтер-офицеры и офицеры [84]. В связи с этим в 1876—1877 гг. были пересмотрены соответствующие статьи положений о военно-учебных заведениях. Новая редакция подчеркивала их всесословный характер. «В военные училища принимаются лица всех сословий»,— гласила принятая в 1876 г. поправка к ст. 297 «Свода военных постановлений 1869 г.» А затем «в связи с необходимостью допустить к приему в гимназии детей военнослужащих, хотя бы они и не принадлежали к сословию потомственных дворян», Военный совет пересмотрел и пункт о приеме в военные гимназии [85]. Формально облегчался и доступ в гвардию, куда могли поступать лучшие выпускники военных училищ. Однако из всего этого не следовало, что принцип всесословности получил широкое распространение. Основной упор был сделан на пополнение офицерского корпуса за счет детей офицеров и чиновников военного ведомства. Это стремление правительства обеспечить командный состав армии кадровыми военными прослеживается довольно отчетливо во всех военных преобразованиях. В то же время оно не могло полностью отрешиться от сословных предрассудков. В частности, вольноопределяющиеся не из дворян, даже произведенные в офицеры, согласно Уставу о воинской повинности 1874 г., могли быть возведены в дворянское достоинство только после трехлетней выслуги в строевых частях [86].

---

77 ПСЗ, II, т. 39, отд. 1, № 41067; т. 43, отд. 1, № 45612.
78 ПСЗ, II, т. 44, отд. 1, № 46986.
79 ПСЗ, II, т. 42, отд. 1, № 44541, 44723.
80 ПСЗ, II, т. 36, отд. 2, № 37406; т. 38, отд. 1, № 39909.
81 ПСЗ, II, т. 44, отд. 1, № 46826.
82 ПСЗ, II, т. 41, отд. 2, № 43738.
83 ПСЗ, II, т. 41, отд. 1, № 43304.
84 ПСЗ, II, т. 49, отд. 1, № 52983, гл. XII, ст. 173, 180, 181.
85 ПСЗ, II, т. 51, отд. 1, № 56057; т. 52, отд. 2, № 57565.
86 *Гернет А. О.* Законодательство о приобретении дворянского достоинства в Российской империи. СПб., 1898, с. 30.

Тем не менее удельный вес дворян в общем контингенте воспитанников военно-учебных заведений, хотя и оставался довольно высоким, все же обнаружил явную тенденцию к снижению. В частности, на долю дворян приходилось: в военных училищах в 1877 г.— 76%, в 1881 г.— 62%; в юнкерских училищах (вместе с сыновьями личных дворян) в 1865—1872 гг.— около 86%, во второй половине 70-х годов — несколько более 70%. И лишь в военных гимназиях этот уровень оставался почти на прежней высоте — здесь дворяне составляли 95% всех учащихся [87]. Все это не осталось не замеченным дворянской публицистикой и дворянскими обществами, выступавшими за восстановление «первенствующего» положения высшего сословия. Недовольство определенной демократизацией офицерского корпуса проявлял и генералитет, видевший в этом причину падения «нравственного» уровня армейского офицерства. В записке генерала Н. Милорадовича отмечалось, что в связи с введением закона о всеобщей воинской повинности и учреждением юнкерских училищ, для поступления в которые требовался лишь сравнительно невысокий образовательный ценз, в армейских подразделениях «процент офицеров не из потомственных дворян начал постепенно повышаться, достигнув в иных частях ужасающей цифры в 60—70%» [88]. Это обеспокоило и правящие сферы.

*

С воцарением Александра III и последовавшей эпохой контрреформ был предпринят ряд мер по «улучшению» сословного состава офицерского корпуса, коснувшихся главным образом военно-учебных заведений, которые уже с конца 70-х годов давали основную массу офицеров. Этой цели должны были отвечать и преобразование в 1882 г. военных гимназий вновь в кадетские корпуса, и сокращение числа юнкерских училищ и контингента юнкеров, и упразднение военных прогимназий [89]. Новое положение 1886 г. о кадетских корпусах, не отступая в целом от установившейся ориентации на кадровых военнослужащих, предоставляло преимущественное право поступления в них детям «заслуженных» офицеров, прослуживших в армии не менее 10 лет. Они подлежали зачислению интернами на казенный счет в первую очередь. На оставшиеся казенные вакансии и своекоштными пансионерами зачислялись дети вообще всех офицеров, независимо от происхождения, затем — сыновья чиновников из потомственных дворян и, наконец, дети неслужащих потомственных дворян. Кроме того, вне конкурса зачислялись 585 стипендиатов дворянских обществ [90]. Шагом в этом же направлении было утвержденное 7 ноября 1887 г. Военным советом положение, разрешавшее принимать в кадетские корпуса экстернами и приходя-

щими воспитанниками только тех, кто имел право на поступление в эти заведения казеннокоштными интернами, т. е. детей офицеров и дворян [91]. Соответствующие меры были приняты и в отношении военных училищ. Преимущественное право поступления в них, как и ранее, получали выпускники кадетских корпусов. В конце 80-х годов они замещали около 90% всех вакансий. На остальные же теперь могли претендовать лишь те, кто по закону имел право на поступление в кадетские корпуса [92].

И все же потребность в подготовленных кадровых военных оказалась сильнее стремления самодержавия «облагородить» офицерский корпус. В результате и в законодательных актах были сделаны довольно значительные уступки в плане допущения и даже расширения всесословного начала в кадетских корпусах и в военных и юнкерских училищах. Об этом свидетельствует, в частности, подтверждение пункта о преимущественном приеме в корпуса детей офицеров без различия сословного происхождения. Общие положения зачастую не согласовывались с правилами приема в отдельные училища. Так, в Михайловском артиллерийском, Николаевском инженерном, Морском инженерном и других специальных училищах и академиях формально не существовало каких-либо сословных ограничений [93]. Не было установлено жестких сословных требований и в юнкерских училищах. А между тем именно последние, хотя численность их несколько снизилась, в начале 90-х годов давали около половины всех выпускаемых офицеров [94]. Тот же Н. Милорадович, одобряя меры, направленные к «поднятию верхнего, дворянского сословия» в армии, отмечал, что они в слабой степени повлияли на состав армейского офицерства, которое пополнялось в основном выпускниками всесословных, как он подчеркивал, юнкерских училищ.

*

Как отразилась правительственная политика 80—90-х годов на сословном составе военно-учебных заведений и офицерского корпуса в целом? По данным Главного управления этого ведомства, в кадетских корпусах за последнюю четверть века процент детей лиц высшего сословия довольно заметно возрос — примерно с 80%

[87] *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860—1870 гг. в России, с. 243, 247.
[88] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 9, л. 3. Записка Н. Милорадовича, 1887 г.
[89] ПСЗ, III, т. 2, № 1027; т. 6, № 3930.
[90] ПСЗ, III, т. 6, № 3517.
[91] ПСЗ, III, т. 7, № 4770.
[92] Свод военных постановлений 1869 г. СПб., 1896, ч. 4, кн. 15, ст. 586.
[93] Там же, ст. 721 и др.
[94] Всеподданнейший доклад по Военному министерству. 1896 г., с. 69.

в 1881 г. до 94% к 1903 г. В военных училищах в это же время он оставался на одном уровне — около 60%. Внешне казалось, что цель — «улучшение» сословного состава учащихся — достигнута. Фактически же выполнена была часть задачи: значительно возрос — почти в 3 раза — удельный вес сыновей личных дворян, т. е. в основном детей младших и средних офицеров и чиновников. Удельный же вес потомственных дворян даже несколько сократился: примерно с 69 до 62% в кадетских корпусах и с 54 до 47% — в военных училищах. В юнкерских же училищах удельный вес сыновей лиц высшего сословия упал с 63,4% в 1886 г. до 39,8% к 1902 г.[95] В целом, по данным, собранным Особым совещанием по делам дворянского сословия, на 1 января 1897 г. из 17 123 воспитанников всех военных и морских учебных заведений потомственных дворян было 8930 человек, т. е. 52,1% [96].

Причин этому было много. Помимо субъективного стремления властей за счет создания кадрового офицерства улучшить образовательный уровень и подготовку командного состава, немалую роль играли и объективные факторы. Во-первых, поместное дворянство, видимо, и ранее не представляло постоянного ядра офицерского корпуса, так как в любое время помещик мог уйти в отставку и заняться хозяйством. По этому поводу один из дворянских публицистов писал: «Служба была... для громадного большинства дворян как бы завершением домашнего или школьного воспитания. Большинство помещиков 40—60-х годов были отставные офицеры и чиновники обер-офицерских чинов. Дворяне служили, но в том лишь случае, когда служба давала или обещала более выгоды, чем имение, или когда имение дробилось между многими наследниками»[97]. Во-вторых, родовые дворяне уже не могли поставлять, хотя бы в прежней пропорции, кандидатов в офицеры, численность которых к концу XIX в. значительно возросла. К тому же все бо́льшую роль играли и материальное оскудение мелкого и отчасти среднего слоев поместного дворянства, и усилившаяся конкуренция со стороны других сословий, и низкий уровень офицерского жалованья, и усилившаяся тяга высшего сословия к предпринимательству и вообще к более выгодным в материальном отношении сферам. Если раньше жалованье было средством существования в основном для офицеров из обедневших дворян и неимущих выходцев из других сословий, составляя лишь незначительную компенсацию расходов офицеров из помещиков, то теперь материальный фактор стал играть все более существенную роль для большей части высшего сословия. Московский губернский предводитель кн. П. Н. Трубецкой на одном из совещаний предводителей в 1898 г., делясь с коллегами своими наблюдениями, отмечал, что «среди дворянства растет предпочтение к техническому образованию детей, сравнительно с военным, что объясняется и материальными соображениями, и недостаточностью постановки

образовательных задач в кадетских корпусах»[98]. Эти же факты были предметом обсуждения Особого совещания по делам дворянского сословия, отметившего и постоянный отсев воспитанников военно-учебных заведений, и переход части выпускников и офицеров на гражданскую службу[99]. Все это весьма заботило совещание, констатировавшее, что «в последние годы в рядах армии и флота стала заметно проявляться убыль офицеров дворянского звания».

Основание для такого заключения дали материалы, собранные совещанием на 1 января 1864, 1874 и 1897 гг. и сведенные в специальную «Ведомость о числе военных чинов и классных гражданских чиновников Военного и Морского ведомств»[100]. Табл. 6, составленная на основе этих материалов, дает определенное представление об изменении сословного состава офицерского корпуса как в целом, так и его отдельных групп. Следует, однако, оговориться, что сравнение этих данных с данными всеподданнейших «Отчетов о действиях Военного министерства» и «Докладов по Военному министерству» обнаружило определенные расхождения цифровых итогов по военному ведомству, особенно значительные на первые две даты[101]. Объясняется это, видимо, тем, что сведения на начало 1864 и 1874 гг. либо были выборочны, либо касались отдельных частей армии. Зато данные «Ведомости» на 1 января 1897 г. превышают списочную численность офицеров регулярных войск, приведенную во «Всеподданнейшем докладе» за 1896 г. (29 668). Но итоговые цифры будут близки, если учесть данные о численности офицеров иррегулярных войск и запаса, приведенные в том же докладе (40 740). Общая же численность офицеров вместе с чинами корпуса пограничной стражи составля-

---

[95] *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973, с. 311, 315—316, 333.

[96] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 167, л. 1. Сведения о числе воспитанников заведений морского ведомства; л. 9—9 об. Процентное соотношение воспитанников военно-учебных заведений из потомственных дворян к общему числу учащихся на 1 января 1897 г. В военном ведомстве процент этот равнялся в среднем 51,8, морском — 57,5, колеблясь в различных заведениях от 2 до 70—80 и даже до 100% (в Пажеском корпусе).

[97] *Мил Б.* Дворянское дело.— Гражданин, 1897, № 19.

[98] ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 350, л. 2 об. Протокол частного совещания у губернского предводителя кн. П. Н. Трубецкого по вопросам образования. 20 февраля 1898 г.

[99] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 170, л. 18—19. Журнал Особого совещания. Заседания 16, 23, 30 мая и 6 июня 1898 г.

[100] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 22, л. 24—28. Ведомость о числе военных чинов и классных гражданских чиновников военного и морского ведомства. 1897 г.

[101] Так, общая численность офицеров, по данным «Всеподданнейшего отчета о действиях Военного министерства за 1863 г.» [СПб., 1865, с. 2], составляла 30 847, в 1874 г. [СПб., 1876, с. 1.2] — 28 431 человек.

Таблица 6. Удельный вес потомственных дворян в составе офицерского корпуса

Группы командного состава	Общая численность	В том числе потомственных дворян			
		по происхождению		по чину или ордену	
		абс.	%	абс.	%
		1864 г.			
Генералы и адмиралы	351	308	87,7	28	8
Штаб-офицеры	2 630	1 809	68,7	302	11,5
Обер-офицеры	16 495	8 748	53	113	0,7
Итого	19 476	10 865	55,8	443	2,2
		1874 г.			
Генералы и адмиралы	594	504	84,8	78	13,1
Штаб-офицеры	3 821	2 695	70,5	413	10,8
Обер-офицеры	18 370	8 677	47,2	137	0,7
Итого	22 785	11 875	52,1	628	2,7
		1897 г.			
Генералы и адмиралы	1 212	1 114	91,9	98	8,1
Штаб-офицеры	6 282	4 461	71	875	13,9
Обер-офицеры	35 283	16 331	46,3	106	0,3
Итого	42 777	21 906	51,2	1079	2,5

Источник. ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 22, л. 24—28. Ведомость о числе военных чинов и классных гражданских чиновников военного и морского ведомств. 1897 г.

ла к началу 1897 г. 43 720 человек, из которых потомственных дворян по происхождению было 22 290 человек, т. е. 51,9% [102].

Из табл. 6 видно, что уже в 60—70-х годах потомственные дворяне не имели подавляющего большинства в офицерском корпусе, а к концу XIX в. их насчитывалось едва более половины. Другую половину представляли выходцы из недворян [103]. Особенно велик процент их был среди младшего офицерского состава. В армейской пехоте они составляли не менее 60% на протяжении почти всего пореформенного сорокалетия. Таким образом, определенная демократизация офицерского корпуса несомненна.

Тем не менее родовые дворяне еще довольно прочно удерживали позиции в среднем и высшем командном составе. Если удельный вес их среди младших офицеров упал с 53 до 46,3%, то среди штаб-офицеров он даже возрос с 68,7 до 71%, а среди генералитета — с 87,7 до 91,9%. Особенно высок был их процент в приви-

легированных родах войск (во флоте, артиллерии, кавалерии) и в гвардии, где они составляли подавляющую часть командного состава. Такое положение достигалось в результате предоставления офицерам из дворян особых, часто незафиксированных в законодательстве льгот и преимуществ. Так, гвардейские офицеры имели преимущества в продвижении по службе при переходе в армейские части, представители знатных и титулованных фамилий достигали высоких чинов в более сокращенные сроки и т. д.[104]

В нашем распоряжении нет сводных статистических данных об имущественном положении российского офицерства. Однако анализ сохранившихся послужных списков и многочисленные косвенные свидетельства показывают, что даже среди высшего его звена подавляющая часть принадлежала к беспоместным дворянам[105]. В целом для большинства офицеров жалованье представляло единственный источник средства существования. Следует иметь также в виду, что военнослужащим воспрещалось совместительство в частных предпринимательских компаниях. Все эти обстоятельства, а также специфика военной службы обусловили формирование определенной кастовости офицерского корпуса (хотя и не в такой форме и степени, как прусского) со своей идеологией, моралью, оформившейся в отчасти официально зафиксированный, а еще более неписаный кодекс офицерской чести и т. п.[106]

ДВОРЯНСТВО И ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА

Та же самая дилемма — необходимость располагать в достаточном количестве профессионально подготовленными, образованными служащими, потребность в которых постоянно и неуклонно росла, и в то же время стремление сохранить неизменной социальную структуру власти — стояла перед самодержавием и в области формирования кадров чиновничества. Решалась она принципиально теми же способами, что и при комплектовании офицер-

---

[102] Данные об общей численности генералов и офицеров, приведенные в «Ведомости», почти совпадают с аналогичными сведениями переписи 1897 г.— 43 779 человек (Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения..., т. 2, с. 236), а данные об удельном весе потомственных дворян в офицерском корпусе к концу XIX в.— с подсчетами П. А. Зайончковского, произведенными им на основе данных Главного штаба на 15 мая 1895 г. — 50,8% (*Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия..., с. 202—205).

[103] См. подробнее: *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия..., с. 204—205.

[104] *Режепо И.* Статистика генералов. СПб., 1903; *Рубакин Н. А.* Военная бюрократия в цифрах.— Русская мысль, 1907, № 1, 2, 5.

[105] *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия..., с. 207—211.

[106] Там же, с. 233—248.

ского корпуса: дореформенное законодательство также предусматривало поступление на гражданскую службу по «праву происхождения» и «по праву образования» [107]. Однако положение здесь осложнялось тем, что еще в первой половине XIX в. этот род деятельности не пользовался особым уважением «благородного» сословия.

Как правило, гражданские должности состоятельные его члены занимали лишь прослужив определенное время в армии и достигнув достаточно высоких чинов. На средние и низшие должности, особенно местных административных и судебных учреждений, дворяне, по выражению С. Н. Терпигорева, «сдавали... своих пролетариев или своих инвалидов». Однако они не могли заполнить все вакансии и законодательство допускало на службу, также по праву происхождения, и лиц из других, в основном привилегированных сословий.

Помимо документов, удостоверявших сословную принадлежность, претенденты должны были представить свидетельство об окончании какого-либо учебного заведения или подвергнуться испытаниям, на которых требовалось показать, что «они не только умеют правильно читать и писать, но знают основания грамматики и арифметики» [108]. Требования были крайне непритязательны. Все усилия правительства повысить образовательный ценз для поступления на службу и сохранить при этом преимущества высшего сословия были безуспешны. Главная причина неудач (по официальному признанию) состояла в том, что дворянство не желало отказываться от «удобности достигать чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним лишь пребыванием и счислением лет службы» [109]. Стремясь обеспечить кадрами государственный аппарат и поднять профессиональную подготовку чиновничества, самодержавие вынуждено было отдать предпочтение образованию перед происхождением. Практически это нашло свое выражение, во-первых, в том, что формально все учебные заведения ведомства Министерства просвещения с момента возникновения были провозглашены всесословными. Несмотря на весьма высокий удельный вес в составе учащихся детей дворян и чиновников, имевших преимущества при поступлении, эти заведения давали возможность получить образование и выходцам из других сословий [110]. Во-вторых, согласно положению от 25 июня 1834 г. все поступавшие на службу подразделялись на разряды прежде всего в соответствии именно с образованием [111]. Окончившие высшие учебные заведения и медалисты гимназий (I разряд) независимо от происхождения прямо определялись в классные должности с присвоением чина X—XIV класса. Получившие среднее (II разряд) и начальное (III разряд) образование зачислялись канцелярскими служащими с правом производства через определенное время в классный чин. Принадлежность к высшим разря-

дам давала определенные преимущества не только при поступлении, но и в ходе дальнейшего чинопроизводства.

Однако, открыв возможность поступления на службу сравнительно широкому кругу лиц, самодержавие в то же время предприняло ряд мер по укреплению позиций высшего сословия в государственном аппарате. Прежде всего оно приложило немало усилий, чтобы сломить предубеждение сословия к этой сфере деятельности и привлечь дворян в гражданские ведомства. Специальная статья «Устава о службе», сохранившаяся и во всех переформенных изданиях, возводила в степень общего закона следующее положение: «По общему праву, российским дворянам присвоенному, хотя никто из них не может быть принужден ко вступлению в службу, но между тем правительство желает и главным начальникам надлежит поощрять, чтобы молодые дворяне по окончанию наук... определялись бы в гражданскую службу, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству приобретать от первых ступеней канцелярские сведения и способность в делах» [112]. На прохождение службы дворянами и их чинопроизводство обращалось особое внимание. Так, закон 1834 г. предусматривал для родовых дворян, составлявших I разряд по происхождению, сокращенные сроки чинопроизводства. Имевшие среднее образование дворяне получали I классный чин через 1 год, дети личных дворян, купцов, священников, относившиеся ко II разряду,— через 2 года, остальные (III разряд) — через 4 года. Еще бо́льшим был разрыв в сроках выслуги для лиц с низшим образованием: благородные «митрофанушки» становились классными чиновниками через 2—4 года, служащие II разряда — через 4—6 лет, III — через 8—12 лет. Еще один заслон для недворян был поставлен при выслуге чина VIII класса: для его получения дворяне должны были прослужить 2—4 года, в то время как остальные (в том числе и выпускники вузов), которым этот чин давал право на «благородство»,— не менее 5—10 лет [113]. Этой же цели — упрочению служебных прав и привилегий высшего сословия — отвечали и меры правительства по расширению круга административных и судебных должностей в местном управлении, замещавшихся по выборам

---

[107] Свод законов..., 1842, т. 3, кн. 1, ст. 1.
[108] Там же, ст. 10.
[109] ПСЗ, I, т. 30, № 23771.
[110] В гимназиях дети дворян и чиновников в 30—50-х годах XIX в. составляли около 80%, в университетах — 65—67% учащихся (*Комоско Л. В.* Изменение сословного состава учащихся средней и высшей школы России 30—80-х годов XIX в.— Вопросы истории, 1970, № 10, с. 203—207).
[111] ПСЗ, II, т. 9, отд. 1, № 7224, § 2.
[112] Свод законов...,1835, т. 3, ст. 15.
[113] ПСЗ, II, т. 9, отд. 1, № 7224, § 2, 21—23, 36—42.

дворянских собраний. Закон от 23 января 1837 г. предусматривал назначение на ответственные должности по центральному управлению преимущественно лиц, прослуживших определенное время в местных правительственных органах, т. е. из тех же поместных дворян [114]. Как уже отмечалось, специально для подготовки государственных деятелей из дворян были учреждены привилегированные закрытые учебные заведения. Вместе с тем в царствование Николая I неоднократно возникали проекты ликвидации служебных преимуществ выпускников университетов и ограничения доступа в них выходцев из других сословий. Однако бо́льшая часть этих мер так и не нашла широкого применения на практике, так как не соответствовала потребностям времени.

Указ от 9 декабря 1856 г. ввел новые правила чинопроизводства, оставшиеся в основном неизменными в продолжение всего пореформенного периода. Подтвердив доступ на службу по «праву происхождения» и по «праву образования», закон гласил, что все окончившие высшие учебные заведения утверждаются в том чине, на который им дает основание ученая степень или аттестат. В дальнейшем все они должны были подчиняться общим срокам чинопроизводства независимо от происхождения. Все остальные, не имевшие по образованию права на классный чин, как и прежде, принимались на службу канцелярскими служителями. Здесь продолжало действовать старое законодательство, предоставлявшее дворянам преимущества в виде сокращенных сроков выслуги, но только до получения первого чина [115].

*

В пореформенную эпоху бурное развитие капитализма с еще большей неотвратимостью вело к усложнению хозяйственной и общественно-политической жизни страны. Обусловленные этим рост и усложнение задач государственного аппарата настоятельно требовали привлечения специально подготовленных служащих и притом в таком количестве, которое уже не могло дать высшее сословие, 12% которого было к тому же к концу XIX в. совершенно неграмотно [116]. Правительство вынуждено было неоднократно подтверждать принцип всесословности учебных заведений. Ряд буржуазных преобразований формально устранил дворянские привилегии во многих сферах государственного управления. Сыграли здесь свою роль и причины, адекватные тем, которые обусловили сокращение дворянского элемента в армии. Вопрос о том, из кого комплектовать кадры чиновничества, все более обострялся и приобретал для самодержавия политическую окраску.

Нельзя сказать, что правительство не предпринимало шагов по «улучшению» сословного состава государственного аппарата, особенно его местного звена. Вместо ряда ликвидированных рефор-

мами 60—70-х годов должностей, замещавшихся выборными от дворянства лицами, были созданы новые учреждения и институты, также заполнявшиеся, как мы увидим в дальнейшем, представителями высшего сословия. Рядом косвенных мер, главными из которых были меры по регулированию состава учащихся учебных заведений, правительство стремилось затруднить доступ на службу недворянам [117]. Сохранены были формально и ограничения при поступлении на службу лиц, не имевших образования, устранявшие от этой сферы деятельности целые разряды населения, принадлежавшие в основном к податным сословиям.

И все же бóльшая часть этих усилий осталась безуспешной. Удельный вес дворян в составе учащихся, несмотря на колебания за отдельные годы, продолжал падать и к концу XIX в. в системе Министерства просвещения составлял: среди студентов высших учебных заведений — 22,8%, среди учащихся гимназий и реальных училищ — 25,6% [118]. Постоянно увеличивавшаяся потребность в новых кадрах служащих привела к тому, что в «Уставе о службе» пришлось сделать массу — более 30 — оговорок, изымавших из сферы действия закона как отдельные должности, так и целые отрасли управления (акцизное, банковское, почтовое и т. д.) [119]. К концу XIX в. из 126 174 штатных должностей в 8 наиболее многолюдных ведомствах (министерствах внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, государственного контроля и главного управления уделов) — 73 003, т. е. около половины, разрешалось замещать лицами, вообще не имевшими на это права ни по своему происхождению, ни даже по образованию [120]. В результате процент дворян в общем контингенте государственных служащих продолжал падать, и это все более беспокоило самодержавие.

Необходимость приведения служебного законодательства хотя бы в некоторое соответствие с реальными потребностями жизни была осознана правительством еще в предреформенные десятилетия. Уже тогда выявились все противоречия при комплектовании кадров государственного аппарата, главным из которых было

---

[114] ПСЗ, II, т. 12, отд. 1, № 9894.

[115] ПСЗ, II, т. 31, отд. 2, № 31237.

[116] Общий свод по империи..., т. 1, с. 190. Среди потомственных дворян, по подсчетам В. В. Воровского, неграмотных к концу XIX в. было около 26% (*Воровский В. В.* Соч. М., 1933, т. 1, с. 218).

[117] *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971, с. 24—41.

[118] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 167, л. 66—68. Статистические сведения о воспитанниках учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения к 1 января 1897 г.

[119] Свод законов..., т. 3, ст. 146—148.

[120] ЦГИА СССР, ф. 1200, оп. 1 (т. 16), д. 1, ч. 2, л. 727 об.

столкновение принципов происхождения и образования. И самодержавие, будучи не в силах отказаться от привлечения на службу образованных людей, предоставляя им определенные льготы в чинопроизводстве, в то же время весьма определенно высказалось и в пользу сохранения в этой области прав и преимуществ высшего сословия. Однако таким путем проблема не могла быть решена, что со всей ясностью обнаружилось в первые же пореформенные годы. Огромные служебные преимущества, предоставляемые дворянам, не могли стимулировать их к получению образования. Как и при выслуге офицерского звания, в выигрыше оказывались те дворянские недоросли, которые начинали службу даже не кончив гимназического курса. Перед царизмом вновь и вновь вставала альтернатива — или продолжать политику сохранения и укрепления служебных преимуществ «благородного» сословия, что должно было закрепить старую социальную структуру власти, но никак не отвечало предъявляемым к последней требованиям, или допустить принцип свободного комплектования государственного аппарата, исходя прежде всего из его потребностей, что обрекало дворянскую прослойку среди чиновничества на еще более быстрое размывание. Объективно тяготея к первому пути, самодержавие не могло полностью следовать им на практике. Так, оно вынуждено было, как и в армии, поднять образовательный ценз для получения I классного чина: правила от 3 июня 1871 г. предусматривали введение с этой целью специального экзамена в объеме программы уездного училища [121]. Не выдержавшие испытания, независимо от происхождения, могли продолжать службу только в качестве «канцелярских служителей».

Создававшиеся для решения этой проблемы правительственные комиссии долгие годы не могли выработать сколько-нибудь приемлемых рекомендаций, шарахаясь от проектов предоставления исключительных служебных привилегий дворянству до провозглашения принципа всесословности в области государственной службы [122].

Многолетние метания царизма в поисках выхода завершились созданием в конце XIX — начале XX в. проекта нового «Устава о службе». В записке к проекту отмечалось, что старый устав «представляется ничем иным, как рядом разновременно изданных законоположений, частью устаревших, частью между собой не согласованных, не отвечающих потребностям современной служебной деятельности и нередко даже неисполнимых на практике, вследствие чего, в некоторых случаях является неизбежная необходимость допускать отступления, вызываемые требованиями жизни и самой пользой службы» [123]. В ряду многих недостатков старого законодательства особо выделялись вопросы о принципах комплектования государственного аппарата и регулирования его социального состава. «В связи с многочисленными изъятиями в

Уставе,— отмечалось по этому поводу в записке,— сложилось даже мнение, что именно изъятия составляют общее правило, а основные статьи являются как бы исключениями»[124]. Вновь была отмечена настоятельная потребность в образованных чиновниках. В этих условиях комиссия Е. А. Перетца, разрабатывавшая проект Устава, сочла невозможным отказаться от привлечения на службу выпускников вузов всех состояний путем предоставления им права на занятие классных должностей. Было отмечено, что и вообще принцип отбора кадров по признаку происхождения, не выдерживавшийся и в дореформенную эпоху, в новых условиях в значительной мере утратил свою жизненность. Было предложено вообще сделать образовательный ценз единственным критерием приема на государственную службу.

Однако это совсем не значило, что комиссия высказалась против особого положения дворянства в государственном строе России. Расчет был совершенно иной: предоставив право государственной службы всем желающим, добиться таким путем отлива недворян из средних и высших учебных заведений, поступление в которые, по мнению комиссии, диктовалось в подавляющем большинстве случаев лишь стремлением получить служебные права и «кусок хлеба», а затем, предоставив им должности на низших служебных ступенях, затруднить всеми возможными средствами переход в более высокие рязряды служащих. Таким образом, позиции высшего сословия в среднем и высшем звене государственного аппарата должны были еще более укрепиться. Но и в таком виде проект устава вызвал много колебаний, раздумий в правящих кругах и резкие протесты ревнителей дворянских прав и привилегий, увидевших в проекте угрозу утраты высшим сословием своего господствующего положения. Лишь натиск первой русской революции заставил самодержавие внести некоторые, в целом весьма незначительные поправки в существовавшее служебное законодательство.

*

Мы не располагаем полными сведениями об изменении численности и состава чиновничества в пореформенный период. Однако в фонде Особого совещания по делам дворянского сословия имеются данные о численности и сословном составе классных чи-

---

[121] Правда, и в этом случае дворяне в большей степени, чем другие, могли рассчитывать на успех, так как председателем комиссии по приему экзаменов был местный предводитель дворянства.

[122] Вопрос этот достаточно полно исследован Ю. Б. Соловьевым (*Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973, с. 360—371).

[123] ЦГИА СССР, ф. 1200, оп. 1, д. 1, ч. 2, л. 119. Объяснительная записка к проекту «Устава о службе гражданской».

[124] Там же, л. 126.

Таблица 7. Удельный вес потомственных дворян в общей численности классных чиновников на 1 января 1897 г.

Классы должностей и чинов лиц, служащих и причисленных к ведомствам	Общая численность служащих и причисленных к ведомствам	В том числе			
		потомственные дворяне по происхождению		лица из других сословий	
		абс.	%	абс.	%
IV класс и выше	1 438	1 029	71,5	409	28,5
V—VIII класс служащих и V—VII причисленных	50 082	18 971	37,9	31 111	62,1
IX—XIV класс служащих и VIII—XIV — причисленных	49 993	11 151	22,3	38 886	77,7
Итого	101 513	31 151	30,7	70 386	69,3

новников гражданских (без Государственного совета и Синода) и военного (без морского) ведомств на 1 января 1897 г., сведенные нами в табл. 7 [125].

Следует иметь в виду, что в табл. 7, помимо пропущенных ведомств (в целом сравнительно немногочисленных), неполно отражена численность высших чинов, так как составители ведомостей, видимо, не включили лиц, находившихся за штатом, в отставке, или не числившихся на государственной службе (почетных попечителей учреждений по ведомству императрицы Марии и т. п.), и совсем не учтены канцелярские служащие.

Тем не менее приведенные данные дают представление о численности и составе российской бюрократии. Дворяне по происхождению занимали 30,7% всех классных должностей. В целом, как видно, удельный вес их в общей массе чиновничества был невелик, но они занимали более $^2/_3$ всех высших должностей и более $^1/_3$ — средних. Если же к ним приплюсовать выходцев из других сословий, сумевших достичь чинов, дававших право на потомственное или личное дворянство, то численность представителей высшего сословия составит, видимо, не менее 55 тыс., т. е. около 55% всех классных чиновников [126].

Сравнение этих данных с данными о российской бюрократии середины XVIII в. показывает, что, хотя ее состав и претерпел определенные изменения, высшее сословие в целом прочно удерживало господствующие позиции в среднем и высшем звеньях государственного аппарата. Составляя и 150 лет назад всего 21,6% всех чиновников (с учетом канцеляристов), потомственные дворяне занимали тогда более 85% всех высших и более 34% средних должностей [127]. Если низшие и отчасти средние звенья аппарата

все это время пополнялись главным образом за счет выходцев из разночинной среды, то правящая бюрократия комплектовалась в своем подавляющем большинстве из потомственного дворянства. Правда, в пореформенную эпоху и среди сановников удельный вес представителей родовитых фамилий несколько сократился за счет выслуживших дворянство. Более того, численность последних в связи с общим ростом служащих довольно значительно возросла, в их руки попали важные государственные посты. Даже в царствование Александра III, когда предпринимались попытки возродить государственное значение высшего сословия, ряд таких постов, требовавших специальной подготовки или особых деловых качеств, занимали недворяне по происхождению — министры финансов Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградский, государственные контролеры Д. М. Сольский и Т. И. Филиппов, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и др.

Но очевидно и то, что процесс этот происходил крайне медленно. По-прежнему широко практиковалось феодальное по своему характеру назначение на высшие гражданские должности дворян, закончивших военную карьеру. Так, за время с 1801 по 1901 г. из 464 членов Государственного совета 220 имели генеральские и адмиральские чины, т. е. 47,4%, в том числе за пореформенное сорокалетие из 230 членов — 105, т. е. 45,6% [128]. Этот же принцип широко использовался и при назначении губернаторов. В основном, как отмечал В. И. Ленин уже в 1911 г., бюрократия продолжала рекрутироваться «из старого, совсем старого, не только дореволюционного (до 1905 г.), но и дореформенного (до 1861 г.) поместного и служилого дворянства» [129]. Это ленинское положение убедительно подтверждается анализом «Списков чинов высших четырех классов», издававшихся департаментом герольдии Сената и императорской канцелярией и содержавших основные данные о высшем слое чиновничества [130]. Так, согласно данным «Списков...» на 1902 г., из 3642 сановников почти 30% начали служебную карьеру еще до отмены крепостного права.

---

[125] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 222, л. 1—28. Ведомости о служащих в военных и гражданских ведомствах.

[126] Более точную цифру назвать затруднительно, так как составители ведомостей включили в одну группу чиновников XIV—VIII классов.

[127] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974, с. 213—216.

[128] Государственный совет. 1801—1901 гг. СПб., 1901, прил.

[129] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 58.

[130] Следует, однако, иметь в виду, что «Списки...» не совсем точно отражают картину, так как, с одной стороны, в них нет данных о военных чинах, состоявших на гражданской службе, а с другой — они учитывают значительное число лиц, получивших чины за неслужебные отличия и не состоявших на действительной службе. Не всегда точны сведения и об имущественном положении.

*

Весьма важным для характеристики социальной природы «служилого» дворянства является вопрос о его имущественном положении, и в первую очередь об обеспеченности его землей. К сожалению, здесь мы также не располагаем какими-либо сводными данными. Однако многочисленные косвенные свидетельства позволяют утверждать, что уже в дореформенную эпоху значительная часть среднего чиновничества жила сравнительно скромным жалованьем, не имея других сколько-нибудь существенных источников доходов. Некоторые из них, достигнув определенных высот в служебной иерархии, обзаводились недвижимостью и даже покупали землю и крепостных. Но бо́льшая часть служащих вместе с дворянами-«пролетариями» составляла контингент потомственного чиновничества, всю жизнь проводившего на службе, являвшейся главным источником средств их существования.

Во второй половине XIX в. контингент этот стал особенно усиленно пополняться за счет разорившихся и обедневших помещиков, заполнивших целый ряд не только классных, но и канцелярских должностей. По-иному стали смотреть на службу и более состоятельные дворяне, пытаясь жалованием поправить свои пошатнувшиеся дела. «„Служба из чести“ после 19 февраля показалась всем нам почти вдруг комичною...,— замечает С. Н. Терпигорев.— С этого момента „мы“ очень скоро и очень основательно усвоили себе взгляд мелкопоместных на службу» [131].

Стремясь одворянить государственный аппарат, особенно его местное звено, укрепить в нем социально-экономические позиции высшего сословия, правительство предприняло ряд мер в этом направлении. Во-первых, продолжали существовать привилегированные учебные заведения, вместо упраздненных выборных дворянских должностей были учреждены новые (мировые посредники и судьи, земские начальники и др.), занятие которых обусловливалось наличием определенного имущественного и сословного ценза. Во-вторых, с целью укрепления экономического положения чиновничества, сближения его с поместным дворянством, а также с целью обеспечения постоянными кадрами государственных учреждений в отдаленных и малоосвоенных местностях или там, где проводилась усиленная русификаторская политика, правительство попыталось обеспечить чиновничество землей. Так, «с целью привлечения на службу чиновников русского происхождения» в западных губерниях по высочайше утвержденной 23 июля 1865 г. инструкции были назначены в продажу без торгов участки казенной земли от 30 до 1000 дес. с уплатой без процентов в течение 20 лет. Всего здесь было продано в соответствии с инструкцией 1092 лицам 516,2 тыс. дес. за 6,7 млн. руб. Затем была разрешена продажа на чрезвычайно льготных условиях земель в Уфимской и

Оренбургской губерниях, где за 1876—1881 гг. было продано 461,3 тыс. дес. Правилами от 14 июня 1868 г. недостаточным чиновникам и отставным офицерам предоставлялось право приобретать с рассрочкой уплаты на 37 лет участки казенной земли от 30 до 150 дес.[132] И наконец, было предпринято много усилий, чтобы добиться оседлости чиновничества в Сибири. Однако в целом, за исключением отчасти западных губерний, задача — обеспечить чиновничество землей — оставалась нерешенной. Бóльшая часть чиновничьих земель была перепродана в спекулятивных целях. Многие приобретенные имения сдавались в аренду или совсем не обрабатывались. Мелкие же участки не могли иметь серьезного экономического значения и в лучшем случае использовались как летние дачи.

Этот же процесс наблюдался и в среде высшей бюрократии. В дореформенный период российские самодержцы уделяли особое внимание обеспечению высших сановников, жалуя им огромные земельные площади и крепостных. В царствование Николая I раздача крепостных уже не практиковалась, но случаи пожалования земель (от 2 до 6 тыс. дес.) были довольно часты. После отмены крепостного права такие случаи стали совсем редки. Вместо этого широкое распространение получила распродажа казенных земель на льготных условиях. Но к концу XIX в. и этот фонд истощился. На докладной записке министра двора И. И. Воронцова-Дашкова, где в ряду высочайших наград упоминались и земельные пожалования, Александр III написал: «Больше нет»[133].

Каково же было обеспечение землей высшей российской бюрократии, вызывавшей дружное осуждение и обличение публицистов всех лагерей и направлений? Этим вопросом в свое время занимался Н. А. Рубакин, посвятивший ему ряд статей. Выявив на основе данных «Списков...» за 1901—1903 гг. 244 крупных землевладельца из числа чиновников I—III классов, числившихся по гражданским ведомствам и владевших в совокупности более 3 млн. дес., он писал: «Даже если бы все остальные чиновники этих классов не были обеспечены землей, то и тогда 648 сановников владели бы 3 387 587 дес., т. е. по 5 227,8 дес.». На основе таких усредненных расчетов автор затем делал вывод, что «наша правящая бюрократия является вместе с тем земельной аристократией», что огромное большинство высших чинов принадлежит к «землевладельческому классу»[134]. Однако такое заключение нуждается, на наш взгляд, в серьезном уточнении.

---

[131] *Терпигорев С. Н.* Указ. соч., с. 251.

[132] Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ (1837—1887), ч. 3, с. 64—65.

[133] *Строев В. Н.* Столетие собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1912, с. 279.

[134] *Рубакин Н. А.* Наша правящая бюрократия в цифрах.— Сын отечества, 1905, № 5; *Он же.* Россия в цифрах. СПб., 1912, с. 67.

Таблица 8. Обеспеченность землей сановников I—IV классов

1858 г.

Класс чинов	Число сановников	Сановники, не владевшие землей *		Владельцы имений свыше 100 дес. или 20 душ крестьян									
				родовых		приобретенных покупкой, браком		пожалованных		неизвестного происхождения		всего владельцев	
	абс.	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
I	2	—	—	1		—		1		—		2	
II	47	9	18,3	31	81,5	4	10,5	3	8	—		38	81,7
III	175	48	27,4	77	60,8	29	22,8	21	16,4	—		127	72,6
IV	669	357	53,3	199	63,8	99	31,7	10	3,2	4	1,3	312	46,7
Итого	893	414	46,2	308	64,3	132	27,6	35	7,3	4	0,8	479	53,8

1902 г.

Класс чинов	Число сановников	Сановники, не владевшие землей *		Владельцы имений свыше 100 дес.									
				родовых		приобретенных покупкой, браком		пожалованных		неизвестного происхождения		всего владельцев	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
I	—	—		—	—	—		—		—		—	
II	96	47	48,9	32	65,3	13	26,5	4	8,2	—		49	51,1
III	549	359	65,2	109	57,4	65	34,2	5	2,6	11	5,8	190	34,8
IV	2997	2271	75,7	456	62,8	247	34	10	1,4	13	1,8	726	24,3
Итого	3642	2677	73,4	597	61,8	325	33,6	19	2,1	24	2,5	965	26,6

Источник. Список гражданским чинам первых четырех классов на 1858 г. (Исправлено по 1 сентября 1858 г.). СПб., 1858; Список гражданским чинам первых четырех классов на 1902 г. (Исправлено по 1 августа 1902 г.). СПб., 1902.

* К категории безземельных отнесены и владельцы имений размером до 100 дес. (или до 20 душ крестьян), доходы с которых не могли сколько-нибудь существенно обеспечить потребности «статских генералов».

Итак, возьмем данные тех же «Списков...» на 1 сентября 1858 г. и 1 августа 1902 г. (табл. 8). Согласно показаниям самих сановников, представленных в инспекторский отдел императорской канцелярии, в 1858 г. из 893 чинов I—IV классов владели имениями свыше 100 дес. или более 20 душ крестьян 479 человек (53,8%). Очень высок этот процент был для «особ» первых трех классов (70—80%), среди которых свыше $^2/_3$ были владельцами родовой собственности. Но уже и тогда довольно значительно было число сановников, приобретавших имущество путем покупки, браков и т. п.— около 40%. К 1902 г. уже свыше 70% высокопоставленных чиновников не были обеспечены землей [135]. Особенно заметно — почти вдвое — сократилось число землевладельцев среди сановников II и IV классов. В соотношении же видов собственности больших изменений не произошло, за исключением сокращения почти вдвое числа жалованных имений. Изменения эти обусловливались целым рядом причин. Играли здесь роль и прекращение земельных пожалований, и отлив капиталов в более выгодные сферы приложения и т. д. Но одной из главных причин было пополнение высшей бюрократий за счет кадрового «служилого» дворянства и выслужившихся разночинцев. Пополнение происходило не только путем продвижения этих контингентов служащих по служебной лестнице, но и за счет увеличения числа одних и повышения класса других должностей, за счет изменения самого профессионального состава этих разрядов чиновничества. Так, численность чиновников III—IV классов значительно увеличилась за счет административного и преподавательского состава учебных заведений (университетский устав 1863 г. повысил класс профессорской должности с VI до IV класса), за счет служащих судебного и финансового ведомств, за счет инженерного и другого технического персонала. Кроме того, до 1892 г. чины давались и в качестве наград за внеслужебные заслуги. В результате количество обладателей классных чинов было значительно больше наличности соответствовавших им должностей. Многие из них числились сверх штата, состояли в качестве «причисленных» к различным ведомствам (чаще всего придворным или попечительным) или чиновниками «особых поручений» и т. п. Этими причинами и объясняется столь резкое увеличение — более чем в 4 раза — численности высших чинов за 44 года.

Данные обстоятельства следует учитывать при определении степени обеспеченности землей различных категорий чинов. В табл. 9, составленной на основе данных «Списков...» на 1902 г.,

[135] Примерно к таким же итогам пришел П. А. Зайончковский, пользовавшийся данными «Списков...» для определения имущественного положения высшей бюрократии на 1858, 1878 и 1903 гг. (*Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, с. 90—105).

Таблица 9. Обеспеченность землей сановников отдельных звеньев государственного аппарата на 1902 г.

Должности	Общая численность, чел.	Не-владевшие землей, чел.	Владельцы имений, дес.						
			до 500	501—1000	1001—5000	5001—10 тыс.	свыше 10 тыс.	неизв. размера	всего
Министры, главноуправляющие и их товарищи	32	20	2	3	5	—	1	2	12
Члены Государственного совета	41	18	1	1	13	3	4	1	23
Чины государственной канцелярии	26	14	3	3	4	—	1	1	12
Сенаторы	158	95	14	12	24	3	3	6	63
Директора и вице-директора департаментов, управляющие канцеляриями и отделами	59	51	5	1	2	—	—	—	8
Члены советов министров и консультанты	128	91	4	7	14	6	8	—	37
Директора и члены советов государственных банков	18	10	2	1	4	—	1	—	8
Губернаторы и вице-губернаторы (гражданские чины)	94	40	6	7	30	8	3	—	54
Чины придворного ведомства, члены попечительных советов, опекуны	64	15	5	4	10	8	19	4	49
Чиновники особых поручений и причисленные к ведомствам	64	35	1	1	8	5	14	—	29

приведены также сведения по наиболее характерным группам как собственно правящей бюрократии, так и придворного и различных попечительных ведомств.

Табл. 9 в целом свидетельствует о тесной связи высших чинов с землевладением. Но связь эта неодинакова для всех групп. Наименее обеспеченными в этом плане были группы сановников, занятых в «рабочих» органах по практическому, текущему управлению (министры и их товарищи, директора и вице-директора департаментов, чины канцелярий, отчасти присутствующие сенаторы), в различных совещательных и консультативных советах и т. п. Зато эта прослойка, особенно ее верхи, отличалась и наиболее высокими окладами (10—30 тыс. руб. в год). В ней представ-

лены и землевладельцы, среди которых были и крупные. Но в большей части последние занимали не ведущее, а как бы наблюдательное, контрольное положение (в Сенате, в советах при министрах и т. д.). Латифундисты преобладали в Государственном совете — высшем законосовещательном органе империи, среди гражданских губернаторов и имели подавляющее большинство среди чинов придворного ведомства и попечительных обществ, занимая в последних, как правило, нештатные, в большинстве своем неоплачиваемые посты. За исключением губернской администрации и небольшой части Государственного совета, эти посты, как и значительная часть должностей чиновников особых поручений, среди которых также было много крупных помещиков, носили в основном почетный характер или служили формой скрытого дополнительного субсидирования сановников пенсионного возраста [136]. Таким образом, и в среде высших чинов налицо была довольно значительная прослойка профессионального чиновничества, для которого жалованье было важнейшим, часто единственным источником доходов. Это усиливало зависимость правящей бюрократии от самодержавия, а отчасти и от поместного дворянства. Многие видные государственные деятели тех лет сделали карьеру благодаря именно своей продворянской ориентации. Этой же ориентации придерживались в значительной своей части и помещичьи элементы среди сановников. Одни из них прямо входили в высшие государственные учреждения, другие, более многочисленные, составляли опору придворной «камарильи» — второго, закулисного правительства — или прямо входили в ее состав. В. И. Ленин, характеризуя природу «камарильи», значение и сила которой особенно усилились в начале XX в., отмечал, что «изнеженная, развращенная, выродившаяся — эта общественная группа являет собою яркий образец самого гнусного паразитизма», что она «всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по-нашему черносотенное — дворянство, черпающее свою экономическую силу из крупного землевладения и связанного с ним полукрепостнического хозяйства» [137], и что обычно правительство в значительной своей части состоит из ее ставленников.

*

Другим важным фактором, определявшим имущественное и социальное положение чиновничества, являлась причастность его к предпринимательским сферам. Оно и в предреформенную эпоху чаще, чем поместное дворянство, приобщалось к новой форме

[136] *Рубакин Н. А.* Архив государственной мудрости или злачное место, идеже государственные раки зимуют: Опыт статистического исследования Государственного совета по официальным данным. СПб., 1906.

[137] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 140—141.

богатства — денежным капиталам. Однако лишь в пореформенные годы эти капиталы могли получить широкое применение. Этому способствовала и правительственная политика поощрения частного предпринимательства. Положение 1863 г. провозглашало: «Всем без изъятия лицам, состоящим на службе государственной или по выборам, а равно женам и детям их дозволяется беспрепятственно получать свидетельства купеческие и промысловые» [138]. Однако, не располагая значительными средствами, чиновники сравнительно редко учреждали собственные предприятия. Это было под силу лишь состоятельным лицам из высших его слоев. Но и среди них доля промышленников была весьма невелика. По данным Министерства финансов, в конце XIX — начале XX в. лишь 115 лиц, принадлежавших к «особам» II—IV класса, владели 131 предприятием; из них 79 были владельцами 93 предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции (мельницы, винокуренные и свеклосахарные заводы и т. п.), в большинстве своем мелких [139]. Сравнение этих данных со «Списками...» показало, что среди них преобладали лица, не занимавшие сколько-нибудь влиятельных постов.

Значительно активнее чиновничество участвовало в акционерно-паевом деле. Причем, если среднее звено его ограничивалось в основном покупкой незначительного числа акций и игрой на бирже, то высшая бюрократия уже с 60—70-х годов участвовала в учредительстве акционерно-паевых компаний, банков, возглавляя их по совместительству в качестве директоров, членов советов и правлений. Деятельность эта приняла такие масштабы, что в 1868 г. правительство приняло меры по ограничению участия государственных служащих в железнодорожных обществах, возникновение и деятельность которых ознаменовались рядом грандиозных афер [140]. Затем, 3 декабря 1884 г., по личной инициативе Александра III был издан указ, вообще запрещавший «особам высших пяти классов» какое-либо совместительство [141]. Всем остальным служащим совместительство позволялось только с разрешения начальства. Однако это не могло помешать «особам» владеть акциями, играть на бирже или обогащаться за счет исконного взяточничества, но уже в более «цивилизованной» форме,— получая мзду за консультации, за содействие в получении заказов и т. п. Изучение, правда сравнительно немногочисленых, сохранившихся личных фондов показывает, что у ряда видных сановников — министра внутренних дел П. А. Валуева, министра просвещения А. В. Головнина, управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина [142] и других — доходы от ценных бумаг составляли существеннейшую часть их бюджета.

Запрещение совместительства несколько сдерживало его легальные формы, но не могло прекратить совсем. В начале XX в. чиновные дворяне занимали 58% всех должностей в правлениях

и советах банков и акционерных обществ, приходившихся на долю высшего сословия [143]. И опять-таки подавляющую часть их занимали сановные «особы»: около 160 высших чинов, находившихся на действительной службе или в отставке, занимали свыше 240 мест в руководящих органах частных компаний. Особенно активно участвовали сановники в банковских и железнодорожных обществах. Так, акции Курско-Киевской железной дороги, по свидетельству С. Ю. Витте, получили известность как «акции Государственного совета и Сената» [144]. С конца XIX и особенно с начала XX в. участились случаи перехода крупных чиновников в правления частных компаний. Так, В. Э. Картавцев, оставив пост председателя Дворянского банка, стал членом правлений ряда акционерных обществ. Такую же карьеру проделали директор горного департамента А. К. Скальковский, ставший крупной фигурой среди предпринимателей, директор департамента государственного казначейства И. П. Шипов, товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты С. С. Хрущев, вице-директор департамента общих дел МВД Н. Н. Юханцев, управляющий отделом департамента Министерства юстиции Я. И. Утин, вице-директор департамента железных дорог А. Н. Ратьков-Рожнов и др. Все это не могло не заинтересовать чиновничество в развитии своих связей с деловым миром, что, в свою очередь, оказывало влияние и на его социальную эволюцию. Но сколько-нибудь глубокой и масштабной эта связь была у сравнительно узкого слоя наиболее влиятельных или состоятельных сановников.

*

Итак, наиболее важные звенья государственного аппарата и в пореформенную эпоху продолжали оставаться в руках высшего сословия. По приведенным данным, в военных и гражданских ведомствах к началу 1897 г. служили более 145,2 тыс. офицеров и классных чиновников. Из них потомственных дворян было

---

[138] ПСЗ, II, т. 38, отд. 1, № 39118, ст. 23.

[139] Подсчитано по справочнику: Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903.

[140] Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902, т. 4, с. 283.

[141] ПСЗ, III, т. 4, № 2559; т. 5, № 3065. Исключение было сделано для владельцев предприятий, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции собственного производства.

[142] ЦГИА, ф. 908, оп. 1, д. 2, л. 49; ф. 851, оп. 1, д. 10, л. 73—74. Домашний бюджет А. В. Головнина на 1876 г.; ф. 1642, оп. 1, д. 16, л. 109—124, 143—145, 155—157, переписка.

[143] Статистика акционерного дела в России. СПб., 1903. Вып. 4.

[144] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей».— В кн.: Проблемы общественной мысли и экономической политики России XIX—XX вв. Л., 1972, с. 23.

55,6 тыс. (38,2%), в том числе 53,6 тыс. (36,9%) дворян по происхождению и несколько более 2 тыс. человек (1,3%), получивших дворянское достоинство лично. Впрочем, подразделение это несколько условное, так как среди дворян по происхождению было немало, если не большинство, таких, дворянское достоинство которых было приобретено их предками на службе и притом сравнительно недавно. Обер-офицеров и чиновников не из дворян, дослужившихся до чинов, дававших право на личное дворянство, насчитывалось более 51 тыс., т. е. свыше 35%. Таким образом, в указанных ведомствах только в классных чинах находилось не менее 106,6 тыс. представителей высшего сословия, что составляло более 73% служащих этой категории. Если учесть, что, согласно переписи 1897 г., общая численность грамотных потомственных, личных дворян и классовых чиновников мужского пола в возрасте от 20 до 60 лет составляла 413,9 тыс. человек (неграмотных 45 341 человек) [145], то, вычтя из этой цифры численность чиновников не из дворян XIV—X классов (около 38 тыс.), можно сделать вывод, что в армии и в гражданских ведомствах только на классных должностях было занято, видимо, не менее 28% (106,6 тыс. из 375,3 тыс.) всех дворян, имевших право на государственную службу, или не менее 25,3% всех дворян от 20 до 60 лет (106,6 тыс. из 421,3 тыс.) [146].

По мере развития в стране капиталистических отношений этот аппарат эволюционировал, становясь из феодального все более буржуазным по своей природе. Тема эта весьма обширна и мало исследована. Мы можем сейчас лишь отметить, что этот процесс проявлялся также и в изменении состава и положения «служилого» дворянства. Все более заметную часть его составляли безземельные дворяне и выходцы из других сословий. Жалованье становилось главным источником средств существования все большей части служащих дворян. Сам термин «служилое дворянство», использовавшийся ранее для характеристики всего дворянского сословия, в публицистике второй половины XIX в. приобретает несколько иной смысл. Так, с известной долей пренебрежительности, а то и прямой враждебности апологеты стародворянского уклада называли как новых дворян, получивших доступ в высшее сословие путем выслуги, так и тех, для кого служба стала главным источником средств существования. «Ранее служба дворянства вызывалась «нравственным сословным долгом», а теперь оно смотрит на службу только как на источник существования»,— с горечью отмечал один из дворянских публицистов [147].

Кадровое офицерство и бюрократия начали складываться еще в эпоху феодализма. И по мере того как их жалованье, представлявшее собой ранее часть централизованной феодальной ренты, с развитием капитализма и изменением характера государственного бюджета все более меняло природу, сама эта прослойка высше-

го сословия превращалась в обычных, хотя и привилегированных, особенно на фоне общего бесправия и нищеты масс, государственных служащих. И это обстоятельство, несмотря на все усилия самодержавия удержать и укрепить сословный принцип комплектования офицерского корпуса и чиновничества, являлось выражением внутреннего процесса изменения самой природы этой части высшего сословия. Не последнюю роль в ее эволюции играли и становившиеся все более тесными связи чиновничества с деловым миром. Но процессы эти в рассматриваемое время, видимо, были еще далеки от своего завершения. Ни изменения в кадровом составе государственного аппарата, ни растущая заинтересованность бюрократии в делах буржуазии не привели к изменению классового характера надстройки. Эволюционируя вместе с российским абсолютизмом, обуржуазиваясь постепенно и по своему составу, и особенно с точки зрения характера и мотивов своей деятельности, определяя в значительной мере процесс плутократизации самодержавного режима, что характерно было именно для этого периода [148], правящая бюрократия придавала «чисто крепостническое, исключительно крепостническое *направление и облик* буржуазной деятельности» [149]. Это обусловливалось природой самого абсолютизма, интересами господствующего класса.

В то же время правящая бюрократия, составляя часть господствующего класса, была особой его группой, в силу ряда факторов (в том числе и в силу необходимости представлять интересы класса в целом) не отождествлявшей себя с ним полностью и располагавшей огромной, хотя и относительной самостоятельностью. В. И. Ленин, неоднократно характеризуя ее как носительницу коллективного разума своего класса, его политического и организационного опыта, отмечал ее организационную и идейную сплоченность, традиционную замкнутость и корпоративную кастовость [150].

---

[145] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905 г., т. 1, с. 190.

[146] К этому следует прибавить: примерно 1,5 тыс. дворян, занимавших выборные должности в системе дворянского самоуправления (предводители и депутаты дворянства, заседатели дворянских опек и т. п.), что приравнивалось к государственной службе (правда, без выплаты казенного жалованья, за исключением платных должностей предводителей дворянства в западных губерниях, но с назначением пенсий); около 5 тыс. дворян, служивших по выборам и найму в земских учреждениях; канцелярских служителей из дворян (неклассных чиновников), сведениями о численности которых мы не располагаем. С учетом этих данных удельный вес служащих дворян составлял, видимо, не менее 30% всех дворян, имевших право на государственную службу.

[147] *Семенов Н. П.* Наше дворянство. СПб., 1899, с. 55.

[148] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 190.

[149] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 58.

[150] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 345.

3. ДВОРЯНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Особый слой, весьма разнородный и отчасти совпадавший с уже рассмотренными, составляла та часть высшего сословия, положение которой в значительной мере (если не полностью) определялось причастностью дворянства к различным сферам частного предпринимательства, лежавшим за пределами традиционных дворянских занятий — сельского хозяйства и государственной службы. К ним дворяне начали приобщаться еще в дореформенный период, и это явление нашло отражение в законодательстве. В 1754 г. помещикам была предоставлена монополия на винокурение. «Жалованная грамота» 1785 г. провозглашала, что «благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням» [151]. Манифест от 1 января 1807 г. предоставлял им право вступать в первую купеческую гильдию [152]. И наконец, положением от 21 декабря 1827 г. разрешалось «дворянам потомственным или личным заводить и содержать в городах фабрики и заводы с дозволением записываться вообще не только в первую, но и во вторую и третью гильдии...». Личным дворянам, кроме того, дозволялось «без всякой записи в гильдию иметь в городах и так называемые заведения или ремесла с одним причислением таковых заведений по роду оных к цехам» [153]. Наиболее состоятельные и предприимчивые из «благородных» становились владельцами суконных, полотняных мануфактур, горных, стекольных, свеклосахарных и винокуренных заводов, основанных главным образом на труде крепостных и посессионных крестьян, не гнушались ростовщически-рантьерских операций, торговли, подрядов, откупов, выступая часто за спиной подставных лиц [154]. Таким путем определенные слои сословия пытались приспособиться к развивавшимся товарным отношениям. Одновременно разбогатевшие купцы, заводчики, фабриканты — все эти Демидовы, Лазаревы, Строгановы, Осокины, Турчаниновы, Яковлевы и др.— разными правдами и неправдами добывали дворянство, «одворянивались» и пополняли высшее сословие. Исследовавший историю происхождения богатств ряда наиболее состоятельных и известных семей дворянский историк Е. П. Карнович к собственному удивлению сделал открытие, что «вообще господствующее у нас мнение о родовой спеси нашего дворянства против торговли и промыслов оказывается... совершенно ложным» [155]. Действительно, дворянство, особенно его верхи, не упускало случая приумножить свое состояние за счет различного рода предпринимательства. Однако сфера приложения капиталов в то время была узка, круг источников доходов крайне ограничен. К тому же заложенная в самой природе высшего состояния социальная паразитарность была одной из важных причин того, что нажитые капиталы, как отмечал еще Е. П. Карнович, «за редким исключением не шли в обороты, чтобы увеличить нажитое богат-

ство». Значительная масса дворянских капиталов была не только прожита, но и безрассудно промотана если не первыми их приобретателями, то ближайшими их наследниками [156]. Основой благосостояния подавляющей части дворян продолжали оставаться феодальная рента, труд крепостных, что и определяло социально-экономическую природу сословия. Этим, очевидно, и объясняется особая прочность глубоко укоренившихся предрассудков о дворянской исключительности, сложившихся в особый кодекс «благородства», культивировавший предосудительное отношение к «недворянским» занятиям.

С падением крепостного права и быстрым развитием капитализма возможности получения внеземледельческих и внеслужебных доходов — в форме предпринимательской прибыли или процентов, ренты, гонорара, жалованья и т. д.— резко возросли. Как воспользовалось этим высшее сословие? Ответ на этот вопрос был бы весьма важен, так как он должен показать степень отрыва сословия от его традиционных занятий и раскрыть еще одну сторону его обуржуазивания, расслоения на классы капиталистического общества.

Законодательство 60-х годов формально ликвидировало сословные ограничения в торгово-промышленном предпринимательстве. Положение от 8 января 1863 г. «О пошлинах за право торговли и других промыслов» юридически предоставило лицам всех сословий равные возможности в этой сфере [157]. Высшее сословие лишилось ряда важных привилегий. Наиболее чувствительной оказалась потеря дарового крепостного труда, которым держалось большинство дворянских предприятий. Затем была ликвидирована и монополия помещиков в винокурении: эта возможность была предоставлена всем лицам, «имевшим право на заводскую и фабричную промышленность» [158]. Другой стороной этой меры, нанесшей чувствительный удар помещичьему винокурению, было предоставление льгот крупным предприятиям, владельцы которых получали право на безакцизный сбыт перекура — всего излишка спирта сверх определенной законом нормы выхода. Целью, кото-

---

[151] ПСЗ, I, т. 22, № 16187, ст. 28.
[152] ПСЗ, I, т. 23, № 22418.
[153] ПСЗ, II, т. 2, № 1631, ст. 13.
[154] *Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е годы XIX в.). М., 1968; *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962; *Хромов П. А.* Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967; и др.
[155] *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. 2-е изд. СПб., 1885, с. 45.
[156] Там же, с. 49.
[157] ПСЗ, II, т. 38, отд. 1, № 39118.
[158] Северная почта, 1868, № 237.

рая преследовалась при этом, было поставить винокурение на промышленную основу. Как утверждал впоследствии С. Ю. Витте, правительство рассчитывало, что дворянство, имевшее опыт и располагавшее средствами, первым воспользуется возможностью реорганизовать производство и не допустит в эту область лиц других сословий [159]. Но ожидания не сбылись. Помещичье винокурение, стоявшее в массе своей на низком техническом уровне, не смогло перестроиться и, не выдержав конкуренции крупных заводов, начало быстро сокращаться. Такая же участь, как мы увидим, выпала на долю свечных, салотопенных, суконных, ковровых и т. п. фабрик и заводов, существовавших в помещичьих имениях и державшихся на крепостном труде. Удержали позиции лишь дворяне-сахарозаводчики отчасти благодаря своим огромным личным состояниям (все они были и крупными латифундистами), отчасти с помощью правительства, посредничавшего в регулировании производства и сбыта сахара и цен на него. Однако формально никаких сословных преимуществ или ограничений в этой отрасли уже не было. Даже проведенный в 1890 г. в интересах помещиков новый закон о винокурении, согласно которому безакцизный перекур отменялся, а преимущества получали мелкие заводы, расположенные в сельской местности и занятые переработкой собственного сырья, что обусловило с конца XIX в. некоторый рост их численности, юридически имел всесословный характер [160]. Закон запрещал учреждение в этой отрасли акционерных обществ, сооружение новых винокуренных заводов в городах и устанавливал безакцизное отчисление в пользу владельцев «сельскохозяйственных» предприятий в размере, обратно пропорциональному объему производства. Фактически на особом положении оставались лишь владельцы посессионных предприятий, в основном горных заводов, на которых и после отмены крепостного права значительную часть рабочих составляли приписанные, а затем временнообязанные крестьяне.

Крупнейшим пережитком феодальной эпохи оставалось право владельцев на ее недра. Потеряв также исключительно сословный характер, оно тем не менее фактически ограждало в первую очередь интересы дворянства, сосредоточившего бóльшую часть всех частновладельческих земель, и служило дополнительным источником обогащения помещиков. Несмотря на неоднократные попытки пересмотреть это положение, предпринимавшиеся в правительственных сферах, оно сохранилось до 1917 г. Да и вообще самодержавие практиковало всевозможные стеснительные ограничения в фабрично-заводском законодательстве, особенно в акционерном деле. Одним из важных мотивов его политики в этом плане было стремление сохранить эффективные средства вмешательства в экономику, чтобы оградить интересы господствующего класса и упрочить его конкурентоспособность в новых условиях [161].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют представить эту деятельность высшего сословия в статистическом плане только в отношении фабрично-заводского предпринимательства. Такие данные содержатся в ряде справочных указателей и списков фабрик и заводов, издававшихся Министерством финансов на основе сведений местных статистических комитетов, фабричных инспекторов и самих предпринимателей. Они дают возможность определить сословную принадлежность подавляющей части владельцев заведений, время возникновения предприятий, их отраслевую принадлежность, размеры производства. В связи с различной группировкой материала по производствам, различной степенью четкости сословных делений и т. д. сведения этих изданий не во всем сопоставимы. Предпочтение было отдано «Списку фабрик и заводов Европейской России» [под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1903], как охватывающему более широкие хронологические рамки — до 1901—1902 гг. включительно. Следует оговориться, что составители, приводя данные о владельцах предприятий, в первую очередь учитывали их титулы, чины, звания и лишь при отсутствии таковых приводили сведения о сословной принадлежности. В связи с этим при подсчетах учитывались все «чиновные» предприниматели. Кроме того, справочник не включает данные о предприятиях, подчиненных горному надзору.

Согласно «Списку фабрик» (табл. 10), в начале XX в. насчитывалось 1894 дворянина, классных чиновника и офицера, владевших в губерниях Европейской России (без Польши и Финляндии) 2092 предприятиями, отнесенными составителями к фабрично-заводскому типу, т. е. с числом рабочих не менее 15 человек или с механическим двигателем, или с годовым производством не менее 2 тыс. руб.[162] Среди владельцев было 1644 потомственных дворянина (по происхождению или чину), 202 лица, состоявшие в чинах, дававших право на личное дворянство, и 48 лиц, имевших более низкие чины. Судя по характеру предприятий и времени их

[159] Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства...—Исторический архив, 1957, № 4, с. 139.

[160] ПСЗ, III, т. 10, отд. 1, № 6888.

[161] *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М., 1974, с. 33—61.

[162] К этому следует прибавить 40 дворян — владельцев единоличных фирм в золото- и платинодобывающей промышленности (Список золото- и платинопромышленных фирм в России. СПб., 1904) и 28 единоличных и семейных владельцев около 120 медеплавильных, чугунолитейных, железоделательных, сталелитейных и рельсовых заводов (*Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. СПб., 1881). Хотя последние сведения приведены на 1879 г. положение здесь к началу XX в. мало изменилось: по-прежнему в этих отраслях мы видим фамилии крупнейших дворян-предпринимателей — кн. Демидовых-Сан-Донато, Поклевских-Козелл, гр. Строгановых, гр. Стенбок-Фермор, гр. Шуваловых, кн. Абамелек-Лазаревых и др.

Таблица 10. Группировка владельцев предприятий по сословной принадлежности, чинам и группам производства

Сословная принадлежность, чины	Группа производства *					
	I	II	III	IV	V	VI
Потомственные дворяне	—	13	3	5	5	40
В том числе:						
титулованные «особы»	—	3	1	5	—	15
гражданские чины I—IV классов	—	—	—	—	1	2
военные чины I—VI классов	—	2	—	—	—	2
Гражданские чины VI—IX классов и военные чины VII—XIV классов	1	2	1	1	2	33
В том числе:						
гражданские	1	1	1	1	2	27
военные	—	1	—	—	—	6
стальные чины	—	1	—	—	—	17
Итого	1	16	4	6	7	90

Источник: Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903.

* I — обработка хлопка; II — обработка шерсти; III — обработка шелка; IV — обработка пеньки, джута, льна; V — производство смешанных материалов; VI — бумажное и полиграфическое производства; VII — механическая обработка дерева; VIII — об-

возникновения, среди последних двух категорий владельцев, видимо, значительная часть также принадлежала к потомственному дворянству. Более половины (56%) учтенных заведений (табл. 11) было основано в 80—90 годы XIX в., т. е. в период аграрного кризиса и промышленного подъема; около 20% — в 60—70-х годах и около 18% — в дореформенную эпоху, в основном в первой половине XIX в. Анализ данных по отраслям показывает, что по численности на первом месте были предприятия, занятые переработкой сельскохозяйственных продуктов — 71%. Из них на акцизные производства — винокурение, пивоварение, свеклосахарные заводы — приходилось 54%; на безакцизные — мельницы, крупорушки, маслобойни и т. п.— 46%. Затем шли производства по обработке минеральных веществ (кирпичные, цементные, стеклянные, фарфоровые, гончарные и т. п. заводы) — 17%, по механической обработке дерева (лесопильные заводы, столярные, паркетные, мебельные заведения) — 6,6; бумажное и полиграфическое производства — 5,4, производство машин и обработка металлов (в основном ремонтные мастерские и заводы по производству сельскохозяйственных орудий) — 4,8%. Такое распределение по производствам свидетельствует о тесной связи предпринимательской

Группа производства *							Сословная принадлежность, чины
VII	VIII	IX	X	XI	XII	Всего	
124	71	133	2	1233	15	1644	Потомственные дворяне
							В том числе:
42	21	40	1	374	—	502	титулованные «особы»
12	4	13	1	82	3	118	гражданские чины I—IV классов
7	3	7	—	57	—	78	военные чины I—VI классов
9	14	29	2	107	3	202	Гражданские чины VI—IX классов и военные чины VII—XIV классов
							В том числе:
7	8	19	2	78	3	148	гражданские
2	6	10	—	29	—	54	военные
1	1	7	2	19	—	48	Остальные чины
134	86	169	6	1359	18	1894	*Итого*

работка металлов, производство машин и т. д.; IX — обработка минеральных веществ; X — обработка животных продуктов; XI — обработка питательных и вкусовых веществ; XII — химическое производство.

ской деятельности основной массы «благородных» фабрикантов и заводчиков с сельским хозяйством, с владением землей. Об этом же говорит и тот факт, что почти 90% всех учтенных заведений были расположены в сельской местности. Причем наибольшее число их приходилось на губернии с преобладающей капиталистической системой земледелия — 9 западных, 3 прибалтийских, 3 украинских левобережных, что достигалось в основном за счет предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. Более $^3/_4$ дворянских предприятий представляли собой мелкие и средние заведения с числом рабочих менее 100 человек и годовым производством до 15—20 тыс. руб. (табл. 12). Некоторая часть их фактически не отвечала важнейшим признакам фабрично-заводского предприятия и была включена лишь с учетом того, что годовое производство их составляло около 2 тыс. руб. Среди них немало оказалось мелких заведений кустарного или ремесленного типа. Однако были крупные и крупнейшие предприятия (свыше 400) с числом рабочих более 100 человек и с годовым производством более 50 тыс. руб. Большую часть их составляли свеклосахарные, рафинадные, винокуренные заводы, крупные мельницы, а также цементные, кирпичные и особенно горные заводы.

Таблица 11. Группировка дворянских предприятий по видам производств и времени возникновения

Группа производства	Время возникновения								
	XVIII в.	1800—1860 гг.	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1899 гг.	1900—1903 гг.	Нет сведений	Всего
I	—	1	—	—	—	—	—	—	1
II	2	6	1	2	—	3	—	2	1
III	—	1	—	—	—	3	—	—	6
IV	—	1	1	—	1	2	—	—	54
V	—	1	1	1	3	1	—	—	7
VI	3	12	1	24	30	37	6	—	113
VII	1	4	4	10	19	84	14	3	139
VIII	2	18	7	9	20	26	2	6	90
IX	6	19	13	25	19	82	11	16	191
X	—	—	—	1	2	2	1	—	6
XI	14	301	136	175	269	464	57	87	1503
XII	—	—	—	4	3	8	2	—	17
Итого	28	364	164	251	366	712	93	114	2092

Источник. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб, 1903.

Важно отметить, что история дворянского фабрично-заводского предпринимательства особенно наглядно иллюстрирует основные тенденции развития капитализма в российской промышленности пореформенной эпохи. С одной стороны, именно дворянские предприятия в наибольшей степени несли на себе следы длительного господства крепостного права, в условиях которого зарождалась промышленность России. Это нашло отражение как в организации производства, основывавшемся на принудительном труде, так и в социальном облике самих владельцев. Поскольку реформа 1861 г. не уничтожила помещичьего землевладения и обеспечила возможность длительного сохранения пережиточных отношений, постольку такие заведения могли существовать еще довольно длительное время. Этому способствовала финансовая поддержка, которую правительство оказывало владельцам таких предприятий, стремясь помочь им приспособиться к новым условиям [163]. Перестройка их происходила крайне медленно. Спустя более трети века после реформы В. И. Ленин отмечал, что горнопромышленники Урала, бывшие одновременно и помещиками и заводчиками, «основывали свое господство не на капитале и конкуренции, и на монополии и на своем владельческом праве», что «средством приобретения рабочих рук является на Урале не только наем, но и *отработки*» [164]. С другой стороны, падение крепостного права и

отмена сословных ограничений в предпринимательской деятельности, изменение условий сбыта и самой отраслевой структуры промышленности не могли не коснуться дворянских предприятий. Сравнение данных «Указателя фабрик и заводов» за 1879 и 1890 гг. свидетельствует о полном их исчезновении в ряде традиционных «дворянских» производств — ковровом, парчевом, полотняном — или резком сокращении их численности (например, в суконном — с 37 до 13 предприятий) [165]. Этот упадок помещичьих заведений вотчинно-посессионного характера, как отмечал В. И. Ленин, являлся одной из важных сторон развития российского капитализма [166]. Постепенно вынуждены были закрываться угольные разработки помещиков на Юге России, которые вначале также велись руками крепостных, а затем временнообязанных крестьян. Еще в 1872 г. на их долю приходилось до 60% добывавшегося там угля [167]. После угольной горячки 70-х годов число помещичьих шахт резко сократилось. Многие владельцы отдали их в аренду более предприимчивым лицам. Лишь немногие из дворянских угольных разработок к концу XIX — началу XX в. переросли в крупные капиталистические фирмы, такие, как Рутченковское горнопромышленное общество, фирма П. А. Карпова и др.

В ряде отраслей дворяне-предприниматели, чтобы удержать свои позиции, вынуждены были перестраиваться применительно к новым условиям. В частности, в эти годы довольно интенсивно происходило техническое переоборудование свеклосахарных заводов [168]. Возникали новые дворянские предприятия как в старых, традиционных отраслях — сахарной, винокуренной, мукомольной, так и в развивающихся производствах — красильном, набивном, бумагопрядильном, бумаготкацком и т. д. Влияние пережитков феодальной эпохи, которыми столь отличалось дворянское предпринимательство, было довольно ощутимо. В ряде отраслей они долгое время оказывали тормозящее влияние на развитие производства, придавали уродливый характер процессу его концентрации. Пережиточные формы и методы эксплуатации рабочей силы широко использовали и новые, возникшие на чисто капиталистической ос-

---

[163] *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960, с. 176—190; *Он же.* Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX в.— Исторические записки, т. 82, с. 120—162.

[164] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 485—486.

[165] *Орлов П. А.* Указ. соч.; *Орлов П. А., Будагов С. Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1894.

[166] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 470.

[167] Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1886, вып. 2, с. 265—272.

[168] *Яцунский В. К.* Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973, с. 236.

Таблица 12. Группировка дворянских предприятий по видам производств и размерам предприятий

Группа производства	С числом рабочих менее 15 человек						
	С механическим двигателем	С годовым производством, руб.					
		до 2 тыс.	от 2 до 5 тыс.	от 5 до 10 тыс.	от 10 до 50 тыс.	от 50 до 100 тыс.	свыше 100 тыс.
I	—	—	—	—	—	—	—
II	—	—	—	1	—	—	—
III	—	—	—	—	—	—	—
IV	—	—	—	—	—	—	—
V	—	—	—	—	—	—	—
VI	10	1	1	1	—	—	—
VII	1	3	11	8	7	2	—
VIII	—	—	1	2	2	—	—
IX	—	4	14	4	1	—	—
X	—	—	—	—	1	1	—
XI	40	16	47	144	573	18	8
XII	—	—	1	—	1	—	—
Итого	51	24	75	160	585	21	8

Источник. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб, 1903.

нове предприятия. Но, как отмечалось уже в исследованиях социально-экономической истории пореформенной России, деформировав отчасти процесс концентрации промышленности, пережитки не могли изменить его капиталистический характер [169]. В целом же доля дворянских предприятий в большинстве отраслей промышленности была сравнительно небольшой в отношении как их численности, так и объема производства. Исключение составляли производства по переработке пищевых продуктов, где удельный вес их достигал 26% численности всех заведений отрасли, горные заводы — свыше 30 (на начало 80-х годов), обработка минеральных веществ — около 12, бумажное, типографское производства и механическая обработка дерева — около 10%.

*

Приведенные данные далеко не исчерпывают общей картины дворянского предпринимательства. Не поддается, например, в полной мере статистической обработке участие высшего сословия в различного рода финансовых и торгово-промышленных операциях. В период промышленной горячки 60—70-х годов главным объектом внимания предпринимателей было железнодорожное строительст-

С числом рабочих, чел.					Нет сведений	Всего	Группа производства
15—49	50—99	100—499	500—999	1000 и более			
—	—	1	—	—	—	1	I
6	2	4	3	—	—	16	II
1	1	2	—	—	—	4	III
4	—	1	—	—	—	5	IV
6	1	—	—	—	—	7	V
63	23	10	2	—	2	113	VI
80	19	7	—	—	1	139	VII
38	17	19	4	—	7	90	VIII
78	41	39	6	1	3	191	IX
3	—	1	—	—	—	6	X
424	67	82	26	4	54	1503	XI
10	4	1	—	—	—	17	XII
713	175	167	41	5	67	2092	*Итого*

во. Существовавшая концессионная система позволяла предприимчивым дельцам наживать многомиллионные состояния, по существу не вкладывая своих личных средств. Среди крупнейших железнодорожных концессионеров того времени дворянство было представлено миллионерами П. Г. фон-Дервизом, К. Ф. фон-Мекком, К. К. Унгерн-Штернбергом. Но чаще участие в этом деле представителей благородного сословия сводилось к посредничеству при добывании выгодных концессий, права на которые затем переуступались подрядчикам. В роли таких посредников выступали как члены императорской фамилии, включая самого царя, влиятельнейшие лица из бюрократических верхов — вплоть до председателя Комитета министров кн. П. П. Гагарина — и придворного окружения, так и дворянские общества и земства [170].

Заложенная в самой природе «благородного» сословия тенденция к паразитизму все время проявлялась и выплывала наружу

[169] *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, с. 74—98.

[170] *Головачев А. А.* История железнодорожного дела в России. СПб., 1881; *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975, с. 100—110; и др.

Таблица 13. Участие дворян в руководящих органах акционерно-паевых обществ в начале XX в. (с подразделением по отраслям)

Сословная принадлежность, чины	Банки	Ломбарды	Страховое дело	Склады	Транспорт	Отрасли промышленности		
						металлургическая	каменноугольная	нефтяная
Потомственные дворяне	94	15	27	6	114	51	28	21
В том числе:								
титулованные	11	—	4	1	29	10	11	4
гражданские чины I—IV класса	59	3	10	1	40	24	5	5
военные чины I—VI класса	8	3	4	1	20	—	1	2
Гражданские чины V—IX класса и военные чины VII—XIV класса	42	14	7	2	79	24	11	11
В том числе:								
гражданские чины	36	12	7	2	68	24	11	10
военные чины	6	2	—	—	11	—	—	1
Остальные чины	2	—	—	—	1	4	—	—
Итого	138	29	34	8	194	79	39	32

Источник. Статистика акционерного дела в России. СПб., 1903. Вып. 4.

в виде крупных скандальных историй — то в виде грандиозных железнодорожных афер с «земскими» гарантиями, столь характерных для 60—70-х годов, то в виде жульнической игры акциями, получения и переуступок прав на аренду и разработку рудоносных, богатых углем, нефтью и другими полезными ископаемыми земель, подрядов и концессий на строительство новых и реконструкцию старых предприятий и т. д. Так, генерал-адъютант кн. В. И. Васильчиков, князья С. В. Кочубей, В. Тенишев, Л. Л. Голицын и другие титулованные и влиятельные лица оказались участниками махинаций, имевших место при учреждении ряда крупных предприятий — Юзовского, Брянского, Выксунского заводов и др. Многие крупные землевладельцы наживались, используя владельческое право на недра земли, путем сдачи участков имений, богатых полезными ископаемыми, в аренду, продажи их на чрезвычайно выгодных условиях [171]. В конце 90-х годов ши-

Отрасли промышленности				Городское хозяйство	Торговые и трактирные заведения	Типографии и книжное дело	Смешанные производства	Другие производства	Предприятия, не открывшиеся к 1 марта 1902 г.	Всего	Сословная принадлежность, чины
золото-серебро-платиновая	металлообрабатывающая	химическая	пищевая								
16	30	23	146	44	13	17	49	114	151	959	Потомственные дворяне
											В том числе:
7	9	3	33	11	2	—	12	40	29	216	титулованные
6	7	9	12	13	4	6	17	14	11	246	гражданские чины I—IV класса
1	2	2	—	—	—	3	5	11	10	73	военные чины I—VI класса
13	26	8	31	16	9	16	35	27	50	441	Гражданские чины V—IX класса и военные чины VII—XIV класса
											В том числе:
13	26	8	30	16	9	15	34	39	46	406	гражданские чины
—	—	—	1	—	—	1	1	3	4	35	военные чины
—	1	—	—	1	—	3	1	3	10	26	Остальные чины
29	57	31	177	61	22	36	85	164	211	1426	*Итого*

рокую известность получило так называемое «кожинское дело». Липецкий уездный предводитель дворянства Тамбовской губернии Кожин, используя подкуп, угрозы, спаивания крестьян, скупил за бесценок право добычи руды на землях местных крестьянских обществ и перепродал его Русско-Бельгийскому обществу, сорвав на этом двухмиллионный куш и став одним из директоров компании. Такую же операцию, правда, несколько меньшего масштаба, проделали один из земских начальников того же уезда и ефремовский уездный предводитель Тульской губернии кн. А. П. Голицын [172].

Довольно широким было и участие дворянства в акционерном предпринимательстве. Несомненно в этом проявился общий зако-

[171] *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 46—48.
[172] *Новиков А. И.* Сборник статей. СПб., 1901, с. 86—87, 106.

номерный процесс концентрации производства и капиталов. Приспособляясь к новым условиям, многие «благородные» владельцы торгово-промышленных предприятий вынуждены были преобразовать их в акционерно-паевые. Такая форма участия в предпринимательстве позволяла определенным слоям дворянства, особенно получившим крупные суммы от выкупной операции, залога и продажи земли, вложить капиталы в более прибыльные, чем земледелие, отрасли. Но несомненно и то, что немалую роль при этом играла особенность психологического склада высшего сословия, в массе своей не склонного к личному, непосредственному участию в торгово-промышленной деятельности. И главное здесь было не в предубеждении и сословной спеси, хотя следует учитывать и это обстоятельство, а в отсутствии у подавляющей массы дворян практического опыта, навыка, необходимых знаний, т. е. того, что называется деловыми качествами. Поэтому они охотнее участвовали в «деле» своими капиталами, приобретая паи, акции и другие процентные бумаги, что принимало привычную форму рантьерства. Впрочем формы и размеры этого участия были самыми различными. Часто участие в предприятии того или иного представителя высшего сословия, особенно из влиятельных сановников или придворных кругов, в отношении капиталов было чисто символическим. Но нередко само возникновение компаний, успех их деятельности во многом зависели именно от них, что и вознаграждалось немалой долей предпринимательского барыша.

Определить численность акционеров и пайщиков из дворян — дело почти невозможное. Можно лишь иллюстрировать это положение ссылками на многочисленные примеры, добытые из личных архивных фондов и списков акционеров отдельных компаний, в которых иногда содержатся и данные о сословной принадлежности владельцев [173]. Какое-то представление о масштабах этого явления дают материалы об участии дворян в руководящих органах акционерно-паевых обществ (табл. 13). Так, по данным справочника «Статистика акционерного дела в России» [Сост. Н. Е. Пушкин. СПб., 1903 вып. 4], охватывавшего на начало XX в. 1482 действовавшие компании, потомственные дворяне по самым приблизительным подсчетам — здесь так же, как и в рассмотренных ранее изданиях, учитывались в первую очередь титулы и чины — занимали не менее 811 должностей председателей, директоров, членов и кандидатов в члены советов и правлений. Не менее 391 такой должности занимали лица, находившиеся в чинах, дававших право на личное дворянство, и 13 — чиновники X—XIV классов. Кроме того, в числе учредителей компаний, еще не открывших действий к 1 марта 1901 г., насчитывалось более 150 потомственных, 60 личных дворян и классных чиновников. Таким образом, дворяне и чиновники занимали 1215 различных должностей в действовавших обществах, более 200 членов высше-

го сословия состояли учредителями новых, еще не начавших действовать компаний.

Какие отрасли интересовали их более всего? Помимо традиционных «дворянских», какими можно считать переработку сельскохозяйственной продукции, где они занимали 183 руководящие должности (более 15%), внимание дворян привлекали банковские, страховые и ломбардные предприятия (201 место, т. е. 16,5%), компании в тяжелой и добывающей промышленности (236 мест — 19,5%), транспортные объединения (194 места — 16%), т. е. предприятия с высокими и устойчивыми дивидендами, или такие, где можно было получить крупные прибыли от учредительских и эмиссионных операций, или связанные с землевладением.

Довольно широкое участие принимали дворяне в торговле, особенно хлебной и отчасти винной. Новым в этой области к концу XIX в. было возникновение ряда торгово-промышленных объединений по производству, сбыту сельскохозяйственной продукции, снабжению землевладельцев машинами, удобрениями, семенами и т. п. Одной из форм таких объединений были так называемые сельскохозяйственные синдикаты, которых насчитывалось в конце XIX — начале XX в. более десятка и в которых активно участвовало поместное дворянство [174].

Вместе с тем продолжали процветать и традиционные дворянские занятия — сдача в аренду и в наем городских недвижимостей (земельных участков, домов, складов, лавок), ростовщичество и т. п., приносившие весьма крупные прибыли. Только в Москве в 1869 г. дворянам принадлежали 2584 дома, которые принесли их владельцам в том году более 3300 тыс. руб. чистого дохода [175].

*

Итак, что же представляли собой дворяне-предприниматели? Бо́льшую часть их составляли те же помещики, не порвавшие еще связи с сельским хозяйством, но экономические интересы которых в той или иной степени все больше перемещались во внеземледельческие сферы. Приведенные материалы наглядно иллюстрируют вывод В. И. Ленина о том, что после 1861 г. помещики экономически «начинали превращаться в буржуазию, заводя винокуренные, свеклосахарные заводы, входя в правления акцио-

---

[173] Список акционеров общества Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве на 15 февраля 1898 г. М., 1898; Список золото- и платинопромышленных фирм в России; и др.

[174] *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России, с. 281—285.

[175] ЦГАМ, ф. 4, оп. 3, д. 474. Перечень домов столичного города Москвы городского общественного сословия потомственных дворян, с обозначением... чистого дохода. 1869 г.

нерных обществ и т. д.»[176]. Эволюция их в этом направлении, особенно крупных и крупнейших латифундистов, частично уже прослежена в советской историографии. Постепенно перестраивая свои имения на капиталистический лад, такие помещики становились одновременно владельцами промышленных и торговых предприятий, участниками акционерных компаний, держателями ценных бумаг, владельцами доходных городских недвижимостей и т. д. Однако степень и характер их обуржуазивания были различными. Из дворян, вложивших свои капиталы в традиционные сословные отрасли промышленности, дальше всех продвинулись крупнейшие помещики-сахарозаводчики. Здесь уже к концу XIX в. наблюдается процесс сращивания крупнейших латифундистов из старой русской и польской знати (князья Борятинские, Долгоруковы, Юсуповы, графы Бобринские, Чернышевы-Кругликовы, Браницкие, Орловы, Потоцкие, Шуваловы) и новых дворян (Терещенко, Харитоненко) с монополистической буржуазией и банками[177]. Менее успешно, несмотря на особую заботу правительства (а, вероятно, и благодаря ей), происходила перестройка старых горнозаводских предприятий. Их владельцы, также крупнейшие помещики, вчерашние крепостники (князья Абамелек-Лазаревы, Белосельские-Белозерские, Голицыны, графы Строгановы, Шуваловы и др.), с большим трудом приспосабливались к новым условиям. И в сфере предпринимательской, как и в земледелии, старое латифундиальное дворянство в значительной мере оставалось оплотом отживавших, но так до конца и не изжитых полуфеодальных пережитков.

В целом же, видимо бóльшая часть крупнейших дворян-землевладельцев, располагая огромными личными состояниями[178] и связями в придворных и правящих кругах, широко участвовала в капиталистическом предпринимательстве. Так, титулованным «особам» принадлежали 26,5% всех дворянских фабрично-заводских предприятий и 15,5% всех должностей в руководящих органах акционерных компаний. Наиболее видные из них уже в дореформенную эпоху были в большей мере промышленниками, чем просто помещиками. К началу XX в. для дворянской верхушки вообще стала характерной фигура латифундиста, одновременно связанного с рядом различных отраслей промышленности. Новые фамилии крупных предпринимателей — выходцев из поместного дворянства — появились в основном в ходе развития новых отраслей и новых промышленных районов, каким являлся, например, Юг России. Среди них были уже упоминавшиеся железнодорожные дельцы, углепромышленники Иловайские, Карповы, Рутченковы, Депрерадовичи, Булацель и др. На VII съезде горнопромышленников Юга России, состоявшемся в Харькове в 1882 г., из 41 участника 17 были землевладельцами[179].

Довольно активное участие в частном предпринимательстве,

как уже отмечалось, приняло «служилое» дворянство — чиновники, отставные офицеры. Среди них наиболее видную роль играли сановники высших классов и специалисты (военные, горные инженеры, инженеры путей сообщения), состоявшие на государственной службе. И те и другие с конца XIX в. все чаще переходили на службу в патронировавшиеся ими ранее предприятия. И если представители титулованной знати часто выполняли в руководящих органах акционерных обществ функции подставных лиц — для получения выгодных концессий, подрядов, заказов и т. д., то чиновничество, кроме этого, дало таких крупных промышленников и финансистов новейшего капиталистического типа, какими позднее стали А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский, Я. И. Утин и др.

И наконец, как и в дореформенную эпоху, верхи дворянства пополнялись за счет разбогатевших выходцев из других сословий. Правда, случаи пожалования дворянства за успехи на предпринимательском поприще были вообще не так часты. Как правило, получение дворянского достоинства крупными предпринимателями связывалось со значительными пожертвованиями в пользу учебных или сиротских заведений, со званием «почетных опекунов» благотворительных обществ и т. п. В пореформенные годы были возведены в дворянство известные сахарозаводчики Терещенко (1872 г.) и Харитоненко (1901 г.), купцы Рукавишниковы (1863 г.), железнодорожные подрядчики С. С. Поляков, П. И. Губонин (1875 г.), горнозаводчики Поклевские-Козелл и др. Вообще слой этот был очень немногочисленным.[176] В отличие от дореформенного «нового» дворянства представители «делового мира» фактически так и не одворянились: получив некоторые дополнительные возможности для упрочения своего положения, они не теряли прежней социальной природы и почти не были связаны какими-либо узами с высшим сословием, не приписываясь, как правило, ни к одному из дворянских обществ.

«„Соседи по имению“, — как отмечал В. И. Ленин, — в наш капиталистический век все чаще сами становятся заводчиками,

---

[176] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 52.

[177] *Гефтер М. Я.* Из истории монополистического капитализма в России. Сахарный синдикат.— Исторические записки, т. 38; *Каменецкая И. М.* Возникновение монополий в свеклосахарной промышленности России.— История СССР, 1965, № 6.

[178] Только 26 из них, по неполным данным, располагали состояниями, оценивавшимися примерно в 250 млн. руб., т. е. в среднем по 10 млн. руб. каждый (*Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников в России конца XIX — начала XX в. М., 1971, с. 35).

[179] Труды VII съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1883; *Фомин П. И.* Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908.

винокурами, сахароварами и т. п., все больше принимают участия во всевозможных торгово-промышленных, финансовых, железнодорожных предприятиях. Крупнейшее дворянство тесно переплетается с крупнейшей буржуазией»[180]. Однако далеко не у всех дворян предпринимательская карьера складывалась столь удачно. Пожалуй, большая часть их, особенно из менее крупных помещиков, решивших попытать счастья в предпринимательстве, но не располагавших достаточно солидными капиталами, нужными связями и необходимыми деловыми качествами, вместе с выходцами из чиновничества пополняли ряды средней и мелкой буржуазии. В. И. Ленин в связи с протестами части дворян против увлечения предпринимательством, против превращения высшего сословия в «биржу» писал: «Зелен виноград! Превращаться в биржу дворянство „не должно", потому что на бирже требуются солидные капиталы, а господа вчерашние рабовладельцы прожились в пух и прах. Для широкой массы их не превращение в биржу, а подчинение бирже, подчинение рублю стало давно совершившимся фактом»[181]. Близки к ним по своему экономическому положению были дворяне-специалисты, занимавшие рядовые должности в административно-управленческом аппарате частных предприятий, частные врачи, учителя, бо́льшая часть дворян «свободных профессий», сближавшихся с разночинцами. И наконец, обедневшие и разорившиеся группы сословия пополняли ряды пролетариев и просто деклассированных элементов.

4. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ

В нашем распоряжении нет сколько-нибудь полных статистических данных, позволяющих проследить в динамике процесс расслоения дворянства на классы и слои капиталистического общества и определить, хотя бы приблизительно, их численность. Какое-то представление об этом, помимо приведенных выше материалов, могут дать, с одной стороны, данные ряда городских переписей, а с другой — сведения об урбанизации высшего сословия и его миграции.

К сожалению, далеко не все городские переписи, проводившиеся местными статистическими органами и городскими управами, содержат интересующие нас сведения. Те же немногие, в которых эти сведения есть, проводились в разное время, по разным программам и с различной группировкой материала, что затрудняет их использование. Тем не менее их данные являются ценным подтверждением приведенного в предыдущем разделе материала. Наиболее интересны в этом отношении переписи населения Петербурга (1869 г.), Тифлиса (1876 г.) и Москвы (1882 г.). Данные их, несколько перегруппированные и сведен-

ные в табл. 14, показывают как основные виды занятий самодеятельных (без учащихся) членов высшего сословия, так отчасти и расслоение последнего на различные социальные группы.

Наиболее многочисленную группу — около половины всего городского дворянства — составляли дворяне, занятые на государственной службе, а также избравшие в качестве основного занятия «свободные профессии». Известно, что высшее сословие, с одной стороны, как наиболее образованное и обеспеченное, дало немало видных деятелей в области науки, литературы и искусства, а с другой — вобрало в себя довольно значительную часть талантливых выходцев из других сословий. В пореформенные годы эта группа значительно выросла за счет как родового, так и жалованного дворянства. В российском законодательстве не было специальных статей о возведении в дворянство за заслуги в этих областях. Но, как отмечалось на одном из заседаний Особого совещания по делам дворянского сословия, «между тем по всем отраслям все выдающиеся деятели у нас дворяне. Так сложилась жизнь. Эти деятели достигают профессорского звания, звания академиков, либо получают должности... и становятся дворянами» [182]. Некоторые из них были причислены к высшему сословию в результате награждения орденами. Социальный состав группы был весьма пестрым. Некоторые из причастных к ней дворян одновременно являлись землевладельцами или числились на государственной службе. Но, видимо, для большинства из них «свободные профессии» были главным источником средств к жизни, и удельный вес таких дворян в пореформенные годы становился все более значительным. Выделить всю эту подгруппу в самостоятельное подразделение сложно именно потому, что многие писатели, ученые, художники, артисты одновременно являлись государственными служащими. Можно лишь отметить, что несколько больший процент среди них имели личные дворяне. Но в целом удельный вес последних был невелик — менее 4% общей численности городского дворянства.

Следующую по численности группу составляли дворяне, жившие на проценты от капиталов, за счет доходов от сдачи в аренду земель, городской недвижимости, получавшие пенсию, т. е. ведшие фактически паразитический образ жизни. Здесь пальма первенства во всех городах принадлежала потомственному дворянству. Вместе с жившими за счет частных пособий и благотворительности это подразделение высшего сословия составляло в Тифлисе — 18%, в Петербурге — 33,7, в Москве — 36%. И наконец, доля дворян, занятых в отраслях производительных и

---

[180] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 139.
[181] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 419.
[182] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 11.

Таблица 14. Основные виды занятий дворян по данным городских переписей

Виды занятий	Петербург (1869 г.)			Тифлис (1876 г.)			Москва (1882 г.)
	Количество дворян						
	потомственных	личных	Всего	потомственных	личных	Всего	потомственных
I Промышленность	663	1 302	1 965	298	100	398	1 317
II Транспорт, связь	359	235	594	47	11	58	939
III Финансы, страховое дело, торговля	252	199	451	194	35	229	694
IV Трактирный промысел, гостиницы, сдача квартир	157	164	321	77	13	90	127
V Сельское хозяйство, охота, рыболовство	26	30	56	38	4	42	366
Итого в I—V группах	1 457	1 930	3 387	654	163	817	3 443
%	6,3	10,3	7,9	17,1	14,3	16,4	20,5
В том числе:							
хозяева	291	299	590	278	65	343	1 030
остальные	1 166	1 631	2 797	376	98	474	2 413
администрация (служ.)	548	337	885	—	—	—	—
рабочие	263	536	799	—	—	—	—
одиночки	355	738	1 113	—	—	—	—
VI Управляющие, прислуга	426	600	1 026	360	86	446	302
%	1,8	3,2	2,4	9,3	7,5	8,9	1,8
VII Государственная и общественная служба, свободные профессии	11 649	9 159	20 808	1 916	657	2 573	6 679
%	48,8	48,8	48,8	49,9	57,6	51,6	39,8
В том числе:							
писатели, редакторы, корреспонденты, частные ученые, переписчики, музыканты, артисты, художники	857	902	1 759	97	43	140	615
%	3,6	4,8	4,1	2,5	3,8	2,8	3,7
VIII Рантье, пенсионеры	7 857	4 121	11 978	774	189	963	5 182
%	32,9	21,9	28,1	20,1	16,6	17,3	30,8
IX Живущие частными пособиями и благотворительностью	623	1 760	2 383	21	15	36	875
%	2,6	9,2	5,6	0,5	1,3	0,7	5,2

Таблица 14 (окончание)

Виды занятий	Петербург (1869 г.)			Тифлис (1876 г.)			Москва (1882 г.)
	количество дворян						
	потомственных	личных	Всего	потомственных	личных	Всего	потомственных
X Неопределенные занятия	1 823	1 183	3 006	115	31	146	277
Итого самодеятельных дворян (без учащихся)	23 835	18 753	42 588	3 840	1 141	4 981	16 758
%	100	100	100	100	100	100	100

Источник. С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. СПб., 1875, вып. 3, с. 90—139; Тифлис по однодневной переписи 25 марта 1876 г. — В кн.: Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1880, т. 6, с. 198—207, 214—219; Перепись Москвы 1882 г. М., 1885, вып. 2, с. 275—290, 303—314.

обслуживающих (группы I—IV), вместе с управляющими и прислугой составляла в Петербурге — 10,3%, в Москве — 22,3, в Тифлисе — 25,3%.

Материалы переписей дают приблизительное представление и об основных социальных слоях и группах, на которые расслаивалось городское дворянство. К элементам крупнобуржуазным, учитывая ленинскую классификацию, данную им при анализе переписи 1897 г.[183], можно отнести крупных предпринимателей и финансистов, рантье, живших доходами с капиталов и недвижимого имущества (в Петербурге их насчитывалось свыше 51,1 тыс., т. е. около 43% численности VIII группы), высшее офицерство и чиновничество, часть дворянской интеллигенции. Численность всех этих групп была сравнительно невелика, за исключением рантье, особенно многочисленных в столицах, и в целом не превышала 20—25% всей численности городского дворянства. На другом полюсе им противостояли дворяне, по своему социальному положению перешедшие в разряды пролетариев, полупролетариев (рабочие, кустари, прислуга) и просто деклассированных элементов (живших за счет частной благотворительности, нищенства, проституцией и т. п.). Их удельный вес, учитывая, что к ним относится и часть дворян, попавших в X группу, составлял, видимо, не более 15—20%. И наконец, наиболее многочисленной была средняя группа, которую составляли слои, по своему положению сливавшиеся со средней и мелкой буржуазией. К ней

[183] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 500—505.

относилась основная масса служащих государственных учреждений и частных заведений, бо́льшая часть дворянской интеллигенции, сливавшейся с разночинцами, и основная масса владельцев торгово-промышленных заведений.

Переписи не предусматривали классификацию дворянских предприятий по их размерам. Что можно добавить в дополнение к приведенным выше данным о фабрично-заводских предприятиях, принадлежавших представителям высшего сословия? В этом отношении интересны материалы о торгово-промышленных заведениях Москвы, собранные и опубликованные московской городской управой. Здесь в 1885—1887 гг. насчитывалось 508 дворянских предприятий, из которых 173 (1/3) являлись промышленными и 335 (2/3) — торговыми [184]. По числу занятых рабочих они подразделялись следующим образом: 22% заведений не пользовалось наемным трудом, на 53,7% предприятий было занято до 10 человек, на 11% — от 10 до 17 рабочих, на 10,4% — от 17 до 50 рабочих, на 2,3% — от 50 до 100 и лишь 0,6% заведений являлись крупными предприятиями с числом рабочих свыше 100 человек. Таким образом, подавляющая масса дворян-предпринимателей была собственниками мелких заведений, вложившими капиталы в основном в сферы обслуживания. О преобладании их свидетельствует и тот факт, что на средних и мелких предприятиях было занято более 3/4 всех рабочих. Причем доля их в общем числе дворянских заведений постепенно росла, о чем свидетельствует снижение среднего числа рабочих, приходившихся на одно предприятие, с 13 человек в 1885 г. до 10 человек в 1887 г. Удельный вес дворянских заведений по числу занятых в них рабочих (около 2%) и по валовым оборотам (около 6%) был ничтожен в сравнении с соответствующими общемосковскими показателями [185].

Данные переписей свидетельствуют о том, что основная масса дворян, живших в городах, была занята в непроизводительных отраслях, Около 2/3 их или состояли на государственной службе, или вели фактически паразитический образ жизни в качестве рантье, пенсионеров, живших за счет благотворительности. Доля дворян, занятых в отраслях промысловых, составляла от 1/10 до 1/4 общей их численности. Эти колебания рассмотренных групп, особенно в процентном соотношении, обусловливались как спецификой городов, так и усиливавшимся по мере развития капитализма втягиванием высшего сословия в сферы частного предпринимательства. Результатом последнего было то, что дворянство пополняло собой все классы и слои формировавшегося капиталистического общества. Важно отметить, что все же основная масса дворян по своему социальному положению сближалась со средней и мелкой буржуазией. Среди той их части, которую можно отнести к элементам крупнобуржуазным, значительный

процент принадлежал рантье, а в группах полупролетарской и пролетарской большую часть составляли лица, занимавшиеся кустарными промыслами. В целом отмеченные явления с теми или иными отклонениями, видимо, были характерны и для других, по крайней мере крупных, городов.

*

Известное представление о том, насколько широко процесс развития капитализма затронул высшее российское сословие, можно составить на основании, правда, косвенных, но все же весьма важных данных ЦСК о месте жительства дворян и об их миграции. Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют, что к концу XIX в. лишь половина дворян и чиновников жили оседло, т. е. там, где родились. Несколько выше эти показатели были у дворян потомственных — 53,2% и соответственно несколько ниже у личных — 47,7%. Причем дворяне, предпочитавшие по тем или иным причинам жить в сельских местностях, сравнительно редко меняли место жительства: 80% их не покидали пределы губернии [186]. Основная масса мигрантов из среды высшего сословия оказалась в городе. Удельный вес горожан среди дворян за пореформенное сорокалетие резко увеличился. Если в 1858 г. в 49 губерниях Европейской России $^2/_3$ всех дворян и чиновников (595 тыс. из 886,7 тыс.) жили в уездах и лишь $^1/_3$ — в городе, то к концу XIX в. горожанами были уже 56,9% членов высшего сословия [187]. Всего по империи к концу века из 1048,6 тыс. дворян и чиновников живших в городе, 646,9 тыс. (61,7%) не являлись местными уроженцами. Здесь сказалось и значительное увеличение численности чиновничества, и результат обезземеливания помещиков, вытолкнувшего в город массу обедневших и разорившихся дворян, и вовлечение высшего сословия в капиталистическое предпринимательство.

Табл. 15, составленная по материалам переписи, дает представление о месте жительства дворян и чиновников по империи в целом (без Польши и Финляндии) и в отдельных ее районах. Согласно этим данным, около $^3/_4$ личных дворян и чиновников в конце XIX в. жили в городе. Явление это вполне естественное и не требует комментариев. Потомственные же дворяне, жившие

---

[184] Торгово-промышленные заведения г. Москвы в 1885—1890 гг. М., 1892, с. 16.

[185] Там же, с. 48—52.

[186] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения..., т. 1, с. 86—87.

[187] Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863, вып. 2, с. 276—277; Общий свод по Империи разработки данных Первой всеобщей переписи населения..., т. 1, с. 172—183.

Таблица 15. Место жительства дворян и чиновников на 1 января 1897 г.

Регион	Потомственные дворяне		Личные дворяне и чиновники		Дворяне и чиновники	
	в городе	в уезде	в городе	в уезде	в городе	в уезде
Европейская Россия, абс.	418 421	467 333	372 395	114 568	790 816	581 901
%	47,2	52,8	76,5	23,5	56,9	43,1
Кавказ, абс.	51 621	119 346	35 427	18 451	87 048	137 797
%	30,2	69,8	65,8	34,2	38,8	61,2
Сибирь, абс.	10 094	6 332	21 787	7 552	31 881	13 884
%	61,5	38,5	74,3	25,7	70	30
Средняя Азия, абс.	9 912	2 055	13 629	1 728	23 541	3 783
%	82,9	17,1	88,8	11,2	86	14
Итого, абс.	490 048	595 066	443 238	142 299	933 286	837 365
%	45,2	54,8	75,8	24,2	58,7	47,3

Источник. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905, т. 1, с. 172—183.

в уездах, в целом численно еще преобладали, хотя и незначительно, составляя 54,8% общего числа. Перевес этот они имели за счет губерний Европейской России и Кавказа. На Кавказе соотношение это верно для всех губерний, за исключением Тифлисской, где бóльшая часть дворян жила в городе. Для Европейской России простая констатация факта численного преобладания уездного дворянства еще не дает полного и точного представления об общей картине. Действительно, в 31 губернии из 50 дворяне предпочитали жить в городе. Численное преобладание сельского дворянства здесь получилось в основном за счет 10 западных и украинских левобережных губерний (за исключением Киевской и Харьковской), т. е. районов с наиболее высоким процентом мелкопоместных дворян из шляхты и потомков казачьей старшины. В этих губерниях в уездах жили 318,7 тыс. дворян (77,7%) и лишь 91,8 тыс. (22, 4%) — в городе. Если учесть это обстоятельство, то оказывается, что в остальных районах горожан из высшего сословия было более чем вдвое больше, чем деревенских жителей (326,6 тыс. из 475,2 тыс.). В свою очередь, такой решительный перевес достигался в значительной мере за счет 2 столичных губерний и 4 губерний с крупными городами — Киевской, Харьковской, Херсонской и Таврической, на долю которых приходилось более 53% горожан (186,2 тыс). За

исключением этих губерний, в остальных соотношение между городской и сельской частями высшего сословия было примерно равным, незначительно колеблясь в пользу то города, то деревни.

В Сибири и Средней Азии бо́льшая часть потомственных дворян жила в городе, что вполне естественно ввиду незначительной численности там помещиков и особых условий этих местностей.

Важно отметить, что проведенные данные об удельном весе дворян, живших в уездах, по губерниям Европейской России близки к нашим расчетам об удельном весе поместного дворянства, сделанным на основе данных о дворянском землевладении на 1858 и 1895 гг. как в целом для сословия, так и отдельно для потомственных дворян. Эти показатели существенно не расходятся и в отношении как польских потомственных дворян, так и привилегированных сословий Кавказа. В целом, дополняя и подтверждая друг друга, источники свидетельствуют об отрыве значительной части высшего сословия от земли, о весьма высоком уровне миграции дворян и о быстром росте среди них удельного веса горожан. Все это являлось свидетельством влияния развития капитализма на такой феодальный по своей природе институт, каким являлось высшее российское сословие, а в определенной мере и показателем сближения последнего с классами, слоями и группами капиталистического общества.

*

Правовое положение российского дворянина, как и социальная природа всего высшего сословия, претерпели в пореформенное сорокалетие значительную эволюцию. Формально целый ряд важнейших положений старого законодательства, определявших социально-экономический и политический статус господствующего класса — сословия в период феодализма, перешел и в новую, капиталистическую эпоху. Так, подтверждая политическую значимость дворянства, закон по-прежнему квалифицировал его как «первую опору престола», как «одно из надежнейших орудий правительства». Как и прежде, в нем большое внимание уделялось служебным правам дворян. Сама личность члена высшего сословия ограждалась от административного произвола и различных посягательств предоставлением определенных гарантий, что было весьма важно в условиях сохранявшегося самодержавно-полицейского режима. Так, дворянин подлежал уголовному и гражданскому преследованию только в судебном порядке, был свободен от телесных наказаний (правда, формально это положение теперь распространялось и на другие неподатные сословия), приговор же с особо тяжкими последствиями, связанными с лишением дворянского достоинства, должен был представляться

на усмотрение и утверждение императора [188]. Стремясь упрочить положение дворянства в его прежнем качестве служилого и землевладельческого сословия, самодержавие целым рядом искусственных мер — законодательных (учреждение Дворянского банка, введение сословного имущественного ценза для занятия ряда должностей и т. д.), а чаще циркулярных или вообще нефиксировавшихся — пыталось затормозить его разложение.

Однако, как отмечал В. И. Ленин, «непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самим ростом капитализма» [189]. Некоторые законодательные нормы явно устаревают и больше не могут играть прежней роли. В ряду очевидной архаики — вроде феодального права отъезда на службу в другие государства — оказалась статья о праве дворянина писаться помещиком или вотчинником своих имений [190]. Обычной гражданской нормой стало право дворян «приобретать законными способами все без изъятия роды имуществ движимых и недвижимых», входить в договоры и обязательства и распоряжаться имуществом согласно гражданским законам [191].

Отмена крепостного права и связанных с ним исключительных привилегий помещиков в землевладении и определенных отраслях производства привела к втягиванию дворянских земель в сферу товарного обращения, потере сословием монопольного положения в традиционно дворянских отраслях, а частично и к полной ликвидации дворянских предприятий. Сохранившиеся сословные пережитки в землевладении и дополнительные меры правительства не смогли предотвратить распродажу дворянских земель, площадь которых к 1905 г. уменьшилась более чем на 40%.

Далее, необходимость создания контингента кадрового офицерства и чиновничества, несмотря на все усилия самодержавия сохранить старую социальную структуру власти, привела к столь значительным изъятиям в законодательстве, что поступление на государственную службу по праву происхождения фактически распространялось только на отдельные сферы управления и низший слой чиновничества. «Служилое» дворянство в большей степени, чем сословными, теперь пользовалось правами и привилегиями, предоставлявшимися государственным служащим вообще (право на содержание, зависевшее от должности и чина, на награды, на казенную пенсию, на усиленную охрану личности, на независимость от суда). Принадлежность к высшему сословию, играя определенную роль в чинопроизводстве и продвижении по службе, была прежде всего свидетельством благонадежности, гарантию чему «начальство» усматривало в традиционном воспитании дворянского юношества в духе преданности династии и престолу.

Таким образом, падение крепостничества, несмотря на множество сохранившихся пережитков, повлекло за собой и опреде-

ленную перестройку различных сфер общественной жизни, и модернизацию всей системы производственных и правовых отношений. Все это обусловило изменения в положении и социальном облике высшего сословия. Землей, являвшейся основой его политического и экономического могущества, к началу XX в. оказалось обеспеченным около 30—40% дворян. Примерно 30% сословия продолжало нести государственную службу. Но, видимо, бóльшая часть «служилых» дворян теряет связь с землевладением, и жалованье становится главным источником средств их существования. В результате в плане социально-экономическом они все более обособляются от поместного дворянства. Особый слой представляли и «городские» дворяне, окончательно порвавшие с сельским хозяйством и оказавшиеся втянутыми в различные сферы частного предпринимательства. И наконец, через все эти слои и группы все более отчетливо проходили линии классовых градаций, характерных для капиталистического общества.

Однако было бы неправильным на этом основании делать вывод об утрате дворянством господствующих классовых позиций, что делали либералы, стремясь затушевать его истинную роль в политической и экономической жизни страны. Поместное дворянство, оставаясь ядром сословия, сохранило в своих руках огромную земельную площадь, составлявшую и к 1905 г. свыше 60% всего частного землевладения, а стоимостью вдвое превышавшую ценность всего дореформенного помещичьего землевладения, получило огромные средства в виде выкупных платежей, ипотечных ссуд, доходов от сдачи земли в аренду и т. д. Именно в силу его экономического преобладания в ряде отраслей, особенно связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции, формально всесословные льготы и преимущества, например, винокуров (закон 1890 г.) и владельцев свеклосахарных заводов фактически приобретали в значительной мере сословный характер. То же самое относится и к сохранению прав земельных собственников на недра земли. Экономическую мощь сословия увеличивали доходы от капиталистического предпринимательства.

Сохранило высшее сословие командные позиции и в государственном аппарате, а также влиятельное положение в придворных ведомствах и в кругах дворцовой камарильи, оказывая определяющее влияние на облик и на характер деятельности российской бюрократии.

---

[188] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 80—82.
[189] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 328.
[190] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 74, 78.
[191] Там же, ст. 85, 88.

Глава третья

КОРПОРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО РОССИЙСКОГО СОСЛОВИЯ

Корпоративная организация российского дворянства сложилась в последней трети XVIII в. и была законодательно оформлена «Жалованной грамотой» 1785 г. Этим самодержавие преследовало ряд целей: во-первых, организовать высшее сословие, устремившееся в свои поместья в связи с провозглашением «Грамоты о вольности дворянской» 1762 г., предоставив ему определенное самоуправление; во-вторых, включить его в систему местного управления, формировавшуюся после введения «Учреждения о губерниях» 1775 г., передав в его руки всю уездную и значительную часть губернских прерогатив власти, укрепить которые было особенно важно в связи с потрясшей всю империю недавней крестьянской войной; в-третьих, укрепляя местную власть, передавая значительную часть ее в руки поместного дворянства, самодержавия в то же время добивалось и большей независимости от столь влиятельного и беспокойного элемента, неоднократно вмешивающегося в сферы высшего управления и принимавшего активное участие в ряде дворцовых переворотов, которыми была так богата русская история этого периода. Образцом при этом послужил остзейский ландесштат [1], но с самой тщательной правительственной регламентацией всей структуры сословных органов и их компетенции. Законодательство по этим вопросам, несколько уточненное и дополненное в первой половине XIX в. в основном в сторону усиления этой регламентации, фактически просуществовало без серьезных изменений вплоть до 1917 г.

1. ДВОРЯНСКИЕ ОБЩЕСТВА: СТРУКТУРА, КОМПЕТЕНЦИЯ

Закон предусматривал погубернскую организацию высшего сословия. Формально все члены его, проживавшие в той или иной губернии, составляли отдельное губернское дворянское общество, которому от имени верховной власти передавался на хранение экземпляр «Жалованной грамоты» [2]. Высшими органами обществ были губернские и уездные дворянские собрания. Они могли быть обыкновенными, собравшимися раз в три года, или чрез-

вычайными созывавшимися по мере необходимости, но каждый раз с разрешения местного губернатора и с ведома МВД. Уездные собрания занимались, как правило, вопросами, связанными с подготовкой к губернским собраниям: проверкой списков дворян уезда, выяснением их прав на участие в делах собрания, предварительным обсуждением отдельных вопросов и т. п. Все важнейшие корпоративные дела решались на губернских собраниях. На них заслушивались отчеты об исполнении принятых ранее постановлений, намечались и утверждались раскладки сборов на частные дворянские повинности, обсуждались доклады и выступления по различным вопросам повестки дня, избирались все выборные должностные лица корпоративных органов: губернские и уездные предводители, депутаты и секретари дворянства, заседатели дворянских опек, посредники для «полюбовного размежевания земель» и кандидаты для замещения ряда коронных должностей по местному управлению [3]. Им принадлежало право — и это считалось одной из важнейших их привилегий — подавать через губернских предводителей или депутатов прошения и жалобы губернскому начальству, министрам и непосредственно императору. Повестка собрания, а также все выборные лица утверждались властями. Губернатор открывал собрания, приводил его участников к присяге, но затем, по закону, не имел права присутствовать на его заседаниях.

Предводители дворянства являлись одним из важнейших институтов в дворянской сословной организации. В области внутрисословной губернские и уездные предводители представляли собой не только исполнительные органы обществ, но фактически были высшей инстанцией между собраниями. На них возлагалось наблюдение за ведением родословных книг, составление списков дворян, имевших право участвовать в собраниях, наблюдение за поведением членов обществ, их «нравственностью», осуществление по отношению к ним некоторых дисциплинарных мер, выдача дворянам характеристик в случае поступления их на государственную службу. Они же в значительной мере были и исполнителями постановлений собраний, представительствуя от лица обществ во всех правительственных инстанциях, общественных и частных учреждениях. Кроме того, предводители являлись хранителями дворянских капиталов, отвечали за их правильное использование, возглавляли депутатские собрания, опеки, готовили материалы к дворянским собраниям и председательствовали в них [4].

---

[1] История Латвийской ССР. Рига, 1951, ч. 1, с. 261, 347.
[2] Свод законов Российской империи, 1899, т. 9, ст. 90, 91.
[3] Там же, ст. 148, 173, 199—202.
[4] Там же, ст. 382—384.

На дворянские депутатские собрания, состоявшие из губернского предводителя и депутатов (по одному от каждого уезда), возложено было ведение родословных книг, сношение по этому вопросу с департаментом герольдии Сената, выдача дворянам грамот и свидетельств о внесении их родов в губернскую книгу, а также рассмотрение вопросов об исключении отдельных лиц из дворянских собраний и участие в наложении опек на имения [5]. Казалось бы, это давало им широкие полномочия в вопросах регулирования состава дворянских обществ и даже сословия. Но фактически, как это разъяснялось одной из статей закона, полномочия эти заключались в формальном рассмотрении тех документов, которые уже были утверждены герольдией, а право сводилось к тому, чтобы «признать только членом дворянского общества того, кто доказал уже, что он дворянин, но не вновь возводить или восстанавливать в сие достоинство» [6]. Всякие попытки использовать эту статью в более широком смысле решительно пресекались. В пореформенный период компетенция депутатских собраний несколько расширилась: помимо рассмотрения материалов и докладов к предстоящему губернскому собранию, они обсуждали вопросы, переданные на их отзыв правительством. В их работе с середины 80-х годов стали принимать участие и уездные предводители. Указ от 10 июня 1902 г. узаконил эту практику, официально введя в систему дворянских корпоративных органов собрания предводителей и депутатов дворянства [7]. Формально эти собрания подчинялись только Сенату. Но губернатор и губернское правление могли делать им замечания о промедлении и упущениях в рассмотрении тех или иных дел, требовать от них объяснений, а затем доносить об этом в департамент герольдии [8].

Важно отметить, что в отношении пользования правами сословного самоуправления далеко не все дворяне находились в равном положении. Так, в девяти западных губерниях в связи с участием польской шляхты в восстании 1863 г. дворянские собрания были запрещены, а выборные сословные должности замещались по назначению правительства. Несмотря на многократные ходатайства, в том числе и русских помещиков этих губерний, положение не изменилось вплоть до конца рассматриваемого периода, хотя правительство и обещало пересмотреть этот вопрос, находя сложившуюся обстановку в этом крае ненормальной [9]. На Кавказе дворянское самоуправление было введено только в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Однако в связи с неопределенностью положения значительной части местной знати здесь решающая роль при составлении списков участников дворянских собраний отводилась местному губернатору [10]. Такими правами, нарушавшими установленный порядок взаимоотношений дворянских обществ с местной администрацией, не пользовался ни один

губернатор великорусских губерний, где такое вмешательство расценивалось бы как посягательство на дворянское самоуправление. Не могли пользоваться корпоративными правами дворяне Архангельской, Вятской, Олонецкой, Пермской, некоторых уездов Астраханской, Вологодской и Оренбургской губерний, а также Сибири и Средней Азии. Здесь такие ограничения существовали в связи с малочисленностью местного дворянства. Таким образом, в полной мере или без каких-либо существенных изъятий законодательство о дворянской сословной организации распространялось на 35 губерний Европейской России, Тифлисскую и Кутаисскую губернии, в которых проживало примерно 60% всех дворян.

Согласно законодательству, высшее сословие не имело общероссийской организации: оно было раздроблено на отдельные общества, которые, в свою очередь, не имели какой-либо четкой иерархической структуры. Уездные дворянские органы не подчинялись губернским и могли самостоятельно сноситься с властями. Такое положение вполне отвечало природе самодержавия, всегда стремившегося к разобщению и раздроблению всех общественных групп, и до определенного времени устраивало дворянство, интересы которого в дореформенную эпоху обычно редко выходили за узкие рамки партикуляризма местной жизни. Впервые вопрос о создании в той или иной форме общедворянского представительства был поднят в проектах отдельных авторов и ходатайствах ряда собраний в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в., когда в связи с подготовкой и проведением первых буржуазных преобразований определенные слои дворянства высказались за более широкое привлечение сословия к управлению страной. Самодержавие, как мы увидим, категорически отвергло эти притязания. Вновь этот вопрос возник в середине 80-х годов. Накануне 100-летнего юбилея «Жалованной грамоты» некоторые дворянские собрания обратились к правительству с просьбой созвать губернских предводителей для обсуждения мер по подготовке предстоящих торжеств. Но даже эти скромные пожелания вызвали возражения властей. В ответ на ходатайства министр внутренних дел Д. А. Толстой заявил, что «съезды губернских предводителей законом не предусмотрены» [11].

---

[5] Там же, ст. 350, 358.
[6] Там же, ст. 360.
[7] ПСЗ, III, т. 22, отд. 1, № 21641, § 13—18.
[8] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 351, 377.
[9] Справка по вопросу о восстановлении дворянских выборов в девяти западных губерниях. Б. м., б. т., ч. 2, с. 1—9.
[10] Свод законов..., 1876, т. 9, ст. 223.
[11] *Павловский И. Ф.* К истории полтавского дворянства. 1802—1902. Полтава, 1906, т. 1, с. 103—104.

Однако усложнявшаяся обстановка пореформенного развития страны все более настойчиво требовала определенной координации действий дворянских обществ. При выработке ходатайств собрания и их органы в этих целях широко использовали переписку, обмен постановлениями, материалами комиссий и т. п. Наконец, и правительство в связи с предпринимавшимися им в конце 80—90 годов попытками упрочить пошатнувшиеся позиции высшего сословия оказалось перед необходимостью иметь коллективное мнение дворянства о путях решения этой проблемы. По инициативе МВД, заручившегося согласием императора, в феврале 1896 г. в Петербурге состоялось первое совещание губернских предводителей. В ходе его были рассмотрены более 80 вопросов, касавшихся нужд сословия, и выработаны предложения, послужившие затем отправным материалом для составления программы Особого совещания по делам дворянства. С этого времени встречи предводителей стали проводиться ежегодно и даже по нескольку раз в год. Предметом обсуждения их были первоначально вопросы, стоявшие в повестке Особого совещания. Круг их постепенно расширялся, и вскоре к предводителям стали обращаться министерства с просьбами дать отзыв на тот или иной законопроект, затрагивавший интересы сословия.

И все же совещания предводителей не решали проблему общедворянского представительства. По своему характеру это были частные, неофициальные беседы, на которых присутствовали иногда по 7—10 человек. Постановления их не были обязательны для дворянских обществ. Созданию общероссийского объединения препятствовал ряд обстоятельств. Во-первых, самодержавие по-прежнему ни на йоту не намерено было поступиться принципом нераздельности верховной власти и видело опасность в любом общественном представительстве. Совещания предводителей так и не были узаконены. Во-вторых, в среде самого сословия по этому вопросу существовали разногласия. Либеральное дворянство высказывалось за учреждение всесословного представительства. Избрав еще с 60-х годов ареной своей деятельности земства, оно и в начале XX в. главную ставку делало на всероссийские земские съезды. Среди основной массы сословия господствовали консервативные настроения. Особой потребности в объединении провинциальное дворянство еще не ощущало. Не последнюю роль сыграл общий поворот правительственной политики вправо, на который реакционеры возлагали немалые надежды. В результате идея созыва всероссийских дворянских съездов, выдвигавшаяся в конце XIX — начале XX в. в некоторых собраниях, не получила поддержки. Против нее выступила и реакционная продворянская печать. Так, «Московские ведомости», считая нецелесообразным проведение таких съездов, писали: «Общеимперское дворянство не имеет своих особых, отдельных от прави-

тельства интересов. Дворяне, как служилое сословие, составляют часть правительства, а потому всякий дворянский вопрос, выходящий за пределы губернии, есть вопрос правительственный». Предоставление дворянству права решать такие вопросы придаст ему роль, схожую с правительством, а это, по мнению газеты, чревато опасностью для режима [12]. «Гражданин» нежелательность таких съездов усматривал в изменившемся составе сословия. «Всероссийское дворянское собрание, даже для обсуждения своих только частных сословных интересов,— писал он,— представляется... нежелательным при нашем русском свойстве увлекаться несбыточными мечтаниями... В среду нашу набралось слишком много дворян по имени только, чтобы можно было оставаться уверенным, что при таком съезде не явится у иных мысль о земском соборе...» [13] Консервативные настроения возобладали и в Комиссии по предварительному рассмотрению вопросов о дворянских учреждениях, созданной в составе Особого совещания. Сославшись на незыблемое положение закона о том, что «дворянство не имеет права касаться в своих ходатайствах вопросов общего государственного характера», Комиссия единодушно отвергла предложения об образовании всероссийской дворянской организации и общесословного дворянского представительства [14].

2. ДВОРЯНСКИЕ СОБРАНИЯ: СОСТАВ, УСЛОВИЯ УЧАСТИЯ

Вхождение в состав общества само по себе еще не представляло дворянам каких-либо особых преимуществ. Ими располагали — и опять-таки в разной степени — лишь те из них, кто мог участвовать в дворянских собраниях. Таким правом пользовались только потомственные дворяне, внесенные в губернские родословные книги [15]. Таким образом, от какого-либо участия в решении сословных вопросов устранялись потомственные дворяне, по тем или иным причинам не совершившие формального акта «приписки» к обществу, и все личные дворяне. Формально включая последних в состав дворянских обществ и даже обязывая их нести определенные общедворянские повинности, законодательство категорически отказывало им в праве участия в делах собраний. Самодержавие твердо придерживалось этой линии и в пореформенный период, несмотря на ходатайства некоторых дворянских

[12] *В. Г. К.* По поводу дворянских съездов.— Московские ведомости, 1897, № 132.
[13] *Мил Б.* Дворянское дело.— Гражданин, 1897, № 32.
[14] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 13, л. 42. Журнал заседания Комиссии Особого совещания..., май 1899 г.
[15] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 111.

собраний об изменении соответствующих статей законодательства или о некоторых отступлениях от них.

Итак, согласно закону, присутствовать на собраниях могли все совершеннолетние потомственные дворяне мужского пола, внесенные в губернские родословные книги и не состоявшие в момент заседаний под судом и следствием. Однако правом голоса по всем вопросам, кроме выборов, располагал тот из них, кто владел еще и недвижимостью в любом виде и размере и отвечал хотя бы одному из следующих условий: имел классный чин или орден, аттестат об окончании учебного заведения или прослужил 3 года на выборных дворянских должностях [16]. В полном же смысле полноправным членом собрания был только тот, кто удовлетворяя перечисленным требованиям, владел еще недвижимостью или имел доход не менее определенного ценза, что давало право голоса на выборах.

Имущественный ценз также определялся законодательством. Анализ его изменений весьма важен, так как дает представление о том, каким слоям и группам высшего сословия самодержавие отводило решающую роль в жизни дворянских обществ, как относились сами дворянские собрания к этому вопросу. В предреформенные годы право голоса на выборах имели владельцы не менее 100 душ крепостных мужского пола или 3 тыс. дес. ненаселенной земли, расположенной в пределах одной губернии. Владение другой недвижимостью (домами, торговыми помещениями, складами, дачами и т. п.) давало право голоса только в Петербурге или Москве, где стоимость имущества должна была составлять не менее 15 тыс. руб. Для высших гражданских и военных чинов (с действительного статского советника, полковника и капитана 1 ранга) этот ценз был значительно ниже — 5 душ крепостных или 150 дес. земли. Располагавшие этим же цензом — не менее $^1/_{20}$ полного — мелкопоместные дворяне могли участвовать в выборах только через уполномоченных, избиравшихся по одному от такого количества владельцев, общий размер собственности которых составлял полный ценз. Через уполномоченных, передавая им свой голос, участвовали в собраниях вдовы-дворянки, несовершеннолетние сироты, владевшие крепостными и поместьями [17]. Этот порядок фактически сохранялся и в первое пореформенное десятилетие.

Летом 1861 г. правительство предложило дворянским собраниям обсудить ряд вопросов, в числе которых был и пункт о пересмотре Устава о выборах. Занятое устройством своего пореформенного быта, дворянство тогда не обратило особого внимания на вопрос о цензе. Связав проблему изменения системы выборов с предстоящим введением земских учреждений, большинство собраний лишь в самой общей форме упомянули о необходимости обусловить подачу голосов земельным цензом [18]. Пока

вопрос обсуждался, в Устав было внесено лишь одно исправление: вместо 100 душ крепостных для участия в выборах теперь требовалось владение «имением, заключающим в себе не менее 100 душ временнообязанных крестьян». В связи с введением земств Государственный совет предложил министру внутренних дел представить в ближайшее время свои соображения об изменениях в системе дворянских выборов. Однако бывший в те годы министром П. А. Валуев, известный своими симпатиями к аристократическим кругам высшего сословия, не торопился. Не последнюю роль в этом, видимо, сыграла позиция, занятая скарятинской «Вестью», за которой стояла группа крупнейших помещиков, крайне отрицательно относившихся к расширению круга избирателей [19]. К тому же правительство, очевидно, рассчитывало провести необходимые преобразования, касавшиеся местного управления, опираясь в основном на прежний круг лиц из поместного дворянства, и тщательно избегало всяких поводов для проявления недовольства со стороны считавших себя «ограбленными» реформой вчерашних крепостников. Указ Сената от 6 февраля 1865 г. устанавливал, что потеря даже значительной части прежних земельных владений не должна лишать помещиков их прав. Излагая положения этого указа, официоз МВД («Северная почта») писал: «Пока дворянин не утратит связи с губернией посредством отчуждения всей принадлежавшей ему в губернии земли без остатка или по выкупной сделке с крестьянами, или через продажу в другие руки, он должен пользоваться всеми правами личного участия в выборах, принадлежащими ему по узакопению после издания положения о крестьянах» [20].

Тем не менее обстоятельства требовали пересмотра устаревших положений. Необходимо было учитывать и общие изменения в имущественном положении дворянства, и увеличивавшуюся потребность в кандидатах из помещиков для замещения ряда должностей по местному управлению, и несогласованность имущественных требований к этим кандидатам с дворянским выборным цензом; и наконец, требовалось принять меры для активизации дворянских собраний, малочисленность которых стала бросаться в глаза. С этой целью при МВД была учреждена специальная комиссия для пересмотра Устава о дворянских выборах. Составленный ею проект был передан для обсуждения 23 дворянским собраниям сессии 1864—1865 гг. Мнения их в отноше-

[16] Там же, ст. 111—113, 115.
[17] Свод законов..., 1857, т. 3, кн. 2, ст. 51, 70—71.
[18] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1108, л. 1—3. Всеподданнейший доклад по Особенной канцелярии МВД от 8 февраля 1862 г.; л. 103. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел от 14 февраля 1863 г.
[19] Весть, 1963, № 12.
[20] Северная почта, 1865, № 31.

нии определения цензовых условий оказались самыми различными — от уравнения прав всех потомственных дворян независимо от их имущественного и служебного положения до сохранения прежнего ценза. Изучив замечания на проект, комиссия отвергла крайние предложения, высказавшись, однако, в поддержку идеи об отмене права участия в собраниях только по чину действительного статского советника и полковника. Это — фактически первая констатация попыток определенных слоев поместного дворянства отмежеваться от чиновничьего безземельного элемента. Вместе с тем комиссия не могла не считаться с эволюцией самого сословия, с изменениями в имущественном положении его членов. Отражая эти изменения, она высказалась за привлечение к участию в выборах не только помещиков, но и владельцев других недвижимостей. В основание расчета размера их ценза была положена стоимость 100-душевого надела (по повинностям и выкупу) — 15 тыс. руб., что фактически составляло стоимость старого душевого ценза [21].

Принятый 1 июля 1870 г. после длительного обсуждения закон приравнял условия участия в дворянских собраниях к земскому выборному цензу, установленному Положением о земских учреждениях от 1 января 1864 г., но только в отношении земельных владений [22]. В результате имущественные требования для помещиков были значительно снижены, составляя 200—300 дес. в основных земледельческих и обеих столичных губерниях и 300—600 дес. в промышленных, лесных и степных губерниях. Соответственно уменьшился и ценз для голосовавших через уполномоченных мелкопоместных дворян, который по-прежнему составлял $^1/_{20}$ полного. Для владельцев другой недвижимости фактически оставался дореформенный, т. е. значительно повышенный, ценз. На них распространялись условия, установленные первоначально только для Москвы и Петербурга,— владение имуществом стоимостью не менее 15 тыс. руб. Сохранение столь высокого требования должно было и в новых условиях дать преимущество в собраниях помещикам. Зато облегчено было участие в выборах верхушке «служилого» дворянства: гражданским сановникам и высшему офицерскому составу право голоса предоставлялось независимо от размера недвижимости и даже совсем без нее, если только они получали пенсию в размере не менее 900 руб. в год. В этом отношении самодержавие не пошло на поводу оппозиционных помещичьих настроений, решительно высказавшись в пользу представителей высшей бюрократии, своих непосредственных агентов в дворянских собраниях.

В Тифлисской и Кутаисской губерниях, где земства не были введены, новый имущественный ценз был установлен в 1874 г. Право участия в выборах предоставлено было владельцам имений, включавших не менее 20 дымов временнообязанных кресть-

ян или поселян. Через уполномоченных участвовали мелкопоместные дворяне, владевшие землей в размере не менее $^1/_{10}$ полного ценза [23].

В целом дворянство не высказало недовольства новыми правилами. Численность полноправных членов дворянских собраний значительно возросла. Так, в Симбирской губернии она увеличилась с 270 до 379 человек, т. е. почти на 40% [24]. Об этом же свидетельствуют донесения губернаторов, отмечавших многолюдность собраний в первые годы после издания нового закона. Но такое оживление было недолгим и вызывалось, видимо, главным образом желанием показаться в собрании в «новом качестве». В 70-е годы отмечается только несколько дворянских ходатайств об изменении законодательства по этому вопросу. Так, псковское собрание в 1871 г. просило об установлении требования полного ценза для приписывающихся к дворянским обществам действительных статских советников и полковников. Ходатайство было отклонено [25]. В 1876 г. грузинские дворяне просили уменьшить размеры земельного ценза в Тифлисской губернии до 10 дымов или до 200 дес. ненаселенной земли, в Кутаисской губернии — до 5 дымов или 113 дес., а цензовую стоимость другого имущества — до 5 тыс. руб. [26] Ходатайство вполне понятное, учитывая малочисленность крупных и даже средних собственников в этих губерниях. Оно было поддержано и МВД. Но лишь 19 октября 1887 г. Государственный совет согласился понизить земельный ценз до 250 дес. для Тифлисской и до 200 дес. для Кутаисской губерний [27]. Решающую роль, видимо, сыграло то обстоятельство, что к тому времени поступил ряд аналогичных просьб дворянских собраний великорусских губерний.

В 80-х годах о понижении имущественного ценза ходатайствовали вологодское, черниговское, костромское, калужское и симбирское дворянства. За исключением последнего, просившего о допущении к выборам лиц, владевших не менее 100 дес. земли, лишь бы они жили в имениях и занимались сельским хозяйством, ходатайства сводились к понижению требований для владельцев городской недвижимостью, в основном для домовладель-

---

[21] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1121, л. 10—15. Объяснительная записка к проекту Устава о дворянских собраниях и выборах. 1865 г.

[22] ПСЗ, II, т. 45, отд. 1, № 48455; т. 39, отд. II, № 40457, прил.

[23] ПСЗ, II, т. 49, № 53199.

[24] ГАУО, ф. 477, оп. 1, д. 367, л. 38—41. Ведомость о составе дворянских собраний Симбирской губернии за 36 лет. 1897 г.

[25] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-Б, 1871 г., д. 50, л. 2. Выписка из постановления псковского губернского дворянского собрания от 5 марта 1871 г.

[26] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91, 1881 г., д. 66, л. 31. Представление МВД в Государственный совет от 13 мая 1887 г.

[27] Там же, л. 35—36.

цев, до размеров земского выборного ценза (3 тыс. руб.) [28]. Все обращения собраний по этому вопросу были отклонены с оговоркой, что они будут приняты во внимание при разработке нового закона. Однако учтены были далеко не все их пожелания. Земское Положение от 12 июля 1890 г. снизило земельный ценз до 150—200 дес. в основных земледельческих губерниях и до 300—500 дес.— в промышленных, лесных и степных. В то же время оно повысило требование к владельцам городских недвижимостей, уравняв его со старым дворянским выборным цензом, чем еще раз продемонстрировало стремление самодержавия сохранить в дворянских собраниях, как и в земстве, решающую роль за помещиками [29].

Новое положение не сразу вошло в практику дворянских собраний. Некоторые из них признали крайне неудобным его применение как в связи с различными поуездными нормами, предусматривавшимися законом, так и в связи с нежелательными последствиями притока в собрания мелкопоместных дворян. Их ходатайства о сохранении прежних размеров ценза поддержало МВД, ссылаясь на то, что новое земское положение не отменяет закона от 1 июня 1870 г. Тем не менее сенатский указ от 9 января 1896 г. признал нормы земского выборного ценза действующими и для дворянских собраний, а Государственный совет «мнением» своим от 31 мая 1899 г. подтвердил сенатское разъяснение, придав ему силу закона [30]. В дальнейшем ряд собраний, особенно средневолжских и южных губерний, ходатайствовали о новом уменьшении размера ценза. МВД предполагало разработать специальное представление по этому вопросу. Однако вплоть до конца рассматриваемого периода положение не изменилось.

По данным, собранным Особым совещанием, в конце XIX в. в 26 губерниях правом участия в собраниях располагали 276 177 дворян. Из них лишь 58 707 человек, т. е. 21,3%, воспользовались этой возможностью. По личному праву участия в собраниях присутствовали 73,7%, остальные — по доверенностям, по уполномочию мелких владельцев и т. д. Из числа участников собраний около 9% располагали имуществом менее 1 ценза и фактически не имели личного избирательного права; около 76% имели от 1 до 10 цензов и около 15% — свыше 10 цензов [31]. Таким образом, средние и крупные владельцы составляли подавляющее большинство. Отсюда настороженное отношение собраний к расширению прав мелкопоместных дворян и сочувствие к облегчению условий участия в их заседаниях «благородных» домовладельцев. Контингент не воспользовавшихся своим правом составляли не только малосостоятельные слои сословия, но и верхи его — особенно крупнейшие латифундисты и предприниматели. Экономическая и политическая мощь последних многократно усиливалась теснейшими родственными связями, существовавшими

между семьями богатейших латифундистов, их близостью ко двору, где они занимали влиятельнейшее положение. Некоторые из них были связаны родством с царской фамилией [32]. Все это, видимо, делало излишним участие их в жизни дворянских обществ. По поводу их абсентизма, равнодушия к делам собраний дворянская публицистика неоднократно разражалась упреками в адрес «лендлордов» и так называемого «столичного дворянства», изображавшихся едва не врагами «дворянского дела» [33].

Таким образом, изменение избирательного ценза обусловливалось как социально-экономическими процессами, протекавшими внутри и вне высшего сословия, так и корректирующей политикой самодержавия. Об уменьшении его размеров вначале ходатайствовали в основном собрания нечерноземных губерний, где все большее значение приобретали дворянские городские недвижимости, или лесных и степных районов, в которых поместное дворянство было малочисленно, а имущественные требования довольно высоки. Затем все больше сказывалось общее сокращение дворянского землевладения и численности дворян-собственников. Учитывая эти пожелания, самодержавие постепенно понижало требования для участия в дворянских выборах. Следует, однако, отметить, что все преобразования 60-х годов оно провело, опираясь в основном на дореформенный состав собраний. И впоследствии оно ориентировалось на те же круги высшего сословия, предоставляя наиболее благоприятные условия среднему и крупному поместному дворянству, верхам бюрократии и офицерства, отводя им решающую роль в жизни дворянских обществ.

3. ДВОРЯНСКИЕ СОБРАНИЯ И ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ СОСТАВА СОСЛОВИЯ

Близкой к рассмотренным вопросам и также волновавшей дворянские собрания в течение почти всего пореформенного периода была проблема пополнения сословия и тесно связанные с этим

---

[28] Там же, д. 48, л. 2. Копия постановления вологодского губернского дворянского собрания от 13 марта 1881 г.; д. 78, л. 1—2. Донесение черниговского губернатора министру внутренних дел от 26 октября 1881 г.; д. 48, л. 7. Копия постановления костромского губернского дворянского собрания от 18 декабря 1883 г.; л. 6. Донесение калужского губернатора министру внутренних дел от 20 марта 1884 г.

[29] ПСЗ, III, т. 10, № 6927.

[30] ПСЗ, III, т. 19, отд. 1, № 16990.

[31] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 217, л. 9. Справка о составе губернских дворянских собраний.

[32] *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971, с. 13—24.

[33] *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973, с. 268—269.

вопросы членства в дворянских обществах и компетенции их корпоративных органов в этой области. Следует иметь в виду, что дворянские собрания лишены были возможности каким-либо образом регулировать свой состав и тем более состав сословия. Возведение в дворянское достоинство было исключительной прерогативой власти. Выслуга прав «высшего состояния» регламентировалась законодательством. По закону дворянские органы не имели права ни отказывать в приписке к обществу, ни исключать из него. Правда, большинством в $^2/_3$ голосов собрание могло лишить права присутствовать на текущих заседаниях своего члена, который «опорочен судом» или «бесчестный поступок которого общеизвестен». Но к лишению прав состояния дворянин мог быть приговорен только судом за преступление, причем приговор вступал в силу лишь после утверждения его императором [34]. В отношении приписки к обществу компетенция дворянских органов также была крайне ограничена. Ходатайства о внесении в губернскую родословную книгу рассматривались депутатскими собраниями и сводились, как уже отмечалось, к формальному рассмотрению документов, выданных герольдией. По закону каждый дворянин был вправе приписаться к дворянскому обществу любой губернии, где он владел имуществом, или даже просто по своему усмотрению [35].

Эти стеснительные правила в условиях пореформенных лет все больше приходили в противоречие с интересами дворянских обществ, их влиятельных кругов. Острота этой проблемы будет понятной, если вспомнить об изменениях состава дворянства, его социального и экономического статуса. Таяло и мельчало дворянское землевладение, падал удельный вес поместного ядра, увеличивалась численность безземельного, неимущего «служилого» элемента. В то же время росла и крепла буржуазия, захватывая ключевые позиции в экономике страны, причем и в отраслях, считавшихся совсем недавно исключительно или по преимуществу дворянскими. Все эти обстоятельства обусловили возникновение в ряде дворянских собраний мысли о необходимости ограничения притока в сословие нежелательных элементов, привлечения наиболее близких по воззрениям и образу жизни, экономически состоятельных лиц из других сословий и, наконец, расширения прав корпоративных органов в регулировании состава дворянских обществ и сословия в целом. Еще в начале 60-х годов курское, московское, херсонское и орловское дворянства обращались к МВД с просьбой расширить компетенцию собраний в отношении приема новых членов [36]. Ни одно из ходатайств в то время не было принято. В течение же последующих почти двух десятилетий эти вопросы не были предметом обсуждений дворянских собраний. Появление их в первой половине 60-х годов обусловливалось, видимо, не столько обострением проблемы

состава сословия, сколько известной оппозиционностью помещиков, а также вообще стремлением придать бо́льшую роль и самостоятельность сословной корпорации в изменившихся условиях. Не случайно эти пункты ходатайств стояли в ряду с требованиями о праве созыва дворянских собраний без предварительного разрешения администрации, о вступлении в должность дворянских выборных лиц без утверждения властей и т. п., также категорически отвергнутыми правительством [37].

Более широко и настойчиво эти вопросы вновь стали подниматься с середины 80-х годов. Ходатайства смоленского (1884 г.), рязанского (1885 г.), черниговского (1885, 1896 гг.), петербургского (1890, 1896 гг.), таврического (1893 г.) и владимирского (1894 г.) дворянств сводились к тому, чтобы: во-первых, затруднить доступ в сословие путем выслуги, ограничив его высочайшим пожалованием или повысив класс чинов и степени орденов, дающих право на дворянское достоинство; во-вторых, предоставить дворянским собраниям право ходатайствовать о возведении в дворянство лиц из других сословий, право баллотировкой решать вопросы о приписке к обществу новых членов и об исключении неугодных лиц [38]. Эти пожелания встретили в той или иной мере сочувственное отношение в правящих сферах. В частности, некоторые пункты их вполне разделяла занимавшаяся в 1883—1885 гг. отчасти этими же проблемами комиссия С. А. Танеева. Но, как уже отмечалось, никаких кардинальных мер в то время принято не было. Да и сами дворянские ходатайства не отличались массовостью, единодушием, последовательностью.

Всероссийский масштаб обсуждению этих вопросов придало совещание губернских предводителей 1896 г. Тесно между собой связанные, эти проблемы тем не менее вызвали к себе различное отношение и в правящих кругах, и в среде сословия и имели неодинаковый исход.

Ограничение доступа в сословие путем выслуги было постоянным предметом заботы правящих сфер и родового дворянства еще в дореформенную эпоху. Причем в то время самодержавие, пожалуй, даже более ревностно, чем сами дворянские общества, оберегало сословие от наплыва разночинцев. В пореформенные годы негативное отношение дворянских собраний к выслужив-

---

[34] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 80, 81, 165.

[35] Там же, ст. 959, 960.

[36] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1121, л. 10—15. Объяснительная записка к проекту Устава о дворянских собраниях и выборах. 1865 г.

[37] Там же, д. 1108, л. 2. Всеподданнейший доклад по Особенной канцелярии МВД от 8 февраля 1862 г.

[38] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 1—3. Доклад управляющего делами Особого совещания по делам дворянского сословия А. Стишинского от 27 ноября 1897 г.

шимся выходцам из других сословий резко обострилось. Обусловливалось это главным образом увеличивавшимся удельным весом среди них неимущего элемента, на обеспечение которого расходовались дворянские капиталы. Однако немалую роль в подогревании подобных настроений играла и возраставшая общая неприязнь к бюрократии, в которой поместное дворянство видело и соперника во влиянии на верховную власть, и вообще конкурента в деле государственного управления, и даже виновника потери сословием прежнего исключительного положения. Но это, собственно, уже вопрос о причинах и формах дворянской оппозиционности, к которому мы еще вернемся. Сейчас же отметим только, что подобные настроения придавали оттенок враждебности отношению помещиков к безземельному «служилому» элементу. Так, один из правых дворянских публицистов категорически заявлял на страницах «Гражданина», что «выслужившие себе дворянское сословие и землею не владевшие... никогда и ничего общего с нами не имели и никогда иметь не будут, сколько бы их ни было» [39].

В практике дворянских собраний одним из выражений этой тенденции и были ходатайства о повышении требований к соискателям прав высшего состояния из чиновников и офицеров. Характерными чертами большей части этих ходатайств вплоть до середины 90-х годов были неопределенность, изложение пожеланий в общей форме с надеждой, что правительство само найдет конкретные пути их реализации, непоследовательность, отсутствие принципиальной позиции. И лишь совещание предводителей в 1896 г. поставило этот вопрос более четко и определенно. Единодушно было отмечено, что наблюдавшийся наплыв в дворянство выслужившегося чиновничества не только ведет к ухудшению состава сословия и к повышению расходов сословных общественных капиталов, но и «неблагоприятно сказывается даже на постановлениях дворянских собраний» [40]. Однако в то же время решено было не отступать от «исторического принципа» выслуги, придававшего сословию прежний служилый характер. Почти все предводители, за исключением харьковского — гр. В. А. Капниста, предложившего сохранить старый порядок, высказались за повышение класса чинов, дающих право на дворянство, до тайного советника, генерал-майора и контр-адмирала (III класс). Расхождения выявились лишь по вопросу о низших степенях орденов: одни предлагали оставить это право за орденом Владимира III, другие — II степени. В том и другом случае доступ чиновничества в высшее сословие путем получения орденов практически закрывался.

Еще раз мнение собраний по этим пунктам было запрошено в связи с обсуждением программы работы Особого совещания. И опять дворянство продемонстрировало отсутствие единодушия

в своих рядах. Меньшинство по-прежнему требовало полного прекращения выслуги дворянства «зауряд», бо́льшая же часть высказалась за повышение класса чинов или степеней орденов, дававших право на «благородство». Наиболее широкую поддержку получило мнение о желательности поднять лишь требование к кавалерам ордена Владимира. Помимо опасений утратить контроль над важными звеньями государственного аппарата, сказалось, видимо, и то обстоятельство, что почти во всех дворянских обществах преобладали дворяне, получившие дворянское звание путем личной выслуги или от своих «служилых» предков. При всех разногласиях по этому вопросу единым был исходный мотив — стремление оградить дворянские общества не вообще от выслуживших дворянство, а от неимущих элементов.

Особое совещание с пониманием отнеслось к пожеланиям дворянских собраний по этому вопросу. Большинство его членов высказалось лишь за повышение степени ордена Владимира с IV до III. В целом же предполагалось, что сословие и впредь будет пополняться из «круга людей, послуживших государству». Причем предполагалось также и то, что эти лица будут вступать «в состав поместного дворянства путем брачных союзов или приобретением имений...» [41]. Таким образом, сужая круг претендентов на дворянское достоинство, большинство совещания рассчитывало, что эта мера облегчит одворянивание нового пополнения сословия.

Законодательный итог разработки этого вопроса известен: Государственный совет принял предложение Особого совещания. Такое решение не вызвало особых возражений ни у предводителей, принимавших участие в выработке законопроекта, ни в среде дворянских собраний.

Сложнее обстояло дело с вопросами о пополнении сословия (помимо служебной выслуги) и о праве дворянских органов в этой области. Прежде всего не было ясности в том, кто должен составлять это пополнение. Наряду с признанием необходимости влить новые силы в сословие, терявшее свое безраздельное экономическое, а отчасти и политическое господство, сблизиться с растущей и усиливавшейся буржуазией обнаружилась и противоположная тенденция — стремление сохранить дворянство в состоянии, возможно более близком к дореформенной эпохе. С середины 80-х годов полемика по этому вопросу в прессе, в дво-

[39] *Мил Б.* Дворянское дело.— Гражданин, 1897, № 19.

[40] Записка губернских предводителей дворянства, вызванных с высочайшего е. и. в. соизволения г. министром внутренних дел в совещание о нуждах дворянского землевладения. СПб., 1896 г., с. 60; см. также: ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 1. д. 351.

[41] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 72 об.— 73. Журнал Особого совещания, № 2.

рянских и правящих кругах приобрела большую остроту. Еще комиссия Танеева и созданное для рассмотрения ее рекомендаций совещание из глав ряда ведомств, отражая настроения определенных слоев дворянства, сочувственно отнеслись к идее пополнения сословия (помимо выслуги) за счет тех, «кто проявляет полезную деятельность в области общественной, промышленной и хозяйственной» [42]. Подобные предложения вызвали резкие протесты реакционеров, расценивших это как шаг по пути ликвидации сословия. В особое негодование приводила их мысль о возможности слияния дворянства с торгово-промышленной буржуазией. Так, один из известных своими ультраправыми взглядами публицистов — петербургский и псковский помещик И. Д. Кошкаров не только заявил о несовместимости дворянства с подобными элементами, но и призвал вообще «очистить» дворянские собрания от лиц, «торгующих по купеческим свидетельствам... азартно играющих на бирже» и т. п. [43] Более приемлемой оказалась мысль о пополнении сословия за счет новых землевладельцев. Это, в частности, считал целесообразным и А. Д. Пазухин — активный деятель и «теоретик» эпохи контрреформ [44]. Но и она была отвергнута крайне правыми. Тот же И. Д. Кошкаров при обсуждении этого вопроса в петербургском собрании заявил от имени организованной им оппозиции, что единственным путем пополнения сословия должна оставаться государственная служба, что «пополнение его лицами других сословий без служебного ценза приведет к образованию денежной аристократии и к уничтожению исторического родового дворянства» [45]. Эти антибуржуазные тенденции прозвучали и в комиссии Н. С. Абазы, в работе которой принимали участие 6 предводителей [46].

Крикливый и резкий тон, взятый крайне правыми, свидетельствовал не столько о силе, сколько о слабости их позиций. Это наглядно продемонстрировало предводительское совещание 1896 г. Большинством его было отмечено, что наряду с поместным дворянством в деревне формируется новый класс крупных земельных собственников, приобретающий «со временем все качества и свойства, которые прежде отличали одних дворян». Фактически речь шла о крупной буржуазии, избравшей сферой приложения своих капиталов сельское хозяйство, и о попытках ее одворянить. Приводимые в пользу такого решения проблемы аргументы сводились к следующему: во-первых, лишенное пополнения со стороны дворянство, «превратившись в касту, будет обречено на вымирание»; во-вторых, новые силы укрепят сословие, повысят его роль, ибо «дворянство, экономически слабое, не может иметь значения»; в-третьих, замкнутость и отчужденность дворянства может возбудить вражду новых землевладельцев, не пользующихся дворянскими привилегиями, что значительно ос-

ложнит положение самого сословия. «Итак,— констатировалось в записке предводителей,— для дворянства нежелательно возрождение параллельного... дворянству класса владельцев родовой крупной земельной собственности и весьма желательно для общей пользы привлечь поименованных собственников в свою среду». Выявление таких лиц и ходатайства о возведении их в дворянство предлагалось возложить на дворянские собрания. Необходимым условием для такого ходатайства должны были быть десятикратный земельный ценз и время владения не менее 35 лет [47].

Резко враждебно настроенными против этой идеи оказались курский, рязанский, тульский и харьковский предводители. С включением в сословие новых землевладельцев, заявили они, «изменится весь строй, дух и традиции дворянства». К тому же «расширение способов приобретения дворянства путем владения землей создаст для богатых промышленников сильный стимул покупать дворянские имения», что поведет к ускорению процесса сокращения дворянского землевладения. И наконец, это, по их мнению, нарушило бы историческое предназначение дворянства, которое должно оставаться служилым сословием [48]. Еще раз голос меньшинства предводителей прозвучал в Комиссии Особого совещания, специально занимавшейся проблемой «усовершенствования дворянских учреждений», где они оказались в большинстве. Именно под их нажимом комиссия высказалась за недопущение «к участию в собрании лиц, потерявших всякую связь с землей и живущих в мире денежных и служебных интересов, весьма далеких от действительных нужд нашей местной губернской жизни» [49].

Однако Особое совещание в этом вопросе в целом поддержало точку зрения большинства предводителей, изложенную в записке. Более того, часть его участников во главе с министром финансов С. Ю. Витте высказалась за предоставление доступа в высшее сословие представителям промышленности, торговли,

---

[42] ЦГИА СССР, ф. 1209, оп. 4, д. 14815, л. 47—50. Журнал Особого совещания об изменении действующих законоположений о порядке чинопроизводства в гражданском ведомстве. 1885 г.

[43] *Кошкаров И. Д.* Какова должна быть служба царю и народу.— Гражданин, 1885, № 39.

[44] *Пазухин А. Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886, с. 61.

[45] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, 1890 г., д. 21, л. 15. Особое мнение на постановление петербургского губернского собрания от 25 января 1890 г.

[46] *Соловьев Ю. Б.* Указ. соч., с. 204—205.

[47] Записка губернских предводителей..., с. 61—62, 67.

[48] Там же, с. 64.

[49] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 13, л. 80. Журнал Комиссии Особого совещания..., май 1899 г.

финансов. Прецеденты такого рода в практике возведения в дворянство, как мы знаем, уже имели место. С. Ю. Витте подвел под это предложение «теоретическую» базу, указав, что Россия вступила на путь капиталистического развития, что значение дворянства в результате утраты им прежних экономических позиций падает и что единственное спасение для него — обуржуазиться: заняться промышленностью, торговлей, банками, привлечь в свои ряды наиболее выдающихся представителей «делового мира» [50].

Ему возражала другая часть совещания, точку зрения которой наиболее полно отразил в своих выступлениях министр внутренних дел В. К. Плеве. Он считал, что «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй», что у нее совершенно особый, некапиталистический путь развития и что дворянству незачем сливаться с буржуазией, которая и не может занять господствующее положение в стране. Соглашаясь с предложением предводителей о желательности привлечения в сословие наиболее достойных из новых землевладельцев, он высказался, однако, не за крупных, а в пользу средних собственников, которые бы пополнили прослойку среднепоместного дворянства, более отвечавшего видам правительства в связи с особенностями организации местного управления [51].

Большинство же членов совещания занимало колеблющуюся, промежуточную позицию, больше, однако, склоняясь к мысли о желательности пополнения сословия экономически сильными элементами из буржуазии, которых необходимо одворянить. Страшась будущего, которое несло с собой развитие капитализма, они не могли не признать и невозможности возврата к старому. При всем этом верх брала сословная ограниченность. Наиболее характерной в этом плане была позиция Н. С. Абазы, заявившего на одном из заседаний: «Чем позднее произойдет то, о чем говорил министр финансов,— тем лучше... Надо быть осторожным и держаться традиций. Всегда считалось честью вступать в дворянское сословие. В дворянство стремилось все лучшее. Это движение надо поощрять. Но в предупреждение могущей возникнуть из-за разных социальных эволюций розни надо, пока капитал не всесилен, его поглотить, приобщить его к дворянским интересам, привлечь его в дворянскую среду. Этим избежим мы возникновения враждебного элемента» [52].

После длительных препирательств большинством голосов совещание высказалось за «возведение в дворянское достоинство лиц иных состояний за такие полезные труды на поприще наук и искусств, равно как общественной, сельскохозяйственной, промышленной и торговой деятельности, которые имеют значение заслуг перед государством», но только путем высочайшего пожалования по представлению министров и главноуправляющих через

Комитет министров. Получил удовлетворение и В. К. Плеве: решено было допустить в дворянскую среду представителей новых земельных собственников «за местную деятельность, связанную с землевладением». Условием для этого должно было быть образование не ниже среднего, владение землей преемственно в течение двух поколений, но не менее 20 лет при постоянном местожительстве и «всеобщем уважении в среде местного населения». Ходатайство о таких лицах предлагалось возложить на собрание предводителей и депутатов, которое принимало бы решение большинством не менее $^2/_3$ голосов и направляло его через губернатора на усмотрение МВД, а затем — Комитета министров [53].

Однако против последнего пункта, расширявшего права дворянских обществ, решительно выступил С. Ю. Витте. Если дать дворянству право ходатайствовать о принятии в сословие, то, заявил он, правительству придется считаться с общественным мнением и, возможно, «опять будут бредни о земских соборах и т. п.». Кроме того, предоставление таких широких прав самоуправления может привести к тому, что руководство дворянскими собраниями, «пользуясь апатией сочленов», может перейти в руки неблагонадежных. И наконец, в этом шаге Витте усмотрел вообще «принцип уступки власти в пользу местных дворянских обществ [54].

Действительно, это предложение требовало определенного пересмотра существовавшего законодательства, сложившихся отношений между дворянством и самодержавием. Подобные ходатайства, как отмечалось, уже имели место в 60-х годах., но были безуспешны. В 1885 г. в связи с такой же просьбой рязанского собрания министр внутренних дел Д. А. Толстой представил Александру III специальную записку, в которой высказался против удовлетворения ходатайства, аргументируя это тем, что русское дворянство государственного, а не феодального происхождения и что ему «право самопополнения, как сословию служилому, предоставлено быть не может без изменения его политического значения [55]. Император наложил резолюцию — «следут иметь в виду», — и обращение собрания было «оставлено без последствий».

---

[50] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 5, ч. 1, л. 113—113 об. Протокол Особого совещания по делам дворянского сословия от 29 ноября 1897 г.

[51] Там же, л. 114—114 об.

[52] Там же, л. 114 об.

[53] ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 138, л. 105 об. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия, № 2.

[54] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 229, л. 17 об., 39. Протокол заседания Особого совещания по делам дворянского сословия от 13 декабря 1897 г. и 10 января 1898 г.

[55] Там же, л. 10. Протокол Особого совещания от 6 декабря 1897 г.

Большинство Особого совещания, поддержав мнение губернских предводителей о желательности расширения внеслужебного пути пополнения сословия, сочло неудобным полностью игнорировать участие в этом деле дворянских собраний. Однако перевес голосов не играл решающей роли. Витте, указав на опасные для режима политические последствия этой меры, сыграл на самой чувствительной струне самодержавия. Николай II не утвердил представленный ему журнал совещания и повелел передать его на обсуждение Государственного совета. Отличавшийся ретроградностью высший законосовещательный орган и здесь оказался верен себе: большинством голосов были отвергнуты предложения Особого совещания о расширении компетенции дворянских собраний в вопросе о возведении в дворянство, о пополнении сословия за счет представителей «делового» мира. Исключение было сделано для землевладельцев. Но меньшинство Совета высказалось и против этого пункта. К этому мнению присоединился царь. Таким образом, доступ в дворянство буржуазии практически закрывался [56]. Восторжествовала точка зрения реакционных кругов высшего сословия и правящей бюрократии, не получившая большинства, но разделявшаяся и поддерживавшаяся монархом.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки пересмотреть это положение. В ноябре 1903 г. совещание губернских предводителей большинством голосов вновь высказалось за предоставление дворянству права «включать в свою среду путем избрания лиц, которые, обладая определенным цензом, известны своей полезной деятельностью на поприще местной, например земской, службы» [57]. В начале 1904 г. самарское и казанское собрания обратились с ходатайствами по этому вопросу. И, хотя ходатайства были отклонены, МВД предложило губернаторам выяснить мнения остальных собраний на этот счет. Из 27 обществ 5 воздержались от определенного ответа, 11 по различным соображениям высказались отрицательно и столько же, хотя далеко не единогласно, поддержали ходатайство [58]. Ввиду выявившихся разногласий в среде самого дворянства и нежелания самодержавия упускать контроль за пополнением сословия в силе осталось старое положение.

*

Много дебатов вызвал и вопрос о предоставлении дворянским обществам права отказывать в записи в родословную книгу. Позиция правительства здесь не была столь категоричной. Но тем не менее вплоть до конца XIX в., несмотря на ряд дворянских ходатайств, законодательство не было пересмотрено.

В отношении регулирования своего состава у дворянских собраний было фактически одно средство — вступительный взнос,

уплачивавшийся при записи в родословную книгу. По закону, действовавшему до 1895 г., им предоставлялось право устанавливать размер этого взноса, но с тем, чтобы он не превышал 60 руб.[59] Практика была самая разнообразная, но обычно взнос для владельцев недвижимости был ниже, чем для неимущих. Так, в Симбирской губернии первые уплачивали при записи в родословную книгу 10 руб., вторые — 60 руб.[60] В 1881 г. ярославское и в 1887 г. вологодское дворянства просили о повышении размера сбора. МВД предложило собраниям обсудить этот вопрос. Большинство высказалось за установление взноса в 200—300 руб. Максимальный размер его в 200 руб. и был утвержден 20 марта 1895 г. Государственным советом[61].

Уступая настойчивым ходатайствам, Особое совещание по делам дворянского сословия большинством голосов высказалось за предоставление дворянским собраниям права отказывать в записи в родословную книгу, но только в отношении неимущих лиц. Еще раз было подтверждено положение об обязательной приписке владельцев недвижимости к обществам тех губерний, где находятся их владения. Обосновывая сохранившуюся ограниченность компетенции дворянских органов в этом вопросе, совещание заявило, что если дворянские собрания пополняют должностными лицами государственные учреждения, то им нельзя предоставлять неограниченный простор в выборе своих сочленов. «Вся организация этих обществ и состав их,— отмечалось в журнале совещания,— должны быть приспособлены к удовлетворению потребностей государства в обеспечении правильного хода местного управления»[62].

Закон 28 мая 1900 г. сохранял в целом старый порядок приписки к обществам, предоставив собраниям право отказывать в ней только неимущим элементам из вновь выслуживших дворянское достоинство[63]. Последние должны были, согласно правилам от 6 июня 1904 г., записываться во всероссийскую родословную книгу, которую вел департамент герольдии Сената[64]. Такая по-

---

[56] *Соловьев Ю. Б.* Указ. соч., с. 306—316.
[57] ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 440, л. 125. Запись беседы губернских предводителей 15—17 ноября 1903 г.
[58] ЛГИА, ф. 536, оп. 21, 1910 г., 489, л. 57—77. Дополнение к справке об условиях приобретения прав потомственного дворянства. Сост. в канцелярии Совета объединенного дворянства 1910 г.
[59] Свод законов..., 1876, т. 9, ст. 148.
[60] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 231, л. 10 об.— 11. Отношение симбирского губернатора — министру внутренних дел от 18 января 1886 г.
[61] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 158.
[62] ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 138, л. 107—108. Журнал Особого совещания, № 2.
[63] ПСЗ, III, т. 20, отд. 1, № 18681.
[64] ПСЗ, III, т. 24, отд. 1, № 24703.

лумера не могла удовлетворить дворянство. В 1901—1903 гг. совещания предводителей и отдельные собрания неоднократно высказывались за предоставление дворянским обществам безусловного права вообще не принимать в свою среду нежелательных лиц. Однако все ходатайства по этому вопросу были безуспешны.

4. ДВОРЯНСКИЕ СОСЛОВНЫЕ КАПИТАЛЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ

Каждое дворянское общество располагало определенными капиталами, использовавшимися для общественных и частных нужд дворян губернии. Размеры этих средств, их назначение и источники пополнения также в значительной мере регламентировались законодательством. Прежде всего закон предусматривал обязательные сборы на удовлетворение так называемых частных дворянских повинностей, которыми покрывались расходы па содержание канцелярий предводителей, депутатских собраний, дворянских опек, на выплату жалованья, пенсий, пособий канцелярским чиновникам, на содержание и ремонт дворянских помещений и т. д. Кроме того, собрания имели право путем добровольных складок составлять «общественную дворянскую казну» (кассу). Складки могли быть: 1) «общеполезными для дворян всей губернии» и 2) составленными на «частные издержки». Сборы первого рода, принятые большинством собраний, после уведомления губернаторов и утверждения МВД, а в случае крупных разногласий — Комитетом министров и даже императором считались обязательными для дворянских обществ. Сборы второго рода были обязательны только для тех, кто согласился в них участвовать. Собраниям принадлежало право самим определять сметы доходов и расходов и производить раскладку, не выходя, однако, за пределы установленных законом размеров обложения и видов облагаемых имуществ [65].

Одним из главных источников пополнения дворянской кассы было прежде всего обложение сборами находившихся в пределах губернии удобных земель потомственных дворян, внесенных в местную родословную книгу, и личных дворян, проживавших в губернии. Такое ограничение сборов, законодательно закрепленное в 1851 г., в пореформенные годы все больше приходило в противоречие с потребностями дворянских обществ как в связи с утратой сословием значительной части земель, так и в связи с ростом расходов на сословные нужды. Эту проблему они пытались решить прежде всего за счет расширения контингента плательщиков сборов и круга облагаемых имуществ.

Уже с начала 70-х годов ряд собраний принимают постановления о привлечении к обложению не только земель, но и город-

ских дворянских имуществ. Власти до поры до времени активно не вмешивались в эту сферу их деятельности, ограничиваясь отдельными «разъяснениями» в том случае, когда постановления собраний входили в явное противоречие с действовавшим законодательством. В результате практика обложения оказалась весьма разнообразной. Одни собрания (петербургское, московское, самарское, новгородское, костромское, харьковское) привлекали к сборам, помимо удобных земель, и находившиеся в городах дома; другие (владимирское, симбирское) — подвергали обложению не только дома, но и промышленные и торговые заведения, исходя из земской оценки строений; третьи (черниговское) — пытались учитывать при этом ценность строений и их доходы; четвертые (симбирское) — привлекали к обложению имущества и тех дворян, которые не были занесены в родословную книгу, а числились только в списках городских управ [66]. Стремясь юридически закрепить складывавшийся порядок обложения, собрания возбуждают ходатайства о пересмотре и дополнении существующего законодательства по этому вопросу. На необходимость упорядочения раскладки сборов в связи с участившимися жалобами указал и Сенат в своем постановлении от 4 июня 1893 г.

Изучая этот вопрос, МВД установило, что обложение городских имуществ давало значительную часть поступлений в дворянскую кассу, особенно в столичных и промышленных губерниях. Так, в Петербургской губернии из общей суммы сборов в 78,4 тыс. руб. поземельный сбор составлял всего около 8%, в Московской из 95,5 тыс. руб.—17%, во Владимирской из 24,9 тыс. руб.— около 63% [67]. Исходя из этого, министр внутренних дел Н. И. Дурново в своем представлении в Государственный совет постарался максимально учесть пожелания дворянских собраний, что и нашло отражение в законе от 3 июля 1894 г. Собраниям предоставлялось право облагать обязательными сборами, помимо земель, также и другие недвижимости в городах и в уездах — дома, торговые и фабрично-заводские помещения и вообще всякого рода здания и сооружения, принадлежавшие не только записанным, но и не внесенным в родословные книги потомственным и личным дворянам [68]. Однако принцип обложения имуществ по их доходности, так же как и сборы с патентов и свидетельств, не был узаконен. В этом сказались, видимо, и покровительственная политика правительства в отно-

---

[65] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 160—162.
[66] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, 1892 г., д. 49, л. 315. Представление МВД в Государственный совет от 12 марта 1894 г.
[67] Там же, л. 325 об.
[68] ПСЗ, III, т. 14, № 10718.

шении промышленности, и настроения части «столбовых» дворян, видевших в этом проявление ненавистной им буржуазности. В частности, обосновывая свое негативное отношение к буржуазным принципам налогообложения, Комиссия Особого совещания по делам дворянского сословия заявляла: «Подобное обложение было бы осуществимо лишь при условии предоставления новым плательщикам права участия на общем основании в делах своего сословия. Между тем это фактически повело бы к тому изменению характера дворянских собраний, которое едва ли может соответствовать видам правительства, стремящегося к укреплению стародворянских традиций в этом сословии». «Допустить наряду с земельным, еще и ценз капиталистический,— отмечалось в ее журнале,— значит ввести в дворянские собрания элементы, наиболее чуждые по своему духу сему сословию... которого все государственное значение зиждется на тесной связи с землей, с сельским населением и его потребностями» [69]. В своем стремлении обособиться от буржуазного и чиновничьего элемента некоторые предводители, принимавшие участие в совещании, высказались даже за отмену обложения личных дворян и вообще за выделение их в особое сословие. Но большинство участников не поддержало это предложение, сославшись на то, что состав сословия определен законом и что обложением личных дворян «устанавливается презумпция связи их с дворянским сословием».

*

Складки не были единственным источником дворянских капиталов. Традиционным пополнением их были пожертвования, вклады по завещаниям, составлявшие иногда крупные суммы и имущества, оценивавшиеся нередко в сотни тысяч рублей. Стремясь расширить этот круг источников доходов, дворянские собрания в пореформенные годы вели настойчивую борьбу за переход в собственность обществ выморочных дворянских имуществ и капиталов, которые по существовавшему законодательству отходили к казне. Инициаторами ходатайств в середине 70-х годов выступили петербургское, московское и харьковское собрания, аргументировавшие необходимость этой меры увеличением расходов на помощь разорявшимся членам сословия и сокращением поступлений в дворянскую кассу. Правительство тянуло с ответом, так как дело касалось одного из источников казенных доходов. Кроме того, нарушался традиционный феодальный принцип — полученные от верховной власти поместья возвращались после пресечения рода владельца в казну. Последовали вторичные обращения московского (1878, 1881 гг.), симбирского (1879 г.) и харьковского (1882 г.) собраний. Причем харьковский предводитель А. Р. Шидловский разослал копии постановления местно-

го собрания ряду своих коллег, указав в сопроводительном письме, что «на успех ходатайства по этому вопросу можно рассчитывать в том случае, если взгляд дворянства Харьковской губернии будет поддерживаться мнением дворянства других губерний...[70]. Это одна из первых попыток призыва к коллективным действиям, к солидарности дворянских собраний.

Но большинство собраний в то время, видимо, довольно равнодушно отнеслось к призыву харьковского предводителя. По крайней мере в фондах МВД не удалось обнаружить сколько-нибудь массовых ходатайств по этому вопросу. В феврале 1883 г. Шидловский вновь обращается к московскому предводителю с призывом к «солидарности заявлений»[71]. Воздействие влиятельных кругов высшего сословия было достаточно сильным: закон 3 мая 1883 г. предусматривал переход в собственность обществ выморочных имений потомственных дворян, записанных в местные родословные книги[72].

Однако рассчитывавшее этим актом удовлетворить претензии дворянства правительство добилось совершенно противоположного эффекта. Тотчас же после принятия закона последовала масса ходатайств о его пересмотре и дополнении. И опять инициаторами выступили московский и харьковский предводители. Причиной недовольства новым законом было то, что он не охватывал всего круга дворянских имуществ. В ходатайствах почти 20 собраний содержалась просьба распространить его действие и на городские недвижимости, а также на имущества дворян, не внесенных в родословные книги. Сначала реакция МВД была отрицательной. Указав на недавно принятый закон, оно отклонило ходатайства. Было отмечено, что: во-первых, выслужившие дворянское достоинство, но не приписавшиеся ни к одному из дворянских обществ — министерство вынуждено было признать такой факт — не могут участвовать в собраниях и не являются их членами, а следовательно, и нет оснований предоставлять дворянским обществам право на их имущества; во-вторых, ускорение записи в родословную книгу таких дворян зависит от активности самих дворянских обществ[73]. Таким образом, правительство недвусмысленно указало на необходимость более тесных связей

---

[69] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 1, I дел-во, 1902 г., д. 27, л. 235—236. Журнал комиссии Особого совещания, май 1899 г.

[70] ГАУО, ф. 477, оп. 3, д. 50, л. 37—39. Журнал симбирского дворянского собрания от 15 декабря 1879 г.

[71] ЦГАМ, ф. 380, оп. 1, д. 1317, л. 22—24. Письмо А. Р. Шидловского А. В. Бобринскому от 7 февраля 1883 г.

[72] ПСЗ, III, т. 3, № 1546.

[73] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, 1883 г., д. 85, л. 12—13, 25—27. Уведомление министра внутренних дел Д. А. Толстого воронежскому и курскому предводителям, апрель 1884 г. (отпуск).

поместного дворянства со «служилыми» элементами сословия. Вскоре, однако, МВД вынуждено было пересмотреть свое отношение к дворянским требованиям: на местах возникли конфликты собраний с местной администрацией при определении прав собственности на выморочные имущества. В конце концов дело поступило в Министерство государственных имуществ для разработки нового законопроекта.

Насколько серьезны были претензии собрания? Об этом в какой-то степени дают представление сведения о размерах выморочных дворянских капиталов и имуществ. По данным Министерства государственных имуществ на 1 января 1892 г., за 10 лет по всем губерниям Европейской России в ведение дворянских опек поступило выморочных земель, денег, ценных бумаг на сумму около 2960 тыс. руб., в казну отошли имущества на 723,3 тыс. руб.[74]. Из приведенных данных видно, что, во-первых, подавляющая часть имуществ (свыше 80% их стоимости) перешла в собственность дворянских обществ и, следовательно, особых оснований для беспокойств у последних не было; во-вторых, в целом эта сумма не могла сыграть сколько-нибудь существенной роли в бюджете обществ, за исключением, пожалуй, столичных губерний и губерний с крупными городскими центрами[75]. «Это вопрос с громким названием и пустым содержанием»,— так определил «Вестник Европы» значение этой кампании[76]. С точки зрения экономической это, видимо, действительно было так. Но этот вопрос имел еще и политический аспект. Он отражал попытки дворянских кругов найти выход из кризисного положения за счет концентрации всех средств, имевшихся в распоряжении дворянских обществ, за счет объединения усилий последних в своих домогательствах к правительству, за счет привлечения внимания правящих верхов к так называемому дворянскому вопросу. Сыграв на определенном этапе эту свою роль, он затем, как мы увидим, оказался заслоненным другими, более существенными проблемами. Но тем не менее ряд собраний продолжали возобновлять ходатайства о расширении их выморочного права.

Законодательная машина почти через 10 лет после поступления на разработку проекта дополнения к закону «выдала» 1 июня 1893 г. новое узаконение, согласно которому в пользу дворянских обществ отходили все движимые и внегородские недвижимые имущества дворян, как записанных, так и не внесенных в родословные книги[77]. Следующим этапом домогательств собраний по этому вопросу были требования о передаче обществам всех дворянских выморочных имуществ. И правительство почти полностью удовлетворило их: сначала закон от 28 декабря 1898 г. распространил область применения выморочного права на все имущества потомственных дворян независимо от записи в

родословную книгу и места нахождения этих имуществ, а затем закон от 10 июля 1902 г. передал в собственность дворянских обществ и выморочные имущества личных дворян, но только находившиеся вне городов [78].

Некоторые поступления в кассу давали и прибыли от деловых операций, в которых участвовали своими капиталами дворянские общества. Последние еще дореформенным законодательством признавались правомочным юридическим лицом, имевшим право от имени дворян губернии заключать сделки на подряды и поставки. В пореформенный период эта сфера деятельности обществ значительно расширилась. Возросли в количественном и стоимостном отношениях сословные имущества. Уже в 60—70-х годах некоторые дворянские общества через подставных лиц, через земства или от имени губернских предводителей участвовали в получении концессий на железнодорожное строительство, приобретали земельные участки, здания, предприятия, участвовали в акционерном предпринимательстве, учреждали банки на сословные капиталы и т. д. Да и сами дворянские сословные капиталы, хранившиеся, как правило, в банках, вкладывавшиеся в государственные и частные процентные бумаги, помимо воли вкладчиков втягивали их в сферу предпринимательства.

Отношение дворян к этой стороне деятельности их корпоративной организации было далеко не одинаковым. Очень характерной для настроений их консервативных кругов была позиция уже упоминавшейся Комиссии Особого совещания по делам дворянского сословия, выявившаяся при обсуждении предложения известного реакционностью своих взглядов тульского предводителя А. А. Арсеньева о создании специального органа для управления сословными имуществами. Отклонив это предложение и продемонстрировав еще бо́льшую ретроградность, комиссия указала, что «учреждение подобного органа, носящего исключительно коммерческий и бухгалтерский характер, наряду с существующими сословными дворянскими установлениями являлось бы несоответственным, оттенив с нежелательной резкостью те капиталистические функции, которые, быть может, впоследствии в силу вещей не будут чужды дворянству, но которым оно, оставаясь верным своим историческим традициям, не должно прида-

---

[74] ЦГИА СССР, ф. 1664, оп. 1, д. 126, л. 216—219. Ведомости о выморочных дворянских имуществах на 1 января 1892 г.

[75] Так, выморочные имущества, числившиеся на балансе симбирского дворянства, и проценты на них в 1884 г. составляли: земли — 131,2 дес., капитал — 4851 руб. (ГАУО, ф. 45, оп. 1, д. 377, л. 35—37. Доклад губернскому дворянскому собранию 20 декабря 1884 г.).

[76] Вестник Европы, 1881, кн. 3, с. 342.

[77] ПСЗ, III, т. 13, № 9715.

[78] ПСЗ, III, т. 18, отд. 1, № 16307; т. 22, отд. 1, № 21641.

вать первенствующего значения [79]. Признав, таким образом, что жизнь неумолимо втягивает дворянство и его сословные органы в орбиту капиталистических отношений, придавая дворянской корпорации отчасти черты, характерные для предпринимательских объединений, предводители видели выход в том, чтобы затормозить этот процесс, чтобы обуржуазивание сословия произошло как можно позже. Вместе с тем, учитывая новые веяния, комиссия высказалась за расширение прав дворянских обществ как юридических лиц, уравняв их в этом отношении с земскими и городскими обществами.

Несколько позднее, на совещании губернских предводителей 5—9 марта 1902 г., было одобрено предложение тифлисского предводителя кн. Д. З. Меликова о возбуждении грузинским дворянством ходатайства об аренде у казны нефтеносных земель. Участников совещания беспокоило лишь одно: не пострадает ли при этом нравственный авторитет сословия? Проект этот оправдывался «высокими» целями — вся прибыль от предприятия должна была пойти на уплату помещичьих долгов банкам, что должно было предотвратить обезземеливание грузинского дворянства [80]. Осенью того же года предводители обсуждали вопрос о праве дворянских обществ пользоваться услугами Дворянского банка в качестве самостоятельной юридической стороны [81]. Стремясь экономически укрепить дворянские корпоративные организации, самодержавие пошло навстречу их пожеланиям о придании им большей самостоятельности в хозяйственных вопросах. Законом 10 июня 1902 г. дворянским обществам предоставлялось право «на основании общих законов гражданских приобретать и отчуждать имущества, заключать договоры и вступать в обязательства, а также вчинять гражданские иски и отвечать на суде по имущественным делам своим» [82]. Однако в целом их предпринимательская деятельность, обнаружив определенную тенденцию к развитию, все же не сыграла сколько-нибудь заметной роли в жизни дворянской корпорации.

5. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДВОРЯНСКОЙ КАССЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Находившиеся в распоряжении обществ капиталы и имущества, за исключением расходов на обязательные государственные повинности, целевых вкладов и пожертвований, дворянские собрания могли использовать по своему усмотрению, правда под наблюдением губернской администрации и министерств. В дореформенную эпоху значительная часть этих средств шла на устройство блестящих балов, на верноподданнические подношения

и т. п. Постепенно роскошь уходила в область преданий. Все большее место занимала материальная помощь своим незадачливым сочленам, по тем или иным причинам оказавшимся на грани разорения. В той или иной форме эта помощь оказывалась и ранее, но лишь после 1861 г. из случайной «благотворительности» она становится постоянной и все более крупной статьей сметного расхода.

Формы и размеры этой помощи были самые разнообразные, но главные направления ее первоначально сводились к денежным пособиям и содействию в воспитании и образовании дворянских детей. Так, в Рязанской губернии на выдачу пособий неимущим дворянам ежегодно ассигновалось по 200 руб. на уезд и 1500 руб. в распоряжение губернского предводителя, во Владимирской губернии — по 200—300 руб. на уезд и 4000 руб. на губернские расходы. В Пензенской губернии ежегодно отпускалось 3600 руб. для пожизненной выдачи пенсий 30 наиболее нуждающимся дворянам, в Новгородской — ежегодно расходовалось 7500 руб. на помощь бедным дворянам и воспитание их детей. В Воронежской губернии на эти цели использовались проценты с пожертвованного одним из богатых меценатов 100-тысячного капитала и т. д.[83] Кроме того, дворянские общества ассигновывали средства, а чаще использовали целевые вклады на учреждение и содержание богаделен, приютов, сиротских и воспитательных домов. Московское дворянство в конце XIX в. расходовало на эти цели около 80 тыс. руб. в год [84]. На совещаниях губернских предводителей обсуждался даже вопрос о создании на базе московского и петербургского фондов всероссийской дворянской пенсионной кассы для оказания помощи бедным дворянам. Однако вопрос так и остался открытым. Это и понятно. Такая форма помощи из-за недостатка средств не могла охватить всех нуждающихся, количество которых постоянно возрастало. К тому же скромные размеры денежных выдач, их единовременный характер не могли сколько-нибудь существенно улучшить положение опекаемых. Постепенно главное внимание собраний обращается на поддержку поместного дворянства. Этой цели все больше подчиняется и

---

[79] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 1, I дел-во, 1902 г., д. 27, л. 202. Журнал Комиссии Особого совещания, май 1899 г.

[80] ЦГАМ, ф. 380, оп. 3, д. 16, л. 84—85. Памятная записка о происходившей 5—9 марта 1902 г. беседе некоторых губернских предводителей.

[81] Там же, оп. 4, д. 440, л. 39 об. Запись беседы губернских предводителей 4—7 ноября 1902 г.

[82] ПСЗ, III, т. 22, отд. 1, № 21641.

[83] ЦГАМ, ф. 380, оп. 3, д. 16, л. 70—71. Памятная записка о происходившей 5—9 марта 1902 г. беседе губернских предводителей.

[84] Там же, оп. 4, д. 440, л. 14—15. Журнал заседания преподавателей и депутатов дворянства Московской губернии. 1897 г.

деятельность всех сословных органов, что довольно отчетливо прослеживается уже при анализе предпринимавшихся ими мер по изысканию источников пополнения общественных капиталов.

*

С начала 60-х годов на одно из первых мест в повестках дворянских собраний выходит проблема организации земельных ипотечных банков в связи с упразднением старых кредитных учреждений и изменением общих экономических условий, требовавших перестройки системы хозяйствования. Ряд дворянских собраний неоднократно обсуждали вопрос о создании с помощью казны собственных банков на сословные капиталы. Однако большинство проектов так и не было реализовано. Причины были различные, но общим было отсутствие у обществ достаточных средств, весьма смутное представление авторов проектов о принципах деятельности таких сложных коммерческих учреждений, какими являются ипотечные банки, а также разногласия и сомнения в среде самого поместного дворянства. С учреждением в 1885 г. государственного Дворянского банка эта проблема в значительной мере была исчерпана, хотя и после этого отдельные дворянские собрания не оставили мысли об учреждении собственных банков.

Всего в пореформенный период существовали 3 таких банка: Нижегородский Александровский, Тифлисский дворянский земельный и Михайловский земельный банк в Кутаиси. Первый был учрежден на капиталы, пожертвованные местным дворянством еще в 30-е годы XIX в., размеры которых превышали 1 млн. руб. Сфера деятельности его распространялась на все сословия, но, согласно Уставу, утвержденному 22 мая 1868 г., «все операции банка должны быть направлены преимущественно к доставлению землевладельцам Нижегородской губернии необходимых для устройства их хозяйств капиталов». Доходы от операций предназначались на содержание Александровского дворянского института, помощь «„недостаточным“ дворянам и их детям и на другие сословные нужды»[85]. Со временем помощь помещикам стала требовать все больших средств. Стремясь облегчить их положение, правление банка уже с конца 70-х годов пыталось понизить проценты по земельным ссудам за счет повышения ставок по залогу торговых и промышленных строений. Это повело к сокращению городской клиентуры, а затем и доходов банка[86]. Тифлисский и кутаисский банки были учреждены в 70-х годах на капиталы, предоставленные дворянству правительством в счет выкупной операции. Об их деятельности известно пока мало. Но общим для всех дворянских банков было стрем-

ление любой ценой поддержать помещиков. Одинаков был итог их усилий — все они показали полную несостоятельность и в 90-е годы по существу перешли в казенное управление.

*

С конца 80-х — начала 90-х годов наблюдаются новые попытки придать организованный, целенаправленный характер расходованию дворянских общественных капиталов. Московское, петербургское, казанское, тульское, курское, полтавское, черниговское дворянства учреждают из части средств сословного обложения специальные фонды, вспомогательные кассы с целью оказания помощи попавшим в затруднительное положение дворянам-землевладельцам, главным образом заемщикам Дворянского или частных банков [87]. Практика и здесь была самая разнообразная. Московская касса выдавала чаще всего безвозвратные пособия. В Казанской губернии основной формой помощи были срочные ссуды с целью содействия снятия имений с торгов. Возникали даже проекты приобретения земель для наделения ею разорившихся сочленов. Так, екатеринославское собрание в 1893 г. одобрило предложение об образовании фонда для покупки земли и поселения на ней обедневших дворян. Но на очередном собрании в 1896 г. при обсуждении подготовленного комиссией проекта возникли острые разногласия. Бахмутский и мариупольский уездные предводители А. А. Карпов и П. В. Каменский заявили, что такая форма помощи является совершенно неприемлемой, так как эти дворяне уже доказали, что они «менее всего способны к той колонизаторской роли, которая им отводилась». По предложению губернского предводителя А. П. Струкова решено было, не отменяя установленного сбора, ограничиться выдачей денежных пособий, временно отложив вопрос об учреждении вспомогательной кассы [88].

Вопрос об учреждении дворянских касс взаимопомощи приобрел всероссийский масштаб в связи с обсуждением весной 1897 г. в Комитете финансов мер по отношению к задолжникам Дворянского банка, в котором приняли участие 18 предводителей. Проект Министерства финансов предусматривал определенные льго-

---

[85] Северная почта, 1868, № 136.

[86] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-А, 1878 г., д. 1, л. 2. Копия постановления чрезвычайного собрания нижегородского дворянства от 13 декабря 1877 г.

[87] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 226, л. 1—2. Справка Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, 3 ноября 1901 г.; ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 440, л. 82. Запись беседы губернских предводителей 4—7 ноября 1902 г.

[88] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, 1896 г., д. 7, л. 49—50. Копия протокола екатеринославского дворянского собрания от 16 января 1896 г.

ты по взносу срочных платежей недоимщикам при условии перехода задолжных имений под надзор и даже управление банка. При этом предусматривалась возможность передачи этих функций местным дворянским обществам с условием принятия на себя ответственности за должников. Предводители поддержали идею попечительного начала в отношении банка к заемщикам, но твердо заявили, что она приемлема только в том случае, если реализация ее будет проводиться при непременном участии дворянских собраний, которые будут стремиться к сохранению «в руках сословия и в роде задолжных имений» [89].

С. Ю. Витте, рассчитывавший таким путем обеспечить возврат ссуд должниками Дворянского банка, не только согласился с этим, но и обещал некоторую помощь со стороны казны. Был разработан проект положения о дворянских кассах взаимопомощи, который в сентябре того же года был передан на отзыв 37 собраниям. Бо́льшая часть их поддержала предложенный проект, но лишь при условии внесения в него существенных поправок. Они предусматривали обязательное государственное финансирование касс, а также предоставление им права многоцелевого кредита (в том числе и по погашению долгов частным банкам) и более широкой компетенции — вплоть до управления задолжными имениями.

Ознакомившись с отзывами, Министерство финансов вновь созвало совещание, в котором приняло участие 7 губернских предводителей. Проект был переработан с учетом важнейших пожеланий дворянства и передан на обсуждение Особого совещания по делам дворянского сословия, которое приняло его с незначительными поправками. Любому, даже неискушенному читателю бросался в глаза его филантропический, откровенно благотворительный характер. В среде самого дворянства возникли сомнения в допустимости и правомерности такого особого отношения к сословию, смущение и опасения, что это может подорвать его авторитет. Чтобы пресечь подобные толки, Особое совещание заявило, что главная цель касс — укрепление дворянского землевладения, что последнее имеет исключительно важное значение для сохранения существующего строя, «в жизни которого поместное дворянство никакой сословной или иной группой населения заменено быть не может», и что, приходя на помощь дворянству, «государство вместе с тем удовлетворяет и свою собственную потребность» [90].

Все это было принято во внимание и Государственным советом, который 3 июня 1902 г. узаконил положение о губернских дворянских кассах и их устав [91]. Кассы учреждались во всех губерниях, где были выборные дворянские органы. Правления их избирались дворянскими собраниями и подчинялись собранию предводителей и депутатов и губернскому предводителю. Цель их

заключалась в том, чтобы «оказывать местным потомственным дворянам-землевладельцам содействие: а) в платежах по долгам, обеспеченным залогом их имений, в видах предупреждения продажи этих имений с публичных торгов и б) по случаю разного рода постигших означенных дворян бедственных событий». Причем кассы могли приходить на помощь своим членам не только выдачей ссуд под залог имений, обремененных долгами до 90% их стоимости, но и участием в управлении хозяйствами неисправных заемщиков. Средства касс образовывались из единовременных казенных ассигнований на первоначальное обзаведение (5 млн. руб.), из дворянских капиталов и из ежегодных в течение 10 лет пособий от казны в размерах, равных ежегодным поступлениям от дворянских сборов на эти цели. «Во время жестокого торгово-промышленного кризиса и полного обнищания деревни,— писал, разоблачая антинародный характер этого закона, В. И. Ленин,— когда голодают, недоедают и бедствуют миллионы рабочих и крестьян, нельзя себе и представить, разумеется, лучшего употребления народных денег, как на подачки несчастным гг. дворянам-землевладельцам... Гг. дворяне могут без стеснений делать займы, когда указан такой легкий путь брать на уплату деньги из народного кармана» [92].

Кассы не сыграли, да и не могли сыграть какой-либо существенной роли в сохранении дворянского землевладения, так как нереальна была сама их цель — сохранить имения тех владельцев, которые уже доказали свою хозяйственную несостоятельность. Это было особенно ясно тем собраниям, которые уже имели опыт деятельности собственных сословных касс. Так, курское дворянство в отзыве на проект Министерства финансов указывало, что «все подобные установления бессильны в борьбе с гибельными последствиями чрезмерной задолжности дворянских имений» и из-за недостатка средств, и из-за невозможности найти людей, которые могли бы сделать имения более доходными. Полтавское собрание также считало, что предложенные меры «лишь отсрочат развязку, но не приведут имения в порядок» [93]. Но основная масса помещиков, если и не продолжала слепо верить в возможность выхода из кризиса за счет льготного кредита, то уж во всяком случае не хотела отказываться от возможности получить новые средства из государственного кармана.

---

[89] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 226, л. 1. Справка Особенной канцелярии по кредитной части...

[90] Там же, д. 225, л. 5. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия. Заседание 10, 17 и 24 ноября 1901 г.

[91] ПСЗ, III, т. 22, отд. 1, № 21589.

[92] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 35.

[93] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 226, л. 22. Справка Особенной канцелярии по кредитной части...

*

Другим сословным учреждением, которое общества также пытались использовать для поддержания экономического положения своих членов, была дворянская опека, существовавшая еще с 1775 г. Основным назначением ее было опекунство над несовершеннолетними сиротами, престарелыми и «явными расточителями своих имуществ». Учрежденные по уездам опеки находились в непосредственном ведении председательствовавших в них уездных предводителей и 2—4 заседателей, избиравшихся дворянскими собраниями. С давних пор за ними утвердилась дурная слава из-за злоупотреблений, творившихся опекунами. С преобразованием сословных судов, которым подчинялись все опекунские учреждения, предполагалось их реорганизовать на всесословных началах. Согласно мнению Государственного совета от 17 февраля 1869 г., они были сохранены в прежнем виде лишь временно, «вплоть до издания общего положения об опеках» [94].

В пореформенные годы в правительственных сферах разрабатывался ряд проектов реорганизации опек на всесословных началах. Но ни один из них так и не был осуществлен, в чем немалую роль сыграли активные протесты дворянских собраний. Волна этих протестов поднималась каждый раз, когда очередная комиссия представляла свой вариант проекта. Так, в ответ на предложения работавшей в 60—70-х годах комиссии сенатора М. Н. Любощинского «приурочить» опеки к губернским и уездным земствам, подчинив их мировым учреждениям, более десятка дворянских собраний возбудили ходатайства о сохранении сословного характера опек и отделении их от судебных учреждений. Московское, петербургское и екатеринославское собрания разработали и представили в МВД собственные проекты, предусматривавшие, кроме уездных, еще и губернские дворянские опекунские учреждения. При этом, как отмечалось в журнале московского дворянского собрания от 3 февраля 1875 г., дворянство исходило из того, что «с изменением гражданского и общественного быта России, вследствие великих реформ настоящего царствования, нисколько не изменился ее политический быт, с которым в самой теснейшей связи находится охранение и сохранение дворянством его сословных учреждений, ограждающих его материальные и нравственные интересы, в свою очередь, неразрывно связанные с интересом самого высшего порядка» [95]. В ответ на ходатайства Александр II повелел передать, что пожелания дворянства «будут приняты во внимание» при разработке законопроекта. Вопрос был отложен до предполагавшегося общего пересмотра гражданского законодательства.

В 1884 г. Государственный совет, отметив неудовлетворительное состояние опекунского дела, признал необходимым заняться немедленным его переустройством. Новый проект реорганизации

опек был разработан в 1891 г. комиссией под председательством сенатора Н. И. Стояновского. Непосредственное заведование опеками возлагалось им на мировых судей и земских начальников. Зная о настроении дворянства по этому вопросу, составители подчеркивали, что так как эти должности замещались, как правило, дворянами, то руководящая роль останется за представителями высшего сословия./Проект был разослан на обсуждение дворянских собраний./Реакция была бурной: 24 собрания прислали резко отрицательные отзывы. И вновь наиболее активным противником введения всесословных опек выступило московское дворянство. В докладе предводителей и депутатов губернскому собранию главное внимание уделялось отстаиванию именно сословного характера дворянских опек, упразднение которых представлялось как вопиющее нарушение дворянских прав и привилегий. Было решено в случае поступления проекта в Государственный совет обратиться к императору с просьбой об отмене обсуждения [96].

Аргументы собраний были повторены и в Особом совещании по делам дворянского сословия. По единодушному мнению губернских предводителей, дворянская опека сохранила свою жизнеспособность и оказала сословию важную услугу. По собранным Особым совещанием данным, число дворянских опекунств с 15 670 в 1885 г. увеличилось до 16 429 к 1895 г. К этому времени стоимость имуществ, подведомственных опекам, составляла свыше 243 млн. руб.; валовой доход их достигал 16,1 млн. руб., расход на содержание опекунов и управление имениями — 12,5 млн. руб., а чистый доход — 3,6 млн. руб. Кроме того, общества расходовали на опеку из своих средств ежегодно свыше 0,5 руб.[97] Цифры сами по себе весьма внушительные. чем, видимо, и объясняется столь дружное выступление собраний. Но при этом, помимо экономического, имелся еще один аспект, который в глазах дворянства приобретал не менее важное значение. Собрания, аргументируя свою точку зрения на необходимость сохранения опек, подчеркивали и то, что последние не только заведуют имуществом опекаемых с соблюдением интересов сословия, но и способствуют воспитанию молодежи в дворянском духе. Еще более определенно и резко эта мысль была высказана Комиссией Особого совещания, заявившей, что реорганизации опек на всесословных началах представляет опасность для «нравственности» дворянского сосло-

[94] ПСЗ, II, т. 44, отд. 1, № 46773.

[95] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-Б, 1875 г., д. 21, л. 6—7. Выписка из журнала московского дворянского собрания от 3 февраля 1875 г.

[96] ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 314, л. 9. Доклад по поводу проекта устава об опеках московскому губернскому дворянскому собранию. 1893 г.

[97] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 19, ч. 1, л. 192—193, 208—212. Справка по вопросу о дворянских опеках. 1897 г.

вия. Сохранение крестьянских опекунских учреждений (а это предусматривалось проектом Стояновского) фактически будет означать, указывала комиссия, «слияние опекунских установлений дворянского сословия и городских состояний». А это крайне нежелательно. «Всем известно коренное различие в обычных взглядах лиц дворянской среды и торгового класса на вопросы воспитания молодежи, производительность вызываемых ими расходов, условия жизненной обстановки и т. п.,— отмечалось в ее журнале.— Особенно резко такое различие может проявиться в делах хозяйственных, например при решении вопроса: следует ли продать или сохранить во владении малолетнего имение, хотя и малодоходное, но с которым соединены семейные предания» [98]. Таким образом, еще раз было заявлено о желании обособиться от буржуазного элемента, подчеркнута исключительность высшего сословия. Обобщив отзывы собраний, комиссия предложила устранить подчиненность опек судам, учредить губернские дворянские опеки и расширить их опекунские возможности за счет передачи в их ведение надзора за имениями, заложенными в Дворянском банке.

Такое расширение компетенции опек предлагалось в ходатайствах ряда собраний. Свое крайнее выражение эта идея нашла в проекте херсонского дворянства, составленном в связи с обсуждением в 1897 г. дворянскими собраниями правительственного проекта касс взаимопомощи [99]. Для спасения обремененных задолженностью и расстроенных хозяйств предлагалась передача их в ведение дворянской опеки. Главным учреждением ее должны были стать губернские опекунские советы, избиравшиеся губернскими дворянскими собраниями и наделявшиеся в отношении разорявшихся владельцев почти диктаторскими полномочиями — вплоть до насильственного изъятия и даже отчуждения имений у незадачливых хозяев. Средства совета должны были состоять из дворянских ежегодных складок, возможных доходов от имений, а главное — из казенных субсидий, обеспечивавшихся находившейся в его распоряжении землей. Проект предусматривал возможность выкупа «упорядоченного» хозяйства его прежним собственником или его наследниками, но лишь по усмотрению собрания, которое могло передать его и другим своим членам. Чрезвычайность этих мер, нарушавших все гражданские нормы, оправдывалась интересами дворянства и государства. «Сохранение имения... имеет целью не исключительно личные интересы данного владельца, а интересы всего его рода, интересы дворянского землевладения, задачи сословные и государственные...,— указывалось в проекте.— Собственник с данной точки зрения является лицом, нарушившим общесословные интересы, а потому и могущим подлежать известному юридическому воздействию» [100].

Как справедливо отметил Ю. Б. Соловьев, детально проанализировавший этот документ, проект во всех отношениях находился в вопиющем противоречии с процессами общественного и экономического развития страны в эпоху капитализма [101]. Но именно в силу этого он вопреки утверждению автора не стал и не мог стать общедворянской платформой, хотя и встретил одобрение и поддержку определенных слоев дворянства. На совещании губернских предводителей в ноябре 1898 г. большинство участников, обсуждая этот проект, согласились лишь в принципе, что желательно не допускать продажи задолжных имений, а попытаться привести их в порядок путем передачи в опекунское управление. Но уже тогда были высказаны сомнения в осуществимости этих мер. В частности, тамбовский предводитель кн. Н. Н. Челокаев заявил, что «едва ли люди, отказывающие себе в видах экономии, согласятся платить за тех, кто живет не по средствам». Предводители М. А. Стахович (орловский) и Д. К. Гевлич (пензенский) выразили сомнение в возможности собрать достаточные средства для спасения имений, обремененных задолженностью, сумма которой в некоторых местах в 3 раза превышает дворянские сборы. И наконец, с решительным возражением против принудительности опеки выступила половина участников [102]. К обсуждению проекта предводители возвращались в совещании 23—27 ноября 1899 г., но так и не пришли к какому-либо определенному решению [103]. Постепенно его заслонил вопрос о создании губернских касс взаимопомощи. Часть пожеланий дворянских собраний — о передаче задолжных имений в ведение сословных учреждений, о казенных пособиях и ссудах — была учтена в положении о кассах. В остальном же судьба дворянских опек оставалась пока нерешенной. Правительство лишь изъяло из их ведения дела о наложении опек на имения дворян «за безмерную и разорительную роскошь» [104].

*

И наконец, особое значение в рассматриваемый период приобрела деятельность обществ в деле воспитания и образования дво-

[98] Там же, д. 14, л. 30 об. Журнал Комиссии Особого совещания, № 2. 1900 г., март — май.

[99] ГАУО, ф. 477, оп. 3, д. 124, л. 1—18. Заключительное совещание предводителей и депутатов херсонского дворянства для обсуждения проекта дворянских касс взаимопомощи (копия). 1898 г.

[100] Там же, л. 3, 7.

[101] *Соловьев Ю. Б.* Указ. соч., с. 346—350.

[102] ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 440, л. 1—2. Памятная записка о совещании губернских предводителей 16—18 ноября 1898 г.

[103] Там же, л. 41—52. Памятная записка о происходившей 23—27 ноября 1899 г. беседе некоторых губернских предводителей.

[104] ПСЗ, III, т. 22, отд. 1, № 21641.

рянской молодежи. Как поставщик командных кадров для государственного аппарата и вообще в силу своего особого положения дворянство уделяло большое внимание этим вопросам. По данным, собранным Особым совещанием через губернских предводителей и Министерство просвещения, общая сумма дворянских расходов на эти цели по 32 губерниям составила с начала XIX в. и по 1898 г. около 21 млн. руб. единовременных вкладов и в среднем по 371,8 тыс. руб. ежегодных. Из этих сумм дворянские общества внесли единовременно 13,4 млн. руб. и около 278,8 тыс. ежегодно; остальное приходилось на долю пожертвований отдельных лиц [105]. Бóльшая часть этих капиталов была внесена еще в дореформенную эпоху при учреждении учебных заведений. Взамен дворяне пользовались преимущественным правом при помещении в них своих детей, часть которых, в основном из «недостаточных» семей, обучалась и воспитывалась бесплатно, числясь дворянскими стипендиатами. Предпочтение отдавалось закрытому типу заведений, среди которых наиболее распространенными были кадетские корпуса. Почти при каждой гимназии учреждены были (преимущественно на дворянские капиталы) пансион-приюты — сословные закрытые общежития со специальным штатом воспитателей. Были и попытки, правда немногочисленные, организовывать на средства обществ так называемые дворянские институты — сословные средние общеобразовательные заведения. Пансион-приюты, дворянские институты находились в ведении предводителей дворянства и почетных попечителей, избиравшихся собраниями. Попечители входили и в состав педагогических советов тех учебных заведений, в учреждении которых дворянство участвовало своими капиталами.

Буржуазные преобразования 60—70-х годов не могли не затронуть деятельности обществ в этой области. Ряд дворянских собраний прямо высказался против закрытых сословных учебных и воспитательных заведений. Бóльшая часть пансион-приютов и дворянских институтов была ликвидирована, другая — утратила исключительно сословный характер. Некоторые собрания, поддавшись новым веяниям, аргументировали свои решения принципиальным несогласием со старой системой образования, понимая, что для удержания за сословием господствующих позиций необходимы другие, соответствующие новой эпохе формы. Так, полтавское дворянство в 1866 г. высказалось против восстановления закрытого несколько ранее пансион-приюта и против сбора средств на учреждение кадетского корпуса именно в силу того, что «оно не вполне сочувствует закрытым заведениям» [106]. Однако чаще истинной причиной ликвидации этих сословных заведений, прикрываемой громкими фразами о причастности к прогрессу, было отсутствие достаточных средств для их содержания и перестройки в связи с новыми требованиями, выдвигавшимися

жизнью. К 1866 г. именно по этой причине были закрыты 10 пансион-приютов и дворянских институтов. Оставшиеся в распоряжении обществ капиталы предполагалось использовать для выдачи стипендий [107]. В других случаях дворянские собрания — смоленское, симбирское, нижегородское, новгородское, ярославское — высказывались за принятие в пансионы и институты детей недворянского происхождения, за передачу их в ведение земств или Министерства просвещения, предполагая таким образом привлечь дополнительные средства на содержание этих заведений и рассчитаться с недоимками [108].

Такое положение никак не могло устроить правительство. Еще в 1864 г. Министерство просвещения обратилось ко всем губернским и уездным предводителям с призывом принять меры к сохранению пансионов. Ставший в 1866 г. во главе министерства Д. А. Толстой решительно высказался не только за сохранение дворянских сословных заведений, но вообще за восстановление прежней закрытой системы образования, чтобы таким путем улучшить просвещение дворянства, «дабы оно могло идти в уровень с совершенными великими преобразованиями» [109]. В этом его поддержал и Александр II. Когда в декабре 1872 г. владимирское собрание приняло постановление о закрытии пансиона при гимназии и об использовании процентов с освободившегося капитала на выдачу стипендий, министр решительно высказался против этой меры, указав, что «желание дворянства не может быть осуществлено для его же блага». По этому поводу Толстой сделал представление императору, который заявил, что и ему «прискорбно было узнать об этом постановлении владимирского дворянства» [110]. В результате постановление собрания было отменено. Однако вплоть до начала 80-х годов ликвидация сословных учебно-воспитательных заведений продолжалась.

Уже с середины 70-х годов в среде дворянства возникает определенный поворот в пользу восстановления закрытых учебных

---

[105] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 8, л. 14—16. Справка о пожертвованиях дворянства на нужды просвещения (на 23 ноября 1898 г.).

[106] *Павловский И. Ф.* Указ. соч., с. 135, 153—154.

[107] Северная почта, 1866, № 67.

[108] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1116, л. 62—65. Копия постановления смоленского дворянского собрания, декабрь 1864 г.; ГАУО, ф. 477, оп. 1, д. 384, л. 37. Журнал совещания предводителей и депутатов дворянства Симбирской губернии от 26 октября 1899 г.; ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-А, 1876 г., д. 2, л. 16. Копия постановления нижегородского дворянского собрания от 12 декабря 1875 г.; д. 41, л. 12—13. Копия постановления новгородского дворянского собрания от 27 апреля 1876 г.

[109] *Павловский И. Ф.* Указ. соч., с. 133—134.

[110] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-А, 1873 г., д. 7, л. 65—73. Отношение министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого министру внутренних дел А. Е. Тимашеву от 5 мая 1873 г.

заведений и пансион-приютов на прежней сословной основе. В этом сыграли свою роль и падение удельного веса представителей высшего сословия в государственном аппарате и среди учащихся, причину чего дворянские собрания усматривали главным образом в возросшей стоимости обучения и конкуренции со стороны городских сословий, и увеличение слоя «недостаточных» дворянских семей, и общая неприспособленность дворянства к новым условиям. Все большее беспокойство и самих дворян, и правительства вызывал рост среди определенной части дворянской молодежи либеральных и демократических настроений. Все это привело к тому, что теперь некоторые дворянские собрания ставят вопрос о возвращении к старому типу учебных и воспитательных заведений, которые не только давали бы учащимся нужные знания, но и воспитывали их в традиционном дворянском духе.

Начало практическим шагам в этом направлении положило московское дворянство, принявшее в январе 1875 г. решение об открытии Петровско-Александровского пансион-приюта. Учредители ставили целью путем использования части средств от обложения городской недвижимости помочь «недостаточным» дворянам-землевладельцам в воспитании и обучении их потомства. При этом предполагалось со временем придать пансиону общероссийский характер, предоставив часть мест в распоряжение других дворянских обществ. Помимо благотворительных целей, это учреждение, как отмечал в своем выступлении губернский предводитель кн. А. В. Мещерский, должно было помочь в борьбе «против язв социальных идей» [111]. Такое намерение не только заслужило высочайшее одобрение, но и было поддержано правительством материально: в распоряжение московского дворянства было передано здание запасного царского дворца, воспитатели получили право на чины и казенную пенсию [112].

В марте 1891 г. министр просвещения И. Д. Делянов обратился ко всем губернским предводителям, указывая на необходимость учреждения закрытых пансионов и интернатов для дворянских детей. При содействии Министерства просвещения сословные пансион-приюты были учреждены в Курске, Саратове, Калуге, Орле. И все же к середине 90-х годов насчитывалось всего 8 таких заведений, содержащихся на дворянские капиталы [113]. Причины такой их малочисленности оставались прежними — отсутствие достаточных средств у обществ при быстром росте малоимущих групп сословия и разногласия в среде дворянства по вопросу о целесообразности возвращения к старой учебно-воспитательной системе. Даже в собраниях, принявших решение об образовании для этих целей специальных фондов, баллотировка выявила довольно значительное число противников.

Более единодушно дворянство было в вопросе об учреждении сословных стипендий. К середине 90-х годов по данным 28 обществ, на проценты от дворянских капиталов и в счет ежегодных сборов было учреждено 1889 стипендий (1558 мужских и 331 женская), 186 лиц получали пособия для подготовки к поступлению в учебные заведения [114]. Но опять-таки, несмотря на все усилия обществ, средств было явно недостаточно, чтобы удовлетворить всех претендентов на пособия. В целом процент дворян, пользовавшихся ими, был невелик. Так, в московском пансион-приюте, самом крупном из подобных дворянских заведений, в 1889 г. насчитывалось всего 75 воспитанников, из которых лишь 41 был полным стипендиатом дворянства [115]. Остальные были рассчитаны на 20—30 воспитанников. В одной же только Тульской губернии, по сообщению губернского предводителя, насчитывалось 505 дворянских семей, которые не могли дать своим детям элементарного образования [116].

Активность обществ в этом вопросе приобрела особый размах с началом работы Особого совещания по делам дворянского сословия. В ответ на предложение председателя совещания высказаться о мерах, необходимых для улучшения воспитания и образования дворянской молодежи, губернские предводители от имени дворянских собраний представили свои соображения, затрагивающие весьма широкий круг проблем. Их отзывы уже в который раз продемонстрировали отсутствие у дворянских обществ единой точки зрения по существу проблемы, в том числе и по вопросу о характере пансион-приютов. Так, владимирский, екатеринославский, казанский, нижегородский, самарский, харьковский, воронежский предводители высказались за общежития или интернаты исключительно сословного характера, которые обеспечили бы воспитание молодежи в духе преданности «царю, вере и отечеству». Костромской, пензенский, полтавский, тамбовский, тверской предводители считали, что этой цели могут отвечать и всесословные интернаты. Но при всех расхождениях дворянские общества были единодушны в одном — государство долж-

---

[111] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-Б, д. 63, л. 11—12. Стенограмма заседания московского дворянского собрания от 10 января 1872 г.

[112] Устав Петровско-Александровского пансион-приюта дворянства Московской губернии. М., 1900.

[113] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 231, л. 66—67. Подробный перечень учебных заведений и стипендий, содержимых дворянством 28 губерний.

[114] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 231, л. 66—67. Подробный перечень учебных заведений и стипендий, содержимых дворянством 28 губерний.

[115] Справочник по учреждениям московского дворянства. М., 1914, с. 20.

[116] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 36, л. 8. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия № 7, 1899 г.

но принять участие в расходах на эти цели. И если раньше в пользу такого решения проблемы раздавались отдельные голоса, то теперь предводители с непоколебимой уверенностью в своей правоте заявляли, что такое решение — единственно возможное. «Тут речь идет не о подачках, а о воспитании будущего всего служилого сословия для пользы государства, и потому средства для этого должно давать государственное казначейство,— утверждали они.— Как бы ни был велик... расход, он должен быть принят, как неизбежная необходимость: это подготовка охраны для спокойного развития России на исторических началах» [117].

Отвергнув большинством голосов слишком «выдающиеся» своей реакционностью дворянские проекты, Особое совещание в целом все же сочувственно отнеслось к ходатайствам собраний. Нашли они поддержку и в Государственном совете. В итоге последовал указ от 25 мая 1899 г., согласно которому обществам предоставлялось право учреждать с пособием от казны пансионприюты для воспитанников средних учебных заведений из сыновей потомственных дворян, устанавливать стипендии в высших и средних учебных заведениях [118]. Казна брала на себя единовременный расход в 3 млн. руб. на учреждение пансион-приютов и в дальнейшем должна была ежегодно вносить половину сумм, необходимых на их содержание, а также нести половину расходов на учреждение дворянских стипендий в учебных заведениях. Другая половина расходов возлагалась на дворянские общества. Кроме того, предполагалось учредить в двух новых кадетских корпусах 415 бесплатных мест в дополнение к 585, содержавшихся на средства обществ, на что требовалось ежегодно еще по 186,7 тыс. руб. Морское министерство намечало увеличить число воспитанников морского кадетского корпуса, куда принимались преимущественно сыновья потомственных дворян, с 320 до 600 человек. Предполагалось также учредить в Воронеже и Костроме 2 дворянских института по 250 воспитанниц в каждом для дочерей потомственных дворян. Первоочередное право пользоваться всеми этими льготами предоставлялось детям дворян, внесенных в местные родословные книги и занимавших выборные дворянские и земские должности, а также должности по крестьянскому управлению. Затем ими могли пользоваться дети «недостаточных» дворян, но не вообще, а только живших в своих имениях и занимавшихся сельским хозяйством.

С целью облегчить детям этих дворян поступление в юнкерские училища был принят закон 2 апреля 1903 г. об учреждении дворянских кадетских школ [119]. Предложение это внесло тульское дворянство, рассчитывавшее помочь таким образом семьям, которые не могли дать детям даже начального образования. Идея была поддержана Особым совещанием по делам дворянского сословия, которое увидело в этом и способ усиления дворянского

элемента в армии, и меру по возрождению «захудалых» дворянских родов [120]. В результате с высочайшего «соизволения» 27 мая 1903 г. последовал приказ по военному ведомству, согласно которому собраниям предоставлялось право ходатайствовать об открытии дворянских кадетских школ. Казна брала на себя единовременные расходы на их учреждение (до 150 тыс. руб. на каждую) и ежегодные пособия в размере от $^1/_2$ до $^3/_4$ всех штатных издержек. Остальные расходы должны были взять на себя дворянские общества. Школы представляли собой закрытые начальные общеобразовательные заведения с 5-летним сроком обучения. Выпускники их подлежали зачислению без экзаменов в юнкерские училища, а лучшие из них — в 6-й класс кадетских корпусов.

Дворянские общества довольно широко воспользовались законом о пансион-приютах. По сведениям министерства финансов, только казенные расходы на их учреждение составили в 1900 г. 2 млн. руб., в 1901 и 1902 гг. по 1 млн. руб.[121] Вскоре казна взяла на себя и пенсионное обеспечение воспитателей пансион-приютов, что ранее возлагалось на дворянство. Заботой обществ стало всемерное увеличение в составе воспитанников доли детей помещиков. Ранее учреждаемые пансионы этой цели не достигли. Так, около 80% воспитанников московского пансион-приюта принадлежали к числу безземельных малоимущих дворян. При обсуждении этого вопроса губернскими предводителями предлагалось прекратить прием в них детей личных дворян [122]. Симбирское дворянство решило усилить пункт правительственного устава пансион-приютов, регламентировавший состав их воспитанников, специальным указанием на то, что право на помещение в приют имеют «малолетные дворяне, коих отцы и деды по мужской линии владели землей в губернии» [123].

Вопрос же об учреждении кадетских школ так и остался открытым. Дворянство пыталось заставить правительство раскошелиться на создание более дорогих учебных заведений типа кадетских корпусов, ограничив свое участие минимальными расходами.

---

[117] ЦГИА СССР, ф. 586, оп. 1, д. 138, л. 132—133. Записка управляющего делами Особого совещания А. Стишинского. 1897 г.

[118] ПСЗ, III, т. 19, отд. 1, № 16950.

[119] ПСЗ, III, т. 23, отд. 1, № 22766.

[120] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, II дел-во, 1903 г., д. 36, л. 9—10. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия, № 7, март 1899 г.

[121] ЦГИА, ф. 1283, оп. 1, II дел-во, 1903 г., д. 36, л. 89. Отзыв министра финансов С. Ю. Витте на представление военного министра. 25 июня 1902 г.

[122] ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 440, л. 43, 87. Памятная записка о проходившей в Москве 23—27 ноября 1899 г. беседе некоторых губернских предводителей.

[123] ГАУО, ф. 477, оп. 1, д. 384, л. 60. Проект устава симбирского дворянского пансион-приюта. 1901 г.

Однако военное ведомство, сославшись на отсутствие средств, отвергло эти домогательства.

Вскоре обнаружилось, что принятые правительством меры уже не удовлетворяют высшее сословие. В среде дворянства всерьез обсуждались вопросы то об открытии сословных общежитий для студентов вузов, то вообще об учреждении на средства обществ сословных закрытых учебных заведений. На совещании предводителей дворянства Московской губернии в феврале 1898 г. стоял вопрос об организации закрытых гимназий для детей дворян, живших в деревне и несших поместную службу [124]. Это же предложение обсуждалось на совещаниях губернских предводителей. И если в ноябре 1898 г. отмечалось, что «отдельные сословные среднеучебные заведения не могут... удовлетворить общей потребности всего числа учащихся и к тому же среди многих почтенных представителей дворянства мнения о целесообразности обособленной сословной школы расходятся существенным образом», то уже в октябре 1904 г. господствующей стала мысль о необходимости именно закрытых сословных заведений [125]. Было предложено с этой целью создать фонд на средства объединенного дворянства для учреждения специальных учебных заведений в сельских местностях. Все 18 предводителей, участвовавших в совещании, сочувственно отнеслись к этому проекту и решили обратиться с воззванием к дворянским собраниям.

*

Итак, в целом за пореформенное сорокалетие структура и компетенция дворянских корпоративных органов не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. Дворянские общества были и продолжали оставаться организациями среднего и крупного поместного и высшего слоя «служилого» дворянства, что достигалось цензовыми условиями участия в собраниях, изменение которых всегда отвечало интересам именно этой части сословия.

Внутрисословная деятельность дворянской корпорации в рассматриваемый период была подчинена главной задаче — любой ценой удержать господствующие позиции высшего сословия. Необходимым условием этого прежде всего было сохранение и расширение его социально-экономической базы. Эту проблему общества пытались решить путем концентрации всех своих материальных ресурсов, привлечением казенных субсидий для сохранения дворянского землевладения и для обеспечения приспособления помещичьих имений применительно к новым условиям, а также путем «одворянивания» капитала, и в первую очередь землевладельческой буржуазии. Фактически, несмотря на сословную «оболочку», деятельность обществ в этом плане отражала закономерный процесс классовой консолидации, оборотной стороной ко-

торого было разложение сословия на классы капиталистического общества.

Однако пережитки сословности, пронизывавшие социально-экономическую и политическую жизнь страны, олицетворением которых была и сама дворянская корпорация, не могли не оказать влияния на этот процесс. При анализе документов дворянских обществ по внутрисословным вопросам отчетливо прослеживается наличие в собраниях либерального, консервативного и воинственно-реакционного лагерей. Наиболее активными были два крайних крыла. Если либералы стремились так или иначе учитывать потребности капиталистического развития и применяться к новым условиям, то реакционное дворянство всеми силами пыталось противостоять закономерностям и последствиям этого развития, затормозить его, подчинить своим узкокорыстным интересам. Ограничением доступа в сословие и его корпоративные организации, искусственным обособлением даже от наиболее близких ему в социально-экономическом отношении буржуазных элементов, всемерной поддержкой помещиков, уже показавших свою экономическую несостоятельность и нежизнеспособность, возрождением сословной системы воспитания и образования дворянской молодежи эти слои дворянства пытались сохранить сословие в виде, возможно более близком к дореформенному. Для большинства же участников собраний, среди которых были и лица, понимавшие неизбежность буржуазного развития, видимо, характерно было настроение, отмеченное еще В. И. Лениным при анализе одного из постановлений орловского дворянства («зачем ускорять превратность времен?»). «Предрассудки вымирают и без того,— писал В. И. Ленин о настроении собрания,— зачем же ускорять их вымирание...» [126]

Все же голос реакционного дворянства звучал громче, его предложения чаще находили отражение в постановлениях собраний. И здесь нельзя недооценивать влияния самой корпоративной организации, всячески поддерживавшей сословный дух, старую социальную психологию. «Пока русский дворянин заседает в мундирном собрании своего сословия,— указывал бывший полтавский губернский предводитель П. Устимович,— он считает себя чуть ли не современником Екатерины» [127]. Это же обстоятельство отмечал и «Вестник Европы», писавший, что «дворянин,

---

[124] ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 350, л. 1—7. Протокол частного совещания у губернского предводителя дворянства П. Н. Трубецкого. 20 февраля 1898 г.

[125] ЦГАМ, ф. 380, оп. 3, д. 97, л. 9—10. Запись беседы губернских предводителей дворянства 11 января 1904 г.; оп. 4, д. 440, л. 96. Заметки частного совещания губернских предводителей 16—19 ноября 1898 г.

[126] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 419—420.

[127] *Устимович П.* Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве. М., 1886, с. 63.

замкнутый в корпоративные рамки, и дворянин, от них свободный — далеко не одно и то же: первому значительно труднее говорить и поступать по убеждению, отряхнув с себя бремя односторонних взглядов...» [128]. К тому же на собраниях присутствовала сравнительно незначительная часть дворян даже из имевших право голоса. Еще меньшее число принимало активное участие в их делах. Такой индифферентизм объяснялся рядом факторов — и определенной аморфностью дворянских обществ, и неосознанием, видимо, бо́льшей частью их членов необходимости организации, косностью, рутинностью взглядов значительной массы помещиков, их барской леностью, и тем, что наиболее активная и предприимчивая часть дворян предпочла избрать сферой своей деятельности другие общественные и предпринимательские объединения и т. д. Но главным было то, что мнение наиболее ревностных сторонников сохранения сословия в его старорежимном виде, даже если они оказывались в меньшинстве, чаще учитывалось правящими верхами.

Самодержавие, сделав ставку на сохранение своей прежней социальной опоры, в значительной мере удовлетворило притязания дворянских собраний. Оно увеличило им материальную помощь, что фактически вело к сращиванию государственных и сословных органов (дворянские банки, кассы взаимопомощи, пансион-приюты, школы, пенсионное обеспечение выборных дворянских. должностных лиц и персонала сословных заведений и т. д.), превращению последних в ряде случаев в полугосударственные учреждения. Но, санкционировав возникновение новых сословных органов и некоторое расширение компетенции дворянских обществ, самодержавие тем не менее по-прежнему регламентировало почти всю их деятельность.

[128] Вестник Европы, 1886, кн. 2, с. 869.

Глава четвертая

ДВОРЯНСТВО И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Удельный вес потомственных дворян в общей численности классных чиновников системы местного управления пореформенной России, составлявший к концу XIX в. около 30%, казалось бы, был невелик[1]. Однако здесь количественная характеристика далеко не исчерпывает истинного положения дела, не дает представления о роли высшего сословия в этом звене государственного аппарата. И не только потому, что в руках представителей дворянства были сосредоточены почти все ответственные должности, в сфере влияния которых находились огромные массы населения. Важно то, что это звено управления в областях, наиболее близких к интересам основного ядра сословия — поместного дворянства, находилось под влиянием и даже в определенной зависимости от дворянских обществ, что составляло весьма важную часть юридического и политического статуса сословия.

Участие дворянских обществ в местном управлении предусматривалось законодательством и заключалось как в особой роли в губернской и уездной администрации предводителей дворянства, в праве дворянских собраний выбирать или предлагать своих кандидатов для замещения ряда местных должностей, так и в праве их ходатайствовать перед властями об устранении злоупотреблений и различного рода «неудобств, замеченных в местном управлении». До отмены крепостного права, помимо того что в руках помещиков была вся полнота вотчинно-полицейской власти, по их выбору замещались почти все посты по общему судебному и полицейскому управлению — председатели и заседатели палат уголовного и гражданского суда, судьи и заседатели уездных и совестных судов, земские исправники, заседатели земских судов. Кроме того, губернские собрания составляли списки дворян и чиновников, которые могли бы занять вакантные места становых приставов. Списки передавались губернатору для «надлежащих в нужном случае соображений». Полицейским функциям помещиков самодержавие придавало особое значение. Николай I прямо заявил на одной из встреч с представителями сословия:

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 222, л. 9—21, 23. Ведомость о служащих в гражданских ведомостях на 1 января 1897 г.

«Вы — моя полиция. Каждый из вас мой управляющий и должен для спокойствия государства доводить до моего сведения все дурные действия и поступки, какие он заметит» [2]. Не случайно парадным мундиром провинциального дворянства была форма МВД. В руках собраний были и раскладка земских повинностей, и выборы попечителей хлебных запасных магазинов, непременных членов в комиссии продовольствия, почетных попечителей гимназий и т. д. [3]

Правом избирать в должности располагали те же обладатели ценза, необходимого для участия во внутрисословных выборах. Быть же избранными формально могли все потомственные и личные дворяне, но с учетом требований, предъявляемых к кандидатам на замещение определенных должностей.

В результате реформ 60—70-х годов почти все эти выборные должности были упразднены. Из дореформенных прав собраний осталось лишь составление списков кандидатов в становые. Но взамен был учрежден целый ряд новых должностей, также замещавшихся по преимуществу представителями высшего сословия. Все эти преобразования не привели к утрате дворянами личных служебных прав: они по-прежнему сохраняли преимущества при занятии должностей по местному управлению. Но порядок их замещения и компетенция собраний в этих вопросах претерпели определенные изменения.

1. ДВОРЯНСТВО И ОРГАНЫ МЕСТНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Мировые институты. С отменой крепостного права проблема становления и регулирования отношений между вчерашними душевладельцами и их бывшими крепостными выходит на первый план в правительственной политике и деятельности дворянских органов. Вводя новую регламентацию отношений помещиков и крестьян, правительство оказалось перед необходимостью создания учреждений, которые взяли бы на себя реализацию крестьянской реформы. Такая система органов была предусмотрена «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждений», вошедшим в комплекс актов реформы 19 февраля 1861 г.[4] Главной частью этой системы был институт мировых посредников, на который и возлагалась задача введения в действие крестьянских положений. В дореформенной [5] и советской [6] историографии этой теме уже уделено определенное внимание. Особенно детально рассмотрены деятельность посредников по введению уставных грамот и правительственная политика в отношении этого института. Поэтому мы остановимся главным образом на вопросах, освещающих взаимоотношения органов местного крестьянского управления и дворянских обществ.

Должность посредника предусматривалась «Положением» как выборная и оплачиваемая. Содержание было сравнительно невелико (1500 руб.) и выплачивалось из сумм земского обложения. Оно и не должно было играть решающей роли в привлечении кандидатов на эту должность. Занятие ее обусловливалось сословным, имущественным и образовательным цензами. Преимущественное право ее замещения предоставлялось местным потомственным дворянам-помещикам, владевшим не менее 500 дес. земли, хотя и в разных губерниях. Земельный ценз снижался до 150 дес., если кандидат имел высшее образование. Предусматривались и другие случаи снижения ценза при недостатке кандидатов, отвечавших перечисленным требованиям. Так, могли быть избранными и потомственные дворяне, не имевшие высшего образования, но владевшие не менее 150 дес. земли, в том числе и не внесенные еще в местные родословные книги, и даже личные дворяне, но при условии двойного полного ценза. Все эти оговорки были рассчитаны прежде всего на формирование контингента посредников в губерниях, где по тем или иным причинам не было дворянских собраний.

Выбор посредников предоставлялся местным дворянским обществам и губернаторам. Порядок проведения их был довольно сложен. Уездные предводители составляли списки всех местных дворян, удовлетворявших цензовым условиям, и представляли их на рассмотрение уездных собраний. Собрания вносили в них уточнения и определяли количество и границы мировых участков, а следовательно, и необходимое число посредников. Далее губернаторы «по соглашению» с предводителями отбирали из списков наиболее подходящих кандидатов и посылали на них представление в Сенат, который и утверждал их в должности. Сенату принадлежало и право налагать на посредников взыскания — вплоть до увольнения, но только после судебного разбирательства и вынесения приговора. Таким образом, посредники выводились из-под прямого подчинения губернской администрации и

---

[2] Русская старина, 1883, кн. IX, с. 594—596.

[3] Свод законов..., 1857, т. 3, кн. 2, ст. 2—6.

[4] ПСЗ, II, т. 36, отд. 1, № 36660.

[5] *Корнилов А. А.* Деятельность мировых посредников.— В кн.: Великая реформа. М., 1911, т. 5, с. 237—252; *Страховский И. М.* Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г.— В кн.: Крестьянский строй. СПб., 1905, т. 1, с. 371—455; *Катаев М. М.* Местные крестьянские учреждения 1861, 1874 и 1889 гг. СПб., 1911—1912. Ч. 1—3.

[6] *Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, с. 88—135; *Чернуха В. Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.). Л., 1972, с. 25—69; *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978, с. 28—41; и др.

даже МВД, а по классу должности уравнивались с уездными предводителями. Такая самостоятельность, видимо, должна была не столько придавать этой должности значение почетной и служить средством привлечения к занятию ее состоятельных дворян, как это часто трактовалось в дореволюционной литературе, сколько обеспечивать возможность исполнения посредниками своих обязанностей.

А обязанности их действительно были обширны и сложны, соединяя функции административной, полицейской и судебной власти. В их ведении были: составление, проверка и введение в действие уставных грамот; наблюдение за определением наделов и повинностей крестьян, вытекавших из их временнообязанного положения; обеспечение исправного выполнения этих повинностей; оформление выкупных сделок, взыскание с крестьян выкупных платежей; рассмотрение в качестве первичной инстанции конфликтов между помещиками и крестьянами. Кроме того, на них возлагались обязанности по организации сельского и волостного крестьянского самоуправления и контроль за деятельностью крестьянских должностных лиц и сходов. В этом отношении посредники унаследовали частично вотчинную власть помещиков, получив право наложения на крестьян штрафов, заключения под арест и наказания розгой. И наконец, на них было возложено судебно-полицейское разбирательство конфликтов между лицами всех сословий по вопросам найма сельскохозяйственных рабочих, по аренде земель, потравам, порубкам и т. п.

Инстанцией второго порядка были периодические уездные мировые съезды, проходившие под председательством уездных предводителей с участием всех посредников уезда и членов от правительства, назначавшихся МВД. Мировые съезды рассматривали спорные дела, жалобы на решения посредников, вопросы, связанные с введением уставных грамот и т. п. Губернской инстанцией были губернские по крестьянским делам присутствия. В них входили: от администрации — губернаторы (в качестве председателей), управляющие палатами государственных имуществ и прокуроры; от дворянства — губернские предводители и по 4 члена, два из которых избирались местными дворянскими собраниями и два «приглашались» МВД из местных помещиков. Присутствия разбирали жалобы на решения посредников и мировых съездов, дела по добровольному соглашению крестьян и помещиков, спорные вопросы при введении некоторых уставных грамот и различные дела губернского масштаба.

«Положение» первоначально распространялось на 43 губернии Европейской России. Некоторые особенности при организации этих учреждений предусматривались для Бессарабской, Ставропольской губерний, Донской области, Сибири, а позднее для Тифлисской и Кутаисской губерний[7]. В количественном отношении

состав их не был постоянен. В пору расцвета, в конце 1862 г., насчитывалось несколько более 1700 посредников и 404 мировых съезда [8]. Затем в силу разного рода причин численность их постепенно сокращалась. Как и предусматривалось «Положением», подавляющее большинство в новых учреждениях составляли потомственные дворяне-помещики, особенно в великорусских губерниях — местностях с традиционными дворянскими собраниями. Бóльшая часть посредников и членов губернских присутствий от дворянства являлась прямым ставленником помещиков, меньшая — тоже в основном из местных дворян-землевладельцев — назначалась по рекомендации правительственных органов. И наконец, незначительную часть составляли чиновники, особенно в местностях, где не было дворянских собраний,— в Вятской, Вологодской, Олонецкой, Пермской губерниях. Таким образом, реализация крестьянской реформы фактически была отдана в руки самих помещиков, в чем еще раз проявилась классовая сущность российского самодержавия.

Но, как ни странно, институт посредников, созданный главным образом из помещиков и для защиты помещичьих интересов, пришел в неожиданное столкновение как с помещиками, так и с определенной частью правящих верхов. Причин тому было много. Важнейший комплекс их крылся в самом характере созданных учреждений, в их предназначении как органов реализации крестьянской реформы, условия которой первоначально вызвали недовольство значительной части помещиков. Это недовольство реформой дворянство перенесло и на посредников [9]. В фонде земского отдела МВД находятся многочисленные жалобы некоторых дворян и дворянских собраний на действия посредников. Характер жалоб в основном соответствует периодам, на которые подразделяется деятельность мировых учреждений.

В 1861—1863 гг., когда главным в их работе были составление и введение уставных грамот, основными претензиями к ним были обвинения в нарушении «законных» прав владельцев при отводе крестьянских наделов, установлении размеров повинностей, в «пристрастии», «попустительстве» и даже «подстрекательстве» крестьян к неповиновению, в недостаточно решительных мерах по пресечению крестьянских волнений и т. п. Правительство знало о неосновательности дворянских претензий. И тем не менее жалобы их не оставались без внимания. Ряд помещичьих домогательств получили поддержку П. А. Валуева, занявшего в апреле 1861 г. пост министра внутренних дел. Здесь сыграли роль

[7] *Катаев М. М.* Указ. соч., ч. 2, с. 78; Северная почта, 1864, № 258.
[8] Северная почта, 1862, № 7.
[9] *Дружинин Н. М.* Сенатские ревизии 1860—1870-х годов. (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) — Исторические записки, т. 79, с. 152; *Чернуха В. Г.* Указ. соч., с. 30—38.

и ведомственные разногласия: Валуев стремился ликвидировать особое положение посредников, добиться сменяемости их административным путем и подчинения контролю МВД. С этого времени, писал в своих воспоминаниях А. Н. Куломзин, слывший в то время одним из либеральных посредников Нижегородской губернии, «в крестьянском вопросе произошел крутой поворот». «Доходившие до центра вопросы разрешались не согласно с буквальным смыслом и духом положения,— отмечал он,— заметно было стремление ограничить дарованные крестьянские права и дать преобладание не всегда основательным претензиям помещиков» [10]. Под влиянием этой перемены доформировывался и контингент посредников. Уже в мае 1861 г. один из активных деятелей реформы Н. А. Милютин вынужден был констатировать: «Назначение мировых посредников попало в руки помещиков» [11].

Соотношение сил между лагерями в губерниях по ряду причин первоначально складывалось различным образом, но исход, как правило, был один — верх брала продворянская ориентация. Конфликты между мировыми учреждениями, губернской администрацией (в тех случаях, когда они стремились следовать букве закона) и дворянскими собраниями стали принимать самый резкий характер. Типична в этом отношении ситуация, сложившаяся в Калужской губернии.

Местный губернатор В. А. Арцимович, хотя и следовал циркуляру МВД от 22 марта 1861 г. об отборе лиц на должность мировых посредников, все же вынужден был послать на утверждение в Сенат список, в котором преобладали кандидаты от дворянства. Несмотря на все его усилия, среди посредников и членов губернского присутствия оказались лица, отличавшиеся, как впоследствии писал губернатор во всеподданнейшем отчете, «явною приверженностью к крепостному порядку», которые «видели во всяком заявлении крестьян не жалобу или просьбу освобожденного человека, а дерзостное неуважение к помещику и возмущение» [12]. Следует отметить, что такая реакция на недовольство крестьян была вообще весьма характерна и для помещиков, и для губернской администрации, что вынуждено было признать даже МВД. «Они требовали,— продолжал Арцимович,— подавления всякого рода заявлений крестьян силою и прежними приемами крепостного произвола, без предварительного разбирательства и проверки этих заявлений» [13]. Причем даже лучшие из помещиков, с сожалением отмечал губернатор, «не могли сразу привыкнуть к приемам мирового суда, уравнивающим оба сословия перед мировыми властями и так резко отличающимися от прежних форм и обрядов. С этой стороны мировая власть все еще будет возбуждать неудовольствие» [14]. Судя по отчету и другим материалам, местная администрация и посредники не останавливались перед насильственными мерами в отношении крестьян:

они не только заставляли их отрабатывать повинности, накладывали штрафы и продавали за недоимки имущество должников, но и вызывали воинские и полицейские команды, устраивали массовые порки недовольных. Но этого для помещиков, видимо, было недостаточно. «Вестник Европы» впоследствии писал, что как бы ни администрировал посредник, «все-таки он не мог превзойти сокрушительной силы дореформенного исправника или станового пристава», что «приходя на смену помещичьему и полицейскому произволу, власть мирового посредника, из каких бы элементов она ни состояла, должна была показаться образцом законности и правильности» [15]. С этим не могла смириться психология вчерашних крепостников. Уездные предводители нередко сами становились во главе вызванных ими команд и творили свой суд над крестьянами. Этому содействовали и земские исправники, выбиравшиеся дворянством вплоть до 1862 г.

Попытки администрации и части посредников ограничить помещичий произвол были встречены в штыки. Председательствовавшие в мировых съездах предводители, по сообщению Арцимовича, стремились «поставить новую мировую власть в зависимость от себя и тем дать преобладание исключительно сословному направлению». Все предводители ходатайствовали о предоставлении им права протеста против неугодных дворянству решений, принятых съездами, выступали с защитой обвинявшихся в неподчинении закону помещиков. Объясняя их особую заинтересованность в оказании давления на мировых посредников, Арцимович отмечал как зависимость предводителей от настроений их избирателей, так и вообще особенность этого института: «Как власть, созданная и отвердевшая при существовании крепостного права и привыкшая поддерживать бесправие среди подведомственного населения,— писал он,— предводители не могут сочувствовать органам нового порядка» [16].

На действия губернатора была подана жалоба. В результате для ревизии губернии был послан сенатор А. Х. Каптер. Его отчет о ревизии, переписка с МВД подтверждают факты, изложенные Арцимовичем, деятельность которого сенатор в целом одобрил. В действиях же местного дворянства, особенно в отношении

---

[10] ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 183, л. 15 об. «Пережитое. Мировое посредничество. 1861—1864 гг.», т. 1, ч. 2, гл. IV, 1903 г. Черновой вариант воспоминаний А. Н. Куломзина.

[11] История СССР, 1974, № 4, с. 194.

[12] ЦГАОР, ф. 815, оп. 1, д. 282, л. 6 об. Копия всеподданнейшего отчета калужского губернатора о ходе крестьянского дела в губернии. 1862 г.

[13] Там же.

[14] Там же, л. 18.

[15] Вестник Европы, 1886, кн. 12, с. 841.

[16] ЦГАОР, ф. 815, оп. 1, д. 282, л. 14, 16, 18. Копия всеподданнейшего отчета калужского губернатора...

неугодных ему мировых посредников и членов губернского присутствия, было отмечено множество нарушений закона. Так, члену присутствия от дворянства О. Ф. Отту собрание предводителей и депутатов предложило подать в отставку. Поведение другого члена присутствия — от правительства — кн. А. В. Оболенского предполагалось обсудить на ближайшем губернском собрании. Лишь вмешательство Капгера, указавшего на неподсудность правительственного члена присутствия дворянскому собранию, не позволило осуществить задуманное. Тем не менее Оболенский также вынужден был подать в отставку. Вызвавшие неудовольствие дворян мировые посредники подвергнуты были настоящему остракизму. Как отметил Капгер, «предводители обращались к дворянам с циркулярами, совершенно неуместными по форме и содержанию, в которых призывали их к жалобам на посредников» [17].

Последствия ревизии были несколько неожиданные, но весьма характерны. Арцимович за свою деятельность был награжден орденом, сделан сенатором и переведен в служебном порядке в Польшу. Вслед за этим ряд чиновников из губернской администрации, разделявших образ действия губернатора, были также переведены для службы в западные губернии. Вскоре и все единомышленники Арцимовича из мировых посредников подали в отставку. «Мы все уже оставили мировую деятельность, утомленные бесполезной борьбой с партией, тянущей назад, которая составляет теперь большинство повсюду — и в губернском присутствии, и в мировом съезде»,— сообщалось в письме, адресованном Арцимовичу и подписанном пятью бывшими посредниками [18].

Весьма характерными для большинства местностей были отношения владимирского дворянства с местной администрацией и мировыми учреждениями. Л. Х. Капгер, ревизовавший, видимо, для сравнения и эту губернию, отмечал, что в ней все посредники были выдвинуты самим дворянством. Здесь они особенно часто прибегали к крайним мерам в отношении крестьян. Губернское присутствие первые полгода еще старалось не отступать от буквы закона, чем возбудило против себя недовольство помещиков. Не желая искушать судьбу, губернатор Теличев (по характеристике Капгера, человек «вполне благонадежный», но не имевший «достаточно самостоятельности и характера, чтобы противодействовать требованиям помещиков, часто несогласных с законом») подал в отставку. Сменивший его свитский генерал Самсонов, сам местный помещик, во всем угождал дворянам. Состав губернского присутствия был изменен. Почувствовав поддержку, уездные предводители «обращались с мировыми посредниками, как с подчиненными» [19]. Все это сказалось при составлении уставных грамот, на отношении властей к справедливым жалобам

крестьян, которые характеризовались помещиками не иначе, как «ябедничество». В ходе ревизии было обнаружено множество нарушений закона как мировыми посредниками, так и губернским присутствием. Богатые помещики за крупные взятки добились пересмотра уставных грамот в соответствии с их желанием. В некоторых участках сидело до 40 крестьян, вся вина которых состояла в том, что они не согласились с таким незаконным решением дела. «Между тем,— сообщал Капгер,— губернское присутствие не только не порицает подобных действий мировых посредников, но уважает и поддерживает их взгляд на реформу». Сенатор даже намеревался отдать под суд некоторых посредников и членов присутствия за неисполнение законов, но не рискнул возбуждать дела. «Один в поле не воин,— жаловался он Арцимовичу, — а поддержка ... со стороны министерства немыслима» [20].

Таким образом, несмотря на формальную независимость мировых посредников, на неподсудность членов губернских присутствий дворянским собраниям, органы местного крестьянского управления оказались в сильнейшей зависимости от дворянской корпорации. Пытавшиеся противостоять натиску помещичьей реакции губернаторы разделили судьбу Арцимовича и Теличева. Так, нижегородский губернатор А. Н. Муравьев в результате оппозиции местного дворянства был переведен в Сенат; вынуждены были оставить свои посты губернаторы самарский — К. К. Грот и пензенский — Куприянов [21]. Неугодные помещикам мировые посредники и члены губернских присутствий вынуждены были перестраиваться или подавать в отставку.

Мировой институт учреждался как временный, поэтому вопрос о перевыборах посредников не привлекал особого внимания дворянских собраний. Но отношение к нему было совершенно определенное. Обсуждая в конце 1861 — начале 1862 г. вопрос о пересмотре Устава о выборах, дворянство высказалось за то, чтобы за ним и впредь было оставлено выборное представительство в органах местного управления и суда. В частности, о желательности выбора от дворянства всех 4 членов губернского присутствия и всех посредников с обязательным переизбранием их через каждые 3 года заявили московское, смоленское, воронеж-

---

[17] Там же, д. 285, л. 26. Копия отчета сенатора А. Х. Капгера, представленного Александру II 30 июля 1862 г.

[18] Там же, д. 433, л. 1—2. Письмо В. А. Арцимовичу П. Пустобралова, О. Розенберга, И. Сабанова, А. Муромцева, А. Майкова от 2 ноября 1864 г.

[19] Там же, д. 380, л. 14 об. Копия всеподданнейшего отчета А. Х. Капгера о ревизии Владимирской губернии. 1863 г.

[20] Там же, д. 405, л. 11—12. Письмо А. Х. Капгера А. В. Арцимовичу от 29 января 1863 г.

[21] *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче. СПб., 1904, с. 334.

ское, курское и несколько позднее уфимское собрания [22]. Однако особой настойчивости в удовлетворении именно этих пунктов не было. В этом, видимо, и не было особой необходимости, так как той же цели помещики достигали другими путями. Достигали они ее постепенно или сразу — это, как и формы воздействия дворянских собраний на состав и направление деятельности мировых учреждений, зависело от соотношения сил, от упорства и настроения посредников и местных властей. Финал же был почти везде одинаков: хотя перевыборов посредников так и не было (правительство до 1868 г. ежегодно продляло их полномочия), состав мировых учреждений изменился. «Мировые посредники первого призыва,— писал В. И. Ленин,— были распущены и заменены людьми, не способными отказать крепостникам в объегоривании крестьян и при самом размежевании земли» [23].

Для второго периода истории мировых учреждений (1864—1874 гг.) характерны довольно существенные изменения как в составе, компетенции, самом их юридическом статусе, так и в основных направлениях их деятельности. В это время мировой институт пополнился еще одним учреждением — мировыми судьями, предусмотренными судебной реформой 20 ноября 1864 г. [24] Первоначально предполагалось передать им все функции мировых посредников. Вопрос этот обсуждался вплоть до октября 1865 г., когда Государственный совет, найдя, что обязанности посредников специфичны и несовместимы с характером деятельности судей, высказался за сохранение крестьянских мировых учреждений, изъяв из их ведения лишь некоторые судебные дела. К таким делам, переданным мировым судьям, относились: жалобы на крестьянские общества посторонних лиц; судебно-полицейские разбирательства конфликтов между крестьянами и помещиками, возникших после прекращения обязательных отношений; дела по всем гражданским спорам и искам (до 500 руб.), когда стороны сами просили судью об их решении [25].

Должность судьи также была выборной и оплачиваемой. Занятие ее обусловливалось имущественным и образовательным цензом: владение землей в размере не менее двойного земского ценза или другим имуществом стоимостью не ниже 15 тыс. руб., наличие среднего или высшего образования. Впрочем, последнее условие было не обязательно и могло компенсироваться службой в течение 3 лет в должностях, где кандидат мог «приобрести практические сведения в производстве судебных дел» [26]. Содержание свое судья также получал из земских сумм. Но он мог и отказаться от него, получив взамен звание почетного мирового судьи. Все судьи избирались сроком на 3 года уездными земскими собраниями по спискам, составлявшимся первоначально особыми уездными присутствиями, в которые входили уездный предводитель, члены земской управы, исправник, все мировые посредники

и уездный судья [27]. В списки обязательно включались мировые посредники и кандидаты на эту должность. Впоследствии составление списков должно было перейти к уездному предводителю, входившему по этому вопросу «в соглашение» с городским головой и уже избранными мировыми судьями. Результаты выборов сообщались губернатором министру юстиции, который «по соглашению» с МВД представлял списки избранных на утверждение в Сенат. Второй инстанцией был уездный (окружной) съезд мировых судей, проходивший под председательством одного из судей.

Несмотря на формально всесословный характер нового института, формирование его как по цензовым условиям, так и по системе отбора кандидатов фактически отдавалось в большинстве великорусских губерний в руки поместного дворянства [28]. Введение его первоначально было с удовлетворением встречено широкими помещичьими кругами. Так, «Весть» увидела в нем прообраз английских судей, являвшихся для нее идеалом. Особое внимание при этом уделялось принципу безвозмездности службы, что должно было отдать судейские должности «классу обеспеченных и образованных землевладельцев». «В будущем институте почетных мировых судей,— писала газета,— мы видим главный источник и силу истинного самоуправления» [29]. Смоленское собрание в декабре 1870 г. отмечало, что «мировой судья есть насущная потребность в ограждении правильного пользования земледельческим хозяйством при вольнонаемном труде» [30]. Однако все эти высказывания были как бы авансом в счет будущей деятельности судей. Фактически же компетенция их в крестьянских делах была сравнительно невелика.

---

[22] ЦГАМ, ф. 4, оп. 3, д. 875, л. 13. Журнал московского губернского дворянского собрания от 12 января 1862 г.; ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1095, л. 65—68. Перечень вопросов, о которых смоленское дворянство предположило ходатайствовать. Декабрь 1861 г.; д. 1100, л. 22—25. Копия постановления курского губернского собрания. Январь — февраль 1862 г.; д. 1091, л. 17—18. Копия постановления воронежского губернского собрания. 10—26 января 1862 г.; ф. 1284, оп. 91-Б, 1871 г., д. 68, л. 25. Копия постановления уфимского губернского собрания от 27 мая 1871 г.

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 430.

[24] ПСЗ, II, т. 39, отд. 2, № 41475.

[25] ПСЗ, II, т. 40, отд. 2, № 42603.

[26] ПСЗ, II, т. 39, отд. 2, № 41475, ст. 19. Но и это требование вскоре по просьбе министра юстиции было сведено к минимуму: кандидату в мировые судьи достаточно было «приобрести общественное доверие и уважение своими заслугами и полезной деятельностью» (Северная почта, 1867, № 43).

[27] ПСЗ, II, т. 40, отд. 2, № 42587, ст. 12.

[28] Исключение составляли 9 западных губерний, кавказские губернии и области, Архангельская и Оренбургская губернии, где мировые судьи назначались правительством.

[29] Весть, 1867, № 7.

[30] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-Б, 1870 г., д. 16, л. 1—3. Донесение смоленского губернатора министру внутренних дел от 27 января 1871 г.

Основная масса дел по крестьянскому управлению по-прежнему была в ведении посредников. Более того, сфера деятельности их значительно расширилась. Если первоначально она распространялась только на бывших помещичьих крестьян, то затем, в 1863—1866 гг., в их ведение перешли крестьяне удельного и дворцового ведомств, государственные крестьяне и колонисты [31]. Таким образом в сфере их деятельности оказалось поземельное и административное устройство почти всего сельского населения Европейской России. Участки их территориально значительно расширились, а перечень обязанностей увеличился и усложнился. Мировые учреждения все более утрачивали посреднический характер и превращались в обычные органы административного управления крестьянским населением. Главными в их функциях становились наблюдение за исправным выполнением крестьянами условий уставных грамот и выкупных сделок и контроль за органами крестьянского общественного управления. Именно эти стороны их деятельности явились объектом новых нападок поместного дворянства. Помещики жаловались, что посредники «доказали свою несостоятельность и, наделив крестьян землей, теперь почивают от трудов своих, пользуясь своей несменяемостью и безответственностью» [32]. Мировые учреждения обвинялись в бездействии, формализме, бюрократизме. В эту кампанию включилась и губернская администрация, требуя от них решительных мер по взысканию выкупных платежей. Насколько основательны были эти претензии?

Состав посредников, как уже отмечалось, претерпел определенные изменения. Особенно ощутимыми они были в западных губерниях, где самодержавие в связи с польским восстанием 1863 г. отстранило выборных посредников от должностей и заменило их чиновниками. В великорусских губерниях среди мировых посредников «второго призыва» и судей по-прежнему преобладали представители поместного дворянства. Увеличился лишь несколько удельный вес «оскудевших» дворян, видевших в занятии этих должностей возможность поправить свои материальные дела, и чиновников. Как отмечал впоследствии один из известных деятелей дворянской реакции П. А. Кривский, в общем с 1864 г. должности эти заняли «люди почтенные, но бездеятельные» [33]. Но едва ли общую неудовлетворенность посредниками можно объяснить только какими-то их особыми, неделовыми качествами, тем более «пристрастием» к крестьянам. В отношении к последним большинство посредников занимали самые крайние продворянские позиции. «...Люди этой смены — надо отдать им справедливость — были много усидчивее и энергичнее первых...— писал С. Н. Терпигорев.— Они, каждый в своем участке, положительно восстановили — разумеется, для себя лично — крепостное право» [34].

Несомненно, посредникам были присущи черты, характерные для помещичьего управления: партикуляризм, патриархальность, барство и просто неумение и неподготовленность к сложным служебным обязанностям. Многие из претензий, предъявлявшихся к ним, относились к российской бюрократии вообще. Не случайно много таких же нареканий было и на правительственных посредников западных губерний. Главной же причиной невыполнения ими своих обязанностей была прогрессировавшая неплатежеспособность разоренного и задавленного нуждой и малоземельем крестьянства. Однако это вплоть до 80-х годов XIX в. не осознавалось правящими верхами, считавшими, как и поместное дворянство, что все дело заключалось в непринятии решительных мер по выколачиванию недоимок, в недостаточно хорошей организации аппарата управления и подбора исполнителей. Другой причиной было, видимо, постепенное сокращение сферы применения тех остатков вотчинно-полицейского права, которые «Положение 19 февраля 1861 г.» оставило за помещиками в отношении временнообязанных крестьян (ст. 148—163). К 1 февраля 1871 г. на выкуп перешло около $^2/_3$ всех бывших помещичьих крепостных. И наконец, независимое положение посредников по-прежнему являлось причиной конфликтов их с администрацией.

Постепенно МВД удалось добиться определенного расширения своих возможностей в отношении регулирования их состава: губернские присутствия получили право временно отстранять их от должности с одновременным представлением в Сенат [35]. Численность посредников в связи с укрупнением участков падает и к 1871 г. сокращается до 864, т. е. почти наполовину. Сокращается и число членов губернских присутствий от дворянства. В этих условиях возникают проекты реорганизации, а затем и ликвидации мировых крестьянских учреждений. После многолетнего обсуждения этого вопроса Государственный совет 27 июня 1874 г. принял «Положение об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам» [36].

Уездные по крестьянским делам присутствия. Согласно новому «Приложению», мировые посредники и их съезды упраздня-

---

[31] *Катаев М. М.* Указ. соч., с. 32—38.

[32] Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873, прил. II, отд. IX, с. 10.

[33] ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 138, л. 25. Записка П. А. Кривского «О причинах, разоривших дворянство, и о мерах к поддержанию дворянского землевладения». 1 декабря 1896 г.

[34] *Терпигорев С. Н.* Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881, с. 252.

[35] *Чернуха В. Г.* Указ. соч., с. 58—64.

[36] ПСЗ, II, т. 49, отд. 1, № 53678.

лись. Их обязанности передавались вновь учрежденному уездному по крестьянским делам присутствию, а отчасти — общим судебным, нотариальным и полицейским установлениям. Присутствие учреждалось как коллегиальный орган, состоявший из председательствовавшего в нем уездного предводителя, исправника, председателя уездной земской управы, одного из почетных мировых судей (по назначению министра юстиции) и непременного члена присутствия. Новому учреждению передавались все функции мировых съездов и обязанности посредников по надзору за крестьянским общественным управлением — утверждение в должностях выбранных крестьянами лиц, наложение на них взысканий и т. д. Уездный исправник унаследовал их обязанности по взысканию с крестьян податей, оброчных и выкупных платежей. Бо́льшая часть прежних обязанностей посредников перешла к непременному члену. Именно на него были возложены дела по рассмотрению жалоб и споров, возникавших в связи с введением уставных грамот, по искам крестьян о недвижимых имуществах, купленных ими до отмены крепостного права на имя помещиков, по разверстанию угодий, выкупным договорам и т. д. В его ведении, кроме того, было земельное устройство государственных крестьян, выполнение постановлений губернского присутствия по обмену и отобранию участков крестьянской земли в распоряжение помещиков, по переносу крестьянских усадеб. В связи с тем, что другие участники коллегии были заняты исполнением своих непосредственных обязанностей и собирались вместе лишь 1—2 раза в месяц, непременный член фактически являлся единственным рабочим функционером этого органа, от которого во многом зависела его деятельность.

Если все остальные члены входили в присутствие по назначению или по своему положению и не получали особого вознаграждения, то должность непременного члена была оплачиваемой и замещалась особым порядком. Замещение ее обусловливалось цензом, установленным в свое время для мировых посредников. На уездных предводителей и дворянские собрания было возложено первоначальное составление списков дворян-землевладельцев, которые отвечали цензовым требованиям. В дальнейшем составлением их должны были заниматься сами уездные присутствия. Из этих списков губернские земские собрания отбирали по два кандидата на место — количество должностей также определялось ими — и передавали новый список губернатору, который посылал его на утверждение МВД. В неземских губерниях назначение осуществлялось министерством по представлению губернатора. Таким образом, непременные члены оказались в подчинении МВД, уравниваясь в правах с коронными чиновниками, а по классу должности — с уездным предводителем. Содержание их увеличивалось до 2 тыс. руб. и выплачивалось также за счет земских

сумм. Утверждались они в должности сроком на 3 года, после чего подлежали переизбранию.

Упразднялись и должности членов губернского присутствия от дворянства. Оно пополнялось председателем казенной палаты, председателем губернской земской управы и непременным членом, который назначался по «высочайшему соизволению» из числа кандидатов, отвечавших всем цензовым требованиям, предъявлявшимся к уездным непременным членам, и выбранных тем же порядком.

Итак, закон, хотя и предусматривал определенную бюрократизацию уездных и губернских крестьянских присутствий, в то же время по-прежнему был рассчитан на привлечение в органы крестьянского управления поместного дворянства. Делалась уступка дворянским и земским ходатайствам о периодических перевыборах их представителей в эти учреждения. Новое «Положение» первоначально распространялось на губернии, где были введены земства и судебные мировые учреждения. Специально оговаривалось сохранение посредников в Пермской, Бессарабской, 9 западных и закавказских губерниях. Затем в 1877—1882 гг. уездные присутствия были введены в Астраханской, Оренбургской, Уфимской, Витебской, Минской, Могилевской, Архангельской и Вологодской губерниях с назначением непременных членов от правительства. Наибольшее распространение этот институт получил к 1887 г., когда в 36 губерниях насчитывалось 392 уездных непременных члена [37].

Помещичья ориентация новых учреждений с полной очевидностью прослеживается по материалам ревизий ряда губерний, проведенных в конце 70-х — начале 80-х годов. Сенатор С. А. Мордвинов, обследовавший 10 из 12 уездов Тамбовской губернии, отмечал большое число жалоб крестьян на преднамеренное затягивание местными властями и землевладельцами разверстания наделов, что создавало благоприятные условия для полукрепостнических форм хозяйствования, на захват помещиками их земель [38]. В свое время эти захваты были санкционированы мировыми съездами. Уездные присутствия были вынуждены вернуться к рассмотрению этих дел под давлением непрекращавшихся жалоб. Но все усилия крестьян оказались безуспешными: присутствия уведомили их, что выкупные документы и земельные планы исчезли из архивов. Это и неудивительно, так как, например, кн. Ишеев, на которого жаловались крестьяне, был председателем местного уездного присутствия. Пристрастие к помещичь-

[37] *Катаев М. М.* Указ. соч., ч. 2, с. 91, 105.

[38] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 9, л. 108—109. Материалы ревизии сенатора С. А. Мордвинова. 1881 г.; см. также: *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. М., 1972, с. 367—368.

им интересам проявилось и в том, что уездные присутствия вопреки даже указаниям губернских властей отказывались выдавать паспорта крестьянам, переселявшимся в Уфимскую губернию. Члены присутствия бесконтрольно вмешивались в дела крестьянского общественного управления, заставляя сельские сходы принимать угодные помещикам решения, назначали по своему усмотрению, часто без выборов, волостных старшин, утверждали переделы общинной земли, не считаясь с жалобами крестьян, и т. д.

Заседания присутствий, как правило, были закрытыми. Большая часть дел решалась фактически по усмотрению уездных предводителей. Злоупотребления помещиков и местных властей приняли такие масштабы и такие вопиющие формы беззакония, что обратили на себя «высочайшее» внимание. Назначено было расследование, а крестьянам, доведенным, как отмечал сенатор, «до бедности и разорения», обещаны были отсрочки в уплате повинностей.

Примерно такая же картина, только, может быть, без особых крайностей, представлена в отчете сенатора М. Е. Ковалевского, ревизовавшего Казанскую и Уфимскую губернии [39]. По мнению ревизоров, новые учреждения не оправдали возлагавшихся на них надежд и главная причина этого кроется в самой организации присутствий. В сенторских отчетах указывалось, что члены присутствия переобременены своими непосредственными обязанностями. Непременный же член, оказавшийся, как писал Ковалевский, «главным хозяином всего крестьянского дела в уезде», также не в состоянии был один решать массу дел [40]. В ряде уездов они фактически выполняли функции мировых посредников в их прежнем объеме, хотя по закону и не имели таких прав. К тому же многие из непременных членов постоянно, почти безвыездно жили в своих имениях. Сенаторы единодушно высказывались за упразднение уездных присутствий, так как, по их мнению, коллективная форма управления в крестьянском деле неприемлема, и за установление в той или иной форме единоличной власти. Было предложено передать основные обязанности непременных членов участковым мировым судьям (М. Е. Ковалевский) или специально учрежденным должностным лицам с правами и обязанностями мировых посредников (С. А. Мордвинов).

Эта идея — учреждение в деревне сильной единоличной власти, объединяющей административные и судебные функции, вполне отвечала настроениям поместного дворянства. Это не значило, что уездные присутствия и мировые судьи меньше стали считаться с интересами помещиков. Просто в изменившихся условиях они, видимо, не могли обеспечить стремление определенной их части к консервации переходных отношений в деревне, предотвратить последствия развития капитализма. По мнению этих

слоев дворянства, все неурядицы происходили в первую очередь от слабости власти в деревне, ее отдаленности от крестьян. «Слишком много властей и слишком мало власти»,— так четко и коротко сформулировал претензии помещиков известный реакционный публицист К. Ф. Головин [41].

Но единого мнения о том, что должны представлять собой новые органы власти, в дворянских да и в правительственных кругах не было. Одни хотели видеть в этой роли реорганизованный, с довольно широкими правами институт мировых судей. К этому времени он был достаточно многочислен и широко разветвлен: по данным Министерства юстиции, в 1881 г. насчитывалось 2484 участковых и 3958 почетных мировых судей и 538 мировых съездов [42]. Так, оренбургское дворянское собрание, состоявшееся в январе 1884 г., отметив, что конфликты крестьян с землевладельцами постоянно обостряются, что помещики не имеют возможности заставить нанятых рабочих выполнять обусловленные договором обязательства, ходатайствовало о принятии мер по активизации деятельности судей. Особенно возмущало помещиков, что местные крестьяне и наемные рабочие сами стали выдвигать претензии к владельцам, подавая иски в суд. Собрание квалифицировало «это печальное явление» как «усилившуюся страсть в простонародье к сутяжничеству», требуя законодательного его пресечения. Причиной такой «распущенности», по мнению дворян, являлось то, что «наказание утратило спасительный страх в глазах народа». Собрание просило об усилении репрессивных мер в отношении «сутяжников», о расширении полномочий мировых судей и предоставлении помещикам особых преимуществ при занятии этих должностей [43]. МВД уведомило губернского предводителя, что основные пункты ходатайства будут приняты во внимание: Министерство юстиции рассматривает вопрос об активизации деятельности судей, МВД составляет особые правила об устранении «сутяжничества». Что же касается предоставления особых привилегий дворянам при занятии должностей мировых судей, министр вполне резонно заметил, что и при существующих условиях дворяне-помещики имеют достаточные преимущества [44].

---

[39] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 9. Записка члена Государственного совета сенатора М. Е. Ковалевского. 1881 г.

[40] Там же, л. 178.

[41] *Головин К. Ф.* Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884, с. 6.

[42] Общий обзор деятельности министерства юстиции и Правительствующего сената за царствование Александра III. СПб., 1901, с. 95.

[43] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, 1884 г., д. 51, л. 2—4. Копия постановления оренбургского дворянского собрания от 11 января 1884 г.

[44] Там же, л. 7 об.—9.

Было и мнение о необходимости создания совершенно нового учреждения — института участковых начальников с правами бывших мировых посредников. Этой точки зрения придерживалась, в частности, группа помещиков из «сведущих людей» во главе с А. Д. Пазухиным, приглашенных в Кахановскую комиссию для обсуждения реформы местного управления [45]. С середины 80-х годов требования помещиков об усилении местных властей становятся все более настоятельными, что находило выражение и в ходатайствах дворянских собраний, и в появлении в правой печати ряда резких статей по этому вопросу. Наконец, выражая настроения широких кругов поместного дворянства, симбирское дворянское собрание во всеподданнейшем адресе по случаю юбилея Жалованной грамоты в самых верноподданнических выражениях, но весьма твердо потребовало обеспечить помещикам «возможность спокойно жить в ... деревнях, создав ту власть, отсутствие которой ныне заставляет страдать и дворянина, и крестьянина» [46]. Александр III заверил дворянство, что интересы сословия будут учтены в ходе предстоящей реорганизации местных учреждений. Они действительно были учтены при разработке законопроекта о земских начальниках, автором которого был А. Д. Пазухин, ставший к тому времени директором канцелярии министра внутренних дел. Обсуждение проекта растянулось на ряд лет, так как в правящих кругах, как и среди высшего сословия, не было единого мнения в вопросе о пределах компетенции нового органа. Отражая потребности капиталистического развития, а отчасти и из ведомственных соображений, определенные правительственные и дворянские круги противились стремлению реакции покончить с буржуазным принципом разделения судебной и административной власти. В конце концов вопрос был решен прямым указанием Александра III об основных положениях реформы [47].

Земские начальники. Именной указ от 12 июля 1889 г. «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи» гласил, что необходимость преобразования вызвана «затруднениями в правильном развитии благосостояния» сельского населения. Главная причина этих «затруднений» усматривалась в «отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях» [48]. С этой целью взамен упразднявшихся уездных присутствий и мировых судей учреждались должности участковых земских начальников. Новым «Положением» [49] предусматривалось разделение уездов на участки, число и границы которых устанавливались губернскими властями и утверждались законо-

дательным порядком по представлению МВД. На каждый участок полагалась одна должность земского начальника. Замещение ее обусловливалось целым рядом цензовых требований, хотя и довольно растяжимых. Преимущественное право предоставлялось местным потомственным дворянам не моложе 25 лет, имевшим высшее образование (или прослужившим не менее 3 лет в должности предводителя, мирового посредника, судьи, непременного члена) и владевшим в уезде землей в размере не менее половины земского ценза или другим имуществом, оцененным не ниже 7 тыс. руб. Затем такое право предоставлялось дворянам со средним образованием, состоявшим в военных и гражданских чинах, но при условии вдвое большего имущественного ценза. При недостатке кандидатов, отвечавших этим требованиям, на должность могли претендовать и дворяне, сохранившие только усадьбу, но имевшие высшее образование. И наконец, в случае невозможности заместить все должности земских начальников из числа местных дворян министр внутренних дел мог назначать на них и других лиц (с образованием не ниже среднего и имевших право на государственную службу).

Порядок замещения этих должностей формально ликвидировал выборное начало. Списки лиц, отвечавших цензовым требованиям, составлялись уездными предводителями. Из них губернатор «по совещанию» (а не «по соглашению» как ранее) с губернским и соответствующим уездным предводителями отбирал нужное число кандидатов и представлял их для утверждения в должности министру внутренних дел. По своему статусу земский начальник становился обычным коронным чиновником. Свое содержание (2500 руб.) он получал от казны и пользовался всеми правами государственного служащего, состоящего в должности VI класса. Увольнение его осуществлялось МВД по представлению губернского присутствия или губернатора.

Круг деятельности земских начальников закон устанавливал чрезвычайно обширный. В области административной на них возлагались права и обязанности мировых посредников и уездных присутствий с дополнениями и изменениями, значительно расширявшими сферу их вмешательства в дела крестьянского самоуправления. Так, они могли разрешать собственной властью жалобы на крестьянских должностных лиц, приостанавливать приговоры сельских и волостных сходов, осуществлять полицей-

---

[45] *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 217—233.

[46] *Устимович П.* Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве. М., 1886, с. XI.

[47] *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие..., с. 366—401.

[48] ПСЗ, III, т. 9, № 6195.

[49] Там же, № 6196.

ские функции в отсутствие на месте чинов полиции, утверждать волостных судей и т. д. В области судебной к ним перешла значительная часть дел мировых судей. Им были подведомственны иски на сумму до 500 руб., возникавшие по найму земельных угодий, по личному найму, по потравам и порубам, иски до 300 руб. по всякого рода другим договорам и о вознаграждении за убытки, а также дела о нарушении владений, т. е. почти все конфликты, возникавшие между помещиками и крестьянами. Кроме того, под их контролем оказались фактически все дела, решавшиеся волостными судами. Если раньше приговоры последних являлись окончательными, то теперь они могли быть пересмотрены самим начальником или переданы для пересмотра в уездную инстанцию [50].

Дискреционная власть земских начальников распространялась не только на должностных лиц крестьянского самоуправления, но и на всех лиц податных сословий, имевших постоянное место жительства в деревне. Согласно знаменитой ст. 61 «Положения», они могли в случае неисполнения своих «законных распоряжений» подвергать «провинившихся» без каких-либо разбирательств аресту до 3 дней или денежным взысканиям до 6 руб. Используя же свое влияние на волостные суды, они могли подвергать крестьян и телесным наказаниям. Впрочем, это часто производилось и без всякого суда.

Второй инстанцией был уездный съезд земских начальников, разделявшийся на административное и судебное присутствие. В обоих председательствовал предводитель дворянства. В первом, кроме того, присутствовали исправник и председатель уездной земской управы, а во втором — уездный член окружного суда, председательствовавший в случае отсутствия предводителя, мировые и городские судьи. Административному присутствию принадлежали все права мировых съездов, судебному — назначение председателей волостных судов, пересмотр судебных приговоров последних, рассмотрение жалоб на решения земских начальников по гражданским и уголовным делам.

Уездные съезды, в свою очередь, находились под контролем губернского присутствия, которое могло давать им указания и требовать отчета об их деятельности и деятельности всех земских начальников. В этой инстанции, учрежденной взамен упраздненного губернского по крестьянским делам присутствия, также были представители местного дворянства — губернский предводитель и два непременных члена. Последние назначались тем же порядком, что и земские начальники, но утверждались императором. Именно на них закон возлагал проведение ревизий деятельности земских начальников и уездных съездов. Губернское присутствие решало дела об увольнении сельских старост и волостных старшин и о предании их суду, об удалении из сельских

обществ «порочных» членов, рассматривало в особо важных случаях жалобы и протесты на постановления земских начальников и уездных съездов.

Итак, сделан был дальнейший шаг в сторону усиления бюрократизации крестьянского управления, включения его в систему местных органов управления. И все же самодержавие так и не смогло отказаться от идеи непременного участия помещиков в этих учреждениях. За поместным дворянством по-прежнему оставались довольно существенные возможности для оказания влияния на состав и деятельность нового института: закон предоставлял ему преимущественное право на занятие должности земских начальников и непременных членов губернских присутствий; предводители дворянства не только составляли списки кандидатов на эти должности, но и получили право делать представления министру внутренних дел в случае несогласия их с выбором губернатора; уездные предводители, кроме председательствования на съездах, имели право ревизовать деятельность земских начальников.

Первоначально закон распространялся на 36 земских губерний, где он был введен в начале 90-х годов в несколько приемов. Затем в 1899 г. он был введен также в Виленской, Минской и Могилевской губерниях. В 1901 г. предполагалось распространить его на юго-западные губернии, но этот проект так и не был реализован. Там, как и в Закавказье, сохранялся институт мировых посредников.

В целом введение и первые шаги деятельности нового института были встречены большинством дворянских обществ с удовлетворением. Помещики увидели в законе реализацию своих просьб об усилении местной власти. Их несколько смущал лишь способ назначения земских начальников и вытекавшая из этого возможная независимость их действий от местного дворянства. Но тут правительство было непреклонно. Весьма характерны в этом смысле обсуждение в январе 1892 г. вопроса о земских начальниках смоленским дворянским собранием и отношение к его ходатайству МВД. Собрание рассматривало введение этого института как «знак высочайшего внимания и величайшей милости» к сословию. Губернский предводитель уведомил собравшихся, что в связи с этим он обратился к уездным предводителям с воззванием, в котором указал на то, что «успех реформы лежит на ответственности дворянства», и на то, что «история будет судить... сословие по итогам деятельности дворянства на новом поприще его служения отечеству». Назвав земских начальников «ставленниками дворянства», он предложил предводителям принять активное участие в направлении их деятельности, в установлении

[50] Там же, № 6483.

с ними деловых и личных контактов. Чтобы укрепить руководящие позиции дворянских обществ в отношении нового института, было предложено ходатайствовать о дополнении закона указанием на то, что уездным предводителям вменяется в обязанность ревизия деятельности земских начальников, а также волостных и сельских органов, что все сношения губернских властей с этими учреждениями должны идти через уездные съезды и их председателей, что предводители дворянства являются единственным связующим звеном между уездными органами и губернской администрацией и им принадлежит вся полнота власти в уезде. Собрание согласилось с этими предложениями[51]. Однако в ответ на ходатайство министр внутренних дел Н. И. Дурново заявил, что «предположенные губернским дворянским собранием изменения закона вытекают из не вполне точного и правильного толкования установленных сим законом взаимных отношений дворянства, с одной стороны, и правительственной властью — с другой». «Утверждая должность земского начальника,— наставлял министр предводителя,— закон... имел в виду создать на месте твердую правительственную власть, с понятием которой совершенно не совместимо положенное в основание ходатайства мнение о земских начальниках, как ставленниках дворянства, в смысле противопоставления их правительственным чиновникам. Если, по мысли закона, земские начальники, в виде общего правила, назначаются из числа местных дворян, то таковой порядок назначения их вызван был тем соображением, что поместное дворянство представляет ту среду, которая лучше всего обеспечивает знание местных условий и наличие нравственных качеств, необходимых для успешного выполнения важных обязанностей земского начальника. Вследствие сего и предводителям дворянства, как лицам, стоящим во главе его и хорошо знакомым с его личным составом, предоставлена законом надлежащая доля участия в избрании кандидатов на должность... Этим, однако, и исчерпывается их ответственность в сем отношении». Таким образом, указывалось в ответе, всю полноту ответственности за деятельность земских начальников несут на себе власти, которым и принадлежит исключительное право давать им указания и распоряжения и требовать отчета. Закон предоставляет предводителям право ревизовать деятельность нового института, а председательствование в съездах дает возможность быть в курсе всех циркуляров и инструкций. Следовательно, никаких изменений в нем не требуется. Но необходимо иметь в виду, указывал министр, что и председательствование в съездах как форма участия в надзоре за земскими начальниками «предоставляется предводителям в качестве органов правительственной, а отнюдь не сословной власти» [52]. Дворянство, следовательно, рассматривалось правительством в основном как поставщик кадров для государственного ап-

парата, а роль уездных предводителей сводилась к функциям правительственного надзора.

Ответ министра был доведен смоленским предводителем до сведения московского и петербургского коллег. Видимо, зная о настроениях верхов по этому вопросу, петербургское дворянское собрание, заслушав в январе 1893 г. предложение группы дворян во главе с И. Д. Кошкаровым о необходимости передачи избрания земских начальников полностью в ведение дворянства и отнесясь к нему «с полным сочувствием», признало все же такое ходатайство «преждевременным» [53]. Симбирское и саратовское собрания были вполне удовлетворены и существовавшей системой, не видя больших различий между назначением и выборами земских начальников.

И все же мысль об усилении роли дворянских обществ в определении состава новых органов не была оставлена. Связано это было с тем, что по мере введения «Положения» процент земских начальников, назначавшихся МВД, постоянно возрастал: в губерниях первой очереди удельный вес их составлял около 11%; второй — около 24, третьей — около 30 и четвертой — почти 42% [54]. Соответственно уменьшался процент утвержденных МВД из кандидатов дворянских обществ. Отчасти это было вызвано введением закона в губерниях, где дворянство было малочисленно, отчасти — увеличением числа участков и нехваткой кандидатов, отвечавших цензовым требованиям. На совещании губернских предводителей в 1896 г. было предложено установить 6-летний срок службы начальников, что дало бы возможность ставить вопрос об их замене. Кроме того, по мнению участников, было бы целесообразно при отсутствии достаточного числа кандидатов в уездах предоставлять преимущество кандидатам из других уездов той же губернии. Однако, несмотря на все недостатки, имевшиеся, с точки зрения предводителей, в законе, большинство их, в связи с возникновением слухов о пересмотре «Положения» с целью сужения судебной компетенции земских начальников, поспешило высказаться за сохранение этого института неизменным [55].

Это и не удивительно. Среди начальников преобладали дворяне, так или иначе связанные с землевладением. Составленная по

---

[51] ЦГАМ, ф. 380, оп. 4, д. 302, л. 47—48. Копия журнала смоленского дворянского собрания от 30 января 1892 г.

[52] Там же, л. 43—44. Копия отношения министра внутренних дел Н. И. Дурново смоленскому губернскому предводителю от 27 марта 1892 г.

[53] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, 1893 г., д. 28, л. 26. Копия журнала петербургского дворянского собрания от 29 января 1893 г.

[54] Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. 24, с. 513—514.

[55] Записка губернских предводителей дворянства, вызванных с высочайшего е. и. в. соизволения г. министром внутренних дел в совещание о нуждах дворянского землевладения. СПб., 1896, *с.* 82—83.

Таблица 16. Численность, состав и имущественное положение земских начальников и непременных членов губернских присутствий на 1901—1902 гг.

	Общая численность	Сословная принадлежность			Имущественное положение					
						землевладельцы				
		дворяне	офицеры и чиновники	другие сословия	землей не владели	до 100 дес.	100—500 дес.	свыше 500 дес.	размер имения неизвестен	всего
Земские начальники, абс.	2188	1991	102	95	647	64	660	773	44	1,541
%	100	90,9	4,7	4,4	29,5	4,2	42,8	50,2	2,8	70,5
непременные члены, абс.	119	113	4	2	26	2	31	59	1	93
%	100	94,9	3,4	1,7	21,6	2,2	33,3	63,4	1,1	78,4
Всего, абс.	2307	2104	106	97	673	66	691	832	45	1634
%	100	91,2	4,6	4,2	29,2	4,0	42,3	50,9	2,8	70,8

Источник. Список должностных лиц, служащих в местных крестьянских учреждениях в губерниях, в коих введено Положение 12 июля 1889 г. СПб., 1903.

данным МВД табл. 16 дает представление о численности, сословной принадлежности и имущественном положении их и непременных членов губернских присутствий на 1901—1902 гг.

Недворяне составляли среди них менее 10%, занимая эти должности в основном в губерниях, где не было дворянских собраний. По своему имущественному положению более 70% их принадлежало к поместному дворянству, причем бо́льшая часть — к средним и даже крупным помещикам. Однако в хозяйственном отношении среди них, видимо, преобладали владельцы «запущенных» и «расстроенных» имений. Так, один из дворянских публицистов Ф. Ромер, сам орловский помещик, писал, что «земскими начальниками, за весьма редкими исключениями, состояли либо (в лучшем случае) землевладельцы с подорванными средствами, либо даже неизвестно откуда появившиеся офицеры»[56]. Действительно отставные офицеры, выпускники военных училищ, кадетских корпусов, составляли среди них свыше 42% (926 человек). Не случайно В. И. Ленин, характеризуя этот институт, называл земских начальников «промотавшимися дворянскими сынками», «шайкой благородных оборванцев»[57].

Подавляющее большинство их не имело элементарной юридической подготовки. Более того, около четверти — вообще не получило даже среднего образования[58]. Несколько позднее министр юстиции в записке к проекту преобразования местного суда, отмечая ретроспективно основные черты окончательно скомпрометировавшего себя к тому времени института, указывал, что «значительное большинство земских начальников не имеет никакой ни практической, ни теоретической подготовки, необходимой для правильного отправления правосудия», что многие из них своей главной задачей считали только «обуздание и дисциплинирование крестьянского населения и восстановление особого значения дворян-землевладельцев»[59].

Обширные полномочия, отсутствие сколько-нибудь четко определенных инструкций и контроля, склонность решать все дела на месте без «формальностей», в приказном порядке породили массовые факты самоуправства и беззакония со стороны участковых начальников. «Дикий произвол» их, как отмечал В. И. Ленин, послужил одной из причин нараставшего массового возмущения крестьян[60]. Вскоре такое положение обеспокоило правительство. Сенат вынужден был 2 октября 1896 г. уведомить губернаторов, что «стремление исполнительных чинов выйти из границ законной деятельности, их произвол или своеволие не только не служат проявлением твердой власти, но противоречат самой природе самодержавного правления»[61]. МВД издало ряд циркуляров, стараясь направить деятельность крестьянской администрации в определенное русло.

Но предостережения не остановили земских начальников. Созданный институт оказался трудноуправляемым. Как правило, жалобы на него не получали хода. Любые, даже незаконные, решения начальников получали поддержку уездных съездов, состоявших из их же коллег. «Желая быть полновластными у себя, очевидно, каждый исполнит желание соседа»,— вспоминал один из таких «крестьянских» деятелей[62]. Ревизии были крайне редки и тоже, как правило, не имели последствий, хотя и обнаруживали массу злоупотреблений.

---

[58] Новое время, 1894, № 6656.

[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 228; т. 5, с. 87.

[58] *М. К.* Образовательный ценз земских начальников.— Русское богатство, 1901, № 4, с. 104—105.

[59] Вестник Европы, 1908, кн. 6, с. 801.

[60] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

[61] *Боровской А. К.* Наказ земским начальникам, утвержденный министром внутренних дел 11 августа 1905 г., с соответствующими статьями узаконений, решений Правительствующего сената и циркулярами МВД. Петрозаводск, 1910, с. 13.

[62] *Новиков А. И.* Записки земского начальника. СПб., 1899, с. 36, 37.

Прочность положения земского начальника, особенно в губерниях с сильным дворянским представительством, прямо зависела от того, насколько его деятельность отвечала интересам местных помещиков. И здесь уже не играло большой роли, являлся ли он «назначенным» или «утвержденным». Так, один из «назначенцев», сам, кстати, принадлежавший к родовому дворянству, писал: «В местностях, в которых преобладающим элементом было местное поместное дворянство, почва для успешной деятельности министерских кандидатов являлась невозможною: они должны были или примкнуть к большинству, наложив на себя печать покорности, индифферентизма, или же уступить свое место новому избраннику» [63].

Несмотря на формальную независимость от местной дворянской корпорации, земские начальники находились под прямым влиянием уездных предводителей. «Нам не раз приходилось слышать мнение предводителей дворянства, что для них уничтожить земского начальника столь же трудно, как раздавить известное насекомое между пальцами,— с обидой продолжал автор.— И не раз приходилось быть слушателями выражений губернаторов об их бессилии установить равновесие во взаимных отношениях начальников и предводителя вследствии особо привилегированного положения последнего» [64]. Земский же начальник из местных кандидатов чувствовал себя значительно свободнее. «О предводителе и его ревизиях земских начальников говорить нечего,— делился своими воспоминаниями один из них.— Он дворянин местный и они дворяне местные, его же избирающие. Ревизий нигде почти предводительских не бывает, а если и бывает, то в форме дружеских бесед. Предводитель — защитник земских начальников, а не контролер их» [65].

Отсюда и откровенно продворянская, помещичья направленность деятельности этого института, масштабность, размах которой зависели лишь от энергии, предприимчивости и других качеств отдельных его представителей. Не ограничиваясь личным воздействием на крестьян, земские начальники для удовлетворения помещичьих интересов использовали органы крестьянского самоуправления. Так, земский начальник Чернского уезда Тульской губернии Сухотин обратился с письмом-циркуляром к местным помещикам с просьбой, все расчеты с крестьянами за выполненную работу производить через сельских старост или волостных старшин, которых он использовал для «понуждения» крестьян «работать так, как следует работать». Помещикам было предложено обращаться к нему с жалобами в случае бездействия сельской администрации, с которой он обещал «строго взыскивать» [66]. История эта изрядно нашумела в печати, так как автор циркуляра нарушил закон о личном найме. «Осуществить широко задуманный план земского начальника,— писал по этому пово-

ду «Вестник Европы»,— значило бы обратить волостных старшин и сельских старост в бурмистров и приказчиков времен крепостного права, а волостному суду предоставить роль известной крепостной конюшни» [67]. Конец этой истории тоже весьма знаменателен — местное дворянство избрало Сухотина своим предводителем [68]. В Тульской и Черниговской губерниях дворянские собрания избрали земских начальников своими депутатами. Лишь после того, как они прослужили по два трехлетия, губернаторы, усмотрев, что они действуют исключительно в видах местных помещиков и выходят из подчинения, не утвердили их в депутатских должностях. Ходатайства собраний о разрешении такого совместительства были отклонены МВД [69].

Несмотря на некоторые различия в понимании земскими начальниками пределов своих полномочий, в формах и методах их деятельности, новый институт все же являлся в целом проводником правительственной «попечительной» политики, которой попрежнему придерживалось самодержавие в отношении крестьянства и которая в основных своих чертах отвечала и интересам помещиков. Выполняя общие установки и придерживаясь взглядов, бытовавших в помещичьей среде, начальники всячески препятствовали семейным разделам, отчуждению в какой-либо форме надельной земли, боролись против кулаков и «мироедов» и т. д. Борьба с нарождавшейся сельской буржуазией, хотя и занимала немалое место в их деятельности, сводилась в основном к вмешательству в арендные отношения, недопущению кулаков к избранию на должности крестьянского общественного управления. Выражая устремления местного дворянства, они иногда даже расходились с правительственной линией в некоторых вопросах. Так, правительство в конце XIX в. отказалось от политики максимального сдерживания переселенческого движения. Но в Тульской губернии переселение из многих уездов фактически было совсем остановлено вследствие целенаправленных мер земских начальников. Уфимские же их коллеги препятствовали въезду переселенцев [70]. Правительство вновь и вновь вынуждено было напоминать, что власть начальников является «властью пра-

---

[63] *Дедюлин С. А.* Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. СПб., 1902, с. 35.
[64] Там же, с. 31.
[65] *Новиков А. И.* Указ. соч., с. 38.
[66] Вестник Европы, 1895, т. 1, кн. 1, с. 389—390.
[67] Там же, с. 390.
[68] Вестник Европы, 1898, кн. 3, с. 373.
[69] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223-А, 1898, д. 18, л. 1—2. Отношение черниговского губернатора губернскому предводителю от 17 февраля 1898 г.
[70] Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904, т. 1, с. 173.

вительственной». «Из этого начала,— указывалось в циркуляре МВД губернаторам от 31 августа 1905 г.,— непосредственно вытекает обязанность земских начальников следовать в своих действиях общему порядку и целям правительственной деятельности, не поставляя вместо них ни собственного, хотя бы и благожелательного, усмотрения, ни безотчетного и постоянно меняющегося способа действия» [71].

В целом деятельность земских начальников, как и вся попечительная политика самодержавия, не могла остановить процесс социально-экономического развития деревни. Но влияние ее было весьма ощутимо. Об этом свидетельствуют материалы местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, созданного в 1902 г. под председательством С. Ю. Витте. Большинство комитетов, анализируя причины обеднения деревни и предлагая меры для подъема сельского хозяйства, одной из главных причин упадка называли всеохватывающую опеку в отношении крестьянства, обрекавшую его на бесправие, сковывавшую его инициативу и предприимчивость. Прямо или косвенно многие критические стрелы, направленные в адрес этой политики, направлены были против земских начальников. Но единства взглядов в отношении судьбы этого института среди губернских и уездных комитетов, в которых весьма велико было представительство местного дворянства, не было. За безусловную отмену закона от 12 июля 1889 г. высказались лишь немногие комитеты. Предложения большей части их сводились к ограничению административных полномочий земских начальников (прежде всего за счет отмены статей, дававших простор произволу), к выборности начальников, к соблюдению принципа разделения судебных и административных властей. Как правило, такие предложения выдвигались представителями от земств. Следует отметить, что при этом ими руководило не отвлеченное представление о необходимости буржуазных преобразований, а стремление усилить борьбу с нарушениями «правопорядка» на «законной» основе. Так, большинство комитетов высказалось за усиление судебных репрессий в случае нарушения прав собственности.

Однако немало голосов было подано и за сохранение существующего порядка в деревне, за решение аграрной проблемы старыми, полукрепостническими методами и, в частности, за сохранение и даже расширение и укрепление института земских начальников. Сторонниками этих мер выступали представители наиболее консервативных слоев поместного дворянства. Так, по предложению оренбургского губернского предводителя А. А. Тимашева члены местного губернского комитета единогласно решили просить об увеличении числа участковых начальников, об усилении их административной власти, ограниченной якобы министер-

скими циркулярами и необходимостью «инстанционного» производства дел, об увеличении размера взысканий, налагаемых по ст. 61[72]. Столь же энергично за сохранение этого института высказался сергачский уездный предводитель Нижегородской губернии П. Г. Бобоедов. «Уничтожить административный надзор и власть земских начальников — значит бросить народ на полное бесправие и натолкнуть его на самоуправство, беззаконие и произвол»,— заявил он при полном одобрении присутствовавших. По его мнению, необходимо еще больше расширить их полномочия, ограниченные разного рода формальностями. «Земскому начальнику нельзя без бумаги, без акта, протокола и т. п.,— сокрушался он.— Из земского начальника сделали судью, а не администратора и не заступника и карателя, где надо»[73]. На эту же позицию стал и Чернский комитет Тульской губернии. Взгляд местного дворянства по этому вопросу выразил действительный статский советник Рембелинский. «Мировой институт,— заявил он,— с его строгим разделением и разграничением понятий об административной и судебной функциях оказался не по плечу умственному уровню нашего крестьянства». Зато институт земских начальников представлялся ему вполне «жизненным и отвечающим потребностям народа в настоящем его уровне», требующим лишь улучшения его состава за счет почетных земских начальников из местных помещиков и расширения их полномочий вплоть до применения телесных наказаний[74]. Решительно отверг предложение губернской земской управы об ограничении полномочий начальников симбирский губернский комитет[75]. Довольно сильное течение за сохранение существовавших крестьянских властей было и в Московской губернии[76].

Итак, несмотря на выявившиеся недостатки института земских начальников, он продолжал существовать вплоть до 1917 г. И в этом, видимо, немалая роль принадлежала поместному дворянству, которое, несмотря на отдельные, порой весьма существенные расхождения во мнениях, все же в большинстве своем высказалось за его сохранение.

---

[71] *Боровской А. К.* Указ. соч., с. 3.
[72] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903, т. 27, с. 34.
[73] Там же, т. 24, с. 580, 581.
[74] Там же, т. 43, с. 503.
[75] Там же, т. 38, с. 163.
[76] Там же, т. 23, с. 58, 113.

2. ДВОРЯНСТВО И ЗЕМСТВА

Эта проблема также уже была затронута в дореволюционной[77] и советской[78] историографии, поэтому мы коснемся ее лишь в той мере, в какой это необходимо для освещения темы, уделив главное внимание вопросу о месте и роли дворянских обществ в образовании и деятельности земских учреждений.

До середины XIX в. сколько-нибудь организованного управлениями местными хозяйственными делами в России не было. Существовали отдельные комитеты, присутствия, комиссии — по земским повинностям, общественного призрения, продовольственные, дорожные и т. п., находившиеся в ведении местной администрации, в которых принимали участие и выборные сословные, преимущественно дворянские представители. В условиях господства крепостнических отношенй, натурального хозяйства помещики мало интересовались «общественными нуждами». Более или менее их внимание привлекло лишь составление смет и раскладок земских повинностей. Дворянство участвовало в этих мероприятиях через своих предводителей и депутатов, которым принадлежало право рассмотрения отчетов о расходовании земских сумм. Но и здесь, как отмечала местная администрация, представители сословия обнаруживали «бездействие и невнимание к делу». В свою очередь, дворянство жаловалось на бюрократизм властей, давивших всякую инициативу[79].

Падение крепостного права, становление новых, капиталистических отношений, усложнение социально-экономической структуры общества, перспективы роста культурно-хозяйственных потребностей страны заставили и самодержавие и дворянство пересмотреть свое отношение к местным хозяйственным органам и высказаться за передачу части их функций в ведение местного самоуправления. Однако на первом этапе решения этой проблемы преобладали мотивы не столько экономического, сколько политического порядка. В конце 50-х — начале 60-х годов в дворянской среде довольно отчетливо наметились три основные политические линии в отношении будущего сословия и возможных путей удержания им прежнего господствующего положения в обществе[80]. Представители либерального направления, считавшие, что с отменой крепостного права в России должны утвердиться и необходимые атрибуты буржуазного правового порядка, выступали за формальное устранение дворянских привилегий, становившихся в новых условиях опасным анахронизмом, за введение всесословного самоуправления на местах и учреждение центрального совещательного представительного органа. Тенденция к ограничению самодержавия дворянским представительством наметилась среди группы крупной дворянской аристократии, часть которой намеревалась использовать всесословное местное самоуправление для

усиления своего политического влияния. И наконец, основная масса провинциального поместного дворянства, с трудом привыкавшая к мысли об утрате своей вотчинной власти, стремилась использовать все возможности для упрочения своего влияния на местах. В условиях революционной ситуации самодержавие не могло не считаться с этими оппозиционными настроениями. МВД, в частности, прямо заявляло, что одной из причин земской реформы было и желание каким-то образом возместить для дворян утрату вотчинной власти. Допуская местное самоуправление с чисто культурно-хозяйственными функциями, правительство рассчитывало успокоить общественное мнение и откупиться от других, более далеко идущих требований.

В среде дворянских собраний, возбужденных слухами о готовящихся реформах, зрели проекты подачи всеподданнейших адресов с просьбой учесть пожелания высшего сословия. Стремясь сохранить за собой инициативу в деле разработки законопроектов, правительство, чтобы отвлечь внимание предстоящих в декабре 1860 г. губернских собраний, предложило на их обсуждение ряд вопросов, касавшихся отдельных сторон внутрисословной и местной жизни[81]. Однако несмотря на все ухищрения властей, ряд дворянских собраний, состоявшихся в начале 60-х годов, использовали предложенную программу как повод, чтобы высказаться и по волновавшим их проблемам. В частности, в связи с предстоявшей земской реформой большинство их в той или иной форме высказались за введение всесословных земских учреждений.

О причинах вдруг возникших «симпатий» помещиков к земскому самоуправлению весьма откровенно сказано в докладе комиссии по выработке проекта постановления смоленского собрания, состоявшегося в октябре 1862 г. В нем отмечалось, что с отменой крепостного права высшее сословие потеряло свое прежнее исключительное положение и что остается одна возможность «удержать за собой сословное значение и необходимое влияние на общественные дела — стать во главе возникающего земства». На что же рассчитывали авторы доклада? «Как бы тесно и уравнительно ни было это соединение, — писали они, — за нами надолго еще останется огромный перевес, который мы приобретаем положением своим, преимуществом умственного и нравственного образова-

[77] *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1909—1911. Т. 1—4; *Цейтлин С. Я.* Земская реформа.— В кн.: История России в XIX в. СПб., 1908; *Он же.* Земское самоуправление и реформа 1890 г.— Там же, 1909. Т. 5; и др.

[78] *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; и др.

[79] Материалы по земскому общественному устройству. СПб., 1885, т. 1, с. 144.

[80] *Гармиза В. В.* Указ. соч., с. 51—63.

[81] Там же, с. 52—53, 64.

ния и большей или меньшей привычкой к общественным делам» [82]. Эта идея, сочувственно принятая одним из самых консервативных собраний, разделялась большинством обществ. Она устраивала и либералов, видевших в слиянии с земством также и предохранительный клапан, посредством которого предполагалось ослабить крестьянское возмущение, и те круги поместного дворянства, которые рассчитывали использовать новые учреждения для сохранения и усиления своего влияния. Так, на проходившем в январе 1865 г. московском губернском собрании звенигородский помещик Д. Д. Голохвастов от имени дворян уезда заявил, что сила дворянства — в единстве с другими сословиями, что «голос его скорее будет услышан, если он будет голосом всего народа». Он предлагал, не отказываясь от особого положения сословия, не подчеркивать его привилегии, так как «всякое исключительное право порождает раздражение и мешает единению». Дворянство должно стать, по его выражению, «передовой ратью земства» [83].

Но каким образом утвердить в земстве свое руководящее положение? Наиболее реакционные взгляды на решение этой проблемы, сводившиеся к попыткам открыто удержать сословные привилегии помещиков, были высказаны оренбургским, новгородским, калужским и рязанским собраниями. Образцом аргументации в пользу предоставления высшему сословию особых преимуществ служит постановление оренбургского дворянства, принятое непосредственно после официального опубликования в июле 1862 г. основных положений предполагаемой реформы. Выразив согласие с расширением круга лиц, которым предоставлялось право участия в земстве, собрание высказало и опасение, что «устройство местного управления на широком демократическом выборном начале... вытеснит из сей важной отрасли государственного управления самых опытных его деятелей — дворян-помещиков, едва ли заменимых ныне, при малой степени образования и опытности в делах управления массы народа», и предложило ограничить участие в земстве «демократического элемента» [84]. По тем же соображениям новгородское собрание заявило, что «дворянству должен быть предоставлен доступ более свободный... чем другим, ниже его стоящим по степени развития сословиям».

Однако большинство собраний, учитывая общую политическую обстановку в стране, не решилось на столь откровенное проявление продворянских настроений. Не афишируя открыто своих устремлений и, наоборот, всячески подчеркивая всесословный характер будущих учреждений, они предполагали достичь тех же целей, во-первых, введением высокого имущественного ценза; во-вторых, ограничением представительства других сословий; в-третьих, такой организацией выборных органов, которая давала бы преобладание высшему сословию. Отличаясь друг от друга боль-

шей или меньшей степенью консервативности (курский, псковский, симбирский) или либерализма (петербургский, нижегородский) все эти проекты пытались совместить буржуазный принцип выборного представительства, основанный на имущественном и образовательном цензе, с сословным [85]. Несколько выпадали из общей картины лишь заявления тверского собрания (не предлагая ничего конкретного по вопросам организации земского представительства, оно высказалось вообще за ликвидацию дворянских привилегий) и проект нижегородского дворянства, дававший преобладание в земстве, правда на первое только время, крестьянам. Видеть в них, как и вообще в либеральных проектах, проявление какого-то особого демократизма нет никаких оснований, так как расчет здесь был также на занятие в конечном итоге руководящих позиций в земстве дворянством в силу его экономического и культурного превосходства. Но всякие попытки использовать буржуазные приемы для удержания своих классовых позиций встречали ожесточенное сопротивление недавних крепостников. В ряде собраний — херсонском, московском, рязанском — такие предложения были провалены, в других, как это было в петербургском собрании,— значительно ухудшены. Выражая настроения реакционных кругов сословия, «Весть» заклеймила как «недостойный фарс самоуничижения» постановление тверского дворянства и раскритиковала нижегородский проект за то, что «охранительный элемент личной поземельной собственности не получил законного первенства, напротив, отдан на поглощение демократической массе» [86]. В то же время газета поддержала идею сословно-цензового представительства в земстве, справедливо увидев в ней то общее, что объединяло почти все дворянские проекты.

Главные пункты пожеланий дворянских собраний нашли отражение в утвержденном 1 января 1864 г. «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» [87]. Реформой предусматривалось создание выборных от всех сословий органов местного самоуправления — губернских и уездных земских собраний и управ. И по структуре, и по составу, и по своим функциям они резко отличались от дореформенных сословно-бюрократических учреждений. Однако, будучи буржуазной по существу, реформа, проведенная самодержавием с возможно полным учетом интересов господствующего класса, была, как и большинство преобразований

[82] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1095, л. 145. Копия проекта постановления смоленского губернского дворянского собрания. Сентябрь 1862 г.
[83] Там же, д. 1114, л. 129—132, 156. Копия журнала московского губернского дворянского собрания 5—17 января 1865 г.
[84] Материалы по земскому общественному устройству, т. 1, с. 408—409.
[85] Там же, с. 381—407.
[86] Весть, 1863, № 7 (38).
[87] ПСЗ, II, т. 39, отд. 1, № 40457.

60—70-х годов, непоследовательной и незавершенной. Новые учреждения унаследовали от дореформенной эпохи старый «Устав о земских повинностях», регламентировавший структуру земского бюджета, принципы раскладки повинностей. Важнейшим проявлением компромиссности реформы была принятая «Положением» система земских выборов, сочетавшая, как и в дворянских проектах, буржуазный принцип имущественного ценза и сословно-куриальную структуру избирательных собраний. Все избиратели делились на три курии: землевладельческую, городскую и сельских обществ. Уже сама по себе такая группировка избирателей по официальному признанию имела целью «сохранить отчасти исторический характер сословных делений, ибо в каждом из классов преобладает одно из главных, исторически сложившихся сословий»[88]. Формально по первым двум куриям в выборах земских гласных могли участвовать все лица независимо от их сословной принадлежности, но владевшие определенным имущественным цензом. На съездах землевладельцев право голоса имели собственники определенного количества земли (не менее 200 дес.), уездные владельцы другой недвижимости (стоимость не менее 15 тыс. руб.), владельцы торговых и промышленных предприятий (годовой оборот не менее 6 тыс. руб.), а также уполномоченные от мелких землевладельцев (не менее $^1/_{20}$ полного ценза). В городских съездах участвовали купцы, владельцы торговых и промышленных предприятий с шеститысячным годовым оборотом, владельцы другой недвижимости, оцененной от 500 до 3000 руб. (в зависимости от численности населения города). Для крестьян выборы были двухстепенные: волостные сходы выбирали выборщиков, которые затем избирали гласных. Специально составленное в качестве приложения к закону расписание числа гласных по губерниям и куриям давало преобладание в земствах землевладельцам (47,8% всех гласных). Позиции их усиливались еще и тем, что они могли избираться также и от крестьян.

Вся организация и система выборов были рассчитаны на то, чтобы дать преимущество высшему сословию. Оно не только преобладало численно, имея право избрания от всех трех курий, но и получало возможность влиять как на ход и результаты выборов, так и на направление деятельности земств. Предводители дворянства председательствовали в уездных съездах землевладельцев, в предварительных съездах по выборам уполномоченных от мелких владельцев, а также в уездных и губернских земских собраниях. Права их в качестве председателей собраний были значительно расширены законом от 13 июня 1867 г., предоставлявшим им дискреционную власть в отношении программы занятий собраний[89]. Избирательные съезды сельских обществ открывали и вели мировые посредники, а затем мировые судьи, непременные члены крестьянских присутствий и, наконец, земские

начальники. Все они являлись одновременно и представителями местных помещиков, и органами местной власти.

Компетенция земств была определена даже шире, чем это предусматривалось в большинстве дворянских проектов. Согласно закону, земства учреждались «для заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда». Последняя часть фразы должна была подчеркнуть сугубо местный характер деятельности новых учреждений. Помимо раскладки повинностей, составления смет и контроля за их исполнением, в ведение земств входило назначение сборов на земские нужды, местные пути сообщения, попечение о развитии торговли и промышленности, вопросы страхования имущества, участие — преимущественно в хозяйственном отношении — в попечении о народном образовании, здравоохранении, тюрьмах, благотворительных заведениях, продовольственное дело, борьба с вредителями сельского хозяйства и т. д. Земства получали право ходатайства перед властями «по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд». В «Положении» не упоминалось о праве замещения по их выборам местных судебных и административных должностей. В нем говорилось только об участии земств в расходах по военному и гражданскому управлению. Но позднее земские собрания участвовали в избрании мировых судей и членов крестьянских присутствий.

К середине 70-х годов земские учреждения были введены в 34 губерниях, за исключением прибалтийских и западных, а также Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерний и Донской области. Первые же выборы, как и ожидалось, дали преобладание в земстве высшему сословию. Среди уездных гласных перевес его был сравнительно невелик: дворяне и чиновники составляли 41,7% гласных, крестьяне — 38,4%. Зато среди губернских гласных первых насчитывалось 74,2%, вторых же — только 10,6%. Из 1617 председателей и членов губернских и уездных земских управ 1062, т. е. около 66%, были дворянами [90].

Спустя 20 лет положение на первый взгляд почти не изменилось. Согласно «Статистике земских выборов за 1883—1886 гг.» в 34 губерниях среди уездных гласных удельный вес дворян и чиновников стал немного выше — 42,4%, а среди губернских — даже 81,5%. Правда, дворян без чиновников было соответственно 34,7 и 69,5%. Несколько сократился (до 59%) удельный вес их среди членов управ. Но если отбросить уезды, где не было дворянского представительства, то в целом создается впечатление,

[88] Материалы по земскому общественному устройству. СПб., 1886, т. 2, с. 366.

[89] ПСЗ, II, т. 42, отд. 1, № 44690.

[90] Обзор царствования государя императора Александра II и его реформ. 1855—1871 гг. СПб., 1871, с. 370, 372.

что позиции высшего сословия даже упрочились. Дворяне составляли 61,6% уездных гласных от земледельческих съездов, 20,2 — от городских и 8,7% — от сельских [91]. Пользуясь индифферентизмом торгово-промышленной буржуазии, темнотой и забитостью крестьянства, помещики безраздельно господствовали в большинстве земств. Сенаторские ревизии, проведенные в конце 70-х — начале 80-х годов, вскрыли массу злоупотреблений при выборах земских гласных по крестьянской курии. Так, в Черниговской губернии председательствовавший на сельском съезде непременный член борзенского уездного крестьянского присутствия сам предлагал кандидатов в гласные, не забыв включить в список и себя, и был избран от крестьян. В Саратовской и Самарской губерниях в гласные от крестьян прошли 5 предводителей дворянства, 4 непременных члена, 6 мировых судей и несколько крупных помещиков. Около $^1/_3$ гласных — крестьян этих же губерний состояли одновременно в различных должностях по крестьянскому общественному управлению, находясь, таким образом, в полной зависимости от дворянских представителей [92]. В 132 уездах (37% общего их числа) предводители дворянства совмещали свою должность с постом председателя управы. Б. Б. Веселовский насчитал 197 таких случаев, причем более 60% предводителей практиковали такое совмещение по нескольку трехлетий. И это не считая случаев совмещения предводительской должности с должностью члена управы, что также весьма часто имело место [93].

И тем не менее с середины 80-х годов продворянская публицистика и ряд дворянских собраний все более настойчиво ведут кампанию за упрочение позиций сословий в земстве. В 1885—1887 гг. дворянские собрания Тульской, Смоленской, Полтавской, Калужской, Псковской и Симбирской губерний ходатайствовали о проведении земских выборов по сословиям, о выборах гласных от землевладельцев на дворянских собраниях, о повышении имущественного ценза для мелких владельцев, о назначении части гласных от дворянства властями сверх избранных, о предоставлении предводителям дворянства прав губернских гласных без выборов и т. п. [94] Помимо общего наступления реакции, повод к этой кампании, как показала Л. Г. Захарова, дала наметившаяся к тому времени в ряде уездов центрально-промышленных, южных и юго-восточных губерний вполне определившаяся тенденция к вытеснению из земств поместного дворянства торгово-промышленной и новой землевладельческой буржуазией [95]. К тому же среди уездных гласных дворяне (без чиновников) составляли к середине 80-х годов 34,7%, а крестьяне — 38,5% [96]. Самодержавие, обеспокоенное оппозиционностью земств, ростом в них «третьего элемента», также искало выход — наряду с усилением правительственного контроля над земской деятельностью — в упрочении и расширении в них дворянского представительства.

Новое земское «Положение», утвержденное 12 июня 1890 г., существенно ограничило участие буржуазии в земских выборах [97]. В связи с общим повышением неземлевладельческого ценза до 15 тыс. руб. и запрещением крестьянам-собственникам участвовать в землевладельческих съездах были устранены от выборов более половины полноценовых избирателей. Повышен был ценз для мелких владельцев, составлявший теперь не менее $^1/_{10}$ полного. Сократилось представительство от крестьян: они избирали теперь лишь кандидатов в гласные с последующим утверждением их губернатором. И наконец, потомственные и личные дворяне были выделены в особые избирательные собрания и съезды. С целью увеличения их представительства был снижен — в ряде уездов почти вдвое — земельный ценз. В результате закон дал высшему сословию абсолютное преобладание в 306 уездах из 322. На правах гласных в губернские земские собрания вводились все уездные предводители. Укрепились позиции высшего сословия и в управах. Согласно закону, не только председатели, как это было раньше, но и члены управ утверждались властями. Все они объявлялись государственными служащими. На пост председателя могли избираться только лица, имевшие право на государственную службу. В результате к 1903 г. удельный вес дворян в губернских управах составлял уже 94,1%, в уездных — 71,9% [98]. Таким образом, новое положение значительно усилило и закрепило преобладающее влияние в земстве поместного дворянства. Отмечая это обстоятельство, В. И. Ленин в 1913 г. писал: «Почти полвека существует земство дворянское, обеспечивающее безусловное преобладание *помещика* феодального (по-русски: крепостнического) типа» [99].

Какие же слои сословия принимали участие в земской деятельности? Статистика земских выборов 1883—1886 гг. показала, что в избирательных собраниях по первой и второй куриям присутствовало всего 21,2% всех дворян, имевших право участия в выборах [100]. Это положение существенно не изменилось вплоть до конца рассматриваемого периода. Исследователи, занимавшиеся историей земств, не приводя фактических данных, единодушно

---

[91] Статистика Российской империи. СПб., 1888, т. 5, с. 164—171.
[92] *Цейтлин С. Я.* Земское самоуправление и реформа 1890 г., с. 86—87.
[93] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 3, с. 219—223.
[94] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1834, л. 13—14, 25, 40, 43, 50, 58. Материалы к проекту нового положения о губернских и уездных земских учреждениях.
[95] *Захарова Л. Г.* Указ. соч., с. 25.
[96] Статистика Российской империи. СПб., 1888, т. 5, с. XXI.
[97] ПСЗ, III, т. 10, № 6927.
[98] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 3, с. 433—434.
[99] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 295.
[100] Статистика Российской империи, т. 5, с. XIX.

Таблица 17. Распределение уездных гласных по имущественному цензу, %

Размер имущества	До введения «Положения» (1890 г.)	После 1890 г.
Менее 1 ценза	9,9	7,1
От 1 до 10 цензов	78,6	82,2
Более 10 цензов	11,5	10,7

Источник. ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 217, л. 8. Справка о составе уездных земских собраний.

утверждали, что основной контингент их активных деятелей составляло среднепоместное дворянство. Обнаруженные в фонде Особого совещания по делам дворянства материалы о составе уездных гласных 248 уездов позволяют внести некоторые уточнения и дают возможность составить более четкое представление по этому вопросу (табл. 17).

Данные табл. 17 и расписание цензов по уездам дают основание утверждать, что среди уездных гласных преобладали владельцы имений от 200 до 3—4 тыс. дес., т. е. средние и отчасти крупные помещики. Некоторое увеличение этой прослойки в связи с введением нового «Положения» объясняется снижением земельного ценза по ряду уездов. Эта же группа преобладала и в уездных управах, составляя 72,8% их членов. Однако здесь был и довольно высокий удельный вес владельцев неполного ценза — 23,4% [101]. Это обусловливалось рядом обстоятельств: и стремлением недостаточно состоятельных помещиков пополнить свой бюджет за счет земских окладов, и необходимостью для управ ввести в свой состав специалистов, которые, как правило, не владели достаточным количеством земли, и увеличением числа владельцев так называемых «болотных» цензов, стремившихся проникнуть в управы с целью политической деятельности, и т. д. Крупные собственники составляли всего 3,8% всех членов управ. Зато среди председателей этих управ около 80% были владельцами от 1 до 10 цензов, а свыше 10% — и более того [102].

*

Об основных направлениях деятельности земств в пореформенный период дает представление анализ их расходного бюджета [103]. В 1868 г. около $^1/_3$ его шло на содержание гражданского управления — мировых посредников, судебных учреждений и т. п. Фактически доля этих расходов была еще выше, так как на те же цели предназначалась часть средств, затрачивавшихся на подводную, дорожную и квартирную повинности, составлявших

30,9% бюджета. Крупной статьей расходов были суммы, выделявшиеся на содержание губернских и уездных управ,— 19,2%. Причем в ряде губерний с особенно влиятельным дворянским представительством этот процент повышался до 33—38%. На народное образование и здравоохранение предназначалось всего 13,5% всех средств.

К середине 80-х годов в структуре земского бюджета произошли весьма характерные изменения, свидетельствовавшие о реакции земств на нужды развивавшегося буржуазного общества. На первый план вышли расходы на здравоохранение (22,7%) и народное просвещение (16,3%). Увеличивается число земских школ, учительских семинарий, больниц, амбулаторий. Еще довольно значительными оставались суммы, предназначавшиеся на гражданское управление и на содержание управ, но в связи с абсолютным ростом бюджета удельный вес их снизился соответственно до 19,5 и 11,5%. Сократилась до 18,3% доля расходов на подводную, дорожную и квартирную повинности. Однако, как и прежде, оставались весьма незначительными средства, отпускавшиеся на содействие развитию промышленности, торговли, сельского хозяйства.

В целом такое положение сохранялось вплоть до конца XIX в. К 1895 г. на первом месте стояли расходы на медицинскую часть и общественное призрение — 28,5%, затем шли расходы на гражданское управление, доля которых повысилась в связи с введением института земских начальников до 19,5%, на образование — 14,2, уплату долгов и процентов по ним — 12,1, на земское управление — 9,5% и т. д. С конца XIX в. наблюдается резкий рост расходов на строительство складов, элеваторов, на улучшение ветеринарного дела, проведение агрономических изысканий и т. п. За 1895—1904 гг. общая сумма земских оборотных средств, шедших на экономические мероприятия, возросла в 11 раз [104].

Несомненно, деятельности земств в целом была присуща буржуазная направленность, что соответствовало общему процессу социально-экономического развития страны. Но преобладающее положение в них поместного дворянства не могло не придать этой деятельности особого характера. Весьма симптоматичны в этом отношении принципы земского обложения и раскладки повинностей. Несмотря на заявления о необходимости равномерного обложения всех сословий и о переводе в связи с этим натуральных повинностей в денежные, сделанные рядом дворянских и земских собраний в начале и середине 60-х годов, вплоть до конца века

[101] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 217, л. 7. Справка о составе уездных земских управ.
[102] Там же, л. 6.
[103] *Цейтлин А. Я.* Указ. соч., с. 92—95.
[104] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 2, с. 20, 28.

большинство земств из-за сопротивления помещиков так и не довело дело до конца. Решительно против этой меры выступили екатеринославское, воронежское, самарское, тамбовское, костромское земские собрания. Основная тяжесть натуральных повинностей по-прежнему оставалась на крестьянах.

Та же картина наблюдалась и при раскладке земского обложения. Закон 21 ноября 1866 г. ограждал доходы торгово-промышленной буржуазии от посягательств земств, поэтому основная тяжесть обложения падала на землю. Почти половина окладных сборов приходилась на долю сельских обществ. Управы умело использовали неопределенность ценностных показателей стоимости земли, в результате чего крестьянские земли были, как правило, обложены выше помещичьих. Переобремененность крестьян налогами и повинностями отмечалась и в ходе сенаторских ревизий в начале 80-х годов, и в записке министра финансов И. А. Вышнеградского, представленной царю в марте 1890 г.[105]

Все более проникаясь сознанием необходимости распространения образования среди народа, повышения его культурного и материального уровня, земства всю тяжесть расходов на эти цели стремились переложить на разоренное, задавленное нуждой и бесправием крестьянство. Аргументами в этих случаях были утверждения, что дворяне не пользуются ни сельскими школами, ни услугами земской медицины. Помещики долго не могли осознать ту простую истину, что «распространение низших и средних сельскохозяйственных школ приносит пользу не крестьянину, а крупному хозяину, доставляя ему служащих»[106]. В то же время не подвергалась сомнению целесообразность участия крестьян в расходах на содержание всего сонма властей, стоявших на страже помещичьих интересов. К тому же даже слабые потуги земств расширить сеть школ и улучшить качество преподавания постоянно парализовались Министерством просвещения, стремившимся ограничить компетенцию управ в этих вопросах. Выделявшиеся на эти цели средства были далеко не достаточны, чтобы сколько-нибудь существенно удовлетворить запросы населения. Процент неграмотности крестьянских масс, обеспеченность их медицинским обслуживанием оставались чрезвычайно низкими. Невысок был и уровень земского хозяйства в целом. Правительство постоянно сдерживало рост земских бюджетов, ориентируясь при этом на настроения реакционных помещичьих кругов, протестовавших против «расточительности» земств, «непроизводительности» их расходов, ратовавших за ограничение окладных сборов. Именно их интересам в первую очередь отвечал принятый 12 июня 1900 г. закон о предельности земского обложения[107].

На удовлетворение прежде всего помещичьих интересов была направлена и экономическая деятельность земств. Особенно откровенны в этом отношении были попытки в 60—70-х годах при-

нять участие (в значительной мере на средства крестьянских продовольственных капиталов) в банковском учредительстве, страховом деле, а также в железнодорожном строительстве путем получения концессий и предоставления земских гарантий. Все они, за немногими исключениями, потерпели крах, усилив бремя обложения нищавших крестьянских масс. Не принесли успеха и попытки учреждения в 70—80-х годах (также из средств продовольственных капиталов) ссудо-сберегательных касс, артелей, а затем и организация мелкого крестьянского кредита и кустарно-ремесленных промыслов. Помимо стремления поднять общий уровень сельскохозяйственного производства и занятости населения, эти меры имели целью решить таким путем проблему крестьянского малоземелья, не касаясь помещичьего землевладения. Как отмечал Б. Б. Веселовский, интересы крупного землевладения всегда стояли в центре внимания земств. И приводя выступления их в конце XIX — начале XX в. с ходатайствами о пересмотре аграрной политики правительства и защитой якобы общих интересов крестьян и помещиков, автор справедливо указывал, что «речь шла не о самопожертвовании господствующего в земстве класса, а лишь о подведении более прочного фундамента под интересы данного класса, понимаемого в широком смысле слова» [108].

Мы не будем здесь касаться земской петиционной и представительской деятельности. Отметим только, что наряду с заявлениями отдельных земств — далеко к тому же не единодушными — о необходимости введения всеобщего начального образования, о замене подушной подати подоходным налогом, о необходимости ликвидации сословной неполноправности крестьян, общины со всеми ее пережитками, утверждения буржуазного правопорядка и т. п. весьма большое место в их обращениях к властям занимали ходатайства о необходимости усиления репрессий против посягательств на помещичью собственность, о законодательстве по найму, ограждавшем прежде всего интересы нанимателей, об организации дешевого правительственного кредита, о пересмотре в интересах помещиков железнодорожных тарифов и т. д. В целом же, несмотря на помещичью ограниченность, деятельности земств был присущ отчетливо буржуазный характер. И если все бóльшая часть средств дворянских обществ шла на поддержку разоряющихся помещиков, то земские капиталы в большей мере обращались на нужды капиталистического развития.

---

[105] *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902, т. 3, ч. 2, с. 79.
[106] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 119.
[107] ПСЗ, III, т. 20, отд. 1, № 18862.
[108] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 3, с. 383.

3. ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Институт предводителей возник даже несколько раньше юридического оформления дворянской корпоративной организации. Учрежденный первоначально исключительно для выполнения внутрисословных функций, он почти сразу же стал использоваться властями для выполнения сначала отдельных временных, а затем и постоянных административных поручений. Круг обязанностей предводителей, определенный предреформенным изданием «Свода законов» [1857], был весьма обширным и разнообразным. Один перечень комитетов и комиссий, в которых они были заняты, свидетельствует о причастности их в той или иной форме почти ко всем сферам местного управления и хозяйства. Губернский предводитель, официально признанный первым после губернатора лицом в губернии, заседал в комитете по земским повинностям, в губернском рекрутском присутствии, в продовольственной, строительной, дорожной, посреднической по размежеванию земель комиссиях, в губернских комитетах — мануфактурном, общественного здравия, тюремном, коннозаводском, в попечительстве о гимназиях и других, менее важных и временных органах[109]. Как официальный представитель высшего сословия и председатель дворянского собрания он мог оказывать влияние на подбор чиновников, особенно на должности, замещавшиеся по выборам дворянства, и на направление их деятельности. Особое значение этой должности состояло и в том, что губернский предводитель мог от имени дворянства губернии или от себя лично сноситься со всеми властями вплоть до императора. Непосредственный доступ к царю давали им и «высочайшие» приемы, на которых предводители присутствовали или в силу присвоенных им придворных званий (многие из них имели довольно высокие чины придворного ведомства), или по особым приглашениям. Циркуляром от 18 февраля 1832 г., составленном МВД по повелению Николая I, губернские предводители уведомлялись, что они должны, «наблюдая за ходом дел, нуждами и состоянием края, доводить до высочайшего сведения всякую полезную мысль, всякое предложение о мерах для искоренения злоупотреблений или устранения замеченных в местном управлении неудобств». Министр заверял, что «всякое клонящееся к сему замечание будет приниматься МВД не только с особенным вниманием, но и с благодарностью и в случаях важных немедленно представляемо на высочайшее усмотрение»[110]. Таким образом, губернские предводители выступали и как некая контрольная над местной администрацией инстанция, независимая от губернских властей. Соответственно этому с 1831 г. они утверждались в должности не губернатором, как уездные предводители, а непосредственно им-

ператором по представлению МВД. Должность их была повышена с V до IV класса, т. е. сравнена с губернаторской [111].

Если губернский предводитель отчасти все же заслонялся губернаторской властью, то уездный был действительно первым лицом и хозяином уезда, фактически восполняя отсутствовавшее уездное звено в местном бюрократическом аппарате. Не случайно его часто даже в официальных обращениях именовали предводителем уезда. Он возглавлял почти все уездные учреждения, представляя интересы уезда в ряде губернских органов и в отличие от губернского предводителя даже располагал некоторой исполнительной властью, используя для этого земскую полицию. И, хотя должность его была сравнительно невысока — в 1831 г. она была повышена с VII до VI класса, в своих действиях он не был подчинен ни губернскому правлению, ни губернскому предводителю, которые не могли обращаться к нему с предписаниями [112].

*

Преобразования 60—70-х годов ликвидировали бóльшую часть дореформенных губернских и уездных учреждений. В связи с этим в правящих кругах неоднократно возбуждался вопрос о необходимости реорганизации местного управления. Особое внимание при этом уделялось созданию уездной администрации и включению ее в общую бюрократическую систему. В частности, предлагалось ввести коронную должность начальника уезда, ограничив компетенцию уездных предводителей внутрисословными функциями. Такие проекты возникали и накануне крестьянской реформы, и в недрах Кахановской комиссии. Однако дальше проектов дело не пошло. И причиной здесь был не недостаток образованных и подготовленных людей как это пыталась представить либеральная историография, а то, что правительство не могло отказаться от использования в местном управлении представителей поместного дворянства — надежнейшей опоры самодержавия, не могло и не хотело отрешиться от старой системы управления. Предводители были призваны к самому активному участию в проведении реформ. Они вошли во многие новые и реформированные учреждения. В результате роль их в важнейших отраслях местного управления еще больше усилилась.

В ходе реализации крестьянской реформы на уездных предводителей — до введения мировых посредников — возложены

---

[109] Свод законов..., 1857, т. 9, ст. 166—167, 171.

[110] *Трубецкой П.* Памятная книга для уездного предводителя дворянства. Одесса, 1887, с. 35—36.

[111] ПСЗ, II, т. 6, отд. 2, № 4989, § 91, отд. V. Табель должностям...

[112] Свод законов..., 1857, т. 9, ст. 166, 168, 170, 174.

были обязанности по организации крестьянского самоуправления, посреднические функции по регулированию отношений между помещиками и их бывшими крепостными. Мы уже видели, какая ответственная роль отводилась предводителям в формировании и деятельности местных органов крестьянского управления — мировых посредников, губернских и уездных крестьянских присутствий, мировых судей, земских начальников. Их руководящее положение в этой сфере управления было признано и верховной властью. Не случайно Александр III, обращаясь к волостным старшинам, присутствовавшим на коронационных торжествах в мае 1883 г., заявил: «Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства» [113]. Это обращение вызвало благодарственные адреса дворянских собраний, обещавших монарху свое содействие в наведении «порядка» в деревне. Николай II в своей речи перед представителями курского дворянства 29 августа 1902 г. также отметил ту важную роль, которую самодержавие отводило дворянству в этой области управления. «Незабвенный отец мой, довершая славные дела моего деда,— заявил он,— призвал вас к руководству крестьянским управлением. На этом поприще вы служите мне не за страх, а за совесть. Благодарю вас за эту службу» [114]. А два дня спустя, выступая перед волостными старшинами губерний, где произошли крестьянские волнения, он повторил фразу, произнесенную почти 20 лет назад его отцом: «Слушайтесь ваших предводителей дворянства...» [115]. По поводу этих речей В. И. Ленин, видя в них превосходный агитационный материал, разоблачавший классовый характер царской монархии, писал в брошюре «К деревенской бедноте»: «Значит, цари и сами признают, что управлять государством они не могут иначе, как при помощи дворян, чрез посредство дворян. Надо твердо помнить эти царские речи о повиновении крестьян дворянам» [116].

Активная роль отводилась предводителям и при введении земств. Они возглавляли временные губернские и уездные комиссии по реализации земского «Положения», председательствовали в избирательных съездах землевладельцев, в губернских и уездных земских собраниях. Причем самодержавие сознательно шло на усиление их влияния в земствах как предоставлением им дискреционной председательской власти в собраниях, прав земских гласных без выборов, так и беспрепятственным утверждением их совместительства в управах, на что требовалось каждый раз особое высочайшее разрешение. Губернский предводитель, кроме того, был членом губернского по земским и городским делам присутствия.

Привлечены были предводители и к реализации судебной реформы. Они не только участвовали в подборе кандидатов на должности мировых судей, но в лице уездных предводителей

возглавляли комиссии по составлению списков присяжных заседателей, участвовали в заседаниях окружных судов по рассмотрению дел о должностных преступлениях выборных лиц по дворянству, земскому и городскому самоуправлению [117]. Законом 9 мая 1878 г. губернские и уездные предводители привлекались в качестве сословных представителей в заседания присутствий судебных палат, кассационного департамента и особого присутствия Сената для рассмотрения дел о государственных и должностных преступлениях [118].

В сфере влияния предводителей или прямом их ведении оказались и ряд других отраслей местного управления. По прямому указанию Александра II предводители дворянства были поставлены во главе губернских и уездных училищных советов, на которые, согласно «Положению» от 25 мая 1874 г., возлагалось «попечение об удовлетворении потребностей населения в начальном образовании и о надлежащем нравственном направлении оного» [119]. Кроме того, они участвовали в присутствиях по воинской повинности, по питейным делам, в комитетах попечительства о народной трезвости, общественного призрения и здравоохранения, в лесоохранительном комитете, губернском статистическом комитете и т. д. [120] Причем, если губернский предводитель входил в них в качестве члена, председательствуя в случае отсутствия губернатора, то уездный, как и в дореформенную эпоху, возглавлял все уездные коллегиальные учреждения.

Положение предводителей еще более упрочилось в связи с широко практиковавшимся совместительством должностей, что особенно характерно было для первых пореформенных десятилетий. Так, орловский губернатор в своей еженедельной записке о состоянии губернии 15 июля 1868 г. доносил министру внутренних дел: «В Орловской губернии половина предводителей занимают в качестве почетных мировых судей должности председателей съездов мировых судей... Из них трое... соединяют в себе должности председателей уездных управ... Такое совмещение мешает успеху дела. Но еще важнее, что таким образом создается по уездам неслыханная выборная диктатура». И перечислив все должности и обязанности, возложенные на предводителей, губернатор писал далее, что они имеют «исключительное влияние на

---

[113] Московские ведомости, 1883, 24 мая.
[114] Правительственный вестник, 1902, 1 сент.
[115] Там же, 3 сент.
[116] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 136.
[117] ПСЗ, II, т. 39, отд. 2, № 41475, ст. 97; ПСЗ, III, т. 4, № 2314, п. 4, примеч. к ст. 109.
[118] ПСЗ, II, т. 53, отд. 1, № 58489.
[119] ПСЗ, II, т. 49, отд. 1, № 53574.
[120] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 382—385.

все дела уезда». Позиции их усиливались в результате личных и семейных связей с влиятельными местными лицами. «Я слышу жалобы,— сообщал он,— что в таких случаях негде найти расправы» [121]. Особенно сильно было их влияние в глухих и отдаленных уездах, где они были всесильны. Такое положение порождало массу злоупотреблений и нарушений законности, о чем свидетельствуют донесения губернаторов — костромского, нижегородского, смоленского, орловского — и материалы сенаторских ревизий. Часто уездные предводители, выражая настроения наиболее реакционных помещичьих кругов, всячески противились реализации проводимых правительством реформ. И не только в 60-х годах в связи с крестьянской реформой, о чем уже шла речь выше, но и позднее. В частности, тот же орловский губернатор в своем донесении от 6 ноября 1871 г. сообщал о «противоправительственной» настроенности малоархангельского уездного предводителя Д. Я. Скарятина. Проживавший, по словам губернатора, «среди диких нравов, еще доселе не истребленных в захолустьях», предводитель олицетворял собой прямой пережиток феодальной эпохи. «Скарятин действительно зол и свиреп до невероятности, как старинный деревенский деспот,— сообщалось в конфиденциальной записке губернатора министру внутренних дел.— У него было несколько уголовных дел, замятых и, даже говорят, истребленных уездным судьей... которого он положительно для этого и провел вместе со своими единомышленниками в судьи. Скарятин и ныне своевольствует и беззаконничает, дерется и т. п., хотя жалобы на это не поступают, так как малоархангельский уезд называет его „крепостным“... В течение двух последних лет он вышел за все рамки, отчаянно агитируя против всех мер правительства и законов...» [122] И тем не менее он вновь был переизбран предводителем и утвержден в должности. Со временем состав предводителей изменился. Вместе с условиями несколько «цивилизовались» формы и методы их деятельности. Но они попрежнему оставались настоящими хозяевами уездов. Когда в 1892 г. старшего сына А. А. Половцева, государственного секретаря, крупного помещика и предпринимателя, выдвинули кандидатом в уездные предводители, отец писал в дневнике: «Я очень рад, что моему сыну досталось это занятие, т. к. ныне должность уездного предводителя представляется средоточием всей уездной административной жизни» [123].

Круг обязанностей предводителей был настолько широк, что пунктуальное исполнение всех их заранее исключалось. Фактически участие их в ряде второстепенных учреждений — тюремном комитете, приказе общественного призрения и т. п.— сводилось к росписи в журналах, которые доставлялись им на дом. Делясь опытом, старейшие из них выделяли наиболее важные обязанности, отодвигая другие на задний план и передавая иног-

да их доверенным лицам [124]. Таковые предусматривались, в частности, в школьном деле «Положением» 25 мая 1874 г. Законом же от 10 мая 1902 г., как известно, вообще предусматривались должности помощников уездных предводителей. Однако на практике институт помощников предводителей использовался крайне редко. Некоторые дворянские собрания усмотрели в этом даже намерение умалить значение предводительской должности. Да и сами предводители предпочитали лучше вообще не исполнять ряд обязанностей, чем делиться с кем-либо своими полномочиями.

*

В связи с усложнением функций местной власти вопрос о юридическом статусе предводителей, о соответствии их требованиям жизни становился все более острым. Особенно это касалось уездных предводителей. Действительно, если губернский предводитель и юридически, и фактически являлся лишь представителем сословия в губернских учреждениях, то уездный предводитель, возглавляя почти все уездные инстанции и являясь фактически главой уезда, по закону не имел единоличной исполнительной власти. Как отмечали многие современники, власть и влияние предводителя во многом зависели от его авторитета, состояния, поддержки местных дворян, знания местных условий. А это, в свою очередь, во многом зависело от продолжительности предводительской службы. Не случайно значительная часть их удерживала за собой эту должность по нескольку трехлетий. Так, Б. Б. Веселовский насчитал 49 уездных предводителей, которые служили свыше 20 лет [125]. Причем в ряде уездов предводительство в течение нескольких десятилетий принадлежало одному роду. Примерно та же картина была и с должностью губернских предводителей. В пореформенный период из 280 предводителей около $^1/_3$ замещали эту должность более трех сроков (причем 76 человек — свыше 10 лет, 17 — более 20 лет). Струковы в Екатеринославской губернии, Кантакузены и Крупенские — в Бессарабской, Осокины — в Казанской, Шиповы — в Костромской занимали ее по ряду десятилетий [126].

---

[121] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 236, л. 504—505. Еженедельная записка орловского губернатора министру внутренних дел от 15 июня 1868 г.

[122] Там же, д. 1116, л. 440—448. Конфиденциальное донесение орловского губернатора Лонгинова министру внутренних дел А. Е. Тимашеву от 6 ноября 1871 г.

[123] Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. М., 1966, т. 2, с. 228.

[124] *Трубецкой П. П.* Указ. соч.

[125] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 3, с. 224—225.

[126] *Любимов С. В.* Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи. 1777—1910. СПб., 1911.

Особое положение предводителей вытекало из специфики двойственной природы их должности (как дворянских представителей, с одной стороны, и как органов правительственной власти — с другой). Предоставляя право выбора предводителей дворянским собраниям, закон не обусловливал избрание их какими-либо особыми требованиями: баллотироваться на эту должность могли все потомственные дворяне, имевшие право голоса в собрании. Правда, это уже предусматривало наличие у кандидатов определенного имущественного и образовательного цензов. Но собрание могло остановить свой выбор и на кандидате, не удовлетворявшем этим требованиям, если лицо «службою своею и достоинствами заслужило внимание и приобрело доверие дворянского сословия» [127]. Практически же такие случаи были весьма редки, так как предводители, как правило, не получали вознаграждения. Исключение составляли лишь их коллеги в западных губерниях, назначавшиеся властями и состоявшие на казенном жалованье. В целом же правительство довольно последовательно придерживалось принципа безвозмездности предводительской службы, что должно было, во-первых, отдать ее в руки состоятельных людей и, во-вторых, обеспечить им определенную независимость.

Некоторые дворянские собрания пытались обойти это запрещение, выплачивая своим избранникам определенные суммы под видом расходов на разъезды, на содержание канцелярий и т. п. Так, в 70-х годах в Псковской губернии уездные предводители получали по 1300 руб. в год, во Владимирской губернский предводитель — до 4 тыс. руб., в Астраханской губернский предводитель — до 3 тыс., уездные — по 1500 руб., в Полтавской губернии предводителям назначались столовые деньги и т. д. Часто предводительские расходы возмещались совмещением должностей по крестьянскому, судебному или земскому управлению.

В середине 70-х годов поступил ряд ходатайств от дворянских и земских собраний с просьбой разрешить официально назначать жалованье предводителям. Директором общей канцелярии МВД Б. П. Мансуровым была составлена по этому поводу специальная записка. Она интересна тем, что в ней приведена аргументация дворянских собраний в пользу предлагаемой ими меры и отражено отношение правительства к предводительскому институту. Сделав небольшой исторический экскурс с целью создать представление о возникновении и деятельности предводителей, автор указывал, что еще сравнительно недавно эта должность, несмотря на ее обширные обязанности, была в значительной мере просто почетной и требовала «лишь средств для известного рода представительства». Дворянские собрания не испытывали особых трудностей в подборе кандидатов для ее замещения. «Теперь,— продолжал автор,— предводительская должность сде-

лалась весьма хлопотливой и ответственной, а расходы... увеличились». Поместное дворянство оскудевает. К тому же появилось много хорошо оплачиваемых должностей по местному управлению. В результате в ряде уездов складывается такая ситуация, когда дворяне не избирают, а упрашивают занять пост предводителя. А между тем, отмечалось в записке, должность эта весьма важна, так как предводитель «не только направляет работу учреждений; его участие в подборе достойных деятелей и устранении ненадежных очень важно при подборе персонала земской управы, земских гласных, мировых судей и присяжных очередного списка...». «Если же присоединить к этому,— отмечалось далее,— значение предводительского влияния в делах охраны народной школы от наплыва вредных учителей и учительниц, в деле попечительного надзора и руководства через крестьянские присутствия по крестьянскому самоуправлению, в волостных и сельских обществах, в деле беспристрастного исполнения воинской повинности, то станет ясно значение предводителей дворянства» [128]. Но признавая справедливым желание каким-то образом возместить расходы предводителей, Мансуров считал назначение им содержания от дворянства или земства неприемлемым главным образом потому, что это привело бы к полному подчинению их дворянским и земским собраниям, что никак не отвечало видам правительства. Отнесение же этих расходов на счет казны признано было весьма обременительным. Чтобы привлечь к исполнению этих обязанностей «достойных кандидатов», предлагалось повысить должность уездных предводителей с VI до V класса, шире представлять их к наградам.

Основные положения записки вполне разделял министр юстиции гр. К. И. Пален, считавший, что с назначением предводителям жалованья «должность эта тотчас обратится в предмет искательства чиновничьего честолюбия и мало-помалу может даже сделаться достоянием каких-либо голодных пролетариев или ловких нигилистов» и что «только до тех пор, пока звание предводителя совершенно безвозмездно, можно видеть в них представителей крупной поземельной собственности и охранительных сил страны» [129]. На последнее обстоятельство было обращено особое внимание в связи с ростом оппозиционных настроений. В этих условиях, по мнению министра, изменение статуса предводителей было бы политической ошибкой. В дополнение к мерам, предло-

---

[127] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 300.

[128] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-Б, 1875 г., д. 27, л. 13—18. «По вопросу о назначении содержания предводителям дворянства». Записка Б. П. Мансурова от 3 марта 1875 г.

[129] Там же, л. 24—25. Отзыв министра юстиции К. И. Палена на записку Б. П. Мансурова. 1875 г.

женным Мансуровым, он предлагал присваивать предводителям пожизненное звание почетного мирового судьи, назначать их на должности по различным ведомствам, присваивать звания губернских земских гласных без выборов. Последнее, по его мнению, способствовало бы еще большему освобождению их от влияния земских собраний [130].

Все эти доводы и меры были изложены во всеподданнейшем докладе А. Е. Тимашева от 27 марта 1875 г. Дело было передано на отзыв министров. Бывший в то время уже министром государственных имуществ П. А. Валуев, согласившись в целом с доводами МВД, нашел неудобным законодательно оформлять пункт о назначении предводителей на должности по ведомствам. По его мнению, это положение и так соблюдалось, о чем свидетельствовала практика довольно частого назначения предводителей губернаторами и вице-губернаторами. Но закреплять эту практику законодательно он считал нежелательным, так как это ограничило бы глав ведомств в подборе нужных кандидатов на вакансии [131]. В этом Валуева поддержал кн. С. Н. Урусов, возглавлявший II отделение императорской канцелярии. Он выразил также опасение, что предоставление предводителям прав земских гласных без выборов может привести к усилению розни между сословиями [132]. Тимашев согласился с этими замечаниями и внес исправления в представление. Но он категорически отверг предложение государственного секретаря Д. М. Сольского о передаче части обязанностей предводителей другим должностным лицам, усмотрев в этом желание умалить роль и значение предводительской должности. При этом он повторил ставшие уже ходульными доводы в пользу сохранения неизменным этого института и его особой роли в системе самодержавного режима. «Будучи представителями высшего и самого образованного сословия,— писал Тимашев,— предводители дворянства суть в то же время, в качестве владельцев крупной собственности, и главные представители охранительных начал государства. Нынешнее важное значение их в среде местного уездного управления сложилось и выработалось исторически. Оно служит выражением того доверия, которое правительство постоянно оказывает выборным лицам передового сословия, постепенно расширяя их авторитет и влияния» [133].

После обсуждения представления МВД Государственный совет утвержденным 28 ноября 1878 г. мнением постановил повысить класс должности уездного предводителя с VI до V, утверждать в чине статского советника предводителей, прослуживших три трехлетия. Постановлением Комитета министров для предводителей было выделено 50 наград вне общего порядка [134]. Впоследствии при введении земского положения 1890 г. было реализовано предложение о предоставлении предводителям звания губернских земских гласных без выбора.

И все же вопрос о вознаграждении предводителей не был снят. Ряд дворянских собраний (псковское, таврическое и др.) негласно продолжали выплачивать им определенные суммы в виде разъездных или вообще на безотчетные расходы. Это не являлось тайной для МВД. Однако Особое совещание по делам дворянского сословия решительно высказалось за сохранение принципа безвозмездности предводительской службы. Для привлечения «достойных кандидатов» решено было предоставить предводителям новые льготы: закон от 10 июня 1902 г. давал им право на получение государственной пенсии [135].

Весьма существенным в юридическом статусе предводителей был вопрос об утверждении их в должности. Как уже отмечалось, в отношении губернских предводителей эта процедура происходила на самом высоком уровне: по представлению МВД император утверждал в этом качестве одного из двух избранных дворянскими собраниями кандидатов. Утверждение же уездных предводителей возлагалось на губернаторов. Постановлением Комитета министров от 14 ноября 1856 г. соответствующая статья законодательства была дополнена специальным «разъяснением», согласно которому губернатор мог и не утверждать кандидатов, в благонадежности которых он сомневался, но только с ведома и согласия МВД. Секретным циркуляром от 22 мая 1857 г. это положение было доведено до сведения губернской администрации [136]. В дореформенную эпоху конфликтов на этой почве между дворянством и начальниками губерний почти не было. Предпринятую меру можно, видимо, рассматривать лишь как превентивную в связи с начавшейся подготовкой к реформе.

В пореформенные годы вопрос этот привлек внимание дворянских собраний в связи с обсуждением в середине 70-х годов статуса предводителей и новым изданием в 1876 г. «Свода законов», в котором нашла отражение и «разъясненная» статья. Стремясь обеспечить за своими избранниками большую независимость от местной администрации, собрания развернули активную кампанию за то, чтобы, во-первых, ликвидировать «разъясняющее» дополнение к ст. 238 [Свода законов..., т. 9], дававшее, по их мне-

---

[130] Там же, л. 26.

[131] Там же, л. 42. Отношение министра государственных имуществ П. А. Валуева министру внутренних дел А. Е. Тимашеву от 6 мая 1875 г.

[132] Там же, л. 48—50. Отношение кн. С. Н. Урусова от 21 мая 1875 г.

[133] Там же, л. 88. Отношение министра внутренних дел А. Е. Тимашева государственному секретарю Д. М. Сольскому от 27 мая 1877 г.

[134] Там же, л. 47. Справка по общему департаменту МВД. 1902 г.

[135] ПСЗ, III, т. 22, отд. 1, № 21641.

[136] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-Б, 1879 г., д. 51, л. 22—24. Копия секретного циркуляра МВД начальникам губерний от 22 мая 1857 г.

нию, повод если не к обвинению, то к подозрению сословия в неблагонадежности, и, во-вторых, передать утверждение уездных предводителей Сенату. По повелению Александра II первый вопрос был рассмотрен Комитетом министров, который решил изъять злополучную фразу. Формально претензии дворянства были удовлетворены, но положение ни фактически, ни юридически не изменилось: та же формулировка статьи осталась в «Общем учреждении губернском» [Свод законов..., т. 2, ст. 506]. Ходатайства второго рода, особенно настойчивые и многочисленные, МВД отклонило, сославшись на то, что этот вопрос уже рассматривался Государственным советом в 1878 г. Тогда действительно возникли сомнения в правомочности губернаторов утверждать уездных предводителей. Дело в том, что, согласно закону, начальники губерний имели право утверждать выборных чиновников в должности не выше VII класса. Должность же уездных предводителей, как известно, повышалась до V класса и, таким образом, выходила из их компетенции. И тем не менее Государственный совет, стремясь сосредоточить в руках губернатора влияние на всю уездную администрацию, оставил в силе прежнее положение. В результате положение предводителей, несмотря на определенное расширение их административных функций, принципиально не изменилось.

Нельзя сказать, чтобы правительство было вполне удовлетворено деятельностью предводительского института. Ему были присущи все черты, характерные для дворянской полуофициальной администрации. Как отмечал в своих воспоминаниях бывший товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, проведенное в 1908 г. обследование деятельности уездных предводителей показало, что лишь около половины их исполняет до 50% своих обязанностей, а $^1/_2$ — почти не занимается текущим управлением и большей частью проживает в городе [137]. Эти сведения отчасти подтверждаются справкой, составленной, видимо, на основании данных того же обследования канцелярией МВД на 1905—1908 гг. [138] В ней отмечалось, что в большинстве губерний предводители живут в уездах, но что есть и такие губернии, где больше половины их живет в городах и в уездах бывает лишь наездами. Так, в Московской губернии в уездах жили лишь 6 предводителей (46%), в Орловской — 5 (41%), в Петербургской — 1(12%). Из 318 предводителей 68 совмещали самые различные должности — вплоть до уездного врача-акушера.

Эта же проблема предводительского абсентеизма была характерна, хотя и в меньшей степени, и для губернских предводителей. В частности, они, как известно, входили в состав заседателей судебных палат при рассмотрении дел о государственных преступлениях. Однако обычно под предлогом занятости они уклонялись от участия в заседаниях. До определенного времени на это

не обращалось внимания. Но в связи с ростом числа и важности таких дел совещание старших председателей и прокуроров палат осенью 1904 г. вынуждено было поставить вопрос о замене их другими кандидатами, что вызывало озабоченность МВД [139]. И тем не менее в ходе обсуждения нового проекта реорганизации местного управления верх взяло мнение о необходимости сохранения прежнего положения предводителей дворянства.

*

Итак, в дореформенную эпоху дворянская сословная организация дополняла и восполняла местный бюрократический аппарат самодержавия. Неразвитость социально-экономической структуры общества, базировавшейся в основном на вотчинной организации деревни, в общем соответствовала системе местного управления.

Поместное дворянство, державшее фактически в своих руках всю уездную администрацию, суд, полицию, располагавшее всей полнотой вотчинно-полицейской власти, выступало и как контрольная над местной властью инстанция в масштабах всей губернии. В то же время самодержавие и в этой области придерживалось принципа тщательной регламентации деятельности дворянской корпорации, что находило выражение как в установлении цензовых условий для кандидатов на вакансии, так и в системе утверждения их в должностях. Сама служба в выборных дворянских органах приравнивалась к государственной. И не случайно «Устав о службе правительственной» в дореформенном «Своде законов...» был помещен в одном томе [т. 3] с «Уставом о службе по выборам».

Преобразования 60—70-х годов настоятельно требовали и реорганизации местного управления. Ход этой реорганизации еще и еще раз наглядно показал всю непоследовательность и ограниченность реформ, проведенных самодержавием в интересах господствовавшего класса. В результате взаимодействия трех основных тенденций: стремление самодержавия к централизации и бюрократизации всего аппарата управления; отстаивание дворянством старого сословного принципа организации и комплектования органов власти; вынужденная для всех необходимость счи-

---

[137] *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Петрополис, б. г., с. 137—138.

[138] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1378, л. 6—7. Записка о деятельности уездных предводителей дворянства в уездных присутствиях. 1908 г.

[139] Там же, оп. 1, 1904 г., д. 75, л. 2. Справка по канцелярии МВД по делам дворянства. 20 октября 1904 г.

таться с потребностями социально-экономического развития страны, в частности с растущими потребностями в организации местного самоуправления на новых, буржуазных началах,— равнодействующая при сложившемся соотношении сил оказалась, естественно, в большей зависимости от двух первых факторов. Следствием было то, что общей перестройки системы местного управления не произошло: рядом с новыми учреждениями, тесно переплетаясь с ними, продолжали функционировать старые, построенные на дореформенной основе органы, в организации и комплектовании которых утвердился бюрократически-сословный принцип.

Несмотря на формальное сужение своей компетенции, дворянские собрания продолжали оказывать влияние на состав и направление деятельности органов местного управления как через предводителей, компетенция которых даже расширилась, так и через своих представителей, занимавших различные должности в этой системе. Более того, в связи с реорганизацией крестьянского управления и введением земств сфера влияния дворянских обществ значительно расширилась. Особую роль в этой системе играл предводительский институт, остававшийся живым олицетворением пережитков феодальной эпохи. Являясь выборными представителями сословия, предводители дворянства в то же время были и правительственными чиновниками, принимавшими, как отмечал В. И. Ленин, непосредственное участие в управлении государством [140]. Предводительская должность часто была своеобразным трамплином в служебной карьере дворян.

Таким образом, и в этой области наблюдалось прямое слияние правительственных и сословных органов. Наиболее сильным влияние дворянских обществ было в уездном звене управления, а из отраслей — в самой обширной из них сфере крестьянского управления, где наиболее полно сохранялись дореформенные принципы организации власти и методы администрирования. Не случайно В. И. Ленин неоднократно отмечал дворянский, помещичьий характер крестьянского управления [141]. Именно здесь буржуазный принцип разделения судебных и административных функций власти встречал наибольшие препятствия. Отмечая крепостнический характер буржуазных преобразований, проведенных самодержавием, В. И. Ленин писал: «Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве» [142]. Это положение фактически сохранялось на всем протяжении рассматриваемого периода.

Неэффективность и просто непригодность старых органов местного управления становилась все более очевидной. Им были присущи не только недостатки, свойственные самодержавно-бюрократическому аппарату власти вообще, но и черты, усугубляв-

шие эти недостатки и характерные для старосословных, дворянских учреждений — помещичий партикуляризм, барство, крайне низкий уровень подготовки должностных лиц, их неумение и нежелание считаться с новыми условиями и потребностями жизни и т. п. И тем не менее самодержавие упорно продолжало придерживаться продворянской ориентации в организации и комплектовании местных органов власти и самоуправления. Более того, в восстановлении старых принципов оно рассчитывало найти средство борьбы с нежелательными последствиями своих собственных вынужденных преобразований.

---

[140] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 100.
[141] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 87; т. 7, с. 180.
[142] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

Глава пятая

ПЕТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯНСКИХ СОБРАНИЙ

Право дворянских собраний подавать прошения и жалобы, обращаться с представлением во все инстанции вплоть до верховной власти, считалось одной из важнейших политических привилегий высшего сословия. Оно было предусмотрено еще «Жалованной грамотой» 1785 г., откуда перешло в дореформенный «Свод законов», где оговаривалось неоднократно. Статьи 112, 113 «Законов о состояниях» [1857] гласили, что дворянские собрания могут обращаться с ходатайствами о своих нуждах через губернских предводителей или специально избранных депутатов к губернаторам, министрам, а в важных случаях — и к самому императору, адресуя просьбу в собственные руки монарха. Уже само по себе непосредственное обращение к верховной власти — а не через канцелярию прошений — провозглашалось совершенно исключительной привилегией дворянства. Но еще более важной считалась ст. 135, которая предоставляла собраниям право заявлять не только о своих сословных нуждах, но и о «прекращении местных злоупотреблений и об устранении неудобств, замеченных в местном управлении, хотя бы они происходили и от общего какого-нибудь постановления». Таким образом, закон в очень осторожной форме открывал перед собраниями возможность выражать свое мнение и по некоторым общеполитическим вопросам. Такие ходатайства, «когда они изложены с соблюдением всех приличий», не считались противозаконными. В то же время категорически, под угрозой штрафа собраниям запрещалось «составлять положения, противные законам».

В дореформенную эпоху, вплоть до обсуждения проектов крестьянской реформы, дворянство фактически не пользовалось этим правом в полном объеме, ограничиваясь, как правило, отдельными прошениями о своих непосредственных «пользах и нуждах». Как обстояло дело в этом плане в пореформенное сорокалетие? В предшествующих главах изложены ходатайства дворянских собраний, главным образом по сословно-организационным вопросам и отчасти по проблеме участия дворянства в местном управлении. Рассмотрим важнейшие направления дворянских требований по общим социально-экономическим и политическим проблемам и отношение к ним правительства.

1. ДВОРЯНСКИЕ СОБРАНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 60—70-х ГОДОВ

Начало 60-х годов XIX в. отмечено необычно активным выступлением дворянских обществ. Ни ранее, ни впоследствии залы заседаний собраний не собирали столь многолюдных аудиторий. Объяснялось это как остротой волновавших сословие проблем, так и тем обстоятельством, что дворянство в массе своей впервые открыто вышло на арену политической жизни. На первом плане, естественно, оказались вопросы, связанные с реализацией крестьянской реформы, необходимой перестройкой помещичьих хозяйств, ломкой старых отношений в деревне.

Еще в ходе выработки проектов крестьянского «Положения» в правящих кругах и в среде высшего сословия выявились острые разногласия. Борьба шла в основном между крепостниками, стремившимися в возможно более полном виде сохранить прежнее положение, и либералами, так или иначе осознавшими необходимость преобразований. Позиции сторон не оставались неизменными. В частности, поставленные перед неизбежностью ликвидации личной зависимости крепостных реакционеры еще накануне реформы все свои усилия направили на максимальное сохранение всей помещичьей земли за дворянством. Этого предполагалось достигнуть или прямо, путем безземельного освобождения крестьян, или в несколько завуалированной форме, когда в течение неопределенного по времени переходного периода сохранялась в почти прежнем виде феодальная эксплуатация с удержанием за помещиками права распоряжения всей землей. Либералы выступали за немедленное освобождение крестьян с наделом за выкуп, причем большинство их высказывалось за 50%-ную отрезку крестьянской земли [1]. Это была борьба, как отмечал В. И. Ленин, внутри господствующего класса и велась она «исключительно из-за меры и формы уступок» [2].

Правительственная программа реформы в этом плане была как бы компромиссом. Она также была рассчитана на сохранение крупного дворянского землевладения с постепенным переводом его на новые способы хозяйствования и на создание самостоятельного мелкого крестьянского землевладения. Освобождение крестьян с землей обусловливалось целым рядом экономических и политических соображений: во-первых, крестьянское хозяйство представляло собой весьма важный сектор товарного производства зерна; во-вторых, оно являлось важнейшим источником доходов казны и исполнителем разного рода натуральных повинно-

[1] *Захарова Л. Г.* Дворянство и правительственная программа отмены крепостного права в России.— Вопросы истории, 1973, № 9.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

стей; в-третьих, оно должно было, по замыслу авторов проектов реформы, избавить крестьянство от «язв пролетарства», предохранить страну от взрыва классовых противоречий, столь явственно обнаружившихся в капиталистической эволюции стран Западной Европы. И наконец, учитывая, что помещики в основной своей массе не были подготовлены к немедленному переходу к новым способам хозяйствования, реформа предусматривала сохранение для них в течение неопределенного времени привычного объекта эксплуатации, каким могло быть только располагавшее определенными производственными возможностями крестьянское хозяйство, тесно привязанное к помещичьему экономически и опутанное сетью полуфеодальных отношений.

«Положение» 19 февраля 1861 г., скорректированное с учетом интересов помещиков, предоставило им широкие возможности для выбора путей перестройки своих имений [3]. Они могли продолжать взыскивать барщину и оброк, нормированные законом, но не ограниченные сроком, так как выкуп крестьянских наделов и прекращение временнообязанных отношений предоставлялись на их усмотрение; они могли и прекратить эти отношения путем или добровольного соглашения о выкупе, или предоставлением «дарственных» четвертных наделов, или путем принуждения крестьян к обязательному выкупу. В последнем случае они, правда, теряли часть (20—25%) выкупной суммы. В основу выкупа был положен капитализированный из 6% денежный оброк. В соответствии с этим обязательным условием выкупной операции был предварительный перевод на оброк барщинных крестьян. Все первоначальные расходы по выкупной операции брала на себя казна. Она немедленно расплачивалась с помещиками, получавшими выкупную сумму, за вычетом банковских долгов, гарантированными процентными бумагами. Крестьяне, юридически объявлявшиеся земельными собственниками, обязаны были ежегодно в течение 49 лет вносить государству выкупные платежи и проценты по ссуде. Правительство рассчитывало, что переход на выкуп произойдет быстро и безболезненно для обеих сторон, путем добровольных соглашений, что крестьяне, став свободными собственниками, сумеют без труда рассчитаться с казной, а помещики, получив крупные средства, смогут перейти от крепостного к вольнонаемному труду. Однако исход преобразования зависел от целого ряда факторов, среди которых важнейшими были соотношение общественных сил и экономические условия хозяйственно отсталой страны.

Несмотря на чрезвычайно внимательное отношение правительства к интересам помещиков — Александр II не без основания заявил, что сделано все возможное для ограждения их выгод, подавляющая часть дворянских собраний открыто высказала свое недовольство реформой. «Положение» не удовлетворило ни кре-

постников, добивавшихся сохранения в той или иной форме всей земли за помещиками, ни либералов, требовавших немедленного выкупа, но при большей отрезке крестьянских земель. Зная о настроениях помещиков, МВД еще в 1859 г. перед зимней сессией дворянских собраний оповестило губернских предводителей, что дворянству запрещается обсуждать вопросы, связанные с освобождением крестьян. Это вызвало недовольство помещиков. Ряд собраний выразили протест против ущемления своих «законных» прав. Но циркуляр был подтвержден ссылкой на «высочайшее» повеление[4]. Чтобы не раздражать высшее сословие, в декабре 1860 г. МВД предложило включить в повестку собраний ближайшей сессии 5 пунктов, касавшихся менее острых вопросов: о пересмотре устава о дворянских выборах, о губернских земских повинностях, о поземельном кредите, о реорганизации местной медицинской части и о правилах по найму сельскохозяйственных рабочих[5]. Но маневр не удался. Бóльшая часть собраний использовала предложенную программу как повод для обсуждения самых насущных проблем и для выражения своих оппозиционных настроений.

Наибольшим размахом помещичьей фронды была отмечена дворянская сессия 1861—1862 гг. Ряд собраний (тульское, смоленское, московское, харьковское, псковское, воронежское, петербургское, рязанское, нижегородское, тамбовское, симбирское и др.) заявили о неприменимости «Положения», о необходимости его пересмотра. Инициаторами выступили лидеры реакционного крыла сословия: в московском собрании Н. А. Безобразов, гр. В. П. Орлов-Давыдов и Д. Д. Голохвастов, в петербургском — двое первых и А. П. Платонов, в тульском — М. Н. Лонгинов и гр. В. Бобринский, в симбирском — В. В. Орлов-Давыдов и Д. Н. Шидловский, в псковском — гр. А. А. Бобринский и В. Д. Скарятин и т. д. Наиболее полно программа крепостников была изложена в записке и выступлениях Н. А. Безобразова в январе 1862 г. перед московским дворянством[6]. Он утверждал, что «Положение» находится в вопиющем противоречии с «Жалованной грамотой», что оно нарушает законные права дворян, покушается на священную дворянскую собственность. В связи с этим предлагалось ходатайствовать о созыве государственного

---

[3] *Дружинин Н. М.* Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне.— Вопросы истории, 1968, № 12; *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968; и др.

[4] *Сватиков С. Г.* Общественное движение в России. Ростов н/Д, 1905, ч. 2, с. 17—18.

[5] *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957, с. 64.

[6] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1092, л. 159—166. «О всеподданнейшем прошении московского дворянства». Доклад по Особенной канцелярии МВД. 1862 г.

дворянского собрания, которое бы «исправило» реформу в соответствии с основами «Жалованной грамоты». До окончания работы по пересмотру «Положения» полностью сохранялись помещичье землевладение, вотчинно-полицейская власть помещиков над крестьянами, которые и именоваться должны были не временнообязанными, а поместными [7]. С этой платформой реакционеры выступили и в некоторых других собраниях. Но она нигде не собрала необходимых $^2/_3$ голосов, хотя и пользовалась сочувствием многих — в ряде случаев большинства — участников. Возвращение к дореформенным порядкам было признано невозможным. К такому выводу помещиков вынуждала обстановка, сложившаяся в деревне. Крестьяне отказывались принимать и подписывать уставные грамоты, прекращали выполнение барщины и уплату оброка, неисправно отбывали повинности. Во многих местах вспыхнули массовые крестьянские волнения, подавленные лишь с применением воинской силы. В этих условиях даже крепостники, возражавшие против выкупа земельных наделов, стали требовать изменения «Положения» в плане ускорения выкупной операции. В общей массе дворянских ходатайств по этим вопросам преобладали постановления, составленные в умеренно-либеральном духе. Многие пункты их были результатом компромиссов, являя собой причудливое сочетание настроений вчерашних душевладельцев, далеко не отрешившихся от крепостнической психологии, но вынужденных считаться с фактом отмены крепостного права и сложившейся обстановкой, и либералов, рассчитывавших упрочить свои позиции путем использования новых форм хозяйствования и норм буржуазного правопорядка.

Ходатайства собраний, сгруппированные во всеподданнейших докладах П. А. Валуева в соответствии с их направлениями по вопросам, требовавшим пересмотра крестьянского «Положения», сводились к следующему: 1) провозглашение принципа обязательного выкупа наделов крестьянами с безусловной выплатой помещикам полной выкупной суммы и немедленное разверстание угодий; 2) предоставление помещикам безусловного права переводить крестьян с барщины на оброк без их согласия и гарантия правительством правильного поступления оброчных платежей; 3) предоставление владельцам барщинных имений переводить своих крестьян на выкуп без предварительного перевода их на оброк; 4) законодательное подтверждение неприкосновенности помещичьей собственности [8]. Включение этих пунктов в дворянские ходатайства продиктовано было как опасением конфликтов с крестьянами на почве отбывания ими барщины, так и стремлением помещиков перейти к денежному оброку, поступление которого легче контролировалось и в получении которого можно было рассчитывать на содействие властей. Стимулы к переводу крестьян на выкуп, помимо того же страха перед крестьянскими волне-

ниями, ожиданием крестьянами «подлинной воли», усиливались желанием помещиков быстрее получить на руки выкупные суммы, закрепить за собой собственные угодья и, рассчитавшись с долгами, попытаться как-то перестроиться применительно к новым условиям.

Однако перевод крестьян на выкуп мыслился далеко не одинаково. Так, тверское собрание высказалось за немедленное прекращение временнообязанных отношений, за наделение крестьян землей в соответствии с «Положением», заявив при этом, что «обязательное предоставление крестьянам земли в собственность с вознаграждением помещиков при содействии правительства не может считаться нарушением прав собственности, а представляет единственное средство обеспечения общественных и имущественных интересов дворянства» [9]. Воронежское же дворянство, стремясь в максимальной степени сохранить помещичье землевладение, ходатайствовало о праве землевладельцев предоставлять крестьянам в собственность даровой четвертной надел и об обязательном принятии крестьянами такого надела. Обязательные отношения и в этом случае должны были сохраняться 9 лет. Но при непоступлении оброка, хотя бы в течение одного года, крестьяне окончательно лишались права на землю [10].

Впрочем, конкретные предложения, касавшиеся перевода крестьян на выкуп, высказаны были весьма немногими собраниями. Бóльшая часть их ограничилась неопределенными заявлениями о неприменимости отдельных статей «Положения». С целью их пересмотра воронежское, рязанское, тульское, смоленское собрания предложили — совсем в духе безобразовской записки — создать специальные комиссии из местных помещиков. Тульское дворянство с этой же целью просило об учреждении центральной комиссии, в которую наряду с правительственными экспертами входили бы выборные от дворянства каждой губернии. Комиссия должна была иметь право представлять свои соображения непосредственно императору [11]. Таким образом, предлагалось нечто вроде нового издания губернских комитетов и редакционной комиссии для ревизии крестьянской реформы в соответствии с помещичьими требованиями.

---

[7] Там же, л. 52—53. Заключительные пункты из мнения Безобразова.

[8] Там же, д. 1103, л. 1—7, 10—11, 103. Всеподданнейшие доклады по Особенной канцелярии МВД от 8, 23 февраля 1862 г. и 14 февраля 1863 г.

[9] Там же, д. 1038, л. 32—33. Копия постановления тверского дворянского собрания от 1—4 февраля 1862 г.

[10] Там же, д. 1091, л. 17—18. Копия постановления воронежского дворянского собрания от 10—26 января 1862 г.

[11] Там же, д. 1096, л. 15—17. Копия прошения тульского дворянства от 29 декабря 1861 г.

Условиями перехода к новым способам хозяйствования должны были стать кредит и упорядочение найма рабочей силы. И здесь, особенно по первому вопросу,— дворянство предъявило правительству самые серьезные претензии. По общему мнению, прекращение государственного кредита в момент ликвидации обязательного крепостного труда поставило помещиков на грань разорения. Дело в том, что правительство еще в 1859—1860 гг. упразднило дореформенные кредитные учреждения, в которых накануне реформы помещики заложили $^2/_3$ своих крепостных на сумму свыше 425,5 млн. рублей. Деньги в основном были истрачены непроизводительно, и дворяне, привыкшие жить в долг, почувствовали себя «не в своей тарелке». Выкупная операция только развертывалась, а рынок был уже наводнен выкупными свидетельствами, ценность которых быстро падала. Новая кредитная система еще не была создана. Страна переживала острый финансовый кризис. По мнению собраний, устройству ипотечного кредита препятствовали «обнаружившаяся шаткость понятий о поземельной собственности», несовершенство договорного законодательства, низкий курс рубля, сложность реализации выкупных свидетельств [12]. Меры для преодоления этих затруднений предлагались самые различные — и усовершенствование оценки помещичьих земель, и определение ценности денег по биржевому курсу, и облегчение размена выкупных свидетельств, и т. п. Но главными были предложения об издании закона о неприкосновенности частновладельческих земель, чего особенно настойчиво требовали помещики в связи с завершением в 1863 г. срока введения уставных грамот, и об учреждении земельных банков. Одни собрания высказывались за учреждение губернских земельных банков, другие — за организацию государственной ипотеки. Разнясь в деталях, почти все эти проекты имели один исходный пункт — обязательную финансовую помощь государства. Курское дворянство, например, категорически заявило, что без содействия казны организация ипотеки — да и вообще развитие сельского хозяйства — немыслимы. Собственно, и свое требование об обязательном выкупе оно прямо связывало с отсутствием привычного кредита и готово было отказаться от него в случае создания ипотечной системы [13]. Примерно тех же взглядов придерживалось и симбирское собрание, указавшее и источник средств для покрытия расходов по выкупной и кредитным операциям: им должна была стать распродажа бездоходных казенных имуществ [14].

По вопросу о найме рабочей силы МВД свело смысл дворянских ходатайств к следующему: 1) установление найма на началах свободного соглашения без всякой регламентации; 2) замена паспортов расчетными книжками; 3) разрешение споров по договору о найме мировыми посредниками. Изложенные в таком ла-

коничном виде пункты не дают полного представления о взглядах дворянства на этот вопрос. Конечно, помещики еще не представляли всей сложности этой проблемы, так как практически для большинства их она еще не стала на повестку дня. Об этом говорит и тот факт, что многие собрания (воронежское, тульское, рязанское и др.) так и не высказались сколько-нибудь определенно по этому вопросу. Но уже тогда была сформулирована мысль об обязательности рабочих книжек, которые поставили бы нанимавшихся в зависимое положение от нанимателей. Еще не успев перевести хозяйства на вольнонаемный труд, московские дворяне уже просили об издании «новых строгих законов для удержания рабочих от произвола их действий», о предоставлении мировым посредникам права окончательного решения споров между сторонами, об установлении строгой ответственности должностных лиц за бездействие при нарушении рабочими своих обязательств, о мерах борьбы против переманивания рабочих [15]. Комиссия херсонского дворянства, готовившая материалы к собранию, предлагала все убытки помещиков в случае неисполнения рабочими договоров возмещать за счет крестьянских обществ, отпустивших их на заработки [16]. Тенденция к установлению внеэкономических, принудительных форм и методов эксплуатации наемного труда прослеживается при изучении материалов дворянских собраний со всей очевидностью.

Комплекс социально-экономических требований дворянства дополняли весьма разнородные пункты: об улучшении путей сообщения, о пересмотре сельского устава с целью усиления мер борьбы с потравами и порубками; о принятии мер к мировым посредникам, «пристрастным», по мнению помещиков, к крестьянам, о помощи правительства мелкопоместным дворянам и т. п. Среди них прозвучали и столь типичные для более позднего времени ходатайства о различных льготах. Псковское собрание просило об освобождении помещичьих земель от всяких налогов в продолжении 20 лет; полтавское, курское, харьковское — о восстановлении дворянских привилегий в винокурении; курское, смоленское — о приостановке продажи имений за долги впредь до окончания выкупной операции. Широкую поддержку получили ходатайства смоленского дворянства о переводе части помещичь-

[12] Там же, д. 1108, л. 3. Всеподданнейший доклад Особенной канцелярии МВД от 8 февраля 1862 г.

[13] Там же, д. 1100, л. 22—25. Копия постановления курского дворянского собрания, январь-февраль, 1862 г.

[14] Там же, д. 1108, л. 57. Всеподданнейший доклад МВД по ходатайству симбирского дворянства, декабрь 1862 г.

[15] Там же, д. 1092, л. 25. Мнение дворян московской губернии. 22 декабря 1861 г.

[16] *Зеленый Г.* Херсонское дворянство и Херсонская губерния в 1862 г.— Северный вестник, 1889, т. 8, отд. 2, с. 68.

их долгов на крестьянские земли и петербургского собрания (1863 г.) о повышении процента выкупных свидетельств и о невычете по желанию помещиков банковских долгов из выкупных сумм с постепенным погашением их за счет доходов с соответствующей части временно удерживавшихся казной процентных бумаг.

Тесно связанной с социально-экономическими требованиями дворянства была и подавляющая часть выдвинутых собраниями ходатайств, направленных на некоторую модернизацию политического строя и правовых норм. Среди них наиболее распространенными оказались постановления о необходимости введения всесословного, устного и гласного суда с независимыми и несменяемыми судьями и местного земского самоуправления с выборными должностными лицами, исправлявшими обязанности без утверждения администрации и смещавшимися только по суду. Реализация этих пунктов должна была не только обеспечить минимум необходимых условий для утверждения основ буржуазного правопорядка и хозяйствования, но и просто оградить личность от административно-полицейского произвола. Так, в ответ на направленный П. А. Валуевым осенью 1862 г. циркулярный запрос губернаторам об отношении дворян к предполагаемой судебной реформе орловский губернатор Н. П. Бороздин сообщал, что даже самые закоренелые приверженцы крепостного права признают необходимость реорганизации суда. «Нельзя сказать,— объяснял он,— чтобы многие не сожалели бы о прежнем самоуправстве, но между ними проявляются чувства самосохранения, вследствии которого они желают более деятельную и сильную полицию, которая могла бы на самом деле оградить их собственность, а вместе с тем чувствуют необходимость судов, которые бы их оградили от незаконных действий полиции» [17]. Об этом же писал и тульский губернатор Дараган: «...нынешнее судопроизводство лежит тяжким гнетом, и несостоятельность его так очевидна для всех, что надежда избавиться от него — не могла не произвести общего и полного удовлетворения» [18]. Несмотря на провозглашавшуюся всесословность, под юрисдикцию этого суда фактически не попадала подавляющая масса крестьянских дел, решение которых предполагалось отдать мировым учреждениям и подведомственным им волостным судам. Таким образом, регулирование правовых отношений между крестьянами и помещиками в значительной мере возлагалось на последних. Земское самоуправление, как мы видели, также мыслилось как один из способов удержать и закрепить за помещиками руководящие позиции.

Весьма широкий общественный резонанс имели содержавшиеся в ряде ходатайств и адресов предложения об учреждении в той или иной форме центрального выборного представительст-

ва[19]. Идея эта выражена была собраниями весьма неопределенно. Воронежское, смоленское, тульское собрания высказались за созыв выборных только от дворянства; московское, тамбовское, екатеринославское и тверское — за представительство от всех сословий. Весьма туманно представляли авторы адресов и компетенцию этого органа. Так, московское дворянство задачу его видело в «согласовании законов империи с насущными потребностями», тамбовское и тверское — вообще в «участии в делах законодательства». Воронежское и смоленское собрания намерены были через своих выборных представителей «участвовать в составлении законов, чтобы предупредить их частую изменяемость» и вообще участвовать «в делах общественного управления». Тульское дворянство главной задачей их считало пересмотр «Положения» 1861 г., а екатеринославское ограничивало деятельность «депутатов от всей Русской земли» лишь «совместным обсуждением и управлением делами о земских повинностях». Объединяло все проекты то, что деятельность выборного представительства мыслилась только как совещательная, а конкретная его организация и компетенция отдавались на усмотрение верховной власти. Предложения о созыве выборных рассматривались и рядом других собраний, но или были найдены «преждевременными», или отклонены под различными предлогами. Так, предложение о созыве «собора земли русской» обсуждало рязанское собрание. Но проект адреса был забаллотирован. В знак протеста 5 уездных предводителей с 80 дворянами (из 176 присутствовавших) покинули зал заседания[20]. Отклонило предложение о созыве выборных и петербургское собрание. Несмотря на ограниченность, непоследовательность и разноплановость предложений по этому вопросу, различие целей, преследовавшихся их авторами и сторонниками, сам по себе факт подобных выступлений высшего сословия явился одним из первых признаков кризиса самодержавного режима. Отмечая этот факт, вскрывший противоречия внутри правящего лагеря, В. И. Ленин писал: «Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс — дворянство — обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений»[21]. Эту же цель отча-

---

[17] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 60, л. 7—9. Донесение орловского губернатора министру внутренних дел от 23 октября 1862 г.

[18] Там же, л. 10—11. Донесение тульского губернатора министру внутренних дел, октябрь 1862 г.

[19] Там же, оп. 2, д. 1124, л. 23—24. Справка по общей канцелярии МВД. 1862 г.

[20] Там же, д. 1107, л. 5. Копия телеграммы рязанского губернатора от 3 марта 1862 г.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 26.

сти преследовали и ходатайства о выборности ряда местных административных и судебных должностей, об опубликовании и гласном обсуждении — «как средства успокоения умов» — государственного бюджета и вопросов, касающихся преобразований и т. п. Все эти требования, объективно отражавшие потребности буржуазного развития, по своей субъективной направленности в значительной мере отражали стремление высшего сословия удержать и упрочить свои господствующие позиции, перехватить у правительства инициативу в проведении преобразований, подчинить их своим интересам. Какова же была реакция самодержавия на дворянские ходатайства?

*

Отношение правящих кругов к требованиям, выдвинутым собраниями, было далеко не однозначным. МВД, анализируя причины дворянской оппозиционности, главной из них считало недовольство условиями крестьянской реформы. П. А. Валуев во всеподданнейшем докладе от 8 февраля 1862 г. отмечал, что во всех постановлениях собраний прослеживаются общие черты: «напряженное состояние умов, чувства неудовольствия, обращаемые на нынешние условия хозяйственного быта и порядка администрации, и стремление приобрести и удержать за собой инициативу в делах преобразований, которые дворянство признает необходимыми» [22]. Пытаясь ослабить эти настроения и ввести деятельность собраний в «законное» русло, министр обратился к губернским предводителям с циркулярным письмом. В нем указывалось, что дворянство в ряде случаев вышло за пределы отведенной ему компетенции. Это выразилось преимущественно в постановлениях, противоречащих основным положениям реформы, в неумеренных ходатайствах о льготах, а главное — в претензиях на участие в государственном управлении. Отметив, что правительство «озабочено стеснительным положением» помещиков, Валуев обещал учесть пожелания собраний, но только в тех пределах, в которых это возможно «без прямого нарушения общих польз государства». И обращаясь к предводителям за содействием, он, с одной стороны, призывал их к сотрудничеству ввиду общности правительственных и сословных интересов, а с другой — предостерегал дворянство от вмешательства в вопросы, составлявшие прерогативу высшей власти [23].

Однако это увещевание не возымело действия, и в следующем циркулярном письме от 20 марта 1862 г. Валуев обращает внимание предводителей на факты неправильного толкования дворянскими собраниями статей закона, определявших их компетенцию. В письме указывалось, что «прошения и представления, не касающиеся местных нужд, не подлежат, на основании действую-

щих законов, обсуждению в дворянских собраниях и не могут быть предметом ходатайств, обращаемых к высшему правительству». Те же «местные» обоснования, по мнению МВД, должны лежать и в основе прошений об изменении или дополнении общих законоположений [24].

Этому циркуляру предшествовало специальное заседание Комитета министров, состоявшееся в феврале этого же года, на котором рассматривалось представление МВД по поводу поступивших дворянских ходатайств. Все они были разделены на 4 группы: 1) постановления по вопросам, переданным на обсуждение собраний; 2) предложения, возникшие в связи с введением «Положений» 19 февраля; 3) постановления, имевшие отношения к местным нуждам, но касавшиеся и общего законодательства — о земском управлении, судопроизводстве; 4) ходатайства, выходящие из компетенции дворянства (созыв выборных и т. п.). Дела первых двух категорий передавались на рассмотрение МВД. По ходатайствам, относившимся к 3-й группе, министерству предлагалось довести до сведения дворянства, что «эти вопросы не могут подлежать одностороннему разрешению по предложениям того или другого отдельного губернского собрания, но составляют предмет общей заботливости высшего правительства и в настоящее время не только имеются в виду, но и подвергнуты тщательному и всестороннему обсуждению». И наконец, по постановлениям, касавшимся общих политических вопросов, собраниям лаконично и твердо объявлялось, что все такие ходатайства «оставлены без последствий» [25].

Отвергнув политические притязания дворянских обществ, самодержавие во многих других вопросах пошло им навстречу. Прежде всего были устранены наиболее скомпрометировавшие себя в глазах помещиков либерально настроенные чиновники [26]. Правительство сделало им существенные уступки и в ходе реализации реформы. Первое крупное изменение в «Положении» было связано с принятием Государственным советом закона от 27 июня 1862 г., которым разрешалось переводить крестьян на выкуп без предварительного перевода на оброк. Владельцы таких имений получали выкупную ссуду даже в бо́льших размерах,

[22] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1108, л. 5 об. Всеподданнейший доклад по Особенной канцелярии МВД. 8 февраля 1862 г.

[23] Там же, д. 1093, л. 9. Циркулярное письмо П. А. Валуева губернским предводителям от 16 января 1862 г.

[24] Там же, д. 1114, л. 199—202. Циркулярное письмо МВД губернским предводителям от 20 марта 1862 г.

[25] Там же, д. 1106, л. 36—37. Конфиденциальное уведомление МВД от 7 марта 1862 г.

[26] *Дружинин Н. М.* Главный комитет об устройстве сельского состояния.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 269—286.

чем за оброчных крестьян. Это потребовало от казны дополнительных расходов, но давало некоторый выигрыш в том плане, что снимало запутанность отношений в барщинной деревне и позволяло легче контролировать поступление платежей [27]. Было облегчено заключение сделок о предоставлении крестьянам дарового надела. По поводу просьб о переводе помещичьих долгов на крестьянские земли было решено, что ответственность за их уплату остается на помещиках, но крестьянские земли становятся обеспечением погашения долгов. Таким образом, помещичьи земли освобождались от части задолжности и могли быть снова заложены в кредитных учреждениях. Эта мера была дополнена рядом других — разрешением рассрочек долгов, выдачей денежных ссуд из казны, разрешением вычитать при продаже помещичьей земли только ту часть долга, которая соответствовала отчуждаемой части имения и т. д.

Помимо льгот, были приняты решения об оказании прямой финансовой помощи ряду категорий помещиков. Так, правительство ассигновало 5 млн. руб. для выплаты пособий мелкопоместным владельцам. Более 900 тыс. руб. получили русские помещики западных губерний в возмещение потерь от проведения здесь обязательного выкупа с понижением оброка на 20%. С учетом дворянских ходатайств были разработаны законы об отмене крепостного права в Грузии, где условия реформы отличались еще большим сохранением феодальных пережитков [28].

Что касается кредита помещикам, то фактически он был открыт в форме выкупных свидетельств. Правительство опасалось выплачивать выкупные ссуды наличными деньгами, вполне резонно полагая, что это приведет к инфляции и девальвации рубля. Но оно предоставило возможность владельцам оброчных имений по их желанию получать часть ссуды деньгами. До 1874 г. таким образом было выплачено 28 млн. руб. Главный же расчет был на то, что помещики удержат бо́льшую часть свидетельств и будут пользоваться ими в форме процентных бумаг. Другой причиной — и, пожалуй, главной — был взятый правительством курс на развитие промышленности, торговли, путей сообщения, необходимый как для сохранения значения России в качестве великой державы, укрепления ее финансового положения и военно-экономического потенциала, так и для усиления материальной базы самодержавия, общеклассовых позиций господствующего класса. Выступавший проводником этого курса министр финансов М. Х. Рейтерн и его ведомство вошли в резкое противоречие с позицией МВД, прикладывавшего немало усилий для удовлетворения просьб дворянских собраний об организации поземельного кредита. В записке, направленной 1 марта 1864 г. министру финансов, Валуев полностью стал на узкокорыстные позиции поместного дворянства, обвинив финансовое ведомство в лишении по-

мещиков средств, необходимых для перестройки хозяйств [29]. МВД предлагало учредить Центральный заемный банк в форме паевого товарищества с участием казны. Проект этот был реализован в 1866 г.: было учреждено Общество взаимного поземельного кредита. Участниками его стали крупнейшие латифундисты. Казна предоставила обществу кредит в 5 млн. руб. из 4% годовых [30].

Однако Общество не решало проблемы широкого обеспечения помещиков кредитом. Правительство готово было поддержать любую инициативу дворянства, а затем и земства. Так, 20 мая 1864 г. было удовлетворено ходатайство херсонского дворянства о выдаче ему ссуды в 100 тыс. руб. для учреждения земельного банка. В ответ на подобное же ходатайство симбирского дворянства от 22 мая 1865 г. Валуев сообщал губернскому предводителю, что просьба собрания обратила особое внимание императора, который повелел всем ведомствам изыскать меры для облегчения положения сословия. В виде частной меры правительство готово было предоставить ссуду симбирскому дворянству для учреждения губернского банка [31]. Однако оно, впрочем как и почти все остальные собрания, не воспользовалось предоставленной возможностью.

По предложению МВД в апреле 1863 г. были приняты «Временные правила», призванные регулировать найм сельскохозяйственных рабочих и прислуги. Опасаясь обострения отношений между землевладельцами и крестьянами, правительство не решилось ввести обязательность рабочих книжек. Это вызвало недовольство крепостников. Уступая их напору, МВД с середины 60-х годов разрабатывало проекты, которые бы удовлетворили требования наиболее реакционных слоев дворянства. Так, Валуев, сообщая министру государственных имуществ о повелении Александра II принять меры к облегчению положения помещиков, писал, что, помимо проектов по организации земельного кредита, «для обеспечения исправного исполнения повинностей и точного соблюдения рабочими заключенных с ними договоров в МВД составлены предложения об учреждении особых рабочих рот из недоимщиков и из рабочих людей, не исполнивших заключенных с ними условий» [32]. Относясь к таким проектам вполне сочувственно, правительство все же не рискнуло пойти на крайние меры.

---

[27] *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе. 1861 г. М., 1972, с. 400—401.

[28] *Дружинин Н. М.* Главный комитет..., с. 277—279.

[29] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 957, л. 1—9. Записка П. А. Валуева «Об учреждении центрального поземельного банка». 1 марта 1864 г.

[30] Северная почта, 1866, № 138, 244, 253.

[31] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 958, л. 13—15. Отношение П. А. Валуева симбирскому губернатору от 25 июля 1865 г. (отпуск).

[32] Там же, л. 19—20. Отношение П. А. Валуева А. И. Ермолову от 25 июня 1865 г.

В связи с беспокойством помещиков об охране их собственности от возможных крестьянских посягательств Александр II неоднократно лично заявлял об «окончательности» «Положения» 19 февраля [33]. Но дворянство настаивало на законодательном подтверждении своих владельческих прав. И рескрипт от 13 мая 1866 г. еще раз подтвердил «полную неприкосновенность права собственности во всех ее видах, определенных общими законами и положениями 19 февраля» [34].

И все же самодержавие не могло удовлетворить все претензии дворянства. Ряд ходатайств собраний расходился с общим курсом правительственной политики или не соответствовал финансовым возможностям государства. В частности, облегчив помещикам перевод крестьян на выкуп, правительство так и не пошло на провозглашение его обязательности, опасаясь, что это потребует от казны больших единовременных затрат. Не были удовлетворены и ходатайства помещиков о переводе крестьян на оброк по одностороннему желанию владельцев, о безусловной выдаче выкупных сумм в полном размере, об общем повышении процента выкупных свидетельств и т. п. Здесь интересы помещиков и поддерживавшего их МВД пришли в противоречие с интересами финансового ведомства, которому и удалось взять верх [35]. Не устраивали различные круги дворянства и проведенные правительством преобразования в области земского хозяйства и суда. Если либералы высказывались за всесословность земств, за более широкое введение принципов буржуазного судопроизводства, в том числе и в сферу взаимоотношений помещиков и крестьян, то реакционеры требовали усиления своего представительства в земских и судебных учреждениях, фактического исключения податных сословий из-под юрисдикции новых судов и расширения вотчинно-полицейских прав землевладельцев. И хотя в связи с общим поворотом внутренней политики вправо размах и глубина дворянской оппозиционности падали, почва для недовольства оставалась.

*

Последним всплеском помещичьей фронды в 60-х годах были события, связанные с московским дворянским собранием, состоявшимся в январе 1865 г., на котором вновь был поставлен вопрос о центральном представительстве. Инициаторами выступила та же группа крупных помещиков во главе с известными реакционерами Н. А. Безобразовым и гр. В. П. Орловым-Давыдовым, предложившими подать адрес о привлечении дворянства к управлению страной. Идея была прежней — учреждение государственного дворянского совещания. Но она встретила возражение со стороны либерального крыла собрания, выступившего за всесословное представительство, что должно было как-то прикрыть от-

кровенно продворянский характер проекта. В результате острой борьбы собрание приняло компромиссный адрес, в котором предлагалось создать представительный орган из двух палат: низшей (всесословной) и высшей (дворянской) [36].

Как известно, идея привлечения представителей общества к работе высших правительственных органов уже неоднократно высказывалась в конце 50-х — начале 60-х годов. Более того, она нашла поддержку в определенных кругах правящей бюрократии и даже у представителей царской фамилии. В условиях революционной ситуации, общественного подъема самодержавие не решалось на жесткие меры в отношении дворянских собраний, принявших подобные постановления, ограничиваясь внушениями, разъяснениями «законной» компетенции дворянства, выражением «высочайшего неудовольствия». Отбив же волну «общественного возбуждения и революционного натиска» [37], царизм перешел к самым решительным мерам. Московское собрание было закрыто, его постановления аннулированы. Губернский предводитель вынужден был подать в отставку, а гр. В. П. Орлов-Давыдов за содействие публикации адреса был даже отдан под суд. На имя Валуева 29 января 1865 г. последовал рескрипт, в котором отмечалось, что московское дворянство вышло за рамки дозволенного и посягнуло на неограниченную власть монарха. «Ни одно сословие не имеет права говорить именем других сословий,— заявил император.— Никто не призван принимать на себя, перед мною, ходатайство об общих пользах и нуждах государства» [38].

И тем не менее чрезвычайное московское собрание, созванное в ноябре 1865 г. для пересмотра январских постановлений, заявило, что оно «не может отказаться от своего мнения о том, что необходимо высказаться перед государем и донести ему всю правду всеми его верноподданными», что оно не видит в этом ничего предосудительного и что оно «остается вполне при тех же своих убеждениях» [39]. Состоявшееся в январе 1866 г. рязанское собрание постановило «заявить московскому дворянству сочувствие тем основным мыслям, которые выражены в последнем его

---

[33] *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. 1, с. 405—407.

[34] ПСЗ, II, т. 41, отд. 1, № 43298.

[35] *Дружинин Н. М.* Ликвидация феодальной системы..., с. 8—11.

[36] *Скороспелова В. А.* Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть».— Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История, 1974, № 2, с. 27—44; *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х годов до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978, с. 45—67.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 33.

[38] ПСЗ, II, т. 40, отд. 1, № 41729.

[39] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1120, л. 34—35. Копия выдержки из доклада комиссии чрезвычайному московскому дворянскому собранию. 15 ноября 1865 г.

собрании»[40]. А в марте того же года петербургское дворянство еще раз подтвердило стремление определенных кругов высшего сословия к участию в управлении государством. В обращении к монарху отмечалось, что предпринятые преобразования лишили дворянство представительства крестьянских интересов, права непосредственного замещения местных административных и судебных должностей, что значение сословия падает. Его обращения к правительству, даже «основанные на предоставленном ему законном праве», часто бывают безуспешными, не доходя до высших правящих сфер. Выход собрание видело в установлении тесной связи дворянства с земством и их совместных ходатайствах перед правительством. Основные пункты адреса сводились к следующему: 1) чтобы ходатайства дворянских и земских собраний, касающиеся вопросов изменения, дополнения или отмены действующих законов, обязательно рассматривались в законодательном порядке; 2) чтобы все другие их постановления, на которые поступят возражения административных органов, рассматривались бы Сенатом; 3) чтобы земствам, как и дворянству, предоставлено было право избирать депутатов для представления ходатайств; 4) чтобы дворянским и земским депутатам было позволено по своей инициативе, а не только по вызову правительства, пользоваться правом обсуждения и подачи голоса при рассмотрении ходатайств в высших правительственных инстанциях[41]. Таким образом, дворянство, используя земство в качестве всесословного органа, получало бы возможность выступать по широкому кругу вопросов от имени всех сословий и иметь право голоса при обсуждении своих ходатайств в правительственных органах.

Но этими выступлениями и ограничилось обсуждение дворянством вопроса о представительстве. Петербургский адрес был оставлен без последствий. Рязанское собрание по повелению Александра II было объявлено несостоявшимся, а участникам его выражено «высочайшее неудовольствие». Губернский предводитель А. Н. Реткин был отстранен от должности. Впрочем, все эти меры носили больше демонстративный характер. Рязанское дворянство повинилось и было прощено. Уже в июле того же года состоялось чрезвычайное собрание для производства выборов, и Реткин вновь был избран и утвержден предводителем. В. П. Орлов-Давыдов был не только оправдан, но вскоре даже избран петербургским губернским предводителем. Обусловливалось это, видимо, как самим характером дворянской оппозиции, серьезно и не покушавшейся на прерогативы самодержавия, так и колебаниями самого Александра II. Тем не менее рескрипт явился основанием для изменения законодательства о дворянских ходатайствах. Ст. 135 была упразднена. В качестве дополнения к бывшей ст. 112 (теперь ст. 142) в продолжении «Свода законов...» [т. 9] в 1868 г. были изложены строки из рескрипта, гласив-

шие, что дворянские собрания «не должны входить в обсуждение предметов, прямому его ведению не подлежащих, и касаться вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений» [42]. И в дальнейшем Александр II решительно пресекал все попытки обсуждения вопросов, даже в отдаленной степени касавшихся каких-либо сторон политического строя. С этой целью председателям дворянских собраний, также как и земских, указом от 13 июня 1867 г. под угрозой судебного преследования предписывалось не допускать включение в повестку подобных пунктов и пресекать всякие нежелательные выступления.

*

Со второй половины 60-х годов вопросы социально-экономического и политического характера почти исчезают из программы дворянских собраний, занимавшихся, как правило, текущими внутрисословными делами. Проблема выкупа перестает волновать помещиков. К 1870 г. на выкуп были переведены $^2/_3$ всех бывших крепостных. Временнообязанные оставались главным образом в имениях крупных владельцев, которые не форсировали выкупную операцию в связи с быстрым ростом земельных и арендных цен, рассчитывая еще более выиграть от намеченной на 1881 г. переоброчки. Тяжесть выкупных платежей и хозяйственное оскудение подорвали стимул к переходу на выкуп и у крестьян. Таким образом, создалось положение, временно устранившее поводы для обращения дворянских собраний к правительству. С одной стороны, развитие промышленности, торговли, путей сообщения, возникновение системы частного кредита создали более благоприятные условия для землевладельцев, стремившихся перейти к новым способам хозяйствования; с другой — помещики приспособились к широкому использованию отработочных форм эксплуатации, чему способствовала возросшая экономическая зависимость от них окрестного крестьянства. К тому же в значительной части помещичьих хозяйств вплоть до начала XX в. сохранилась барщина в ее первозданном виде [43].

Как бы то ни было, многие волновавшие ранее дворянство социально-экономические вопросы перешли к земствам [44]. Так, почти не было ни одного земского собрания, которое в эти годы

---

[40] Там же, д. 1125, л. 1. Телеграмма рязанского губернатора П. А. Валуеву от 8 января 1866 г.

[41] Там же, д. 1124, л. 1—3. Копия всеподданнейшего прошения петербургского дворянства от 3 марта 1866 г.

[42] Свод законов..., 1876, т. 9, ст. 142.

[43] *Дружинин Н. М.* Ликвидация феодальной системы..., с. 11—12; *Литвак Б. Г.* Указ. соч., с. 401.

[44] *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1909, т. 2, с. 13—36.

не разрабатывало бы уставы земских банков. Однако эти проекты мало чем отличались от подобных им сугубо дворянских предложений, в которых как правило, отсутствовали сколько-нибудь четкие представления о принципах деятельности частных кредитных учреждений. Почти ни один из них так и не был реализован, и деятельность земств в этом направлении с середины 70-х годов прекращается.

Земства подхватили и другое требование дворянских собраний 60-х годов — введение обязательных рабочих книжек и усиление репрессий против рабочих. В 1865 г. первыми выступили с таким ходатайством воронежские земцы, в проекте которых тщательно ограждались интересы землевладельцев. Так, крестьяне-недоимщики могли наниматься на работу только в пределах 30 верст, т. е. фактически лишались права передвижения и должны были продавать свой труд на кабальных условиях. Затем екатеринославское, херсонское, харьковское собрания высказались за необходимость «оградить нанимателей от убытков, наносимых рабочими», за усиление репрессий в случае нарушения договора — привод бежавших рабочих к нанимателю через полицию, отдача в общественные работы и в арестантские роты, уголовное наказание за неисполнение договора и т. п.[45] Все эти проекты наиболее характерны были для земств южных и центрально-земледельческих губерний. В программе последних они стояли в одном ряду с требованиями об усилении местных властей.

В земских постановлениях находили отражение и интересы помещиков-предпринимателей. Так, тульское, полтавское и харьковское земства ходатайствовали о развитии сельской винокуренной, свекло-сахарной, табачной промышленности. В совместном постановлении екатеринославского дворянства и земства, принятом осенью 1877 г. и обращенном к правительству, речь шла о необходимости развития местной добывающей и обрабатывающей промышленности, о продолжении Донецкой железной дороги на Одессу, Николаев и Керчь[46]. Выставляя себя в качестве радетелей государственных и общесословных местных интересов, авторы ходатайства указывали, что это дало бы заработок населению для уплаты казенных и земских налогов. Но главная цель предложенных мер состояла в облегчении сбыта хлеба, увеличении добычи каменного угля, производства сельскохозяйственных машин и орудий, улучшении условий деятельности сахарных заводов и т. п. Помещичья направленность этого ходатайства обнаруживается и в том, что вторым по важности пунктом было требование об усилении уголовной ответственности рабочих за нарушение договора. Затем следовали пункты о скорейшей организации ипотечной системы, о разрешении пользоваться кредитом из Государственного банка, об отмене действующих правил винокурения (т. е. фактически о восстановлении привилегий по-

мещиков), о введении защитительного тарифа на ввоз шерсти и о мерах по поддержанию отечественного овцеводства. В целом ходатайство содержало требования, обусловленные и перестройкой помещичьих хозяйств на капиталистической основе, и втягиванием помещиков в предпринимательство, их стремлением удержать и в новых условиях свои старые привилегии, использовать внеэкономические приемы эксплуатации.

Характерно, что в это время экономическая программа либералов в целом соответствовала интересам широкой массы помещиков, в том числе и крепостников. Если судить по основным ее пунктам, сформулированным «Вестником Европы», главное внимание в ней уделялось крестьянскому вопросу [47]. Обусловливалось это прогрессировавшим обезземеливанием и обнищанием крестьянства, что не только затрудняло взимание государственных платежей, но и ограничивало в связи с утратой им инвентаря и скота использование его в качестве арендаторов или рабочей силы в помещичьих хозяйствах. Правда, учитывая рост сферы применения наемного труда, либералы из земских деятелей выдвигали предложения об облегчении передвижения крестьян и отмене с этой целью «стеснений, налагаемых паспортной системой и круговой порукой». Но в их планы не входило создание безземельного пролетариата. Более того, наряду с предложениями о содействии крестьянам в приобретении земель, организации переселения малоземельных, уменьшения выкупных платежей и налогового гнета предусматривались меры по поддержанию общинного землевладения «как главной гарантии против обезземеливания массы». Под многими пунктами этой программы, не требовавшей от помещиков никаких жертв и носившей, по выражению Б. Б. Веселовского, «отпечаток разумного землевладельческого эгоизма», могли подписаться и многие так называемые крепостники. Не случайно значительная часть ее, но уже в интерпретации именно реакционных слоев поместного дворянства, была впоследствии реализована правительством.

Деятельность собраний вновь активизируется с конца 70-х годов. Все отчетливее проявляется тенденция к выдвижению исключительно сословных ходатайств, что диктовалось и назревавшей революционной ситуацией, и надвигавшимся сельскохозяйственным кризисом, и трудностями с хозяйственной перестройкой имений массы помещиков, не выдерживавших конкуренции с крепнувшей сельской буржуазией.

---

[45] Там же, с. 106.

[46] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91-Б, 1877 г., д. 55, л. 11—22. Копия постановления екатеринославского дворянского собрания от 17—20 сентября 1877 г.

[47] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 3, с. 286.

2. ДВОРЯНСТВО И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ 80-х — СЕРЕДИНЫ 90-х ГОДОВ XIX в.

Вынужденное пойти на преобразования, неумолимо диктовавшиеся потребностями социально-экономического развития страны, общими закономерностями складывавшейся мировой капиталистической системы, стремясь таким образом упрочить свои экономические и политические позиции, самодержавие с самого начала чувствовало опасность предпринимаемых реформ. Проведенные с постоянной оглядкой назад, половинчатые, непоследовательные, они и в таком виде, как отмечал один из либеральных деятелей — военный министр Д. А. Милютин, были вырваны у Александра II «после упорной борьбы с противудействующими влияниями». Проведя их, царь не только «остановился в своих... начинаниях», но и «даже усомнился в пользе и своевременности того, что было уже совершено» [48]. Поворот вправо в сфере общественно-политической выразился в усилении и расширении и без того фактически неограниченного всевластья бюрократии. Но усилия ограничить последствия реформ, носивших, несмотря на их крепостнический характер, буржуазную направленность, были безуспешны. И с середины 80-х годов самодержавие переходит к открытой политике контрреформ.

Этому повороту курса внутренней политики к прямой реакции предшествовал короткий период колебаний, обусловленных второй революционной ситуацией. В этих условиях ряд земских и дворянских собраний вновь возбудили вопрос о привлечении выборных представителей к участию в законодательстве, о необходимости соблюдения элементарных норм охраны личности от административного произвола. Так, даже реакционнейшее курское дворянство просило об отмене административной высылки. Но в большинстве земских ходатайств преобладала мысль — так называемое «народное» представительство должно явиться орудием подавления «радикально-социалистического движения» [49]. В связи с обращением правительства к «обществу» за содействием в борьбе с «крамолой» эти вопросы обсуждались тверским, казанским, самарским, петербургским, черниговским дворянскими собраниями. Однако лишь в последних двух дело дошло до принятия адреса: черниговское дворянство призывало Александра III войти в «непосредственное общение с землей чрез излюбленных ее людей», а петербургское собрание ходатайствовало о восстановлении в дореформенной редакции ст. 142 (бывшей 135) «Свода законов...», т. 9 [50].

Справившись с кризисом, самодержавие манифестом 29 апреля 1881 г. вновь решительно подтвердило незыблемость своих прерогатив. В то же время оно пошло на окончательную ликвидацию обязательных отношений, частичное сложение крестьян-

ских недоимок, снижение выкупных платежей, учреждение Крестьянского банка и принятие некоторых мер по организации переселения малоземельных крестьян Но вскоре, осознав угрозу, которую представляло для него развитие капитализма в плане политическом, царизм открыто заявил о намерении затормозить это развитие, задержать ломку патриархальных, пережиточных отношений в деревне, укрепить классовые позиции поместного дворянства, т. е. принять меры, которые позволили бы сохранить старую социально-политическую структуру.

Одним из главных направлений петиционной деятельности дворянских собраний конца 70-х — начала 80-х годов, сыгравших большую роль в их сплочении и солидарности, стало требование организации дешевого казенного кредита для помещиков. Инициатором выступило харьковское дворянство, неоднократно обращавшееся к правительству с просьбами о финансовой помощи дворянам-землевладельцам. В записках и представлениях губернского предводителя А. Р. Шидловского, подававшихся от имени собраний в 1878—1882 гг., указывалось на бедственное положение поместного дворянства и на нежелательные политические последствия этого для самодержавия [51]. Помещиков не устраивала деятельность частных кредитных учреждений как в связи с недостаточностью их средств, так и особенно в связи с дороговизной их кредита. Выход они видели в ликвидации акционерных земельных банков, выкупе казной их закладных листов и превращении помещичьих банковских долгов в долгосрочные долги казне с уплатой 5% годовых. Наконец, они прямо потребовали восстановления старых кредитных учреждений. В постановлениях собрания обращалось внимание на ошибочность разрабатывавшихся финансовым ведомством проектов учреждения Крестьянского банка с целью содействия крестьянам в приобретении земель. По мнению харьковских дворян, положение крестьян вполне удовлетворительное. Закон охраняет их имущество от продажи. В помощи же нуждаются в первую очередь помещики, и эту помощь следует оказать им во что бы то ни стало. «Если даже этот класс собственников был сам виноват в расстройстве своих дел, и в таком случае следовало бы прийти ему

[48] Дневник Д. А. Милютина. М., 1950, т. 4, с. 96, 97.

[49] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 3, с. 253.

[50] Мнение земских собраний о современном положении России. Берлин, 1883, прил., с. 99—100; Вестник Европы, 1881, кн. 3, с. 343—345; ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91, 1882 г., д. 23, л. 4. Постановление петербургского дворянского собрания от 18 февраля 1881 г.

[51] ЦГИА СССР, ф. 1832, оп. 2, д. 1002, л. 2—18. Записка А. Р. Шидловского от 30 июня 1878 г.; ф. 1284, оп. 91, 1881 г., д. 52, л. 1—6. Представление А. Р. Шидловского министру внутренних дел от 28 мая 1881 г.; ф. 1284, оп. 91, 1882 г., д. 56, л. 1—3. Копия всеподданнейшего ходатайства харьковского дворянства от 20 октября 1882 г.

на помощь,— безапелляционно утверждалось в представлении Шидловского от 28 мая 1881 г.,— ибо дело правительства предотвратить гибель и того, кто идет к ней по неосторожности, по неосмотрительности, в особенности гибель того, кто является необходимым фактором для поддержания основ государственного строя». Авторов не смущала слабость такой опоры. Свои требования они считали вполне справедливыми, так как реализация их рассматривалась лишь как возмещение ущерба, нанесенного помещикам реформой 1861 г., и как необходимое условие сохранения важнейшего орудия и опоры самодержавия. «Необходимо,— утверждалось в постановлении собрания,— чтобы в здание, завершаемое монархической властью, входило как основная часть поместное наследственное дворянство». И не просто как часть, а как важнейший оплот этого здания, что освящено традицией и законом, ибо «до сих пор не отмененный... закон признает его такою опорою».

Эта тема — заявления об особой политической роли дворянства, его нерасторжимой связи с самодержавием, их взаимозависимости — становится затем обоснованием всех дворянских ходатайств. В целом же приведенный документ является ярким свидетельством беззастенчивой уверенности помещиков в своем праве на государственную помощь, в своей незаменимости в системе существующего режима.

Министры финансов М. Х. Рейтерн, а затем и Н. Х. Бунге отклонили ходатайства харьковского дворянства, признав их «неудобоосуществимыми» и сославшись на то, что реализация предложенных мер потребовала бы огромных затрат. Но в конце концов Бунге был вынужден обещать внести на рассмотрение правительства проект, изменявший уставы земельных банков с целью удешевления частного кредита и разрешавший краткосрочные соло-вексельные операции Государственному банку под залог недвижимости. Министр счел нужным разъяснить дворянству и прямую выгоду для него учреждения Крестьянского банка. Банк должен не только способствовать повышению цен на землю, указал он, но и «противодействовать толкам о дополнительных наделах, о переделах», укреплять чувство собственности и уважения к ней среди крестьян [52].

Вот тогда-то, почувствовав уступчивость финансового ведомства и уловив общий поворот внутренней политики вправо, харьковское дворянство в целях организации давления на правительство берет на себя роль лидера в борьбе помещиков за дешевый казенный кредит. С этой целью А. Р. Шидловский рассылает ряду губернских предводителей копии постановлений харьковского собрания и призывает к солидарности действий [53]. Обращение нашло дружный отклик: в 1883—1884 гг. смоленское, орловское, воронежское, костромское, бессарабское, черниговское, пензенское,

самарское собрания предприняли соответствующий демарш перед верховной властью, указывая на отсутствие долгосрочного кредита как на главную причину всех трудностей, переживаемых поместным дворянством. Пожалуй, впервые в них отмечалась и неконкурентоспособность помещиков в отношении сельской буржуазии. На наступление кулачества на родовое дворянство, которое можно предотвратить только посредством государственных мер, указывало, в частности, в своем ходатайстве бессарабское собрание [54]. «Действительно пора, наконец, сделать что-нибудь, чтобы помочь дворянству»,— такую резолюцию наложил Александр III на ходатайстве орловского дворянства, поданном в декабре 1883 г. Вскоре было создано Особое совещание, в котором приняли участие и некоторые предводители во главе с Шидловским. Итогом его работы было учреждение в 1885 г. Государственного Дворянского банка, предоставлявшего помещикам из потомственных дворян кредит под залог имений на льготных условиях.

Другим требованием дворянских собраний, также перешедшим в их ходатайства со времен предшествующего царствования, был пункт о пересмотре закона о найме рабочих. Инициативу в этом вопросе взяло на себя саратовское дворянство, по поручению которого губернский предводитель П. А. Кривский составил проект закона и объяснительную записку к нему [55]. В записке вся вина за разорение помещиков возлагалась на рабочих, на невыполнение ими условий договоров, а также на нанимателей из кулаков и купцов, переманивавших их путем повышения расценок. Автору, конечно, была известна истинная причина невыполнения крестьянами договоров, каковой была прежде всего осенняя и зимняя «наемка». Но он касался этого обстоятельства лишь для того, чтобы отметить, что работы по полученным ранее ссудам выполняются плохо. Зато основное внимание уделялось критике местной администрации, допустившей в деревне «безначалие, неурядицы, распущенность и своеволие». Теперь пришло время вспомнить о мировых посредниках, которые, как отмечалось в записке, в силу предоставленной им власти могли своевременно пресекать «беспорядки». Предложения Кривского сводились в основном к введению обязательных договорных книжек, которые регулировали бы отход крестьян на заработки, отноше-

---

[52] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 91, 1882 г., д. 56, л. 5—6. Отношение министра финансов Н. Х. Бунге министру внутренних дел Д. А. Толстому от 9 ноября 1882 г.

[53] ЦГАМ, ф. 380, оп. 1, д. 1317, л. 22—24. Письмо А. Р. Шидловского московскому губернскому предводителю А. В. Бобринскому от 7 февраля 1883 г.

[54] ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 1, д. 103, л. 62. Отношение бессарабского губернского предводителя И. Г. Катаржи министру финансов от 24 апреля 1884 г.

[55] Московские ведомости, 1885, № 281—282.

ния их к нанимателям и нанимателей между собой. Проект предоставлял помещикам обширные права в их отношениях с рабочими, вплоть до уголовного преследования последних через полицию. Эти права должны были гарантироваться усилением местных органов власти, и прежде всего введением института участковых начальников с правами и обязанностями мировых посредников.

Таким образом, новым в этом вопросе было слияние требований об усилении репрессий в отношении рабочих с более широкими предложениями дворянских собраний о реорганизации крестьянского управления, слиянии административных и судебных функций низовых звеньев этих органов, восстановлении в определенных пределах вотчинно-полицейской власти помещиков. «Дворянство выражает готовность принять на себя не только исполнение, но и начертание закона, необходимого в его сословных интересах,— писал по поводу саратовского проекта «Вестник Европы».— Объяснительная записка примыкает к реакционной программе организации уездного управления... Это — моление о «властной руке», руке непременно дворянской: проектируемые правила о найме рабочих являются одним из средств к обеспечению за этой рукой надлежащего круга действий и должного простора» [56]. При выдвижении этих требований центр тяжести с рабочих книжек постепенно смещался именно к проблеме подчинения деревни этой «властной дворянской руке», что более отвечало настроениям влиятельных помещичьих кругов, склонявшихся к консервации переходных отношений в деревне, так напоминавших дореформенные порядки. В этом они видели и выход из разраставшегося сельскохозяйственного кризиса, и средство борьбы против нежелательных последствий развития капитализма.

Восстановление и расширение сословных прав и привилегий — таковым стал главный мотив петиционной деятельности собраний в связи с приближавшимися торжествами по случаю 100-летнего юбилея «Жалованной грамоты». Наряду с пунктами о расширении компетенции дворянских обществ в области внутрисословной и в местном управлении, рассмотренных выше, их ходатайства включали самые различные вопросы, касавшиеся и политических прав, и преимуществ дворянства (предоставление дворянам новых служебных привилегий при замещении должностей по центральному и местному управлению, принятие в кадетские корпуса только дворянских детей и освобождение дворян от воинской повинности, упрочение господствующих позиций сословия в земстве), и фактического изъятия его из ведения обычной гражданской юрисдикции (освобождение от суда присяжных, учреждение особых корпоративных судов чести), и восстановления особых хозяйственных и имущественных привилегий (дореформенных кредитных учреждений, права выкупа родовых имуществ,

расширение майоратного права) [57]. Эти настроения росли и крепли по мере того, как все более отчетливыми становились реакционная направленность и продворянская ориентация внутриполитического курса самодержавия. В своей речи во время коронации в мае 1883 г. и особенно в рескрипте от 21 апреля 1885 г. Александр III, отметив заслуги высшего сословия перед престолом, не только обещал содействовать упрочению его экономического положения, но и выразил надежду, что оно, как и прежде, будет сохранять «первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, распространении примером своим правил веры и верности, здравых начал народного образования» [58]. В этих словах, собственно, были определены назначение и сфера деятельности дворянства, которая предоставлялась ему верховной властью. При этом, однако, еще раз подчеркивались все прерогативы последней в общем управлении страной.

Внимание монарха к дворянским сословным нуждам с благодарностью было отмечено в многочисленных адресах, принятых собраниями по случаю опубликования рескрипта. Среди них был и известный адрес симбирского дворянства, обративший на себя внимание тем, что в нем, правда, в очень осторожной форме, отмечалось недостаточное внимание к высшему сословию в предшествующее царствование и выражалась надежда, что новый монарх обеспечит помещикам «возможность спокойно жить в... деревнях». Это заявление, составленное в самом верноподданническом духе, тем не менее было воспринято многими современниками как выдающееся явление за ту, по словам полтавского губернского предводителя П. Устимовича, «столь редкую в России прямоту или смелость дворянского слова» [59]. Александр III благосклонно отнесся к адресу, поблагодарив дворянство за верность престолу и пообещав учесть его интересы. Это дало повод П. Устимовичу считать, что отмененное ранее право дворянства затрагивать в связи с сословными нуждами и какие-то общие вопросы не считается более противозаконным. Но лишь в результате неоднократных ходатайств петербургского, а затем орловского собраний 14 апреля 1888 г. последовало императорское повеление о восстановлении в полном объеме соответствующей статьи (ст. 135) дореформенного законодательства [60]. Однако при этом была сохранена и ст. 142 с известной фразой из ре-

---

[56] Вестник Европы, 1885, кн. 11, с. 405—406.
[57] Там же, кн. 4, с. 811—812; Гражданин, 1885, № 22.
[58] ПСЗ, III, т. 5, № 2882.
[59] *Устимович П.* Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве. М., 1886, с. XI.
[60] Свод законов..., 1899, т. 9, ст. 169.

скрипта от 29 января 1865 г.[61] Таким образом, законодательство теперь дважды оговаривало ограничение предметов обсуждения и ходатайств дворянских собраний. Формально в их постановлениях проблема участия сословия в органах высшего управления вплоть до 1905 г. больше и не затрагивалась. Но отождествляя свои сословные интересы с государственными, дворянство так или иначе касалось важнейших вопросов направления правительственной политики, весьма широко толкуя предоставленные ему права.

Следует отметить, что перечисленные ходатайства не составляли ни формально, ни фактически какой-то единой программы. За исключением требований государственного кредита и усиления местных крестьянских властей, все остальные их пункты носили характер разрозненных требований, зачастую не пользовавшихся сочувствием большинства собраний. Даже такой крайне правый орган, как «Гражданин», вынужден был указать на их разнородность, непродуманность, мелочность. «Мы с изумлением, например, остановились на ходатайстве о привилегиях дворянству не подлежать суду присяжных, или об избавлении от воинской повинности, или о праве быть гласным без выбора в силу известного крупного землевладельческого ценза и т. п.»,— отмечалось в статье, посвященной разбору ходатайств, поданных к столетнему юбилею «Жалованной грамоты». По мнению газеты, эти привилегии ничего не дали бы дворянству, возбудив лишь общее недовольство и усилив межсословную рознь. В ходатайствах отсутствует главное — «глубокое размышление о нынешнем положении России, во-первых, нынешнего дворянства, во-вторых, отношение дворянства к народу и царской власти, в-третьих»[62]. Таким образом, речь шла о необходимости выработки какой-то общей, продуманной платформы, которая позволила бы объединить и придать целеустремленность петиционной деятельности дворянских собраний.

Такая попытка вскоре была предпринята в известной статье А. Д. Пазухина, появившейся в мартовском номере «Русского вестника» за 1885 г.[63] В ней с претензией на теоретическое осмысление сложившейся ситуации автор попытался изложить основные устремления высшего сословия и меры, необходимые для упрочения самодержавного строя. Признав общее состояние России «смутным и неопределенным», Пазухин всю вину за это возложил на реформы предыдущего царствования. Главная причина всех зол — ослабление сословного начала, которым в прошлом была сильна Россия. Вынужденный признать необратимость отмены крепостного права, он готов был даже считать, что реформа 1861 г., сохранив господствующие позиции дворянства в руководстве крестьянами, в целом проведена успешно. Но в дальнейшем земская, судебная, городская реформы, преобразования в области просвещения подорвали основы сословного строя. Больше всех

при этом пострадало дворянство — вернейший оплот самодержавия. Оно постепенно теряло прежнее значение в сфере местной жизни, вынужденное уступать свое место буржуазии. Чтобы не допустить «смуты», Пазухин предлагал восстановить и укрепить сословную организацию общества, вернуть дворянству его прежнее значение служилого и земского сословия, несколько расширив его состав за счет новых землевладельцев и предоставив ему особые права и преимущества при занятии должностей в центральном и особенно местном управлении. Понимая, что «история народа никогда нейдет назад», он готов был даже признать земское и городское самоуправление, но только при условии реорганизации его на сословной основе и непременно при руководящей роли дворянства. Собственно, предложенная в статье программа в значительной мере лишь обосновала и конкретизировала то, что в общей форме уже содержалось в речах Александра III и было весьма созвучно смутным пожеланиям реакционных помещичьих слоев и самого монарха. В результате Пазухин, обративший на себя внимание еще во время работы Кахановской комиссии, был назначен начальником канцелярии министра внутренних дел и стал инициатором и автором основных проектов контрреформ.

*

Рескрипт 21 апреля 1885 г. послужил сигналом к общему наступлению дворянской реакции. На одно из первых мест в петиционной деятельности собраний со второй половины 80-х годов выходят ходатайства об ограждении высшего сословия от разрушающего влияния общих пореформенных социально-экономических процессов. Так, ответом на ускоряющуюся убыль дворянского землевладения стали требования о восстановлении и расширении тех статей дореформенного законодательства, которые препятствовали свободному обращению дворянских имений на рынке. По предложению А. Д. Пазухина симбирское дворянство дважды, в 1882 и 1885 гг., подает ходатайство о восстановлении в полной силе закона о выкупе родовых имуществ. Это требование поддержали калужское, орловское и пензенское собрания[64]. Причем последнее предложило и ряд конкретных мер по реализации этого закона: запрещение покупателям дворянских имений в течение 4 месяцев со дня покупки произво-

[61] Там же, ст. 152.
[62] Гражданин, 1885, № 22, 17 марта.
[63] Статья вскоре была издана отдельной брошюрой: *Пазухин А. Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.
[64] ЦГИА СССР, ф. 1664, оп. 1, д. 126, л. 213—214. Записка по ходатайствам дворянства о восстановлении права выкупа родовых дворянских имуществ. 1892 г.

дить какие-либо капитальные вложения, публикация в газетах информации о подлежавших выкупу имениях, выдача Дворянским банком увеличенных ссуд для реализации выкупа, разрешение выкупа имения по частям и т. п. Губернские предводители получили уведомление, что ходатайства будут направлены на рассмотрение комиссии по составлению проекта нового гражданского уложения.

Почти одновременно и наряду с этим в среде дворянских собраний возникают проекты учреждения заповедных имений, посредством чего предлагалось избежать дальнейшего сокращения дворянского землевладения и его дробления. Эта идея, вылившаяся в целый план спасения дворянского землевладения и самого сословия, была высказана в 1887 г. полтавским дворянством [65]. По докладу своего губернского предводителя кн. А. В. Мещерского собрание решило возбудить ходатайство о предоставлении дворянам права учреждать заповедные имения размером не менее 400 дес. Заповедными, по проекту, могли объявляться и задолжные имения, которые таким образом ограждались от продажи. В случае роста долгов они подлежали передаче в дворянскую или казенную опеку, что не прекращало условий заповедности. Объявленное заповедным имение передавалось по завещанию учредителя любому из его сыновей. Реализация этого предложения требовала пересмотра закона о наследовании родового имущества, предусматривавшего долевое участие всех прямых наследников. По замыслу авторов проекта, это должно было прекратить дробление имений.

Идея оказалась заразительной. В ней дворянство увидело спасение от всех бед, грозивших помещичьему землевладению. Вслед за полтавским дворянством подобные ходатайства приняли около 20 собраний [66]. Столь дружное выступление объяснялось предварительным обменом мнений, проектами, постановлениями, освещением обсуждавшейся проблемы в печати. Не случайно целый ряд положений принятых ходатайств совпадал почти дословно. Лейтмотивом их по-прежнему было утверждение об особом значении дворянства, которое самодержавию следует сохранить любыми способами для его же блага. В то же время признавалось, что сословие само не в состоянии удержать свои позиции в деревне. «Ясно, что впереди нас ждет дальнейшее обесценение наших имений, еще более ускоренная выпродажа наших имений в руки коммерческих людей... которым и надлежит поэтому, если все останется в том же положении, как теперь, нас заменить в общественном и государственном строе»,— писал А. В. Мещерский [67]. Ему вторил макарьевский уездный предводитель В. В. Хвощинский, указывавший на появление в деревне новых «руководителей народа», подрывавших авторитет дворян и вынуждавших их покидать имения. И дворянство пугало правитель-

ство грядущими неприятностями, которые последуют, когда роль поместного дворянства перейдет к буржуазии. Нападая на обнаружившиеся уже язвы капитализма, помещики, ободравшие, по выражению В. И. Ленина, крестьян как липку, выставляли себя в качестве «бескорыстных защитников» крестьянства от «кабалы» буржуазии, которая «хуже крепостного права», в качестве просветителей и воспитателей темных народных масс. В то же время дворянские авторы заявляли, что без высшего сословия «померкнет величие и сила России», что ее не спасет и «самодержавная власть царя, потому что эта власть не будет иметь орудий для благодеятельного своего проявления» [68].

И все же, несмотря на довольно широкую поддержку, в ходе обсуждения этого предложения в среде дворянства обнаружились весьма серьезные разногласия. И дело было не только в расхождениях по вопросам определения размеров заповедных имений, факультативности или обязательности их учреждения. По наблюдениям Н. Д. Пазухина и Я. Я. Литвинова, представивших специальную записку симбирскому дворянскому собранию, основные возражения против самой идеи заповедности сводились к следующему: 1) эта мера послужит источником раздоров в дворянских семьях; 2) в связи с утратой лишившимися наследства земельного ценза произойдет резкое разделение дворян на бесправных и полноправных; 3) произойдет еще большее отчуждение между помещиками и безземельными чиновниками, что усилит антагонизм между ними и ослабит связь с правительством; 4) попытка введения закона о единонаследии 1714 г. потерпела неудачу [69]. Фактически причины разногласий были еще глубже. Но выводы из этого делались самые различные, порой совершенно противоположные. Довольно широкие слои дворянства понимали, что реализация этой идеи не только потребовала бы пересмотра существовавших гражданских правовых норм, сложившихся традиций, но и повлекла бы за собой самые серьезные социально-экономические и политические последствия. Наиболее широко мыслящие представители сословия вообще считали, что никакие искусственные меры не могут возродить дворянство в его старом качестве. Правда, далеко не все противники подобных проектов отваживались на открытое выступление, составляя активную, а чаще мол-

[65] ЦГАМ, ф. 4, оп. 3, д. 87, л. 27. Копия постановления полтавского дворянского собрания от 8 июня 1887 г.

[66] Там же, л. 16—82. Копии дворянских ходатайств о мерах к поддержанию дворянского землевладения.

[67] ЦГИА СССР, ф. 1151, т. 12, 1896 г., д. 1, л. 127. Записка о заповедных имениях кн. А. В. Мещерского.

[68] *Н. Р.* Об учреждении заповедных имений. Киев, 1887, с. 18.

[69] *Пазухин Н. Д., Литвинов Я. Я.* Записка... в ответ на доклад карсунского уездного предводителя дворянства Ю. Д. Родионова о заповедных имениях. Симбирск, 1889.

чаливую оппозицию почти во всех собраниях. Более 10 дворянских обществ вообще никак не выразили своего отношения к этой идее.

Вместе с тем были высказаны и предложения, шедшие значительно дальше в плане возрождения старых феодальных порядков. Так, казанское [70] и тульское [71] собрания наряду с установлением предела дробимости имений предложили восстановить закон о неотчуждаемости дворянских земель в руки лиц иных сословий. В постановлении же симбирского собрания, принятом в декабре 1888 г., указывалось, что введение института заповедности само по себе недостаточно, что прежнее значение сословия и дворянское землевладение могут быть сохранены лишь при условии возложения на дворян обязательной государственной службы, объявления дворянских земель служебно-государственными и признания неотчуждаемости их иносословным покупателям. Предоставив верховной власти самой решать вопрос о наиболее целесообразном использовании дворян, собрание указало, что в первую очередь желательно было бы восстановить их права и обязанности по военной службе и в области местного управления, а также узаконить правило, чтобы на высшие должности в губерниях и в центре назначались только лица, прослужившие определенное время в должностях по местному управлению, т. е. восстановить закон 1837 г.[72] Несмотря на всю абсурдность, предложенные меры были с восторгом встречены наиболее реакционными слоями дворянства. Но широкой поддержки — именно в силу их крайнего экстремизма — они так и не нашли.

Вся сложность и утопичность этих проектов обнаружилась в ходе работы созданной в 1891 г. специально для рассмотрения дворянских домогательств правительственной комиссии под председательством Н. С. Абазы, в которой приняли участие и некоторые губернские предводители [73]. Комиссия исходила в своей деятельности из признания исключительной роли дворянства в системе государственного управления, противопоставляя дворян-землевладельцев (с их «благотворным» влиянием на крестьян) сельской буржуазии, составлявшей, по ее мнению, «противуобщественный» и даже «противугосударственный» элемент. Но при всем сочувствии к нуждам высшего сословия не было найдено возможным удовлетворить в сколько-нибудь полной мере все ходатайства собраний. Что касалось главного требования большинства их об учреждении заповедных имений, то подготовленный комиссией проект предусматривал предоставление такого права лишь среднепоместным дворянам — владельцам от 2 до 10 земельных цензов, являвшихся, по мнению большинства ее членов, наиболее полезной опорой правительства. Собственники таких имений могли закладывать их в Дворянском банке, что явно противоречило основному положению о непродаже таких имуществ. Более

того, заповедными могли быть объявлены и уже заложенные земли. Проект лишь ограждал их по возможности от претензий кредиторов, затруднив последним получение долгов. Другим слабым его местом была невозможность совместить принцип единонаследия, которого твердо придерживалась комиссия, с обеспечением остальных членов семьи, что грозило к тому же и численному уменьшению поместного ядра сословия. Не найдя выхода из этого противоречия, комиссия высказалась за срочность заповедности: в случае затруднений внук учредителя мог перевести имение на обычное положение. Анализируя этот проект, Ю. Б. Соловьев совершенно справедливо замечает, что комиссия рассматривала его как экстренную меру, имевшую целью дать временную передышку помещикам, приостановить процесс сокращения и дробления дворянского землевладения.

В то же время комиссия решительно отвергла предложения о воспрещении продажи дворянских земель в иносословные руки. Еще в 1889 г. министр внутренних дел Н. И. Дурново, докладывая царю о просьбе симбирского дворянства, указывал, что удовлетворение этого пункта ходатайства приведет к понижению цен на помещичьи земли и что эта мера, учитывая серьезные экономические затруднения сословия, едва ли будет поддержана большинством собраний. Александр III согласился с этими доводами [74]. Теперь же комиссия усмотрела в этом предложении и опасность сосредоточения большей части помещичьих земель в руках немногочисленных капиталистов из дворян, что также было найдено нежелательным.

По вопросу о расширении права выкупа родовых имуществ комиссия не смогла прийти к единому мнению опять-таки из-за опасения, что это приведет к падению цен на дворянские земли. Серьезные разногласия были и по вопросу о неделимости имений ниже определенного размера, так как, по мнению многих членов комиссии, ограничение собственника в распоряжении землей может привести к вынужденной продаже всего имения. Комиссия высказалась лишь за недробимость высокоорганизованных хозяйств, придав этой мере всесословное значение.

Материалы комиссии были представлены Государственному совету. Последний, однако, нашел, что они в значительной мере расходятся с пожеланиями, высказанными в ходатайствах. Проек-

---

[70] *Булыгин А. Н.* По вопросу о заповедных имениях. Казань, 1890.

[71] *Чертелев П.* Поддержание дворянского землевладения и заповедность имений. СПб., 1894.

[72] *Пазухин Н. Д., Литвинов Я. Я.* Указ. соч., с. 5—6, 11—12, 15.

[73] См. подробнее: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973, с. 204—212.

[74] ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 597, л. 263—264. Всеподданнейший доклад Н. И. Дурново от 31 мая 1889 г.

ты были переданы МВД для получения отзывов от других ведомств и дворянских собраний.

Экономические ходатайства дворянства после 1885 г. сводились главным образом к просьбам о новых льготах. Не прошло и 5 лет со времени учреждения Дворянского банка, а уже довольно значительная часть помещиков, польстившихся дешевым кредитом и получивших столь желанные ссуды под залог имений, оказалась в числе недоимщиков. Посыпались ходатайства о понижении учетного процента, об отсрочках в выплате ссуд и процентов по ним, об увеличении размера ссуд с 60 до 75% стоимости имений, о передаче задолжных имений в опекунское управление банка. Поток их значительно возрос в связи с жестокими неурожаями начала 90-х годов. Выражая интересы крупных помещиков, состоявших членами Общества взаимного поземельного кредита, ряд собраний — харьковское, самарское, полтавское, орловское — ходатайствовали о передаче Общества в ведение Дворянского банка. Весьма широкий отклик получили требования о понижении железнодорожных тарифов и принятии мер по расширению вывозной хлебной торговли. Эти ходатайства были поддержаны земствами, особенно черноземных и южных губерний. Кроме того, ряд земских собраний поднимает вопросы о необходимости сооружения хлебных складов, элеваторов, организации хлебных бирж, проведения агрономических изысканий и других мер для поднятия эффективности сельскохозяйственного производства. Эти вопросы широко обсуждались и на всероссийских съездах сельских хозяев, среди участников которых преобладали земцы [75]. Помещики внимательно следили за планами строительства железных дорог, их направлениями и предлагали свои варианты. В частности, харьковское дворянство в 1889 г. ходатайствовало о строительстве Пензо-Харьково-Лозовской дороги, что должно было облегчить условия хлебного экспорта в южном направлении [76].

Новым в этих ходатайствах был постепенно пробивавшийся мотив недовольства общей экономической политикой правительства, отдававшей предпочтение мерам по развитию промышленности. Так, в постановлении полтавского собрания от 8 мая 1889 г. наряду со ставшими уже обычными жалобами на затруднения в ведении помещичьего хозяйства в условиях сельскохозяйственного кризиса содержался упрек в адрес правительства за его покровительство промышленности [77].

*

Большая и важнейшая часть дворянских ходатайств этого времени была в той или иной мере удовлетворена или принята правительством к рассмотрению. В первую очередь были приняты во внимание финансовые притязания помещиков. Те из них, которые

не завершили к началу 80-х годов выкупной операции, получили как бы в виде особой премии дополнительное вознаграждение за обязательный выкуп, составивший около 12% всей выкупной суммы. Это обошлось казне примерно в 46 млн. руб. Министерство финансов приняло меры по облегчению положения заемщиков частных банков: государство выкупило на 26 млн. руб. закладных листов помещичьих имений, передав их затем Дворянскому банку. В результате клиенты последнего получили возможность выкупать свои заемные листы на 5% ниже их биржевой стоимости [78]. В 1883—1884 гг. помещикам был разрешен краткосрочный соловексельный кредит из Государственного банка для пополнения своих оборотных средств [79]. И наконец, с учреждением Дворянского банка они получили возможность брать долгосрочные ссуды под залог имений. Уступая их ходатайствам, правительство пошло на реорганизацию Общества взаимного кредита и передало его в качестве особого отдела Дворянскому банку. Учетный процент по ссудам, согласно указу от 12 октября 1889 г., был снижен с 5 до 4,5%. В связи с засухой 1891—1892 гг. помещикам пострадавших губерний были разрешены рассрочки недоимок от 3 до 10 лет. Специальным постановлением Государственного совета от 6 июня 1894 г. в устав Дворянского банка внесена была поправка, в силу которой банк мог брать имения неисправных заемщиков в опекунское управление сроком до 3 лет [80].

Значительные уступки были сделаны дворянству и в вопросах железнодорожных тарифов. С 1887 г. определение их на всех дорогах целиком перешло в ведение правительства. Специально образованные совещания, в которых приняли участие и представители от землевладельцев, в 1889 и 1893 гг. выработали особые дифференциальные тарифные ставки, имевшие целью облегчить сбыт хлеба из внутренних губерний и устранить конкуренцию новых сельскохозяйственных районов в угоду помещикам центра. В результате тарифы были понижены почти на 5 млн. руб., что также легло тяжелым бременем на казну [81]. В 1893 г. Министерство государственных имуществ по настоянию помещиков было реорганизовано в Министерство земледелия и государственных

---

[75] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., с. 303—305.

[76] *ЦГИА СССР*, ф. 1284, оп. 223, 1889 г., д. 100, л. 20. Всеподданнейший доклад Н. И. Дурново от 2 ноября 1889 г.

[77] Там же, д. 65, л. 2—9. Всеподданнейшее ходатайство полтавского дворянства. 8 мая 1889 г.

[78] Государственный совет. 1801—1901 гг. СПб., 1901, с. 145—150; *Мигулин П. П.* Наша банковская политика. Харьков, 1904, с. 148.

[79] ПСЗ, III, т. 3, № 1605; т. 4, № 1980.

[80] ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 136, л. 1—5. Всеподданнейший доклад Н. И. Дурново от 22 июня 1895 г. (копия).

[81] Краткий отчет о деятельности учреждений и департамента железнодорожных дел за 1889—1913 гг. СПб., 1914, с. 8, 59—61.

имуществ с задачей оказывать всемерную помощь землевладельцам в ведении их хозяйств. В целом, учитывая к тому же восстановление в 1890 г. привилегий помещиков в области винокурения, правительственные меры по увеличению дворянских общественных капиталов и имуществ, можно сказать, что самодержавие пошло на значительные жертвы, стремясь укрепить материальную базу сословия.

Целая система мер в областях социально-экономической и политической должна была укрепить командные позиции дворянства в деревне, облегчить ведение помещичьего хозяйства и современными, капиталистическими, и отработочными приемами. Новые «Правила о найме сельскохозяйственных рабочих», принятые 12 июня 1886 г., усилили репрессивные меры в отношении рабочих и зависимость последних от нанимателей. Учреждение института земских начальников открыло перед помещиками новые возможности в использовании принудительных, внеэкономических форм эксплуатации крестьян, отработочных систем ведения хозяйства. Закон 1890 г. рассчитан был на укрепление их командных позиций в земстве. Более того, самодержавие как в целях самосохранения, так и учитывая настроения консервативных помещичьих слоев, предприняло ряд мер, имевших целью предотвращение дальнейшей ломки капитализмом пережиточных отношений в деревне. Если в начале 80-х годов оно вынуждено было пойти на провозглашение обязательного выкупа, на некоторое облегчение налогового гнета и смягчение земельного голода крестьян, то в годы реакции на первый план вышли меры иного характера — ограничение продажи и залога надельных общинных земель, ограничение семейных разделов, пресечение попыток массового переселения крестьян и т. п. Все эти насущные вопросы крестьянской жизни были поставлены под наблюдение и руководство земских начальников. «Крепостники, не совсем добитые реформой, так безобразно изуродованной их интересами,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных...» [82]

В значительной мере совпадала с настроениями консервативных слоев дворянских обществ и политика правительства в области образования. Вновь были реорганизованы в закрытые кадетские корпуса военные гимназии, строже стал сословный отбор в учебные заведения. Были удовлетворены многочисленные просьбы дворянских собраний о переводе дворянских стипендиатов в военных училищах на казенный счет, обещано увеличение вакансий для сыновей потомственных дворян в кадетских корпусах.

Однако достигнутое не могло удовлетворить дворянство. Ряд законодательных мер не совсем соответствовал пожеланиям инициаторов ходатайств. В частности, устав Дворянского банка

предусматривал его деятельность на обычных коммерческих основах, в то время как помещики хотели видеть в нем нечто вроде благотворительного учреждения, призванного любой ценой предотвратить сокращение дворянского землевладения. Государству же было не под силу взять полностью на свое иждивение целый класс. Государственный совет 26 июня 1889 г. утвердил правила ответственности заемщиков Дворянского банка в случае просрочки платежей, предусматривавшие следующие меры: 1) публикацию о продаже имений; 2) взятие имений в управление банком; 3) продажа имений с торгов [83]. Действительно, в 90-х годах в газетах часто появлялись такие объявления — «скорбные листы» поместного дворянства, по выражению правой публицистики. И хотя случаи продажи с торгов были единичными, сама по себе возможность такого исхода использовалась дворянскими собраниями как повод для обращения к властям об изменении устава банка.

Не удовлетворил авторов ходатайств и закон о найме сельскохозяйственных рабочих. Во-первых, он так и не провозгласил обязательность рабочих книжек, во-вторых, действие его распространялось только на сроковых рабочих, не состоявших на поденной или сдельной оплате, и, в-третьих, применение его не давало достаточных гарантий быстрого и полного возмещения ущерба в силу материальной несостоятельности подавляющего большинства рабочих. Но самое главное — он фактически не находил широкого применения, так как уже не отражал потребностей экономической жизни этих лет [84]. Именно по этой причине наиболее реакционные проекты не могли получить широкой поддержки. В частности, по вопросу о сельскохозяйственных рабочих состоявшийся в 1895 г. всероссийский съезд сельских хозяев высказался за упорядочение найма путем устройства справочных и посреднических бюро, за организацию страхования от несчастных случаев и по старости, а в случае конфликтов — за ускоренное разбирательство споров в судебном порядке и т. д., т. е. за решение вопроса на основе принципов буржуазного правопорядка [85]. Не сыграла, как известно, сколько-нибудь существенной роли и земская контрреформа, усилив лишь раздражение и оппозиционные настроения либерального дворянства.

Новые поводы для недовольства давала и противоречивость экономической политики правительства. Всячески пытаясь затормозить развитие капитализма в деревне, борясь с последствиями этого процесса во всех сферах общественно-политической жизни,

---

[82] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 295.

[83] ПСЗ, III, т. 9, № 6141.

[84] *Львова М. В.* Вопрос о сельскохозяйственных рабочих в русском законодательстве 80-х годов XIX в.— Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. истории, 1957, вып. 1, № 2, с. 72—76.

[85] *Веселовский Б. Б.* Указ. соч., т. 3, с. 379.

самодержавие вынуждено было одновременно продолжать политику покровительства промышленности. Так, именно в это время, в 1891 г., был принят новый покровительственный тариф, ограждавший русскую промышленность от иностранной конкуренции, но имевший тяжелые последствия для сельского хозяйства. Отмечая «шаг назад» к дворянству, сделанный самодержавием в 80-х годах, В. И. Ленин писал, что «это был шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без «плутократии», без железных дорог, без растущего третьего элемента» [86]. Именно по этой причине были очевидной утопией программы возрождения высшего сословия фактически на дореформенной основе, предлагавшиеся реакционными слоями дворянства.

В целом же, отмечая особенность дворянских требований 80-х годов и тактику их реализации, «Вестник Европы» давал довольно точную картину: «Всю эту программу целиком поддерживали только немногие фанатики сословности; «политичное» большинство сосредоточивало свои усилия на отдельных ее пунктах, наиболее видных. Эта тактика увенчалась успехом. Бесследно прозвучали только явно несбыточные мечты (освобождение дворян от воинской повинности, «избавление» от суда присяжных», явные плеоназмы (учреждение дворянских судов чести, совершенно ненужное ввиду права, и без того уже принадлежащего дворянским собраниям...) и предложения, по которым не было единодушия в среде самих прожектеров... Тем больше зато было достигнуто на других путях, памеченных практическими руками» [87].

3. ДВОРЯНСКИЕ ХОДАТАЙСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х — НАЧАЛА 900-х ГОДОВ

Последнее предреволюционное десятилетие — время крайнего обострения всех социальных и политических противоречий, столь характерных для развития пореформенной России. Страна вступила в стадию империализма, и это добавило к старым конфликтам между развивающимся капитализмом и многочисленными полуфеодальными пережитками новые, характерные для империалистической эпохи. Становилось все более очевидным, что попытка самодержавия заморозить политическое и социальное развитие страны терпит крах. И тем не менее, вступая на престол, Николай II заявил, что он будет следовать курсом своего отца. Эта преемственность выразилась, в частности, и в том особом внимании, какое новый монарх уделял высшему сословию, и особенно поместному дворянству. Уже в манифесте от 14 ноября 1894 г. было объявлено о новом снижении процента по ссудам должников Дворянского банка и его Особого отдела [88]. Но это лишь

раззадорило дворянские собрания, которые вновь и вновь обращались к правительству с ходатайствами. Указывая на тяжелое положение сельского хозяйства, помещики взывали об оказании неотложной помощи. Характерно, что в качестве одной из главных причин их разорения, помимо объективных обстоятельств, теперь уже ряд собраний указывал на усилившуюся конкуренцию со стороны сельской буржуазии, вторгшейся в отношения между помещиками и крестьянами и подрывавшей политическое значение высшего сословия. Как бы забыв о недавних призывах «обуздать своеволие» мужиков, рязанское собрание, рисуя идиллическую патриархальную картину, якобы еще недавно характерную для деревни, заявляло: «В тесную семью нашу, ту самую семью, что создала Россию, отец которой царь, в эту древнюю семью врывается третий, новый элемент, который ранее видел в земле средство к легкой наживе, видит в ней теперь орудие политического влияния... Наши старинные родовые гнезда разоряются, и гибнут сельскохозяйственные культурные центры» [89]. Ходатайство предлагало правительству принять для сохранения помещичьих имений те меры, которыми оно ограждало от продаж общинные крестьянские земли. Иначе, указывалось в нем, сельскохозяйственный кризис «сметет его (поместное дворянство.— *А. К.*) с лица земли русской, с корнем вырвет эту основу царства русского и бросит сословно-самодержавную Россию на путь тех болезненных случайностей, которые переживала и переживает Западная Европа, руководимая произволом безземельной интеллигенции». В тесной и неразрывной связи дворянского и крестьянского землевладения, в службе связанного с землей поместного дворянства видело «залог правильного развития России» и московское собрание [90]. Тема о неразрывности судеб самодержавия и дворянства все более настойчиво и отчетливо формулируется в постановлениях дворянских обществ, идя на смену, развивая прежнее положение о высшем сословии как консервативной силе, как контингенте образованных и благонадежных чиновников. В связи с этим в ряде адресов и особенно в продворянской прессе все более настойчиво звучит требование признать дворянский вопрос вопросом государственной важности, подвергнуть его всестороннему обследованию и обсуждению.

Встревоженный нараставшим потоком ходатайств, Николай II санкционировал предложение МВД о созыве в феврале 1896 г.

---

[86] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 81.
[87] Вестник Европы, 1898, кн. 6, с. 785—794.
[88] ПСЗ, III, т. 14, № 11035.
[89] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, 1896 г., д. 7, л. 19—21. Копия всеподданнейшего ходатайства рязанского дворянства. Январь 1896 г.
[90] Там же, д. 19, л. 2—3. Копия всеподданнейшего адреса московского дворянства. 16 января 1896 г.

совещания губернских предводителей дворянства для выяснения нужд сословия и всестороннего обсуждения дворянского вопроса. Совещание попыталось обобщить основные положения ходатайств собраний и наметить круг вопросов, решить которые было необходимо для сохранения сословия. Круг этот оказался весьма обширным, охватив, помимо сословных проблем, важнейшие направления правительственной политики. Ни стенограммы, ни протокола совещания не сохранилось, поэтому невозможно восстановить ход прений. Но предводители составили итоговую записку, в которой изложено их мнение по целому ряду вопросов.

Записка содержала около 80 пунктов, подразделявшихся на три группы: 1) общие экономические и сельскохозяйственные проблемы; 2) внутрисословные вопросы; 3) местные нужды. Им предшествовала обширная вводная часть, в которой предводители, обрисовав тяжелое положение поместного дворянства, предъявили серьезные претензии правительству. Главной причиной создавшейся ситуации указан был его ошибочный финансово-экономический курс, который с 1861 г. направлен был прежде всего на покровительство промышленности в ущерб сельскому хозяйству и особенно помещикам. По их мнению, необходим был коренной пересмотр этого курса. Прежде всего следовало бы повысить хлебные цены, для чего предлагалось увеличить закупки хлеба казной для нужд интендантства и в государственный запас, пересмотреть систему податей, влияющих на хлебные цены, устранить на внутренних рынках конкуренцию дешевого сибирского хлеба. Другой комплекс мер должен был обеспечить удешевление издержек производства и сбыта сельскохозяйственной продукции: дальнейшее понижение ставок железнодорожного тарифа, удешевление кредита, пересмотр покровительственного тарифа на промышленные изделия с целью снижения цен на сельскохозяйственные машины и орудия и введения покровительственных тарифов на экспорт продукции животноводства. Среди мер общего характера были также предложения о строительстве элеваторов, введении государственного страхования от огня, падежей и стихийных бедствий, о распространении и удешевлении общего и сельскохозяйственного образования. Целый ряд претензий предъявлялся Министерству земледелия, не оказывавшему должной помощи развитию сельского хозяйства. Предлагалось расширить его деятельность, создать местный аппарат и предоставить в распоряжение министерства дополнительные средства из государственного бюджета.

Таким образом, записка предлагала переориентацию экономической политики на первоочередное удовлетворение нужд сельского хозяйства и, прежде всего, интересов крупных землевладельцев. Основные положения этой ее части почти целиком совпадают с постановлениями 5-го всероссийского съезда сельских

хозяев, состоявшегося накануне в Москве, среди участников которого преобладали земцы и были в немалом числе предводители дворянства. Объективно она отражала потребности капиталистического развития, но в его прусском варианте. Уже сам перечень выдвинутых в ней мер обнаруживал их откровенно помещичий уклон. Требование удешевления железнодорожных перевозок фактически устраняло коммерческую основу деятельности дорог, ставя тарифы в полную зависимость от клиентов. То же самое предполагалось и в отношении кредитов, которые должны были быть организованы так, чтобы они «действовали постоянно, не завися от состояния государственного казначейства и денежного рынка». Казалось бы, прогрессивные требования улучшения системы образования фактически касались лишь среднего и высшего ее звена. Интересы широкого народного просвещения не привлекли внимания предводителей. Зато они уделили немало внимания таким пунктам, как отмена пошлины с переходящих по наследству имуществ, продление сроков давности на вступление во владение последними и т. п., т. е. вопросам, второстепенным для основной массы землевладельцев, но уже долгое время привлекавшим внимание дворянских собраний.

Если первая часть записки была принята предводителями более или менее единодушно, то по остальным вопросам обнаружились значительные разногласия. В этом отношении совещание еще раз наглядно продемонстрировало разнородность высшего сословия. Договорившись по общим экономическим вопросам, по которым точки зрения и либералов и консерваторов сближались в общей оппозиции правительственному курсу, предводители разошлись во мнениях по ряду сословных и местных проблем. Обусловлены эти разногласия были не только местными различиями, но и тем, что ряд предложений (о восстановлении права выкупа родовых имуществ, запрещении продажи дворянских земель в руки лиц иных сословий, об учреждении заповедных имений) входили в противоречие с новым установившимся строем жизни, взывая в целях сохранения дворянского землевладения к отжившим правовым нормам и институтам феодальной эпохи. Первые два пункта не встретили широкой поддержки. Зато консервативное и реакционное большинство поддержало идею заповедности, оговорив, правда, факультативность этой меры.

Несмотря на некоторые разногласия по ряду пунктов сословной программы, большинство предводителей, как отмечалось в предыдущих главах, вполне определенно высказалось и за расширение компетенции дворянских собраний, и за предоставление дворянству новых служебных преимуществ, и за сохранение института земских начальников и т. п., одобрив в целом меры по укреплению сословной организации господствующего класса.

Вскоре после совещания дворянство получило еще одно заверение Николая II о полном сочувствии верховной власти его нуждам, о чем было заявлено царем во время коронационных торжеств в мае 1896 г. Это заявление монарха послужило основанием для новых ходатайств. Меры для упрочения экономических и политических позиций высшего сословия предлагались самые различные, но большинство собраний было едино в одном — в необходимости государственной помощи помещикам и в полном праве на нее. «Значение поместного дворянства в общем строе нашего государства признано нашими самодержавными монархами,— обосновывало свои требования тульское собрание,— поэтому поддержание колеблющегося дворянского землевладения должно быть признано потребностью государства и как всякая другая государственная потребность должна почерпать источники для своего удовлетворения из общих средств государства»[91]. Разыгравшийся аппетит помещиков был столь неумерен, что некоторые ведомства, как это было и раньше, вынуждены были неоднократно предпринимать попытки оградить казну от дворянских домогательств. Теперь же, ссылаясь на авторитет царского слова, помещики требовали немедленного удовлетворения своих требований. Так, симбирское собрание, раскритиковав в своем постановлении нерасторопность или нежелание отдельных министерств удовлетворить просьбы дворянства, прямо заявило, что такое отношение к ним противоречит воле монарха. «Мы имеем... целый ряд критических оценок, но лишь с точек зрения финансовых и других специальных,— указывалось в обращении собрания к МВД,— мер же, которые бы нам помогли в нашей трудной борьбе, ни одно ведомство не предпринимает и впредь, видимо, предпринимать не предполагает»[92]. Таким образом, по мнению наиболее реакционных слоев поместного дворянства, государство должно прийти на помощь сословию, несмотря на все здравые финансовые и «специальные» соображения и даже вопреки им. И вот уже указ от 29 мая 1897 г. провозглашал новое понижение ученого процента Дворянского банка с 4 до 3,5%, что было значительно ниже рыночной ставки. А еще ранее рескриптом от 13 апреля 1897 г. учреждено было Особое совещание по делам дворянского сословия.

*

Программа работы совещания, одобренная царем, провозглашала, что главная задача его «состоит в изыскании способов обеспечить за первенствующем в империи сословием то преобладающее значение, которое искони принадлежит ему в судьбах государства, и предоставить ему возможность и впредь с достоинством и пользой служить престолу и отечеству». «Здесь речь идет об одном из главнейших устоев государственного здания,— отмечалось

в журнале первого его заседания,— об устое, который необходимо сохранить от разрушения и упрочить, без чего едва ли возможно будет сохранить самое здание в том виде, в котором оно существует уже несколько веков». Но таким устоем, вполне отвечавшим задаче сохранения старой структуры власти, могло быть, по мнению совещания, не все сословие, а только поместная его часть. Отметив, что «некогда в значительном большинстве своего состава вполне однородное, наше дворянство в настоящее время разделяется на многочисленные виды и разряды», совещание в духе недавнего царского рескрипта высказалось за первоочередную помощь поместному дворянству, в наиболее полном виде соответствовавшему прежнему характеру сословия, как сословию служилому и землевладельческому [93]. Предполагавшиеся к обсуждению вопросы можно классифицировать следующим образом [94]: 1) общие меры по развитию сельского хозяйства и облегчению положения землевладельцев — понижение таможенных пошлин на ввоз сельскохозяйственных машин и орудий, пересмотр железнодорожных тарифов, «упорядочение» найма рабочих, организация льготного кредита и, вообще, разработка мер по устранению причин сельскохозяйственных затруднений, удешевлению производства и обеспечение сбыта продукции; 2) собственно меры по сохранению и упрочению дворянского землевладения: а) юридического порядка — *законодательное признание неотчуждаемости* дворянских имений в руки лиц иных сословий и права выкупа родовых имуществ, учреждение заповедных имений и неделимых участков с целью предотвращения дробления имений, б) экономические — предоставление новых финансовых льгот помещикам, отсрочка уплаты долгов Дворянскому банку и, *вообще, пересмотр* его устава с целью подчинения всей его деятельности сохранению помещичьего землевладения; а также упрочение и расширение последнего путем насаждения дворянского землевладения на окраинах России и в Сибири; 3) пересмотр и некоторое усовершенствование дворянской сословной организации и т. п. Из мер политического характера совещание предполагало обсудить вопросы о возможности восстановления в полном объеме сословного ценза при поступлении на государственную службу и сословно-имущественного — при занятии должностей по местному управле-

[91] Там же, д. 145, л. 3—4. Главные положения постановления тульского дворянского собрания. 15 ноября 1896 г.

[92] Там же, д. 136, л. 30—31. Копия журнала заседания симбирского дворянского собрания от 21 декабря 1896 г.

[93] ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 138, л. 54. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия, май 1897 г.

[94] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, I дел-во, 1897 г., д. 4, л. 195—203. Программа занятий Особого совещания и объяснительная записка к ее проекту. 1897 г.

нию, о предоставлении в виде поощрения для дворян, служивших в провинции, преимуществ при переходе на службу в центральный аппарат. Были сформулированы и другие вопросы, тесно связанные, по мнению совещания, с дворянской проблемой, но выходившие за пределы программы: 1) о необходимых исправлениях и дополнениях в действующих положениях о крестьянах; 2) о реорганизации уездного управления; 3) о пересмотре постановки общего образования; 4) о правильности и целесообразности существующей финансово-экономической системы в отношении сельскохозяйственной промышленности. Насколько эта программа и деятельность совещания отвечали требованиям дворянских собраний? Что стояло за ее общими формулировками?

Прежде всего следует отметить, что ни одно собрание не выдвигало столь обширных ходатайств. В перечне предложенных губернскими дворянскими собраниями мер, составленном канцелярией Особого совещания, зафиксировано мнение 14 собраний [95]. Дополнив перечень ходатайствами, поступившими несколько позднее, и отзывами губернских предводителей на программу занятий Особого совещания [96], получим следующую картину. В группе мер, касавшихся общих условий развития сельского хозяйства, на первом месте по массовости ходатайств стояли требования пересмотра правил о краткосрочном соло-вексельном кредите с целью его удешевления и упрощения процедуры проведения этой операции, о чем просили воронежское, екатеринославское, курское, рязанское, саратовское, симбирское собрания. Другие пункты этой группы уже менее представительны. Нового снижения хлебных железнодорожных тарифов требовали московское, рязанское, симбирское дворянства; пересмотра закона о найме рабочих в целях введения обязательности рабочих книжек и усиления репрессий за нарушение договоров — рязанское, симбирское и саратовское. Владимирское дворянство, как и 10 лет назад, вновь указывало на «отсутствие твердой правительственной власти над освободившимся от прежней опеки крестьянским населением», как на одну из главных причин экономического упадка деревни [97]. Выход дворянство видело в усилении местных властей. Фактически к этому сводились и требования о пересмотре закона от 12 июля 1886 г., обнаружившие нежелание определенных слоев помещиков отказаться от пережиточных форм найма. Петербургское собрание ограничилось ходатайством об отмене пошлин с имуществ, переходящих по наследству, об удлинении сроков давности при определении права собственности на владение.

Среди мер так называемых «сословно-экономических», касавшихся в основном проблемы сохранения дворянского землевладения, преобладали просьбы о новом понижении процента по ссудам Дворянского банка, о реорганизации последнего и пере-

смотре его устава. Дальше всех в этом отношении шли постановления рязанского и симбирского собраний, настаивавших на том, чтобы деятельность банка была подчинена главной задаче — спасению дворянского землевладения. Для этого, по их мнению, в основу устава должно быть положено начало не коммерческого предприятия, а признание того, что банк «представляет собой союз дворян при поддержке правительства и при его контроле, преследующих цель укрепления своего сословия на местах его родовых владений» [98]. Цель эта может быть достигнута только при условии передачи банка из ведения Министерства финансов в ведение МВД. Намечены были и меры, которые должен был провести банк. По предложению курского, рязанского, саратовского, симбирского, тульского и екатеринославского собраний он должен был уменьшить полугодовые платежи и на время вообще приостановить их взыскание с заемщиков, продлить срок выплаты ссуд и процентов по ним (по предложению симбирского дворянства — до 100 лет, что практически вообще снимало проблему выплаты долгов), присоединив недоимку к капитальной ссуде. Затем следовали уже знакомые требования об установлении неотчуждаемости дворянских земель, о восстановлении права выкупа родовых имуществ, о разрешении закладывать помещичьи земли только в Дворянском банке и т. д. Как и ранее, здесь не было согласия, и подобные ходатайства исходили от отдельных обществ, среди которых особой реакционностью выделялись симбирское, саратовское, рязанское, калужское и владимирское. Бо́льшим единодушием отмечены были предложения об установлении предела дробимости дворянских имений и учреждений заповедных имений.

Не ограничиваясь мерами по поддержанию дворянского землевладения, некоторые собрания — рязанское, петербургское, самарское, калужское, владимирское, а несколько ранее смоленское и астраханское — перешли к ходатайствам о воссоздании поместного дворянства путем предоставления разорившимся помещикам и выслужившимся чиновникам безвозмездно или на льготных условиях участков казенных земель в Западном крае и в Сибири. И наконец, ряд ходатайств направлен был на улучшение системы образования в целом и дворянской молодежи в особенности. Отражая общую тенденцию к росту культуры и образования, уве-

---

[95] Там же, л. 1—3. Перечень мер, предложенных во всеподданнейших ходатайствах губернских дворянских собраний для поддержания дворянского сословия. 1897 г.

[96] Там же, д. 231. Заключения губернских предводителей... 1897 г.

[97] ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 138, л. 20. Копия постановления владимирского собрания предводителей и депутатов дворянства. 1897 г.

[98] ГАУО, ф. 477, оп. 1, д. 367, л. 26. Постановление совещания предводителей и депутатов симбирского дворянства от 18 февраля 1897 г.

личению потребности в специалистах, часть собраний видела выход в общем улучшении системы просвещения и подготовки кадров, другая — в восстановлении традиций сословной школы, в предоставлении дворянским детям особых преимуществ в этой области.

Таким образом, Особое совещание, восприняв программу, намеченную губернскими предводителями и отдельными собраниями, попыталось обобщить дворянские ходатайства, поставив проблему широко, масштабно, совсем в духе пожеланий «Гражданина» и «Московских ведомостей», но, пожалуй, с еще большим размахом. Значительную часть ее пунктов составляли требования реакционного и консервативного крыла сословия. Реализация их фактически привела бы к возрождению ряда феодальных институтов и правовых норм, изменению общего курса финансово-экономической политики правительства в угоду помещикам. Но в таком цельном виде она не отвечала фактически ни интересам большей части самого господствующего класса, ни желаниям и возможностям самодержавия. Как отмечается в работах советских исследователей, в среде дворянства и правящей бюрократии в это время мысль о возможности для России избежать капиталистического развития была уже в значительной мере поколеблена [99]. Речь могла идти лишь о наиболее приемлемом пути этого развития, с тем чтобы избежать нежелательных социальных последствий, присущих капитализму. Реакционные слои дворянства преувеличивали трудности перестройки помещичьих хозяйств и требовали всяческой поддержки — вплоть до пересмотра экономической политики правительства. И эти противоречия в правящем лагере особенно отчетливо обнаружились в ходе работы Особого совещания и его итогах.

Во-первых, восторжествовал прежний финансово-экономический курс правительства, рассчитанный на ускоренное развитие промышленности. В самой программе совещания оговаривалось, что меры по облегчению ввоза сельскохозяйственных машин и орудий не должны поколебать «оснований существующей покровительственной системы». Во-вторых, ряд важных вопросов — о служебных привилегиях дворян, о найме сельскохозяйственных рабочих, о государственном кредите, о реорганизации системы образования и т. п.— был изъят из ведения совещания. Эти вопросы стали предметом обсуждения других комиссий и совещаний, результаты которых в ряде случаев оказались далеки от пожеланий реакционного дворянства. В-третьих, итогом почти пятилетней деятельности Особого совещания было издание законов: о дворянских кассах взаимопомощи, о насаждении дворянского землевладения в Сибири, о заповедных имениях, об учреждении дворянских пансион-приютов, стипендий, дворянских военных школ, об ограничении доступа в высшее сословие, о некотором

расширении компетенции дворянских обществ,— которые не могли сыграть сколько-нибудь существенной роли в судьбах сословия. В-четвертых, работа совещания еще раз наглядно показала отсутствие единства в рядах дворянства и правящей бюрократии во взглядах как на меры, необходимые для спасения сословия, так и на само его будущее. Наряду с открытыми и последовательными реакционерами, не останавливавшимися перед прямым возвратом к дореформенным порядкам, все более заявляло о себе либеральное и умеренно-консервативное крыло, сознававшее необратимость социально-экономических процессов, в той или иной мере приспособлявшееся к буржуазному развитию страны. Отсюда непоследовательность, колебания правительственной политики, отражавшие противоречивость этого развития.

*

Все это усилило оппозицию в дворянской среде — и не только слева, со стороны дворян, требовавших дальнейших буржуазных преобразований, правда с первоочередным учетом именно их, помещичьих интересов, но и справа, со стороны слоев, недовольных, наоборот, именно такими мерами правительства. Для обоих направлений наиболее распространенной формой выражения оппозиционных настроений была критика бюрократии, фактически олицетворявшей собой российский абсолютизм, но формально во всех выступлениях отделявшейся от него, характеризовавшейся как вредное средостение между монархом и «обществом». Выразителем народных интересов дворянство выставляло себя, претендуя на место критикуемой им бюрократии. Либеральные настроения сословия с наибольшей полнотой проявились в оппозиционном движении земств. В середине 90-х годов это движение вылилось в очередную кампанию подачи адресов о желательности введения представительства от «всех сословий русского народа», что, по мнению их авторов, привело бы к укреплению самодержавия. Ответом было известное заявление Николая II о «бессмысленных мечтаниях». Проявлением оппозиционных настроений в самом начале 900-х годов явилась земско-либеральная фронда губернских комитетов Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а затем и всероссийские земские съезды. В среде земского либерализма возникают временные объединения, происходит политическое и идеологическое размежевание, предшествовавшее образованию политических партий. Од-

[99] *Симонова М. С.* Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX — начале XX в.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 236—263; *Соловьев Ю. Б.* Указ. соч., с. 358—359.

ной из таких организаций была полулегальная «Беседа», возникшая еще в конце XIX в., в которой наряду с земцами участвовали ряд предводителей дворянства и крупных помещиков.

Проявления либеральных настроений имели место и в собственно дворянской среде. Так, на совещании губернских предводителей 1896 г., как отмечалось в записке, составленной в связи с возникшими вокруг этого событиями слухами, наряду с экономическими и сословными проблемами были затронуты и важные общеполитические вопросы [100]. Согласно этим данным, в ответ на призыв председателя совещания гр. А. А. Бобринского вести обсуждение поднятых вопросов «в духе строгого самодержавия» киевский предводитель кн. Н. В. Репнин заявил, что «самодержавие в истинном его смысле в России не существует», что оно вынужденно было постепенно отказаться от своих прерогатив в пользу бюрократии. Он предложил возбудить ходатайство о созыве всероссийского земского собора. По его мнению, типичному для дворянского либерализма, «представительный образ правления не противоречит духу русского самодержавия». Более того, чтобы вернуться к нему, «необходимо упразднить всемогущество бюрократии и расширить выборное начало, дав выборным людям право представительства в законодательных учреждениях». Поддержанное немногими участниками совещания, это предложение было решительно отвергнуто консервативным и реакционным большинством предводителей.

Подобные настроения имели место и в дворянских собраниях. Так, в 1902 г. в связи со студенческими волнениями казанское дворянство поручило кн. П. Ухтомскому составить записку, которая затем была разослана дворянам губернии в качестве проекта адреса царю. В ней автор отмечал, что одной из главных причин революционных настроений студенчества является «недопущение их отцов к охране того порядка, на который посягает молодежь». Выход он также видел в том, чтобы «умерить всесилье бюрократии, дать возможность народу говорить о своих нуждах царю», т. е. в самых осторожных выражениях предлагал ввести какое-то представительство [101]. Об этом же говорил орловский предводитель М. А. Стахович 26 августа 1903 г. на обеде, устроенном местным дворянством в честь вел. кн. Михаила Александровича [102]. Оба выступления вызвали беспокойство властей, и публикация их была запрещена.

Если проявления либеральных настроений в дворянских обществах носили все же единичный, частный характер, то оппозиционные выступления правого крыла были более массовыми и неоднократно находили выражение в постановлениях собраний. Выражая, как и либералы, недовольство общей экономической политикой правительства, консервативные и реакционные дворянские круги шли значительно дальше в своих притязаниях, на-

стаивая на незамедлительной и безусловной государственной помощи сословию. Симбирское, саратовское, тульское, рязанское, владимирское и некоторые другие собрания в своих решениях и обращениях к высшим властям указывали на то, что бюрократия не предпринимает действенных мер по спасению дворянства. Особое негодование их вызывала позиция финансового ведомства, которое, по их мнению, едва ли не сознательно вело дело к полному разорению помещиков. Впрочем, недовольство их распространялось и на другие ведомства. Так, в записке П. А. Кривского, одобренной в 1896 г. саратовским собранием и разосланной ряду губернских предводителей для выработки единой линии, досталось не только Министерству финансов за то, что оно в течение 35 лет «содействовало расстройству благосостояния дворян», но даже и МВД, оставившему на 25 лет сельское население «без всякой власти» и давшему ему «своеволие» [103]. Самарский предводитель А. А. Чемодуров развернул активную деятельность по критике итогов Особого совещания по делам дворянского сословия. В записке от 10 сентября 1902 г., также разосланной ряду дворянских обществ, он прямо заявил, что совещание «не выработало радикальных мер по спасению дворянства» и призывал к созданию губернских комитетов «наподобие тех, которые были учреждены при выработке крестьянской реформы» [104]. Критика эта становилась все более резкой. Политический характер приобретали все выступления собраний, требовавшие пересмотра курса экономической политики. Особенно ярким примером в этом отношении было выступление группы дворян в симбирском собрании в 1902 г. В составленной ими записке, представлявшей собой проект всеподданнейшего адреса, указывалось, что главной причиной разорения помещиков является финансово-экономическая политика правительства. Тезис сам по себе не новый, особенно широко использовавшийся еще в предводительской записке 1896 г. Новым являлось утверждение, что бюрократия сознательно извратила дух и суть указаний монархов по дворянскому вопросу и что это следствие прямого перерождения ее в «интеллигентски-бессословный класс», образовавший «непроницаемую стену между монархом и его народом». В результате, указывали авторы, нарушилась связь поместного землевладения с государственным управлением, налицо упадок патриархального строя, которым,

---

[100] ЦГИА СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 200, л. 1—3. Записка о слухах, распространившихся в связи с созывом съезда предводителей дворянства. 1896 г.

[101] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 707, л. 5—14. Записка кн. П. Л. Ухтомского. 1902 г.

[102] ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 298, л. 2. Речь М. А. Стаховича 26 августа 1903 г.

[103] Там же, д. 138, л. 23—24. Записка П. А. Кривского от 1 декабря 1896 г.

[104] ЦГАМ, ф. 380, оп. 3, д. 16, л. 24—26. Копия записки А. А. Чемодурова от 10 сентября 1902 г.

якобы, всегда была крепка Россия, подчинение внешней и внутренней политики страны чуждым землевладельческому классу силам. Все это не только привело к упадку сельского хозяйства, но и расшатало основы государственного строя [105]. Такой экстремизм в отношении к правящей бюрократии, прямо обвинявшейся в политической неблагонадежности, вызвал возражение большей части собрания, увидевшей в этом дискредитацию личности монарха и всего института абсолютизма. Тем не менее после некоторой редакционной переработки записка была передана в Комитет по делам земельного кредита и в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Такова была реакция крайне правых на буржуазную эволюцию страны.

Таким образом, реакционное дворянство продолжало искать выход из своих затруднений на путях восстановления и укрепления сословности, в предоставлении ему особых экономических и политических привилегий, в подчинении его интересам и нуждам всех материальных ресурсов страны.

В целом же обострение разногласий в среде господствующего класса, обнаружившаяся тенденция к политическому и организационному размежеванию его лагерей являлись свидетельством нового этапа назревания революционного кризиса в стране.

*

Итак, в рассматриваемый период петиционная деятельность дворянских собраний достигла наивысшего размаха. И это не случайно, так как в ней нашла отражение реакция высшего сословия на сложные процессы, столь характерные для переходной эпохи в жизни России, «когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось» [106]. Несмотря на законодательные ограничения, предписывавшие собраниям не касаться вопросов общего государственного управления, дворянские ходатайства, особенно в решающие, поворотные моменты, как правило, выходили за установленные рамки. Причем даже экономические требования все более определенно приобретали политический характер. И это тоже не случайно, ибо «нужды и пользы» сословия оказывались в тесной связи с общим курсом правительственной политики.

В целом вся деятельность собраний в этом плане была направлена на сохранение и укрепление экономических и политических позиций дворянства, главным образом его поместной части. Однако по вопросу о путях, средствах и методах достижения этой цели в их среде не было единства мнений, что объясняется и пестротой состава сословия, в свою очередь, обусловленной неравномерностью социально-экономической эволюции отдельных его слоев, и организационной разрозненностью

дворянских обществ, и различием местных условий, и т. д. Отсюда и отсутствие общей программы действий, острые разногласия при обсуждении проектов, компромиссный характер многих постановлений собраний, различное толкование их участниками одних и тех же пунктов.

Либеральное дворянство видело выход в скорейшем приспособлении к новым условиям капиталистического развития, в переводе помещичьих имений на современные методы хозяйствования и в определенной модернизации политического строя и правовых норм. Эти его настроения (с большей или меньшей определенностью и масштабностью, зависевшей от особенностей того или иного этапа развития страны) прослеживаются на всем протяжении рассматриваемого периода. Несмотря на помещичью и сословную ограниченность, их требования объективно вели к консолидации наиболее состоятельных и конкурентоспособных элементов сословия в класс капиталистического общества и соответственно к более широкому использованию буржуазных форм классового господства.

Реакционные круги дворянства главную свою задачу видели в ограждении высшего сословия от разрушающего влияния социально-экономических процессов пореформенного развития. Разделяя ряд пунктов программы либералов, особенно касавшихся вопросов переориентации правительственной политики на первоочередное удовлетворение потребностей сельского хозяйства, и выдвигая при этом на первый план меры помощи помещикам, они в своем стремлении поддержать и укрепить свои позиции готовы были пойти на восстановление институтов и правовых норм феодальной эпохи — вплоть до возрождения дворянства в его старом качестве служебного и землевладельческого сословия. Однако и здесь, несмотря на крайности таких ультрареакционных проектов, речь могла идти только о разновидности прусского пути капиталистического развития помещичьих хозяйств и соответствующем приспособлении к нему политической надстройки. В конечном счете все сводилось к вопросу о формах и темпе этой перестройки, к попыткам продлить переходный период становления новых, капиталистических отношений.

Между этими крайними лагерями существовали и другие группы — умеренно-либеральные, умеренно-консервативные — и просто политически аморфная масса, более, однако, близкая к правым.

Самодержавие, решительно отвергнув политические притязания дворянства, имевшие целью ограничить прерогативы верхов-

---

[105] ГАУО, ф. 477, оп. 3, д. 142, л. 8—16. Записка, составленная по поручению симбирского дворянского собрания С. А. Дельсалем, А. Ф. Ржевским, В. Н. Абутковым и А. В. Михайловым. 1902 г.

[106] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 102.

ной власти, в целом весьма широко пошло навстречу тем его социально-экономическим требованиям, суть которых состояла главным образом в просьбах о всемерной поддержке высшего сословия на пути его приспособления к новым условиям. При этом ходатайства дворянских обществ в значительной мере и были тем самым импульсом, который придавал «крепостническое направление и облик буржуазной деятельности» правящей бюрократии, о чем писал В. И. Ленин [107]. Но при всей симпатии самодержавия именно к реакционным слоям поместного дворянства, наиболее близким ему по их социальной природе, оно не могло не учитывать как интересы других его групп, так и общие объективные потребности развития страны, что в значительной мере и определяло противоречивость его внутренней политики. Все его попытки сохранить высшее сословие в неизменном виде, как и стремление затормозить поступательное развитие страны, были обречены на неудачу.

[107] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 58.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, социальная природа российского дворянства в пореформенное сорокалетие определялась сложными процессами социально-экономической и политической эволюции страны, характерными для переходного периода формирования буржуазного общества с преобладанием прусского пути развития.

С одной стороны, дворянство унаследовало от феодальной эпохи значительную часть своей старой материальной базы, сословных привилегий, а главное — сохранило господствующие политические позиции, удержав в своих руках власть. Это позволило ему занять особое место и в социально-политической структуре пореформенной России. Буржуазные преобразования были проведены самодержавием, стремившимся в максимальной степени сохранить старую структуру общества и власти, соответствовавшую природе абсолютизма и отвечавшую интересам старого господствовавшего класса. И после отмены крепостного права оно всячески стремилось сохранить дворянство в виде, наиболее близком к дореформенному. Дав определенный выход подспудно развивавшимся капиталистическим отношениям, самодержавие пыталось канализировать их, использовать развитие промышленности, торговли, финансов в своих целях, искусственно стягивая накоплявшиеся в стране капиталы и направляя значительную часть их для укрепления позиций господствующего класса. Стремясь всячески облегчить приспособление последнего к новым условиям, оно в то же время боролось с проявлениями последствий капиталистического развития, консервируя по возможности старый уклад государственной и общественной жизни. Особенно наглядно это проявилось в сфере сельского хозяйства, наиболее близкой к интересам помещиков и охватывавшей почти $^{9}/_{10}$ всего населения страны.

В результате предпринятых царизмом мер экономического и политического порядка дворянство если и не смогло полностью восстановить отчасти утраченные позиции, то все же формально и фактически сохранило статус «первенствующего сословия», базируясь на неизжитых остатках старой феодальной системы и используя для укрепления своего положения возможности прусского типа капитализма. Численность его возросла.

Материальная база сословия отчасти даже упрочилась и расширилась как за счет повышения ее ценности (земель, лесов, недр и т. п.), так и в результате участия дворян в капиталистическом предпринимательстве. Стоимость земель, находившихся в руках поместного дворянства в 50 губерниях Европейской России, по средним продажным ценам начала XX в. составляла 4040 млн. руб., что на 60% превышало общую массу акционерных капиталов в стране [1]. Хотя ряд юридических препятствий, тормозивших процесс превращения дворянских земель в товар, был устранен, полной свободе их отчуждения и приобретения — основных черт капиталистической земельной собственности — по-прежнему мешали как общие пережитки сословности, так и особые привилегии дворянского землевладения, сохранность которого обеспечивалась всей мощью государственного аппарата.

С другой стороны, ряд обстоятельств, вызванных вступлением России в эпоху капитализма, не мог не наложить своего отпечатка на характер сословия. Отмена крепостного права, несмотря на множество остававшихся пережитков, все же повлекла за собой ликвидацию юридической зависимости крестьян от помещиков и модернизацию всей системы производственных и правовых отношений. Если в эпоху феодализма, как отмечал К. Маркс, «личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни» [2], то в условиях капитализма, несмотря на сохранившиеся пережиточные формы внеэкономического принуждения, определяющими становятся отношения, в основе которых лежит экономическая зависимость. Объективные закономерности капиталистического развития неуклонно подчиняли себе все стороны общественной жизни. Дворянский земельный фонд начал довольно быстро сокращаться и, несмотря на все усилия правительства, уменьшился к 1905 г. более чем на 40%. К началу XX в. землей, являвшейся ранее основой экономического и политического могущества дворянства, было обеспечено 30—40% всего сословия. Правда, удельный вес землевладельцев только среди потомственных дворян был несколько выше — около 55%. Тем не менее источником доходов большей части сословия становятся государственая служба, терявшая феодальный характер, рантьерство, различные сферы предпринимательства.

Все это усилило неоднородность высшего сословия. В плане юридическом личные дворяне еще более обособились от дворян потомственных. В свою очередь, и среди последних значительно возросла доля дворян, не принимавших участия в корпоративной жизни в силу утраты ими имущественного ценза. Возможность пользоваться сословными преимуществами становится в прямую зависимость от материального благосостояния дворянина, определенной ступени его служебного положения и т. п. Не была

преодолена и внутрисословная рознь, обусловленная различиями в правовом положении отдельных национальных групп сословия. Более того, она была усилена общей великодержавной политикой самодержавия. В плане социально-экономическом «служилое» дворянство, все более теряя связь с землей, обособлялось от поместного. Среди дворян-землевладельцев увеличивался процент мелкопоместных, которых едва ли можно отнести к категории помещиков. Особый слой представляли дворяне, оказавшиеся втянутыми в различные сферы частного предпринимательства и окончательно порвавшие с традиционными дворянскими занятиями.

Но особенно важным было то, что дворянство в ходе своей социально-экономической эволюции разлагалось на классы и слои нового, капиталистического общества. Процесс этот в целом еще не был завершен, что обусловливалось как неодинаковой степенью обуржуазивания различных групп сословия, стремлением наиболее реакционной его части, особенно из поместного дворянства, удержать свои экономические и политические привилегии, ни с кем не делясь ими, так и сословной политикой самодержавия. Сохранение особого статуса высшего сословия, являвшегося пережитком феодальной социальной структуры, тормозило слияние его с классами и слоями буржуазного общества, формально предполагающего полное юридическое равенство граждан.

Усилившаяся неоднородность дворянства объясняет наличие в его среде различных политических лагерей и групп, столь характерных для жизни высшего сословия в пореформенную эпоху, а отчасти и непоследовательность и противоречивость внутренней политики самодержавия с ее определенным уклоном к обеспечению интересов наиболее консервативной и реакционной части старого господствующего класса.

Несмотря на центробежные тенденции, отчетливо выявившиеся в среде сословия и обусловленные различиями в положении отдельных его слоев и групп, в степени и темпах их буржуазной эволюции, в рассматриваемую эпоху еще сильны были и факторы, сплачивавшие наиболее состоятельные и влиятельные его элементы в единый класс, уступивший в 1861 г. лишь $^1/_{100}$ своих политических привилегий буржуазии[3]. Одним из таких факторов была относительно высокая в условиях абсолютизма корпоративная организация сословия, дополненная семейными и родственными связями представителей верхних его слоев. Ядром сословия, в наибольшей степени сохранившим старую социальную

---

[1] *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978, с. 12.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 87.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 52.

природу и располагавшим в полном объеме всеми закрепленными за ним преимуществами, являлось крупное и среднее поместное дворянство, главным образом внутренних великорусских губерний. Именно оно и представляло собой старый господствующий класс — класс «землевладельцев феодального типа». Дворянские собрания фактически были классовыми организациями этой части сословия. Деятельность собраний, несмотря на разногласия в их среде, была направлена на сохранение и укрепление экономических и политических позиций прежде всего поместного дворянства, на обеспечение перестройки, приспособления помещичьих хозяйств применительно к условиям капиталистической эволюции их по прусскому пути, обеспечивавшему сохранение в руках именно этой части сословия власти и доходов. В условиях неравномерности буржуазной эволюции дворянства собрания все больше становились центрами дворянской реакции, причем не только в губерниях, для которых было характерно засилье именно помещиков-крепостников, но и в местностях со сравнительно высоким уровнем капиталистического развития. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, именно эти слои поместного дворянства располагали наибольшими возможностями как в решении внутрисословных вопросов, так и в отношении влияния на правительство. Отсутствие общероссийской организации не было признаком их слабости. В. И. Ленин указывал, что реакционные классы «не организовывались и не выступали особенно наглядно при нераздельном абсолютизме не потому, что были слабы, а потому, что были сильны,— не потому, что они не способны были к организации и политической борьбе, а потому, что они не видели еще тогда серьезной надобности в самостоятельной классовой организации» [4]. Эпоху конца 80-х годов XIX в. он характеризовал как «господство дикого помещика, предпочитавшего придворные связи и воздействие через своего брата чиновника всяким представительствам» [5]. С конца века потребность в такой организации становится все более ощутимой. Решающее влияние на политическую организацию дворянства оказало нараставшее революционное движение.

Революция 1905—1907 гг, нанесшая первый серьезный удар абсолютизму, заставила «социальные элементы, поддерживающие самодержавие и нуждающиеся в ней, выйти на свет божий» [6]. В результате возник Совет объединенного дворянства — всероссийский орган дворянских обществ.

Еще более важным фактором было то, что «соседи по имению» представляли собой «наилучшую в России классовую организацию». «...Ибо они,— отмечал В. И. Ленин,— организованы не только по-соседски, не только в союзы, но также организованы как государственная сила» [7]. Весьма важно в этом плане отметить взаимозависимость высшего сословия и самодержавия. Так, толь-

ко с помощью последнего, его громадного военно-бюрократического аппарата, поместное дворянство смогло удержать в своих руках огромные земельные площади, широко использовать в условиях низкой организации и технической оснащенности сельскохозяйственного производства отработочные формы ведения хозяйства, требовавшие, помимо экономических, еще и внеэкономических форм эксплуатации крестьян. В свою очередь, засилье помещичьих латифундий со всеми сопутствующими явлениями социально-экономического и политического порядка вело к консервации таких сторон жизни многомиллионных масс крестьянства, как отсталость, темнота, раздробленность, неподвижность, бесправие и забитость,— всего, что обусловливало в течение длительного времени устойчивость абсолютистского режима. Таким образом, однородность социальной природы помещичьего класса и самодержавия выражалась и в том, что для существования их были необходимы одинаковые условия, которые они создавали и поддерживали. Этим объясняется и особое внимание самодержавия к нуждам крепостников-латифундистов. Зависимость от царизма в деле охраны помещичьего землевладения, обеспечения прусского пути развития капитализма объединяла и примиряла, несмотря на определенные разногласия, и реакционеров, и либералов всех направлений и оттенков.

«Служилое» дворянство являлось важнейшей составной частью самодержавного военно-бюрократического аппарата и частью господствующего класса. Представляя собой в качестве бюрократии до известной степени самостоятельную корпоративную прослойку, оно в конечном счете выражало интересы своего класса. Вынужденная считаться с потребностями экономического развития бюрократия, как отмечал В. И. Ленин, выполняла роль флюгера, полагавшего «высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа» [8]. При этом интересы первого настолько преобладали, что вся ее буржуазная деятельность, как уже отмечалось, получала крепостническое направление и облик. С самодержавием как формой власти «служилое» дворянство связывало его особое положение как наиболее привилегированной части чиновничества и офицерства, всецело заинтересованной в сохранении существующего режима. «...Русские чиновники,— писал В. И. Ленин,— руками и ногами отбиваются от конституции, грозящей им публичным контролем над администрацией» [9]. Это гро-

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 432.
[5] Там же, с. 215.
[6] Там же, с. 432.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 139.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 301.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 33.

зило бы им утратой их «самовластия» и возможности наживаться за счет воровства и взяток. Бюрократически-военно-придворные элементы всегда составляли костяк правительственного лагеря [10].

Такие взаимозависимость и взаимосвязанность не устраняли проявлений недовольства политикой самодержавия со стороны отдельных групп сословия, часто по причинам прямо противоположного характера. Более того, в среде дворянских собраний неоднократно выдвигались проекты ограничения самодержавия путем введения всероссийского дворянского или всесословного представительства. Если реакционное дворянство таким путем выражало свое недовольство тем или иным направлением, в основном, экономической политики правительства, недостаточно, как оно считало, учитывавшей его узкокорыстные интересы, оставаясь в целом на почве самодержавия, то либералы выступали с более широких классовых позиций, пытаясь несколько модернизировать политический и правовой режим в сторону большего соответствия надстройки потребностям буржуазного развития. Отмечая причины либеральной оппозиции, В. И. Ленин указывал, что в конечном счете «прямое представительство интересов правящего класса в форме конституции необходимо для страны, которая хочет быть европейской страной и которую положение ее обязывает, под угрозой политического и экономического поражения, стать европейской страной» [11]. Размах, глубина и характер дворянской оппозиции, выражавшейся главным образом в форме всеподданнейших ходатайств, не представляли серьезной опасности для самодержавия. Однако это (как и определенное ослабление экономических и политических позиций высшего сословия, нараставшие противоречия в среде бюрократии и дворянских обществ, отсутствие единой программы действий, утопизм дворянских проектов) свидетельствовало об обострении кризиса внутри господствующего класса и правящих верхов, об ослаблении социальной опоры абсолютизма.

В целом дворянство являлось одним из важных факторов в назревании общего революционного кризиса. Его буржуазная эволюция отставала от темпов капиталистического развития страны.

Особенно реакционную роль приобретало сохранение дворянского землевладения. «Капиталистическое развитие России, — писал В. И. Ленин,— сделало уже такой шаг вперед за последние полвека, что сохранение крепостничества в земледелии стало *абсолютно* невозможным, устранение его приняло формы насильственного кризиса, общенациональной революции» [12]. Будучи основной частью господствовавшей политической системы, реакционное дворянство являлось оплотом сохранения самодержавного режима со всеми сопутствовавшими ему полуфеодальными институтами.

Все эти пережитки, вошедшие в вопиющее противоречие с потребностями дальнейшего буржуазного развития страны, не могли быть устранены в результате каких-либо частичных реформ. Необходима была их революционная ломка. Это потребовало усилий двух буржуазно-демократических революций. Корни этого наследия оказались столь глубокими, переплетение их с явлениями новейшего капиталистического порядка стало столь тесным, что окончательно ликвидировать их — попутно, мимоходом — смогла лишь Великая Октябрьская социалистическая революция.

[10] См. там же, с. 360.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 130—131.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 403.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Численность и размещение потомственных дворян

Районы и губернии	1858 г.			1863 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
I Столичные губ.						
1) Петербургская	11 730	10 341	22 071	24 245	23 314	47 559
2) Московская	5 581	5 583	11 164	5 725	5 052	10 777
Итого	17 311	15 924	33 235	29 970	28 366	58 336
II Промышленные и неземледельческие						
3) Владимирская	1 292	1 569	2 861	1 333	1 664	2 997
4) Калужская	1 661	1 899	3 560	1 796	2 030	3 826
5) Костромская	2 321	2 828	5 149	2 070	2 638	4 708
6) Нижегородская	1 568	1 796	3 364	1 510	1 743	3 253
7) Новгородская	3 458	5 442	8 900	3 029	3 297	6 326
8) Псковская	1 582	1 840	3 422	2 248	2 576	4 824
9) Смоленская	7 846	8 628	16 474	7 944	9 060	17 004
10) Тверская	2 526	3 140	5 666	2 683	3 317	6 000
11) Ярославская	1 352	1 548	2 900	1 388	1 714	3 102
Итого	23 606	28 690	52 296	24 001	28 039	52 040
III Центрально-земледельческие						
12) Воронежская	2 872	3 006	5 878	3 361	3 206	6 567
13) Курская	6 097	6 387	12 484	6 097	6 387	12 484
14) Орловская	2 750	3 186	5 936	2 846	3 258	6 104
15) Рязанская	3 926	4 300	8 226	4 462	4 697	9 159
16) Тульская	3 534	3 707	7 241	3 529	3 896	7 425
17) Тамбовская	2 637	2 732	5 369	2 641	2 784	5 425
Итого	21 816	23 318	45 134	22 936	24 228	47 164
IV Средневолжские						
18) Казанская	1 170	1 124	2 294	1 665	1 721	3 386
19) Пензенская	1 747	1 748	3 495	1 775	1 844	3 619
20) Саратовская	1 774	1 791	3 565	1 649	1 814	3 463
21) Симбирская	1 328	1 440	2 768	1 337	1 589	2 926
Итого	6 019	6 103	12 122	6 426	6 968	13 394
V Левобережные украинские						
22) Полтавская	4 935	5 338	10 273	6 752	7 041	13 793
23) Харьковская	5 142	4 699	9 841	4 872	4 998	9 870

1867 г.			1870 г.			1897 г.		
муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
25 066	24 776	49 842	31 278	30 752	62 030	42 817	47 030	89 847
7 258	6 224	13 482	7 595	6 229	13 824	18 684	21 420	40 104
32 324	31 000	63 324	38 873	36 981	75 854	61 501	68 450	129 951
1 069	1 369	2 438	1 047	1 407	2 454	2 041	2 395	4 436
1 693	1 866	3 559	1 967	2 153	4 120	2 329	2 972	5 301
2 068	2 618	4 686	2 267	2 700	4 967	1 992	2 640	4 632
1 831	1 621	3 452	1 901	1 748	3 649	2 510	2 852	5 362
2 667	3 114	5 781	2 703	3 106	5 809	3 858	4 489	8 347
2 004	2 467	4 471	2 036	2 608	4 644	2 953	3 328	6 281
7 942	8 630	16 572	6 541	6 645	13 186	7 804	9 094	16 898
2 693	3 270	5 963	2 942	3 509	6 451	2 459	3 224	5 683
1 336	1 576	2 912	1 195	1 483	2 678	2 080	2 189	4 269
23 303	26 531	49 834	22 599	25 359	47 958	28 026	33 183	61 209
2 872	2 927	5 799	2 939	3 050	5 989	3 648	4 037	7 685
5 837	6 063	11 900	5 993	6 058	12 051	7 275	8 801	16 076
2 636	3 045	5 681	2 725	2 997	5 722	4 180	4 777	8 957
4 024	4 422	8 446	4 090	4 372	8 462	5 204	6 316	11 520
3 866	4 007	7 873	3 688	3 772	7 460	3 850	4 718	8 568
2 967	3 196	6 163	2 989	3 130	6 119	3 638	4 425	8 063
22 202	23 660	45 862	22 424	23 379	45 803	27 795	33 074	60 869
1 590	1 592	3 182	1 715	1 731	3 446	3 192	3 587	6 779
1 615	1 995	3 610	1 916	2 096	4 012	2 413	2 923	5 336
1 358	1 389	2 747	1 527	1 531	3 058	3 231	3 670	6 901
1 548	1 560	3 108	1 558	1 557	3 115	1 844	2 079	3 923
6 111	6 536	12 647	6 716	6 915	13 631	10 680	12 259	22 939
8 039	8 497	16 536	9 867	9 047	18 914	12 661	14 496	27 157
6 213	6 062	12 275	5 956	6 110	12 066	7 903	9 037	16 940

Приложение 1 (продолжение)

Районы и губернии	1858 г.			1863 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
24) Черниговская	4 951	5 480	10 431	5 751	6 373	12 124
Итого	15 028	15 517	30 545	17 375	18 412	35 787
VI Южные степные						
25) Бессарабская	1 743	1 653	3 396	2 214	2 018	4 232
26) Донская обл.	5 163	4 516	9 679	6 139	5 040	11 179
27) Екатеринославская	2 986	2 820	5 806	2 952	2 913	5 865
28) Таврическая	1 593	1 427	3 020	1 475	1 318	2 793
29) Херсонская	5 800	5 903	11 703	7 243	6 904	14 147
Итого	17 285	16 319	33 604	20 023	18 193	38 216
VII Юго-восточные						
30) Астраханская	382	311	693	665	733	1 398
31) Оренбургская	2 906	2 929	5 835	3 428	3 251	6 679
32) Самарская	694	904	1 598	902	1 012	1 914
33) Уфимская	—	—	—	—	—	—
Итого	3 982	4 144	8 126	4 995	4 996	9 991
VIII Прибалтийские						
34) Курляндская	2 293	2 587	4 880	2 409	2 619	5 028
35) Лифляндская	2 094	2 490	4 584	2 328	2 758	5 086
36) Эстляндская	1 537	1 490	3 027	1 484	1 423	2 907
Итого	5 924	6 567	12 491	6 221	6 800	13 021
IX Северо-западные						
37) Виленская	26 276	24 802	51 078	30 285	30 007	60 292
38) Витебская	12 891	12 639	25 530	10 456	10 817	21 273
39) Гродненская	18 384	18 635	37 019	16 805	19 406	36 211
40) Ковенская	44 661	45 731	90 392	48 074	46 579	94 653
41) Минская	27 634	26 941	54 575	38 863	34 150	73 013
42) Могилевская	16 126	16 298	32 424	19 392	19 314	38 706
Итого	145 972	145 046	291 018	163 875	160 273	324 148
X Юго-западные						
43) Волынская	26 853	25 710	52 563	17 636	18 315	35 951
44) Киевская	6 047	6 183	12 230	9 973	9 839	19 812
45) Подольская	11 231	10 585	21 816	11 229	11 555	22 784
Итого	44 131	42 478	86 609	38 838	39 709	78 547
XI Уральские						
46) Вятская	656	600	1 256	552	485	1 037
47) Пермская	1 039	1 110	2 149	909	906	1 815
Итого	1 695	1 710	3 405	1 461	1 391	2 852

1867 г.			1870 г.			1897 г.		
муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
4 912	5 684	10 596	4 548	5 288	9 836	6 575	7 936	14 511
19 164	20 243	39 407	20 371	20 445	40 816	27 139	31 469	58 608
2 102	1 968	4 070	2 201	2 119	4 320	5 589	6 184	11 773
6 087	5 767	11 854	5 909	5 957	11 866	9 166	10 570	19 736
3 557	3 581	7 138	3 705	3 721	7 426	5 853	6 221	12 074
2 135	2 242	4 377	2 191	2 181	4 372	5 938	6 487	12 425
10 382	10 712	21 094	9 918	9 956	19 874	12 986	14 286	27 272
24 263	24 270	48 533	23 924	23 934	47 858	39 532	43 748	83 280
613	625	1 238	705	763	1 468	1 315	1 463	2 778
1 109	1 150	2 259	1 422	1 317	2 739	2 486	2 656	5 142
1 067	1 143	2 210	836	884	1 720	2 545	2 846	5 391
3 267	3 202	6 469	3 369	3 301	6 670	5 020	5 440	10 460
6 056	6 120	12 176	6 332	6 265	12 597	11 366	12 405	23 771
2 947	3 172	6 119	3 087	3 341	6 428	3 733	4 018	7 751
2 489	2 743	5 232	2 386	2 711	5 097	6 057	6 650	12 707
1 421	1 347	2 768	1 455	1 389	2 844	1 672	2 069	3 741
6 857	7 262	14 119	6 928	7 441	14 369	11 462	12 737	24 199
20 904	20 823	41 727	20 068	21 344	41 412	33 919	36 721	70 640
8 544	8 788	17 332	7 673	7 780	15 453	10 732	11 370	22 102
5 559	5 816	11 375	6 457	6 851	13 308	9 463	9 748	19 211
30 515	31 715	62 230	29 489	30 799	60 288	46 162	52 825	98 987
18 798	19 634	38 432	18 898	20 564	39 462	34 754	36 220	70 974
6 127	6 715	12 842	6 439	7 217	13 656	10 517	11 579	22 096
90 447	93 491	183 938	89 024	94 555	183 579	145 547	158 463	304 010
10 706	11 434	22 140	10 084	11 834	21 918	16 389	18 293	34 682
9 018	9 620	18 638	9 072	9 143	18 215	18 451	20 597	39 048
8 087	8 598	16 685	7 539	7 940	15 479	14 169	16 009	30 178
27 811	29 652	57 463	26 695	28 917	55 612	49 009	54 899	103 908
601	543	1 144	634	687	1 321	1 099	1 267	2 366
672	834	1 506	698	763	1 461	2 275	2 539	4 814
1 273	1 377	2 650	1 332	1 450	2 782	3 374	3 806	7 180

Приложение 1 (окончание)

Районы и губернии	1858 г.			1863 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
XII Северные						
48) Архангельская	364	346	710	442	458	900
49) Вологодская	695	779	1 474	980	1 062	2 042
50) Олонецкая	620	584	1 204	644	335	979
Итого	1 679	1 709	3 388	2 066	1 855	3 921
Всего по 50 губ. Европейской России	304 448	307 525 *	611 973	338 187	339 230	677 417
XIII Польша						
XIV Кавказ						
XV Сибирь						
XVI Средняя Азия						
XVII Население, подлежащее переписи в Финляндии, в заграничном плавании и т.д.						
Итого						
Всего по империи						

* Итоговые данные источника — 305 525, что не соответствует приведенному выше цифровому материалу.

** Данные приблизительны.

*** Без Сыр-Дарьинской и Тургайской обл.

Источники. Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863, вып. 2, с. 267; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866, сер. 1, вып. 1, с. 40;

1867 г.			1870 г.			1897 г.		
муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
351	358	709	277	304	581	578	613	1 191
902	1 038	1 940	899	1 068	1 967	1 107	1 308	2 415
614	475	1 089	415	366	781	1 079	1 145	2 224
1 867	1 871	3 738	1 591	1 738	3 329	2 764	3 066	5 830
261 678	272 013	533 691	266 809	277 379	544 118	418 195	467 559	885 754
26 879	30 696	57 575	29 606	30 673	60 279	64 272	70 783	135 055
		55 000 **				86 861	84 106	170 967
2 087	1 890	3 977				8 552	7 874	16 426
388 ***	338 ***	726 ***				5 944	6 023	11 967
1 183	1 606	2 789	1 410	1 631	3 041	1 232	538	1 770
		120 067				166 861	169 324	336 185
		653 758				585 056	636 883	1221 939

1871, сер. 2, вып. 1, с. 72, 76; 1875, вып. 10, с. 22, 26; Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893; Военно-статистический сборник. СПб, 1871, вып. 4, с. 126, 213; Статистика Российской империи. СПб., 1892, т. XXV, с. 12; Сборник сведений по Финляндии. СПб., 1900, с. 24; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905, т. 1. с. 160, 164, 168

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Численность и размещение личных дворян и классных чиновников (с семьями)

Районы и губернии	1858 г.			1863 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
I. Столичные						
1) Петербургская	14 683	12 658	27 341	17 110	19 154	36 264
2) Московская	7 687	7 006	14 693	7 443	6 838	14 281
Итого	22 370	19 664	42 034	24 553	25 992	50 545
II Промышленные и нечерноземледельческие						
3) Владимирская	1 988	1 984	3 972	1 913	1 992	3 905
4) Калужская	1 114	1 018	2 132	1 352	1 272	2 624
5) Костромская	1 431	1 450	2 881	1 230	1 441	2 671
6) Нижегородская	2 503	2 405	4 908	2 676	2 821	5 497
7) Новгородская	1 566	1 488	3 054	1 021	1 148	2 169
8) Псковская	1 085	822	1 907	1 243	1 105	2 348
9) Смоленская	1 517	1 559	3 076	2 159	2 140	4 299
10) Тверская	1 969	1 868	3 837	1 648	1 873	3 521
11) Ярославская	1 037	1 212	2 249	1 805	1 725	3 530
Итого	14 210	13 806	28 016	15 047	15 517	30 564
III Центрально-земледельческие						
12) Воронежская	2 414	3 325	5 739	1 982	1 758	3 740
13) Курская	2 230	2 086	4 316	2 230	2 086	4 316
14) Орловская	1 844	1 735	3 579	1 666	1 616	3 282
15) Рязанская	1 459	1 378	2 837	1 648	1 313	2 961
16) Тульская	1 555	1 348	2 903	1 663	1 433	3 096
17) Тамбовская	1 537	1 481	3 018	2 060	1 808	3 868
Итого	11 039	11 353	22 392	11 249	10 014	21 263
IV Средневолжские						
18) Казанская	1 762	1 318	3 080	2 776	2 467	5 243
19) Пензенская	951	729	1 680	1 096	935	2 031
20) Саратовская	1 553	1 579	3 132	1 957	1 926	3 883
21) Симбирская	1 146	1 014	2 160	1 284	1 668	2 952
Итого	5 412	4 640	10 052	7 113	6 996	14 109
V Левобережные украинские						
22) Полтавская	6 098	6 519	12 617	9 534	9 812	19 346

1867 г.			1870 г.			1897 г.		
муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
20 895	23 793	44 688	21 713	25 554	47 267	28 607	32 857	61 464
7 766	6 884	14 650	7 894	6 472	14 366	16 985	20 117	37 102
28 661	30 677	59 338	29 607	32 026	61 633	45 592	52 974	98 566
1 755	2 009	3 764	1 406	1 462	2 868	2 692	3 144	5 836
1 213	1 198	2 411	1 741	1 722	3 463	2 494	2 940	5 434
1 157	1 404	2 561	957	1 100	2 057	2 944	3 507	6 451
2 900	3 220	6 120	3 083	3 543	6 626	3 425	3 958	7 383
1 494	1 639	3 133	1 501	1 718	3 219	2 813	3 218	6 031
1 713	2 106	3 819	1 670	1 445	3 115	1 788	1 882	3 670
2 106	1 975	4 081	1 961	1 837	3 798	1 687	4 051	7 738
1 668	1 931	3 599	2 589	2 751	5 340	3 051	3 649	6 700
1 797	1 795	3 592	1 482	1 577	3 059	3 189	3 829	7 018
15 803	17 277	33 080	16 390	17 155	33 545	26 083	30 178	56 261
1 395	1 584	2 979	1 775	2 103	3 878	3 678	4 203	7 881
2 692	2 582	5 274	2 997	3 114	6 111	3 383	3 870	7 253
1 909	1 805	3 714	1 854	1 841	3 695	4 112	4 728	8 840
2 364	2 633	4 997	2 591	2 801	5 392	2 941	3 307	6 248
1 703	1 506	3 209	1 732	1 596	3 328	2 425	3 402	5 827
2 641	2 750	5 391	2 722	2 799	5 521	4 289	4 750	9 039
12 704	12 860	25 564	13 671	14 254	27 925	20 828	24 260	45 088
1 337	1 223	2 560	1 418	1 362	2 780	4 336	4 575	8 911
1 027	1 209	2 236	1 448	1 466	2 914	2 595	2 892	5 487
3 269	3 607	6 876	2 656	2 463	5 119	4 378	5 128	9 506
1 362	1 394	2 756	1 375	1 376	2 751	2 512	2 606	5 118
6 995	7 433	14 428	6 897	6 667	13 564	13 821	15 201	29 022
9 621	10 531	20 152	11 065	11 269	22 334	6 720	7 153	13 873

Приложение 2 (продолжение)

Районы и губернии	1858 г.			1863 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
23) Харьковская	3 112	2 903	6 015	3 507	3 749	7 256
24) Черниговская	5 505	6 056	11 561	5 907	6 873	12 780
Итого	14 715	15 478	30 193	18 948	20 434	39 382
VI Южные степные						
25) Бессарабская	2 200	1 988	4 188	3 107	2 931	6 038
26) Донская обл.	1 455	1 360	2 815	1 973	1 706	3 679
27) Екатеринославская	2 287	2 205	4 492	2 466	2 404	4 870
28) Таврическая	1 745	1 644	3 389	2 159	1 929	4 088
29) Херсонская	5 229	4 296	9 525	7 916	7 922	15 838
Итого	12 916	11 493	24 409	17 621	16 892	34 513
VII Юго-восточные						
30) Астраханская	1 226	1 043	2 269	1 279	1 245	2 524
31) Оренбургская	2 287	2 706	4 993	2 785	3 249	6 034
32) Самарская	1 681	638	2 319	1 315	881	2 196
33) Уфимская	—	—	—	—	—	—
Итого	5 194	4 387	9 581	5 379	5 375	10 754
VIII Прибалтийские						
34) Курляндская	905	1 044	1 949	626	685	1 311
35) Лифляндская	1 178	1 487	2 665	1 057	1 174	2 231
36) Эстляндская	526	529	1 055	565	543	1 108
Итого	2 609	3 060	5 669	2 248	2 402	4 650
IX Северо-западные						
37) Виленская	902	955	1 857	1 233	1 131	2 364
38) Витебская	2 138	2 044	4 182	3 715	3 673	7 388
39) Гродненская	2 637	1 724	4 361	2 607	1 846	4 453
40) Ковенская	64	54	118	797	901	1 698
41) Минская	2 244	2 679	4 923	931	1 289	2 220
42) Могилевская	2 316	2 308	4 624	2 943	3 266	6 209
Итого	10 301	9 764	20 065	12 226	12 106	24 332
X Юго-западные						
43) Волынская	9 555	10 023	19 578	17 242	17 986	35 228
44) Киевская	22 011	22 114	44 125	5 238	4 939	10 177
45) Подольская	2 970	2 595	5 565	4 090	4 262	8 352
Итого	34 536	34 732	69 268	26 570	27 187	53 757
XI Уральские						
46) Вятская	1 512	1 474	2 986	1 460	1 006	2 466
47) Пермская	2 152	2 342	4 494	1 708	1 918	3 626
Итого	3 664	3 816	7 480	3 168	2 924	6 092

1867 г.			1870 г.			1897 г.		
муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
3 776	3 942	7 718	4 350	4 642	8 992	7 345	7 805	15 150
6 939	7 799	14 738	6 483	7 382	13 865	6 265	7 092	13 357
20 336	22 272	42 608	21 898	23 293	45 191	20 330	22 050	42 380
3 023	2 991	6 014	2 724	2 667	5 391	4 873	5 217	10 090
2 406	2 643	5 049	2 170	2 461	4 631	5 561	5 819	11 380
3 201	3 304	6 505	3 417	3 381	6 798	4 093	4 185	8 278
2 602	2 943	5 545	2 553	2 592	5 145	5 047	5 289	10 336
8 700	8 314	17 014	8 401	7 493	15 894	10 986	12 237	23 223
19 932	20 195	40 127	19 265	18 594	37 859	30 560	32 747	63 307
1 397	1 710	3 107	1 459	1 823	3 282	1 596	1 836	3 432
2 279	2 594	4 873	2 678	2 942	5 620	3 213	3 690	6 903
946	976	1 922	1 464	1 448	2 912	3 094	3 250	6 344
2 384	2 892	5 276	2 377	2 955	5 332	2 520	2 842	5 362
7 006	8 172	15 178	7 978	9 168	17 146	10 423	11 618	22 041
1 940	2 109	4 049	1 840	1 987	3 827	1 687	1 489	3 176
1 128	1 274	2 402	1 599	1 267	2 866	3 668	3 270	6 938
504	400	904	547	444	991	1 078	1 075	2 153
3 572	3 783	7 355	3 986	3 698	7 684	6 433	5 834	12 267
3 471	3 021	6 492	2 913	2 643	5 556	3 287	3 442	6 729
2 264	2 382	4 646	2 501	2 673	5 174	4 871	5 004	9 875
1 751	1 598	3 349	1 248	1 118	2 366	3 433	3 110	6 543
1 851	2 039	3 890	2 082	1 847	3 929	3 097	2 929	6 026
1 343	821	2 164	3 304	3 995	7 299	3 722	3 552	7 274
2 470	2 702	5 172	2 424	2 681	5 105	2 819	2 766	5 585
13 150	12 563	25 713	14 472	14 957	29 429	21 229	20 803	42 032
4 122	4 265	8 387	4 486	5 184	9 670	6 065	6 277	12 342
5 493	5 422	10 915	5 373	5 062	10 435	10 513	10 968	21 481
3 352	3 975	7 327	3 378	3 794	7 172	5 075	5 260	10 335
12 967	13 662	26 629	13 237	14 040	27 277	21 653	22 505	44 158
1 731	1 396	3 127	2 020	2 092	4 112	3 504	4 137	7 641
1 706	1 873	3 579	1 895	1 921	3 816	5 906	6 762	12 668
3 437	3 269	6 706	3 915	4 013	7 928	9 410	10 899	20 309

Приложение 2 (окончание)

Районы и губернии	1858 г.			1863 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
XII Северные						
48) Архангельская	1348	1 265	2 613	1 298	1 507	2 805
49) Вологодская	1870	1 697	3 567	1 163	1 313	2 476
50) Олонецкая	779	691	1 470	717	716	1 433
Итого	3 997	3 653	7 650	3 178	3 536	6 714
Всего по 50 губ. Европейской России	140 963	135 846	276 809	147 300	149 375	296 675
XIII Польша						
XIV Кавказ						
XV Сибирь						
XVI Средняя Азия						
XVII Население, подлежащее переписи в Финляндии, Бухаре, Хиве; находящиеся в заграничном плавании; и т.д.						
Итого						
Всего по империи						

Источники. Статистические таблицы Российской империи. СПб. 1863, вып. 2, с. 267; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. сер. 1, вып. 1, с. 99; 1871, сер. 2, вып. 1, с. 72, 76, 108; 1875, вып. 10, 1875, с. 22 26; Военно-статистический сборник. СПб., 1871, вып. 4, с. 126, 213; Статистика Российской империи. СПб.,

1867 г.			1870 г.			1897 г.		
муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
1 237	1 567	2 804	1 661	1 763	3 424	1 496	1 714	3 210
1 101	1 276	2 377	1 105	1 273	2 378	2 508	2 988	5 496
1 025	849	1 874	1 096	915	2 011	1 338	1 488	2 826
3 363	3 692	7 055	3 862	3 951	7 813	5 342	6 190	11 532
147 926	155 855	303 781	155 178	161 816	316 994	231 704	255 259	486 963
12 210	11 773	23 983	21 375	21 590	42 965	22 719	21 863	44 582
9 371	7 712	17 083				27 137	26 741	53 878
5 611	5 504	11 115				14 393	14 946	29 339
1 040	979	2 019				7 700	7 657	15 357
						719	407	1 126
28 232	25 968	54 200				72 668	71 614	144 282
176 158	181 823	357 981				304 372	326 873	631 245

1892, т. 25, с. 12; Сборник сведений по Финляндии. СПб., 1900, с. 24; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905, т. 1, с. 160, 164, 168.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава первая

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВЫСШЕГО РОССИЙСКОГО СОСЛОВИЯ 22

1. Дворянство: его подразделения, разряды, источники пополнения . 23
2. Численность сословия 37
3. Национальный состав 44

Глава вторая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА. ИМУЩЕСТВЕННОЕ РАССЛОЕНИЕ И КЛАССОВОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ СОСЛОВИЯ 52

1. Дворянское землевладение. Поместное дворянство 52
2. Высшее сословие и государственная служба. «Служилое дворянство» 76
3. Дворянское предпринимательство 106
4. Классовое расслоение высшего сословия 122

Глава третья

КОРПОРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО РОССИЙСКОГО СОСЛОВИЯ 132

1. Дворянские общества: структура, компетенция 132
2. Дворянские собрания: состав, условия участия 137
3. Дворянские собрания и проблема регулирования состава сословия 143
4. Дворянские сословные капиталы и их источники 154
5. Использование дворянской кассы и основные направления деятельности дворянских учреждений 160

Глава четвертая

ДВОРЯНСТВО И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ 179

1. Дворянство и органы местного крестьянского управления 180
2. Дворянство и земства 208
3. Предводители дворянства в системе местного управления 220

Глава пятая

ПЕТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯНСКИХ СОБРАНИЙ 234

1. Дворянские собрания и преобразования 60—70-х годов 235
2. Дворянство и правительственная реакция 80-х — середины 90-х годов 254
3. Дворянские ходатайства второй половины 90-х — начала 900-х годов 270

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 285

ПРИЛОЖЕНИЯ 292